

RUBEN NAGHDYAN

**THE MYSTERY OF THE PSYCHE:
TRANSCENDENTAL PSYCHOLOGY AND
METAPHYSICS.**

**YEREVAN
2017**

РУБЕН НАГДЯН

ЗАГАДКА ПСИХИКИ
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА

ЕРЕВАН
2017

УДК 159.9:130.3

ББК 88+87.2

Н 160

Рецензенты:

В.А. Мазиллов, доктор психологических наук, Ярославль.

В.И. Панов, доктор психологических наук, член-корреспондент
Российской академии образования, Москва.

Нагдян Рубен

Н 160 Загадка психики: трансцендентальная психология и
метафизика / Р. Нагдян. - Ер.: Лусабац, 2017. - 424 с.

Монография посвящена обоснованию возможности применения метафизического подхода к исследованию психических явлений. Книга состоит из трех частей.

В первой части представлены философские основания метафизического подхода в науке, а также анализ особенностей отношения к метафизике в психологии, рассматриваемого через призму методологических позиций многих выдающихся психологов.

Во второй части книги представлены приложения метафизического подхода к анализу проблемы адекватности психического отражения, особенностей отождествления «образа мира» с «миром» и психологических причин возникновения у философов разных мировоззренческих позиций.

В третьей части, на примере принципа симметрии, показывается как метафизические представления древних греков о симметрии мира превращаются в общенаучные понятия и философские категории, что позволяет по новому взглянуть на проявления психических феноменов и показать методологическое значение принципа симметрии для психологических исследований и, даже, для создания концепции обучения.

Книга вызовет интерес у психологов и педагогов, философов и физиков, преподавателей и студентов, интересующихся глубинными проблемами психологии и возможностями познания окружающей действительности.

УДК 159.9:130.3

ББК 88+87.2

ISBN 978-9939-69-204-3

© Нагдян Рубен, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
ЧАСТЬ I. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	15
ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ	15
1.1. Истоки возникновения проблемы	15
1.2. Метафизика и наука	32
1.3. Метафизические представления в естествознании	47
ГЛАВА 2. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ	55
2.1. О значении метафизики в психологии.....	55
2.2. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна	75
2.3. Метафизический подход В.М. Аллахвердова к проблеме сознания	89
2.4. За пределами онтологической парадигмы восприятия	106
2.5. Эмпирическая психология и метафизика	128
2.6. О проблеме предмета психологии	149
ЧАСТЬ II. ПСИХИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И МЕТАФИЗИКА	169
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ	169
3.1. Предпосылки возникновения нового взгляда на проблему адекватности	169
3.2. Соотношение понятий «мир» и «образ мира» в зеркале метафизических представлений	175
3.3. Психологический релятивизм реальности	188
3.4. Психическое отражение в системе реальностей бытия человека: концепция «четырёх реальностей»	196
3.5. Альтернативные возможности психического отражения реальности	219

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ «МИРА» С «ОБРАЗОМ МИРА»	226
4.1. Отождествления в мышлении ребенка и первобытного человека	226
4.2. Отождествления в мышлении алхимика средневековья и ученого	231
4.3. Функция отождествления в эволюции психического отражения	235
4.4. Проецирование и отождествление в психическом отражении реальности	241
ГЛАВА 5. ОТ ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ К ПСИХОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ	249
5.1. Постановка проблема исследования	249
5.2. О невозможности согласования оппозиционных мировоззренческих парадигм	256
5.3. Зависимость сдвигов парадигм от изменений состояний сознания	271
ВЫВОДЫ к части II	275
ЧАСТЬ III. ПРИНЦИП СИММЕТРИИ В ПСИХИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ И МЕТАФИЗИКА	279
ГЛАВА 6. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПРИНЦИПА СИММЕТРИИ И ЕГО РОЛЬ В ПРИРОДЕ И ПОЗНАНИИ	279
6.1. Метафизический характер принципа симметрии и его методологическое значение в науке	279
6.2. Проявления принципа симметрии в природе	285
6.3. Значение принципа симметрии в познании	294
6.4. О возможности применения принципа симметрии в качестве методологического принципа психологии	300
ГЛАВА 7. ПРИНЦИП СИММЕТРИИ В ПРОЦЕССАХ ВОСПРИЯТИЯ И МЫШЛЕНИЯ	303
7.1. Симметрия-асимметрия в процессах непосредственно- чувственного отражения: концепция А.И. Миракяна	303

7.2. Особенности функциональной асимметрии человека: школа Б.Г. Ананьева.....	314
7.3. Симметрия и асимметрия в явлениях развивающегося интеллекта: концепция Ж. Пиаже	321

**ГЛАВА 8. ПРИНЦИП СИММЕТРИИ КАК ПОДХОД К
ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА 337**

8.1. Постановка проблемы исследования мышления, основанного на принципе симметрии.....	337
8.2. Асимметрия решения взаимообратных задач равной логической сложности.....	339
8.3. Операциональная асимметрия мышления как свойство мышления	347

**ГЛАВА 9. ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ ОБУЧЕНИЯ,
ОСНОВАННОГО НА ПРИНЦИПЕ
СИММЕТРИИ..... 353**

9.1. Философско-методологический аспект.....	353
9.2. Структурно-функциональный аспект.....	362
9.3. Психолого-педагогический аспект	365
9.4. Описание нового учебного предмета «Симметрика»	374
9.5. Программа первой ступени обучения и методические указания	384
ВЫВОДЫ к части III.....	393

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 398

ЛИТЕРАТУРА 403

ВВЕДЕНИЕ

Проблема психического отражения человеком объективной реальности является одной из тех проблем психологии, которые, имея долгую историю, сохранили свою актуальность до настоящего времени. Над разрешением загадки психического отражения трудились многие поколения философов и психологов, однако до сих пор она осталась до конца не разгаданной. Сложность решения этой проблемы двоякая. Это связано, во-первых, с отсутствием методологии общепризнанной универсальной теории психического отражения, и, во-вторых, с тем, что сущность психического отражения не может быть адекватно понята без определения понятия «психика», но не в собирательном его значении, как совокупности психических явлений, а содержательно, как *психэ*, то есть без экспликации конкретного предметного содержания психического, которое до сих пор однозначно не определено. А все это, как известно, составляет причину перманентного кризиса в психологии, ставящего психологов перед необходимостью поиска новых методологических оснований для построения общей теории психического. Однако такой теории пока не удалось создать.

Причина такого состояния психологии, по мнению В.М. Аллахвердова, в том, что «все до сих пор созданные концепции психики содержат какой-то общий порок. Поэтому следует найти то общее, что содержится во всех психологических концепциях, и попробовать от него отказаться» [Аллахвердов, 1993, с. 11]. Согласно концепции А.И. Миракяна, одной из таких «порочных причин», не позволяющих решить проблему оснований психологии, является продуктивный подход, лежащий в фундаменте всех до сих пор созданных психологических теорий [Миракян, 1999, 2004].

Одна из причин, препятствующих выявлению универсальных принципов психического отражения, как показал А.И. Миракян, коренится в глубоко эмпирическом мышлении человека. Такой образ мышления в психологии (как и в других науках) способствует формированию продуктного (или физикального) подхода к изучению психического отражения, в котором в качестве исходных данных для анализа процесса восприятия используют результаты или феномены, к которым приводил тот же процесс восприятия. На ограниченность подобного (по терминологии А.И. Миракяна, «продуктного») подхода указывали многие психологи. Так, например, еще в начале XX века Г.И. Челпанов писал: «Для объяснения (психического явления – Р.Н.) необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии, т.е. при изучении психических явлений мы должны выходить за пределы воспринимаемых психических процессов» [Челпанов, 1907, с. 314]. Выход за пределы воспринимаемых психических явлений, с целью их объяснения, и означает преодоление продуктного подхода. И если тогда Г.И. Челпанов говорил об ограниченности этого подхода с философских позиций, имея в виду выход в область метафизики, то во второй половине XX века понимание ограниченности продуктного подхода в соотношении «продукт» и «процесс» восприятия обнаруживается в конкретно-психологических исследованиях В.П. Зинченко с соавторами (1972), В.В. Столина (1976), А.Д. Логвиненко (1985), В.А. Барабанщикова (1990, 1995), Л.М. Веккера (1998). Вместе с тем, как пишет В.И. Панов, анализируя эту проблему, «каждый из них, пытаясь по-своему преодолеть «продуктную» парадигму, все-таки вынужден в итоге опираться в своих исходных посылах на те или иные «продуктные» основания» [Панов, 1996, с. 16].

Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что, несмотря на осознание неправомерности применения продуктного подхода, при проведении

конкретных теоретико-экспериментальных исследований процесса восприятия, психологи все же оставались в порочном кругу гносеологического соотношения «объект-субъект». Это происходило потому, что гносеологическое соотношение «объект-субъект» необходимым образом предполагает изначальную заданность «объекта», а это означает, что «объект» представляет собой уже отраженный продукт психического отражения. И таким образом, исследователь вместо объекта восприятия имел дело с феноменом психического отражения, а сам процесс порождения этого объекта-феномена оказывался вне поля осознания психолога. Поэтому исследование процесса восприятия «объекта» превращалось в исследование процесса рефлексии феномена психического отражения. Психологи до конца не осознавали последствий применения продуктного подхода и, более того, не находили адекватных подходов и философских оснований для создания новой методологической парадигмы, позволяющей «...преодолеть ограниченность современного продуктно-феноменологического физикалистского подхода к проблеме восприятия» [Миракян, 2004, с. 349].

Одной из попыток преодоления продуктного подхода является трансцендентальная психология восприятия, предложенная А.И. Миракяном, в которой показывается возможность построения методологии, обеспечивающей афизикальный (трансцендентальный) подход к изучению процесса психического отражения.

Свою концепцию психического отражения А.И. Миракян назвал трансцендентальной психологией восприятия [Миракян, 1995], и это было обусловлено тем, что проблему поиска принципов порождающего процесса восприятия, согласно вышесказанному, невозможно было решить на основе данных, относящихся к реальности уже отраженных продуктов восприятия. Для этого, как показал А.И. Миракян, необходима

трансценденция от психической реальности продуктов восприятия [Миракян, 1990; 1999; 2004]. Однако сложность определения особенностей области трансценденции в том, что она не дана нам в непосредственном опыте. Поэтому для решения этого вопроса А.И. Миракян обратился к философским рассуждениям, позволяющим осуществить умозрительный переход в реальность до отражения, когда еще нет продуктов восприятия, нет отражения как такового, но есть возможности его порождения. Естественно, этот переход к философскому способу рассуждения о предпосылках возникновения процесса отражения был нужен для выявления тех природных принципов, действие которых обеспечивало образование возможностей порождения процесса психического отражения. Таким образом, А.И. Миракян поставил перед собой задачу поиска предельных первопричин возникновения психического. Это ставит вопрос о границах применимости психологических знаний для исследования психического. Перевод сферы исследования из реальности психических феноменов в реальность допсихического мира поднимает проблему необходимости введения нового (непсихологического) метода для исследования возможностей возникновения психического. Философско-методологический анализ проблемы психического восприятия позволил А.И. Миракяну выявить два, взаимодополняющих, подхода. Первый касается афизикального подхода, отрицающего возможность применения «продуктивных» понятий для реконструкции порождающего процесса, второй – использования, как это было нами показано [Нагдян, 2013а; 2013б], метафизического образа мышления, который А.И. Миракян, как средство исследования, применил при создании своей концепции. Заметим, однако, что последний упомянутый подход, как теоретический метафизический метод исследования первопричин психического, в концепции А.И. Миракяна не был озвучен.

Ввиду многозначности смысла понятия «метафизика» уточним, что мы понимаем ее не в новом смысле, распространенном в современной психологии, как состоящую в противопоставлении диалектическому методу, а в старом аристотелевском смысле. Метафизика – «первая философия» по Аристотелю, есть умозрительное учение о первопричинах и первоначалах, о сущем как сущем [Аристотель, 1976, с. 182]. В этом же духе определяет метафизику и известный философ М.К. Мамардашвили, внесший большой вклад в развитие методологии психологии, а именно – «...как совокупность утверждений (или теории), учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [Мамардашвили, 1996, с. 117].

Ко всему сказанному следует добавить, что специалистами в области философии науки, начиная со второй половины XX века, было показано, что метафизические предпосылки, соображения, идеи являются необходимым условием возникновения и развития естественных наук (А. Agassi, М. Вартофский, Ю.С. Владимиров, В.Д. Захаров, Т. Кун, К. Поппер и др.).

Таким образом, с одной стороны – ограниченность продуктивного подхода к изучению принципов порождения психического отражения, необходимость трансценденции из области психических феноменов в реальность до отражения для выявления принципов порождающего процесса восприятия, необходимость применения для этого метафизических рассуждений, имплицитно использованных в трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна, доказательство в философии науки того факта, что метафизические предпосылки являются одним из необходимых условий, лежащих в основе естественных наук, а, с другой стороны – неразработанность метафизического подхода (даже антиметафизичность) в современной психологии, как естественной науке, показывают, насколько важен и необходим поиск и открытие новой методологии для разрешения онтологических проблем психологии вос-

приятия, в качестве которой может быть использован метафизический подход.

Так как понятие «метафизика» отсутствует в дискурсе современного научного познания психического, о чем свидетельствует монография Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова (2011), посвященная методологическим основам психологии, то это обстоятельство и выявляет **проблему** настоящего исследования: может ли метафизический подход быть составной частью психологии, как естественной науки? Поэтому возникает необходимость методологического анализа возможности применения метафизического подхода в том его ракурсе, который относится к исследованию возможностей возникновения психического отражения и создания соответствующей концепции.

Обсуждению вышеприведенных вопросов и посвящена данная монография. Книга состоит из трех частей.

В первой части предсавлены философские основания возможности применения метафизического подхода в психологии и анализ этой возможности, рассматриваемой через призму методологических позиций таких выдающихся психологов как Г.И. Челпанов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, В.М. Аллахвердов, В.А. Барабанщиков, Л.Я. Дорфман, В.П. Зинченко, В.А. Мазиллов, А.И. Миракян, В.И. Панов, А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский. Именно такой, многогранный, методологический анализ, по нашему мнению, может привести к объективной оценке значения и роли трансцендентальной парадигмы в психологии. Уточним наше понимание отношения между понятиями «метафизическое» и «трансцендентальное». Оба понятия одного и того же рода, но «метафизическое» шире по своему объему и относится к определенному разделу философии – метафизике, поэтому имеет общенаучное значение. «Трансцендентальное», в контексте данной книги, есть одно из конкретных проявлений «метафизического» в психологии,

противопоставленное феноменальному, образующее специфическую область философии психологии.

Во второй части работы представлены приложения метафизического подхода к анализу проблемы адекватности восприятия, особенностей отождествления «образа мира» с «миром» и психологических причин возникновения у философов разных мировоззренческих позиций.

В третьей части, на примере принципа симметрии, показывается как метафизические представления древних греков о симметрии мира превращаются в научные понятия и философские категории, что позволяет по новому взглянуть на проявления психических явлений и показать методологическое значение принципа симметрии для психологических исследований и даже для создания концепции обучения.

ЧАСТЬ I. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ

1.1. Истоки возникновения проблемы

Необходимость проведения данного исследования возникла в ходе анализа концепции трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна. Несмотря на структурно-логическую завершенность этой концепции – методология, теория, эксперимент, техническое моделирование, практика – она оказалась нам не проработанной в своей философской части. А при ближайшем рассмотрении оказалось, что выводы из анализа философской части концепции трансцендентальной психологии восприятия могут иметь методологическое и общепсихологическое значение, потому что касаются методологических предпосылок и фундаментальных основ психологии, как науки, в целом.

В концепции психического отражения А.И. Миракяна можно выделить два важных с методологической точки зрения аспекта.

Первый касается вывода о том, что невозможно изучать процесс психического отражения, основываясь на результатах уже свершившегося процесса отражения. Как показал А.И. Миракян, эта методологическая ошибка оставалась незамеченной многими учеными на протяжении всей истории развития философии, психологии и психофизиологии восприятия. А если и замечалась некоторыми из них, то попытка решения данной проблемы психического отражения осуществлялась ими, по-прежнему, не выходя за пределы реальности психических

феноменов. А это приводило к существенным ограничениям при формулировании универсальных принципов, отвечающих требованиям полифункциональности и гибкости естественного процесса отражения.

Попытка применения нового «беспродуктного» или «афизикального» подхода при изучении закономерностей психического отражения наталкивалась на две сложности. Во-первых, для применения нового подхода исследователю необходимо было использование афизикальных паттернов мышления и соответствующим образом организованной речи, что оказалось совсем не простым делом. Обыденный образ мышления и даже обучение психологов в академических университетах способствовали формированию лишь естественного и функционально-необходимого для изучения многих других областей психологии «продуктного» образа мышления. Однако для изучения природы порождения психического отражения такой способ мышления становился преградой для проникновения в сущность процесса отражения, а с методологической точки зрения – ошибочной.

Вторая сложность, связанная с попыткой применения афизикального подхода, возникала при выборе метода исследования, адекватного объекту исследования. И это действительно так, потому что метод исследования в данном случае должен быть направлен на изучение тех особенностей процесса отражения, которые индифферентны по отношению к любому продукту отражения. А этому сильно препятствует инерция научно-психологического образа мышления, которое функционирует преимущественно в категориях и понятиях, относящихся к осознаваемым продуктам психического отражения. Сказанное, конечно же, не отрицает значимость существующего научно-психологического образа мышления, а указывает на возможность дополнения его новой гранью – афизикальным мышлением – для развития чего требуется специфическая и последовательная работа.

Второй методологический аспект, на который указывает А.И. Миракян, но далее эта тема им специально не разрабатывалась, заключается в следующем. Поиски выхода из тупика, создаваемого «продуктным» подходом традиционной психологии, привели А.И. Миракяна к мысли, что при исследовании психического отражения «в качестве исходных надо брать такие данности (принципы, закономерности и т.д.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психики как явления, возникшего на определенной ступени развития материи. Это позволяет нам ставить проблему психического отражения как *проблему возможности порождения явления психического отражения и изучать принципы, закономерности, лежащие в основе его процессов, когда исходные данности можно брать не из области исходной психической реальности*» [Миракян, 1992а, с.35]. Таким образом, А.И. Миракян предлагает исследовать психическое отражение не само по себе и не в самом себе, а, расширив контекст рассмотрения, переносит сферу теоретических исследований в природу, в реальность до психического отражения (что получило название «реальности отсутствующего»), где и должны быть заложены *возможности порождения* процесса психического отражения. На наш взгляд, это очень важный методологический переход, потому что коренным образом меняется пространство и характер (объект, методы и т.д.) психологических исследований, и от психолога-исследователя уже требуются знания совершенно иного порядка, а именно: знания о закономерностях реальности, еще не упорядоченной (или не искаженной) процессами отражения, но содержащей в себе возможности их порождения. Другими словами, это означает выход за пределы гносеологического соотношения «объект – субъект», как исходной предпосылки традиционного «продуктного» способа научно-психологиче-

ского мышления, так как в этом соотношении и объект со своими качествами и свойствами, и субъект со своими нейрофизиологическими характеристиками и проявлениями сенсорного опыта относятся к реальности уже отраженного, что не позволяет исследовать закономерности процессов, приводящих к порождению этих же свойств и качеств. Поэтому далее А.И. Миракян за основу своих рассуждений берет логику полагания диалектических закономерностей самодвижения материи и на их основании интуитивно-гипотетически выводит четыре принципа существования материальности, которые в структурах органов восприятия (подчиняющихся тем же принципам) человека или другого живого существа (как части материального мира) преобразуются в специфические принципы психического отражения. Следовательно, надо полагать, что между принципами существования реальности и психического отражения есть, если не тождество, то, по крайней мере, определенное сходство или подобие. Например, к таким принципам, универсальность проявлений которых на всех уровнях развития материи считается доказанной, можно причислить, принципы симметрии. И, кстати, диалектические закономерности, которые были использованы А.И. Миракяном в теоретической части своей концепции, в своих конкретных проявлениях описываются именно принципами симметрии [Нагдян, 2005].

Вывод напрашивается сам собой: глубинные, фундаментальные принципы и закономерности существования психического являются отражением или прямым продолжением принципов и закономерностей реальности, частью которой оно и является. Поэтому вполне естественно дополнить изучение собственно психических явлений, результатов восприятия, исследованиями тех закономерностей реальности, которые содержат в себе возможности порождения и функционирования психического. Однако в таком случае складывается парадокс-

сальная ситуация, так как изучение закономерностей и принципов существования реальности не является целью исследований традиционной психологии, а входит в область философских (метафизических) и физических исследований микроструктуры вещества (или квантовой реальности). Правда, были отдельные попытки психологов использовать некоторые понятия и принципы физики, такие как принципы термодинамики, законы сохранения, принципы инвариантности и т.д. И это в какой-то степени им удавалось сделать, потому что все они исходили из ньютоново-картезианской парадигмы, которая хорошо согласовывалась также с обыденным мышлением и не предъявляла больших требований к воображению исследователя. Однако, как известно, эти исследования не привели к выявлению универсальных психологических закономерностей, что характерно для полиредукционизма. По этому поводу В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили писали: «Стремление к поиску объективных методов психологического исследования, равно как и потеря веры в их существование порождают в психологии беспрецедентные для любой другой науки по своему разнообразию формы редукции психического. При этом расширяющиеся полезные междисциплинарные связи психологической науки приводят к потере собственного предмета исследования» [Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 86].

Вышеприведенные рассуждения А.И. Миракяна не вписываются в рамки традиционной психологии, потому что выходят за пределы собственно психологических исследований и затрагивают вопросы общеприродного, бытийного характера.

Это непривычный ход мыслей не только для психологов, но и для других представителей естествознания. «В естествознании, – пишет В. Гейзенберг, – нас интересует не вселенная в целом (в издании 1989 года «Универсум» – Р.Н.), включающая нас самих, а лишь определенная ее часть, которую мы и делаем объектом нашего исследования. В атомной физике

обычно эта сторона представляет собой чрезвычайно малый объект, именно атомные частицы или группы таких частиц. Но дело даже не в величине; существенно то, что большая часть вселенной, включая и нас самих, не принадлежит к предмету наблюдения» [Гейзенберг, 1963, с. 32]. Таковы последствия декартовского разделения, которое и хочет преодолеть В. Гейзенберг. В этом контексте следует отметить – огромная заслуга А.И. Миракяна перед психологией заключается в том, что он со всей остротой и полнотой поставил вопрос о значении и когнитивных возможностях наблюдателя (психолога-исследователя) при изучении закономерностей психических процессов. Это удалось ему сделать, потому что свою научную деятельность он начал не с вопроса: «что до меня изучали?», а «каким образом они мыслили, изучая процесс отражения?», что и привело к обнаружению «продуктного» подхода (как говорил А. Маслоу: «Только изучая познающего мы приблизимся к ясному пониманию познаваемого» [Маслоу, 1997, с. 44]). Именно поэтому в дальнейшем перед А.И. Миракяном встал вопрос о том, как исключить влияние стереотипов мышления и эмпирического опыта исследователей на ход теоретического и экспериментального исследования процесса психического отражения. Необходимо было избавиться от сложившейся за столетия и укоренившейся системы понятий и способов исследования, имевшей отношение лишь к воспринятым объектам, уже являющимся результатом, в которых, по сути, «умер» процесс, что и не давало возможности проникнуть в сущность порождающего объекты процесса. А выход за пределы эмпирического мышления исследователя мог означать одно: обращение к той реальности до отражения (переход в область метафизических исследований), в которой заложены потенциальные возможности порождения всего и, в том числе, психического отражения. *Тем самым, А.И. Миракян делает первые в научной психологии попытки понять и описать*

порождение психического отражения из реальности, которая предшествует восприятию, еще не отраженной в сознании человека, одновременно предложив свое представление об особенностях ее существования.

Вкратце опишем эти особенности материальности. «В качестве *первой* исходной особенности материи, – пишет А.И. Миракян, – можно взять как ее объективную дискретность, так и ее объективную единость в их диалектическом соотношении, которое заключается в том, что независимо от нашего непосредственно-чувственного и опосредствованно-познавательного отражения или уровня знания, материя, или материальность, состоит из бесконечного многообразия форм..., которые в природе по своим внутренним законам образуют пространственно-временные, энергетически-дискретные формы. Но вместе с этим, как границы их дискретности, так и определенность их форм, вне нашего отражения, т.е. вне выделения и сопоставления этих форм и составления определенных соотношений, представляют нерасчлененную единость» [Миракян, 1992а. с.36]. «*Вторая* особенность материи заключается в распадении и порождении форм: что обусловлено диалектически противоположными тенденциями к самосохранению дискретных форм и к их разрушению, приводящему к единости» (там же, с.37). «В качестве *третьей* особенности материальности можно взять ее структурно-процессуальную особенность образования и разрушения отношений между дискретными формами материи или гомогенными формами внутри более общей формы» (там же). «*Четвертая* объективная особенность материи – ее пространственно-временная анизотропность и гомогенность, которые связаны с пространственно-временными свойствами материи и с осуществлением дискретно-единых распадающихся и порождающихся ее форм» (там же). И далее, основываясь на этих, теоретически предполагаемых особенностях материи, существующих вне (или до) вос-

приятия человека, А.И. Миракян выводит принципы психического отражения. Таким образом, чтобы объяснить закономерности психического отражения, А.И. Миракян переходит из «реальности присутствующего» в «реальность отсутствующего» и формулирует ее особенности на «языке» этой же реальности.

Характеризуя эту картину мира, А.И. Миракян пишет: «По отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще не реализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. *Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, т.е. породиться в процессе отражения* (выделено нами – Р.Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян, 1992а, с.39-40]. Из приведенной цитаты можно сделать несколько важных выводов, влияющих на наши представления о мире. Во-первых, в реальности, относящейся к области «еще не реализованной возможности отражения», то есть в реальности, существующей до отражения, нет объектов с их свойствами, а есть материальные формы, составляющие нерасчлененную глобальность. Во-вторых, объекты и их свойства появляются как продукты процесса формопорождения, то есть уже как психические явления, показывая этим, что реальность, воспринимаемая человеком, есть не что иное, как порожденные им же самим образы, ощущения, представления и т.д. В-третьих,

заметим, что речь идет не об отражении, а о формопорождении, чем подчеркивается мысль о порождении нового, не имеющего сходства (аналога, копии, подобия и тем более тождества) с «отражаемым», тем самым снимая вопрос об адекватности отражения действительности в традиционном смысле этого понятия, как соответствия образа объекту, находящемуся вне субъекта. И, в-четвертых, А.И. Миракян предпочитает говорить не об адекватности отражения, а об адекватности функционирования, о чем еще будет сказано ниже.

Все вышесказанное позволяет рассмотреть выше реальность «отсутствующего» или «реальность до отражения», проявляющую себя в совокупности вышеприведенных четырех диалектических принципов существования материи, назвать *реальностью Миракяна* – именем того, кто впервые описал ее, как обычно это делается при желании сохранить имя первооткрывателя.

Однако, несмотря на философский характер своих рассуждений, А.И. Миракян не указывает, какой философской позиции он придерживается. Но даже «невооруженным глазом» видно, что А.И. Миракян обращается к метафизическому способу рассуждений. Ведь употребляемые им понятия «трансцендентальная психология», «реальность отсутствующего», «ничто», «глобальность», «порождающий процесс», «единое», «непрерывность», лежащие в основе философской части его концепции, являются метафизическими понятиями, потому что соответствующие им сущности не даны в непосредственном опыте человека, относятся к области сверхчувственного и не поддаются эмпирической проверке. А это значит, что мы имеем дело с фактом становления новой психологической парадигмы, потому что эта концепция, в отличие от других психологических теорий, начинается не с выделения психологических единиц анализа, представляющих собой элементарные явления или процессуальные акты психической, уже отра-

женной, реальности, а с метафизических предпосылок об особенностях существования бытия, могущих привести к порождению феноменов психического отражения.

Таким образом, по мнению А.И. Миракяна, принципы порождения психического (и не только психического) являются неотъемлемым свойством бытия, для которого была предложена своя онтология развивающейся материи. Следовательно, метафизика Миракяна – это, прежде всего, материалистическая метафизика, отличающаяся, однако, от метафизического материализма в духе Г. Гегеля или марксизма тем, что метафизика А.И. Миракяна основывается на идее саморазвития материи, то есть не противопоставлена диалектическому материализму. Использование А.И. Миракяном метафизических рассуждений и есть причина того, почему его методологический подход не вписывается ни в культурно-исторический подход Л.С. Выготского, ни в теорию деятельности Рубинштейна-Леонтьева, ни в системный подход Б.Ф. Ломова. Дело в том, что во всех упомянутых направлениях изучения психического (являющихся методологическим и теоретическим фундаментом психологической науки в России) рассматриваются вопросы развития и преобразования психики, а не вопросы принципов ее порождения из первоначал бытия. А это означает, что во всех этих случаях психическое изучалось как уже сформировавшаяся конкретная данность (даже если изучались отдельные стадии развития психического в виде его новообразований), в которой процесс порождения уже завершился и остался вне сферы сознания психолога-исследователя.

Однако нельзя утверждать, что «продуктный» подход к исследованию процессов восприятия не был осознан другими исследователями. Понимание ограниченности «продуктного» подхода – в соотношении «продукт» и «процесс» восприятия – обнаруживается в работах В.П. Зинченко с соавторами (1973), В.В. Столина (1976), А.Д. Логвиненко (1985), В.А. Барабанщи-

кова (1990, 1995), Л.М. Веккера (1998) и др.. Вместе с тем, как пишет В.И. Панов, анализируя эту проблему, «...каждый из них, пытаясь по своему преодолеть «продуктную» парадигму, все-таки вынужден в итоге опираться в своих исходных посылах на те или иные «продуктные» основания» [Панов, 1996, с. 18]. В качестве примера В.И. Панов приводит исследования В.П. Зинченко (1972), Б.М. Величковского и А.Б. Леоновой (1978), посвященные разработке принципов и методов анализа микроструктуры перцептивного акта (микроструктурный анализ процесса восприятия). В этих исследованиях в качестве исходных понятий и единиц анализа брались «перцептивные действия и операции», которые, будучи направлены на достижение сознательно поставленной цели, и образуют, согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, перцептивную деятельность субъекта. Но это означает, что, во-первых, на разных стадиях микрогенеза действия и операции могут быть выделены только опосредованно – через предметное содержание объекта действия с его свойствами и признаками. Следовательно, авторы этих исследований изначально наделяли перцептивные действия и операции «продуктными», уже воспринятыми признаками. Во-вторых, как бы ни дробили они перцептивное действие на все более мелкие операциональные блоки, все равно между двумя соседними блоками остается промежуток, в котором и протекает искомый психический процесс, неосознанный ни испытуемым, ни исследователем. Это напоминает кинематографический метод, при котором естественное движение превращается в сумму застывших микрокадров движения. Разумеется, такой подход не может привести к пониманию психологических принципов отражения естественного движения.

И, в-третьих, так как деятельность есть совокупность действий, направленных на достижение сознательной цели, то это приводит к ограничению предметного содержания перцептив-

ных действий и операций. В результате исследуется микрогенез восприятия какого-либо одного качества или признака воспринимаемого объекта, например, «движения», «формы» (Б.М. Величковский, 1976; Н.В. Цзен, 1976). В итоге «эти методы не позволяют включить в предмет исследования ту процессуально-порождающую сторону восприятия, которая обеспечивает полифункциональность непосредственно-чувственного акта, т.е. возможность порождения различных сопредставленных пространственных свойств и отношений в окружающем мире» [Панов, 1996, с.18]. В качестве другого примера, наиболее продвинутого в преодолении продуктных оснований изучения процесса восприятия, В.И. Пановым была избрана системно-генетическая концепция, предложенная В.А. Барабанщиковым (1990, 1995).

Как отмечает В.И. Панов, в начале своей работы В.А. Барабанщиков указывает на то, что неудовлетворительное состояние психологии зрительного восприятия есть следствие того, что «основные компоненты перцепции (объект, субъект, активность, чувственный образ) берутся как *уже данные*, готовые, как продукты завершившегося процесса. Но именно это допущение и не позволяет «ухватить» динамику восприятия» [Барабанщиков, 1990, с. 24], то есть процесс восприятия определяется в гносеологической парадигме – со стороны своего же продукта, что противоречит логике динамики естественного процесса восприятия протекающего от процесса к функционально необходимому продукту (образу). Поэтому Барабанщиков предлагает изменить гносеологическую парадигму на онтологическую таким образом, «...чтобы и объект восприятия, и его чувственный образ рассматривались функционально – как *становящиеся*, развивающиеся в процессе отражения, а это возможно лишь в том случае, если отношение «объект-образ» будет включено в процесс взаимодействия индивида со средой и построено на основе подвижного отношения субъекта восприятия с объектом» (там же, с.25).

Подробный анализ, проведенный В.И. Пановым, показал, что системно-генетический подход В.А. Барабанщикова, наряду с определенным преимуществом перед другими концепциями восприятия, имеет и свои ограничения. В.И. Панов показал, что эти ограничения существуют как на методологическом, так и на конкретно-психологическом уровнях исследования. Так, В.И. Панов пишет: «При анализе глазодвижительной активности читаем: «на разных стадиях развития зрительного акта одни и те же элементы среды (т.е. данность объекта – В.П.) получают различные мотивационные значения (т.е. вводится данность субъекта – В.П.) и по-разному влияют на организацию глазодвижительной активности» [Панов, 1996, с. 24]. И далее подводит итог: «Таким образом, Барабанщиков, начав монографию с критики традиционных подходов за их «продуктность» и «гносеологичность», сам не избежал того же» (там же, с.25). Причина здесь, отмечает Панов, та же, на что неоднократно указывал А.И. Миракян (1987, 1990), – использование в качестве исходных оснований изучения психического отражения таких данностей, которые принадлежат самой реальности результатов психического отражения. Однако нам кажется, что указанная причина лишь констатация факта, лежащего на поверхности, потому что возникает вопрос: «Почему же эти психологи, критикуя других исследователей психического отражения за «продуктивный» подход, тем не менее, сами оказались в русле этого подхода. Что помешало им вести исследования в русле афизикального подхода?». Ответ на этот вопрос – это поиск причины, заложенной в образе мышления ученого, но именно он (поиск), вероятно, раскроет сущность различия между представителями афизикального и физикального подходов в психологии (оказывается, одного осознания ограниченности продуктного подхода недостаточно для реализации афизикального подхода).

В конце своего анализа монографии В.А. Барабанщикова В.И. Панов выделяет важную для философских оснований

психологии неоднозначность в понимании такого понятия как «онтологическая парадигма» или «онтологический подход». При раскрытии содержания различных способов понимания этих понятий, В.И. Панов апеллирует к представлениям Аристотеля о двух формах бытия – «бытие в действительности» и «бытие в возможности». Онтологию системно-генетической концепции В.А. Барабанщикова В.И. Панов сравнивает с онтологией, разрабатываемой в исследованиях восприятия, проводимых Ж. Пиаже (1966, 1978). В обоих случаях процесс восприятия берется в конкретной своей форме – «...так, как он есть, т.е. как бытие в действительности. При этом выделяются две особенности их «онтологического подхода»: 1) вместо данности объекта, как исходного, для определения исследуемого процесса восприятия берется данность этого объекта в форме превращенной данности – в виде, например, «перцептивной потребности» (по В.А. Барабанщикову) и 2) в обоих случаях одной из исходных посылок исследования процесса восприятия является требование адекватности конечного результата восприятия свойствам воспринимаемого объекта» [Панов, 1996, с. 26]. «Поэтому в обоих случаях речь действительно идет о том, что исследуется процессуальная и даже порождающая сторона восприятия, но только со стороны своей уже осуществленности. И в этом смысле речь идет скорее об эпистемологической онтологии процесса восприятия, или, может быть, другими словами – процессуально-порождающей феноменологии восприятия» (там же). Мы вполне согласны с В.И. Пановым. И, действительно, если исходные предпосылки процесса, порождающего психическое явление, берутся из самой психической реальности (апостериорно данному сознанию), то это не может быть онтологией «бытия в возможности», в которой, на самом деле, должны существовать *лишь* истоки, первоначала или возможности порождения, относящиеся к допсихической реальности. А в этих первоначалах и возможностях

психическое отсутствует в той форме, в какой оно представлено в сознании индивида. Поэтому подходы Ж. Пиаже, В.П. Зинченко, В.А. Барабанщикова и других классических и современных исследователей процесса восприятия назвать «онтологическими», имея в виду аристотелевскую онтологию, по крайней мере, не корректно.

Возникает противоречие: с одной стороны исследователи стремятся получить знания об онтологии психических явлений, а с другой – они неизбежно попадают в область феноменологии. Можно предположить, что причина этого парадокса в том, что в области современной психологии научный и онтологический (в смысле аристотелевской метафизики как «бытия в возможности») подходы, вероятно, принципиально несовместимы, *если идти от науки к онтологии*. И это не удивительно – ведь философы полагают онтологию частью метафизики, т.е. онтология изначально метафизическая категория со своим метафизическим содержанием. Поэтому противоречие наступает, когда онтологию изначально стараются наполнить научным содержанием, основанном, естественно, на результатах эмпирического исследования, и тогда совершается возврат к феноменологии. В подтверждение сказанному нами выше, вновь вернемся к анализу В.И. Панова, указывающему на специфику афизикального подхода: «В отличие от указанных авторов, А.И. Миракян предлагает начинать построение предмета исследования не с экспликации порождающего процесса как такового, а с определения принципов, обеспечивающих возможность спонтанного осуществления порождающего процесса восприятия и разворачивания их действия в свойствах конкретной отражательной системы и, соответственно, осуществляемого ею порождающего (отражательного) процесса. Иными словами, по аристотелевской терминологии, здесь речь идет о бытии процесса восприятия в возможности. И в этом смысле – о порождающей онтологии процесса восприя-

тия» [Панов, 1996, с.27]. Как видно из этой цитаты, Панов имплицитно указывает на связь онтологии с метафизикой («бытие в возможности»), потому что в этом случае исследователь вынужден говорить или мыслить о том, чего еще нет или существует лишь потенциально, то есть о чем-то сверхчувственном. А это и есть экспликация метафизики, как специфической априорной формы мышления о фундаментальных основах бытия.

Отсюда и необходимость обращения к метафизике, к системе априорных понятий, конструирующих такую «структуру» реальности, которая может привести к порождению процесса психического отражения, обеспечивающего полифункциональность, полимодальность и все разнообразие явлений в реальности феноменов восприятия.

В то же время, необходимо отметить, что сам А.И. Миракян о метафизике ничего не говорил. Почему? Это сложный вопрос, требующий исторического анализа становления и развития психологии в России с начала XX века, о чем будет сказано в следующей главе. А если ответить коротко, то можно сказать следующее: причиной тому было пренебрежительное отношение к метафизике, игнорирование ее значения для координации развития психологии, как следствие потери метафизического образа мышления, присущего философско-психологической элите России до 20-х годов прошлого столетия. Диалектический и, в особенности, исторический материализм, несмотря на многие свои положительные стороны, вытеснили метафизику, как способ мышления и описания фундаментальных особенностей (первоначал) бытия. Поэтому можем лишь предположить, что А.И. Миракян предпочел не говорить о метафизике, о философских основах своего подхода, оставив их в тени своей внутренней «творческой лаборатории», чтобы не вступать в совершенно бесплодные идеологические споры со своими (возможно многочисленными) оппонентами, как со

стороны философов, так и со стороны психологов. Философско-метафизические мысли А.И. Миракяна о психическом отражении более развернуто были опубликованы лишь после его кончины в двух книгах под общим названием «Контурсы трансцендентальной психологии» (1999, 2004), но даже там не упоминается прямо о метафизике.

Таким образом, методологический анализ концепции трансцендентальной психологии А.И. Миракяна показал, что, с одной стороны, явно просматривается использование автором метафизического подхода для объяснения возможностей порождения психического отражения, а с другой – умалчивается о самом факте использования такого подхода, что позволило автору внешне соответствовать принципам, принятым в современной психологии, заменившей метафизику онтологией «бытия в действительности». Однако здесь следует уточнить различие, существующее между метафизикой и онтологией. Если онтология указывает на предмет, объект и область исследования, то метафизика указывает на образ мышления, соответствующий онтологическому исследованию. Вот почему метафизика имеет первостепенное значение для решения онтологических задач, так как именно метафизическим образом мышления определяются те первопричины или первоначала, на основании которых осуществляются выбор и особенности анализа онтологических проблем, касающихся «бытия в возможности».

Отсюда и возникает идея о **существовании проблемы** настоящего исследования, требующая анализа степени значимости метафизического подхода для изучения фундаментальных вопросов возникновения психического отражения. Но насколько правомерна подобная постановка проблемы может показать философско-исторический анализ взаимоотношений между метафизикой и естественными науками, а так же анализ того, как сами естествоиспытатели, осознанно или неосознанно, использовали метафизические предпосылки для построения научных теорий.

1.2. Метафизик и наука

Исследованием этого вопроса хотим показать, что именно теряет психология, отказываясь от метафизики, и, наоборот, что приобретет – с применением метафизики в качестве философско-методологического принципа познания психики.

Если психологию рассматривать как естественную науку (какой ее хотят видеть подавляющее большинство психологов), то этот вопрос является производным от более общего: «нужна ли метафизика естественным наукам?».

Однако сначала дадим некоторые определения метафизики. Согласно «Новейшему философскому словарю», «...в традиционной и классической философии Метафизика – это философское учение о сверхчувственных (трансцендентальных) основах и принципах бытия» [Новейший философский словарь, с. 612]. Более развернутое и, на наш взгляд, более полное определение дает выдающийся исследователь античной метафизики С.Н. Трубецкой: «Метафизика предполагает метафизическое данное. Но абсолютное, метафизическое, не может быть дано как внешний частный факт; всеобщая безусловная истина не может быть дана эмпирически. Если поэтому она и может быть дана, если она предполагается данной, то она дается иным образом, ибо она исключает возможность чисто внешнего действия на человеческие чувства. Метафизическое, как сверхчувственное, не может быть дано чувственно, но оно может открываться в чувственном» [Трубецкой, 2003, с. 52]. Согласно В. Вундту, «Метафизика – это попытка, предпринятая на почве всей совокупности научного сознания какой-нибудь эпохи или на почве наиболее выдающихся сторон его, образовать мировоззрение, объединяющее составные части специального знания» [Вундт, 2006, с. 120]. Тем самым В. Вундт указывает на относительный характер определения и понимания метафизики. В то же время, согласно современным исследователям метафизики А.В. Иванову и В.В. Миронову,

«Метафизика – это предельный вид философского знания, связанный с наиболее абстрактной и глубокой формой рефлексии (размышления) человека над проблемами личного и мирового бытия» [Иванов, Миронов, 2004, с. 40]. Или, по В.В. Миронову: «Метафизика – это выявление глубинных пластов бытия и осознание безграничных конструктивных возможностей мышления» [Миронов, 2011, с. 7]. В работах А.В. Иванова метафизика трактуется как «сердце философии»: «Метафизика (или «первая», или «теоретическая», или «системная» философия) всегда являлась, является и будет являться неустранимым сердцем, центральной составляющей философского знания, ибо никакая любовь к мудрости, никакое цельное мировоззрение, никакая последовательная рефлексия невозможны без обращения к вечным – собственно метафизическим – проблемам бытия с никогда не могущими завершиться попытками их всеобъемлющего систематического решения» [Иванов, 2007, с. 42].

А о связи метафизики и науки Д'Аламбер писал: «На место всей туманной метафизики (от Аристотеля до Лейбница – Р.Н.) мы должны поставить метафизику, применение которой имеет место в естественных науках, и прежде всего, в геометрии и в различных областях математики. Ибо, строго говоря, нет науки, которая не имела бы своей метафизики, если под этим понимать всеобщие принципы, на которых строится определенное учение и которые являются зародышами всех истин, содержащихся в этом учении и излагаемых в нем» [Вяльцев, 1965, с. 368].

В метафизике, согласно Г. Гегелю, можно выделить следующие разделы: 1) онтология – учение о строении и сущности бытия, определение мира и его элементов; 2) космология и космогония – учения о строении и о возникновении мира; 3) философская антропология; 4) теология. Предметом исследований метафизики, в частности, являются: бытие, материя, пространство, ничто, душа, мировой дух, Бог, истина, ста-

новление, сила, космос в целом, природа. Причем существенной особенностью положений метафизики является то, что их невозможно исследовать и подтвердить эмпирическим опытом путем. Именно эта черта метафизических обобщений являлась причиной многовековых споров о характере взаимоотношений между метафизикой и наукой. Поэтому, чтобы понять особенности этих взаимоотношений, необходим хотя бы краткий экскурс в историю развития представлений о метафизике.

В фундаментальной работе С.Н. Трубецкого тщательным анализом выявлено, что вся античная философия была «пропитана» метафизическими рассуждениями, относящимися к разным аспектам бытия. В мировоззрении древних греков не было разделения на метафизику и науки – метафизические размышления и частные выводы о закономерностях природных явлений составляли содержание единой философской системы. Отделение метафизики, как самостоятельной области знания внутри самой философии, произошло, как известно, в философии Аристотеля, когда в его системе появились разделы «первая философия» и «физика». Само название «метафизика» было дано не Аристотелем, а Андроником Родосским, первым систематизатором сочинений Аристотеля (см., например, работу Н. Грота [Грот, 1890]). И уже у Аристотеля первая философия, то есть метафизика, по глубине познания мира как «бытия самого по себе», предшествовала частным знаниям о природе, то есть физике и другим наукам, находящимся на начальных стадиях своего развития. И именно с «Метафизики» Аристотеля начинается драматическая история взаимоотношений науки и метафизики, в последующем развитии которых можно выделить фазы отстранения метафизики от науки и ее возрождение.

В учебном пособии по метафизике А.И. Уемов (2010) пишет, что первое упоминание о безоговорочном отрицании

«Метафизики» Аристотеля, как учения о первой философии, относится к 1209 году, когда участники Парижского собора, «обнаружив» заключенную в ней ересь, осудили и приговорили к сожжению трактаты Аристотеля. Отношение к сочинениям Аристотеля изменилось благодаря Фоме Аквинскому, которому удалось сочинения Аристотеля поставить на службу христианской теологии, и главная роль в этой реабилитации принадлежала «Метафизике», из положений которой Ф. Аквинский вывел пять доказательств существования Бога. После этого «Метафизика» стала предметом изучения философов и представителей разных наук всех последующих поколений до наших дней.

Вторая фаза критики метафизики по времени совпадает с XIX веком и связана с критикой Г.В.Ф. Гегелем «старой» метафизики, сторонниками которой были такие философы как Г. Лейбниц, Р. Декарт, И. Кант, придерживающиеся в основном аристотелевской «Метафизики».

Г. Гегель рассуждал так: человек познает природу при помощи своего мышления и природа вещей истинна в той мере, «...в какой это мышление есть моя деятельность» [Гегель, 1974, с. 116]. Вместе с тем, мышление, и метафизическое мышление в том числе, существует в формах формальной логики. Поэтому Г. Гегель делает вывод: «Логика совпадает с метафизикой – наукой о вещах, постигаемых в мыслях, за которыми признается существенное в вещах» [Гегель, 1974, с. 120]. И далее метафизике приписываются все «недостатки» формальной логики, как примитивного рассудочного мышления, по сравнению с диалектической логикой. Во-первых, указывает Г. Гегель, определения метафизики брались в их абстрактности, и полагалось возможным познание абсолютного «путем приписывания ему предикатов» (там же, с.134), что по Г. Гегелю недостаточно обоснованно. Во-вторых, метафизическое мышление это «конечное» мышление, так как определения мета-

физики считаются конечными, незабываемыми, «не могущими в свою очередь подвергнуться отрицанию» (там же, с. 143). В третьих, старая метафизика превратилась в догматизм, потому что в силу конечности определений метафизики противоположные им определения должны считаться ложными. Известно, что в метафизике Аристотеля действует закон исключенного третьего «или-или» и, если одно из утверждений принимается за истину, второе, ему противоположное, обязательно должно быть ложным. А в диалектической логике Г. Гегель этот закон заменил законом одновременного существования двух противоположностей, как единства противоположностей, и полагал, что истинная сущность познания должна быть именно такой.

Об отношении науки и метафизики Г. Гегель пишет: «Основная ошибка научного эмпиризма всегда состоит в том, что он, пользуясь метафизическими категориями – материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т.д. ... не знает при этом, что он сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он, таким образом, пользуется этими категориями совершенно некритично и бессознательно» (там же, с. 149). Таким образом, согласно Г. Гегелю, ученый, хочет он того или не хочет, использует метафизические понятия в развиваемой им науке. С этой мыслью Г. Гегеля почти два столетия спустя вполне созвучно мнение М. Вартофского: «У нас не может быть сомнений в том, что в истории науки «метафизические модели»... играли важную роль при построении научных теорий и в научных спорах по поводу альтернативных теорий. Достаточно сослаться на понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и на концептуальные структуры атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности и изменении, пространства, времени, причинности, которые первоначально имели «метафизическую» природу и оказали громадное влия-

ние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия» [Вартовский, 1978, с. 63].

Упрощенные гегелевские представления о метафизике были восприняты и ассимилированы марксизмом. Материалистически интерпретируя гегелевские диалектические законы развития, принципы всеобщей связи явлений и всеобщего развития, ученые-диалектики, начиная с Ф. Энгельса, противопоставляли диалектический материализм метафизически понимаемому развитию, то есть отрицающему развитие. Насколько искажено представлял метафизику марксизм, можно понять из сочинения И.В. Сталина «Краткий курс истории ВКПб», где в главе «О диалектическом и историческом материализме» он пишет: «В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений и оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависимых друг от друга, – а как связное, единое целое, где предметы, явления связаны друг с другом и обуславливают друг друга» [Сталин, 1953, с. 175]. Естественно, такое понимание метафизику не может привести к созданию и развитию какой-либо науки. В этом смысле метафизика даже антинаучна.

Следующая волна критики метафизику и ее противопоставление науке было связано с возникновением позитивизма. О. Конт, родоначальник позитивизма, выступал против религии и ее основы – метафизику. Религии и метафизику О. Конт противопоставлял науку. Согласно О. Конту, наука и философия не могут и не должны ставить вопросы о причинах явлений. Наука должна развиваться только на основе опыта, опирающегося на чувственные данные. Опыт должен быть освобожден от умозрительных догадок и предположений, носящих «доопытный» характер, то есть от метафизику. Наука изучает не сущности, а феномены, наука не нуждается в метафизических сущностях. Причины появления такого, позитивистского, образа мышления О. Конт объясняет исторически, как резуль-

тат развития мышления человека от мифологически-теологического к метафизическому и, далее, к позитивно-научному. То есть метафизическое мышление О. Конт рассматривает как пройденный этап, как менее развитый способ отражения действительности.

Таких же позитивистских взглядов, в основном, придерживались Д.С. Миль, Г. Спенсер, П. Дюгем и др.

Если обобщить подход позитивистов к науке и ее отношение к метафизике, то получим следующую схему: наука опирается только и только на данные опыта (метафизика выводится за скобки), опыт возникает из ощущений, в центр внимания помещаются проблемы психологии, и поэтому всякая наука есть часть психологии («второй позитивизм» Р. Авенариуса, Э. Маха и др.).

К началу XX века позитивизм начал терять свою значимость из-за коренных изменений в самой науке, особенно в физике, где для объяснения некоторых данных эксперимента оказалось необходимым сделать допущения явно не эмпирического характера.

Однако в 30-е годы XX столетия позитивизм возрождается в новой модификации, получившей название «третьего позитивизма» или неопозитивизма. На этот раз был выдвинут принцип верификации, то есть эмпирической проверяемости тех или иных положений. Положение может быть осмыслено и принято только в том случае, если оно верифицируемо. Это значит, что науку надо построить таким образом, чтобы исключить неверифицируемые положения.

При таком подходе к науке метафизика так же, как и при позитивизме, осмысливается как антинаучное знание.

Например, в трактовке логического позитивизма Л. Витгенштейна онтология отождествляется с используемым языком, поэтому их границы совпадают. А так как в языке оказываются невыразимыми все метафизические, этические и эстетические

предложения, следовательно, все они бессмысленны. Похожие взгляды на соотношение науки и метафизики имели Р. Карнап, Г. Рейхенбах, Б. Рассел, А. Айер и др.

Однако среди выдающихся философов были и сторонники метафизики, которые не только положительно оценивали познавательную функцию метафизики, но и считали ее необходимой основой науки. Так, например, Р. Декарт полагал, что в дереве философского познания корни – это метафизика, ствол – физика, а ветви – все остальные науки, среди которых он выделяет три главные – медицину, механику и этику [Декарт, 1950]. Метафизику Р. Декарт понимал как первую часть истинной философии, где содержатся начала познания и среди них «...главные объяснения атрибутов бога, нематериальности нашей души равно и всех остальных ясных и простых понятий» [Декарт, 1950, с. 420].

Г. Лейбниц так же, как и Р. Декарт, придает большое значение метафизике и необходимой связи метафизики и науки, хотя строит совершенно другую метафизическую картину мира. Г. Лейбниц считает, что частные явления природы могут быть объяснены математикой и механикой, но общие принципы природы и самой механики, носят скорее метафизический, чем геометрический (научный) характер, и «...коренятся скорее в известных неделимых формах и натурах (субстанциях или монадах – Р.Н.) как причинах явлений, чем в телесной или протяженной массе» [Лейбниц, 1982, с. 144]. Г. Лейбниц выступает против изгнания из физики конечных причин и, более того, считает, что это может иметь опасные последствия. Для него ясно, что именно в метафизике нужно искать причины всех существований и законов природы (там же, с. 144), то есть конечные причины физики и других наук. В то же время Г. Лейбниц признает, что мы легко можем обмануться «при определении целей и планов Бога» (т.е. при определении предмета метафизических рассуждений – Р.Н.) (там же). Но

тут же Г. Лейбниц объясняет, что это может случиться только в том случае, если мы хотим ограничить планы Бога (или предмет метафизики – Р.Н.) каким-нибудь частным намерением, тогда как Он в одно и то же время взирает на все (там же). Из этих высказываний следует, что, во-первых, наука нуждается в исследовании своих конечных причин, во-вторых, возможно создание множества метафизик, различных по степени совершенства и обобщенности.

Одновременно Г. Лейбниц раскрывает и другую сторону взаимоотношений между метафизикой и наукой. Он пишет: «Я совершенно согласен, что изучение этих форм (субстанций – Р.Н.) нисколько не поможет нам в частности физики и что ими не следует пользоваться для объяснения отдельных явлений» (там же, с. 133). Тем самым Г. Лейбниц предупреждает, что, если, например, физик для объяснения изучаемых им конкретных явлений будет прибегать к «...привходящему содействию Бога или к какой-нибудь душе, архео и т.п., то он точно натворит кучу нелепостей» (там же, с. 134). Однако, несмотря на это, Г. Лейбниц считает, что без метафизических рассуждений о субстанциях, субстанциальных формах, душе, свободе воли и т.д., «...нельзя ни понять как следует первых начал, ни возвысить дух до познания возвышенных натур и чудес Божьих» (там же, с. 133).

И. Кант следующим образом определял метафизику: «Я называю истолкование метафизическим, если оно содержит то, что понятия показывают нам как данные *argiōi*» [Кант, 1964, с. 130]. Рациональное учение о природе, согласно И. Канту, может называться наукой лишь в том случае, если законы, лежащие в основе природы, познаются *argiōi* и не представляют собой лишь эмпирические законы. Поэтому различаются две разновидности познания природы: «познание природы первого рода носит название чистого, второго рода – прикладного познания разумом» [Кант, 1966, с. 56]. А так как наука

предполагает понятие о законах, то есть необходимой совокупности «...всех определений вещи, относящихся к ее существованию» (что невозможно получить эмпирическим путем), то наука может называться таковой лишь благодаря чистой своей части, включающей в себя априорные принципы всех прочих объяснений природы» (там же).

Для дальнейшего нашего анализа важно также мнение И. Канта о методологической важности выделения чистой, метафизической, части науки: «Всякая наука о природе в собственном смысле нуждается, следовательно, в чистой части, чтобы на ней могла основываться аподиктическая достоверность, которую ищет в науке разум; и так как в этой части принципы совершенно иного рода, чем чисто эмпирические, то будет также чрезвычайно полезно, более того, по существу дела в методологическом отношении совершенно обязательно излагать эту часть отдельно, вовсе не вдаваясь в другую, и притом по возможности излагать во всей ее полноте, дабы можно было совершенно точно определить, что же разум способен дать сам по себе и где способность его начинает нуждаться в помощи эмпирических принципов. Чистое познание разумом из одних лишь понятий называется чистой философией или метафизикой» (там же). Здесь И. Кант явно указывает, во-первых, на то, что метафизические принципы совершенно иного рода, чем эмпирические, что требует дальнейшей конкретизации, и, во-вторых, – на необходимость обращения к эмпирическим принципам, в случае неполноты метафизических рассуждений. А это означает, что не только выбором метафизических оснований определяется организация будущих эмпирических исследований (выбор методологии, предмета, метода и т.д.), но, в свою очередь, эмпирические данные, расширяющие возможности нашего мышления, могут служить предпосылкой для «коррекции» и дополнения этих же метафизических оснований науки. А изменение метафизических оснований науки,

согласно современной терминологии, означает переход к формированию новой научной парадигмы.

К началу 30-х годов XX столетия, после почти векового господства позитивизма и махизма, в западноевропейской философии вновь начинают звучать голоса в защиту метафизики. В 1929 г. появляется работа выдающегося философа М. Хайдеггера «Что такое метафизика», в которой М. Хайдеггер определяет метафизику «...как вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое и в целом» [Хайдеггер, 2007, с. 39]. Это определение М. Хайдеггер дает не сразу, как заранее принятую исходную теоретическую предпосылку, а получает через развертывание метафизического вопроса о Ничто, в котором метафизика проявляет сама себя. Показывая реальность существования вопроса о Ничто и его метафизическую сущность, М. Хайдеггер одновременно показывает, что этот метафизический вопрос вбирает в себя и наше вопрошающее бытие. И таким образом им устанавливается связь между метафизикой и наукой, выражающуюся в том, что «...наше научное бытие возможно только в том случае, если оно заранее уже выдвинуто в Ничто. Оно (научное бытие – Р.Н.) понимает себя таким, какое оно есть, только тогда, когда не уклоняется от Ничто» (там же, с. 41). Если наука всерьез не принимает метафизические вопросы, то, как пишет М. Хайдеггер, ее пресловутые трезвость и всеилие превращаются в насмешку.

Рассуждения М. Хайдеггера имели самостоятельное значение для философского познания онтологии бытия, но они не могли служить основой для аргументированного возражения против позиции зарождающегося неопозитивизма относительно метафизики, которое, однако, вскоре было выдвинуто К. Поппером. Как известно, неопозитивизм отвергал метафизику на том основании, что истинность ее предложений невозможно было верифицировать опытным путем. И поэтому, считали

неопозитивисты, необходимо отказаться от метафизики, как от бессмысленного и бесплодного знания. Однако критерии научности знания, выдвинутые К. Поппером, позволяют несколько иначе определить значение метафизики для познания действительности и ее связи с наукой.

Во-первых, К. Поппер показал, что опытным путем невозможно доказать истинность научной теории или гипотезы, так как опыт имеет дело с ограниченной совокупностью единичных эмпирических фактов, которая никогда не может стать полной и не может удовлетворить требованиям универсальности, заложенных в научных теориях в общем и обобщенном виде. Отсюда видно, что степень доказуемости истинности научных теорий может быть разная, но никогда не абсолютная. Поэтому вместо верификации К. Поппер, для определения научности выдвигаемой теории, предлагает критерий фальсифицируемости, и именно возможной фальсифицируемостью научной теории порождается необходимость проведения эмпирического исследования. Если при этом обнаруживается хотя бы один факт, опровергающий теорию, то, следовательно, она не может претендовать на статус научной теории. Вновь созданная теория учитывает эту аномалию, становится совершеннее и эффективнее, определяя тем самым вектор развития науки. В свете рассуждений К. Поппера, метафизические вопросы и предложения (гипотезы) нельзя ни опровергнуть, ни доказать, то есть они являются ненаучными. Но этот вывод еще не может служить таким весомым аргументом, чтобы считать метафизику бессмысленной или бесплодной. Напомним, И. Кант также показал, что метафизика не может быть наукой, но в то же время признавал, что без априорных метафизических рассуждений не могли бы развиваться ни математика, ни естествознание.

Обобщая анализ концепции К. Поппера, М. Вартофский приходит к выводу: «Хотя для К. Поппера метафизика ос-

тается «мифической» и ненаучной вследствие своей неопровержимости, она, по своему характеру, все-таки антидогматична и включается в науку, когда «миф рождает проверяемые компоненты знания» [Вартовский. 1978, с. 70]. Эта непрерывность перехода от мифа к метафизике и науке или от ненаучного или донаучного к научному знанию имеет несомненный смысл» (там же, с. 71).

Последователь К. Поппера Дж. Агасси [Agassi, 1964], развивая идеи фальсификационизма, более конкретно указывает на важность метафизики для науки. В концепции Дж. Агасси можно выделить ряд важных моментов, касающихся взаимосвязи метафизики и науки.

Науку Дж. Агасси рассматривает как интерпретацию метафизической теории. При этом может оказаться, что в основу какой-либо науки разными исследователями могут быть положены разные метафизические гипотезы. Поэтому встает вопрос о критерии признания или отбрасывания метафизических гипотез, и в качестве такого критерия Дж. Агасси предлагает критикуемость, в отличие от попперовской опровержимости.

Согласно точке зрения Дж. Агасси, история науки показывает, что критериями при выборе научной проблемы является их значение для решения метафизических проблем, а не высокая степень проверяемости или опровержимости. Таким образом, Дж. Агасси предлагает совершенно новый взгляд на значение науки (точнее – на одно из значений науки) для познания действительности. Для Дж. Агасси верифицируемость или фальсифицируемость научной теории имеет второстепенное значение. Они нужны не только для определения истинности научной теории, но, что более важно для Дж. Агасси, для выбора «лучшей», оправдывающей себя, метафизической гипотезы, из которой «вырастает» данная научная теория. Исходной теоретической предпосылкой Дж. Агасси является идея о том, что метафизику можно рассматривать как «координирую-

ший фактор научного исследования», что подчеркивает первичную роль или значимость и эвристическую функцию метафизики для науки. Но, так как в основание науки могут быть положены разные метафизические гипотезы, то возникает вопрос выбора одной из них, для чего Дж. Агасси предлагает следующее: «Две различные метафизические концепции приводят к двум разным интерпретациям известных фактов. Каждая из этих интерпретаций превращается в научную теорию, и одна из этих научных теорий терпит крушение при решающем эксперименте. Метафизика, лежащая в основе опровергнутой теории, теряет свою интерпретационную силу и устраняется. Это показывает, насколько некоторые научные проблемы, как правило, принадлежат к числу тех, которые были избраны для анализа... метафизических идей, выступающих в научном исследовании в качестве важных регулятивных принципов» [Цит. по: Вартовский, 1978, с. 72-73].

Т. Кун также считает, что метафизика и наука определенным образом связаны между собой. В истории развития наук Т. Куну удалось выделить фундаментальную «единицу» измерения состояния развития науки, названную им парадигмой. Согласно Т. Куну, парадигмы представляют собой не только принятые данным сообществом ученых модели или «образцы» научно-исследовательских действий и способов решения научных проблем, но они еще являются и определенными моделями мышления и видения мира. Поэтому, по Т. Куну, парадигма включает в себя совокупность метафизических и методологических положений. Т. Кун пишет: «Едва ли любое эффективное исследование может быть начато прежде чем научное сообщество решит, что располагает обоснованными ответами на вопросы, подобные следующим: каковы фундаментальные сущности, из которых состоит универсум? Как они взаимодействуют друг с другом и с органами чувств? Какие вопросы ученый имеет право ставить в отношении таких сущ-

ностей и какие методы могут быть использованы для их решения?» [Кун, 2009, с. 23]. Следовательно, парадигма предполагает наличие метафизического подхода, определяющего онтологические допущения, составляющие, признаваемую сообществом ученых, картину мира. Поэтому при смене парадигмы меняются и метафизические основания новых теорий, сменяющих старые, что сопровождается изменением способа видения мира. «Тот, кто видел наружную стенку коробки, глядя сверху, – пишет Т. Кун, – позднее видел ее внутреннюю сторону, если смотрел снизу» (там же, с. 174). Согласно Т. Куну, метафизика, как некоторая картина мира, в которую включена и наука, настолько связана с наукой, что невозможно провести между ними линию демаркации.

М. Вартофский, развивая идеи К. Поппера, Дж. Агасси и Т. Куна, идет еще дальше. Он ставит более глубокий вопрос, так как для него «...основной вопрос состоит не в том, чтобы описать отношение между метафизикой и наукой, а в том, чтобы объяснить это отношение» [Вартофский, 1978, с. 79]. В процессе этого объяснения М. Вартофский, анализируя взаимоотношения между метафизикой, здравым смыслом, глубиной структурой языка, а также возможностью метафизики критиковать основы нашего понимания, путем введения концептуальных моделей, приходит к убеждению о существовании особой эвристической функции метафизики для науки.

Таким образом, философско-исторический анализ взаимоотношений между метафизикой и естественными науками показал, что уже после середины XX века в философии и в философии науки метафизика рассматривается как необходимая и неотъемлемая часть науки.

Вышеприведенный анализ дает нам основание утверждать, что действительно существует **проблема**, требующая глубокого исследования, заключающаяся в том, что, несмотря на претензию психологов создать психологию естественнонаучного

типа, до сих пор не было серьезной попытки исследовать и показать взаимосвязь метафизики и психологии. Возможными причинами такого отставания или ограничения методологического горизонта психологии, кроме идеологической, была опасность перейти границу рациональности и вступить на территорию иррационализма, теологии, разного рода «ведьмачества» и спиритуалистических подходов, о котором предупреждали В.П. Зинченко и А.В. Юревич [Труды..., 2003]. Были причины и методологического характера, о чем будет сказано ниже. Однако развитие философии науки и самой психологии указывают на необходимость пересмотра вопроса об отношении психологии к метафизике и поиска способов рационального решения этого вопроса.

1.3. Метафизические представления в естествознании

Предыдущий анализ, проведенный на уровне философского знания, показал, что наука имеет свои метафизические предпосылки, которые, например, согласно Дж. Агасси, могут играть роль «координирующих факторов научного исследования» или, согласно Т. Куну, метафизические предпосылки, составляя обязательную компоненту парадигмы, определяют особенности содержания и развития науки. Однако, кроме того, необходимо выяснить, как сами естествоиспытатели, изучающие ограниченные области природы, относятся к метафизике, и как это отражается на построении и содержании проводимых ими исследований.

В. Вундт в своей работе «Метафизика» [Вундт, 2006] убедительно показывает неизбежность применения метафизических идей в естествознании. При этом В. Вундт рассматривает три разновидности метафизики, соответствующие трем последовательным стадиям ее развития.

Первую стадию становления метафизики, как особой области знания, В. Вундт назвал поэтически-мифологической, кото-

рая относится ко всем досократовским философам. В поэтической стадии метафизические рассуждения, большей частью приведенные в поэмах древнегреческих философов о природе, еще смешаны с мифом. Но в них уже можно выделить господствующую идею мирового единства, понимаемую как «имманентную миру закономерность» [Вундт, 2006, с. 122], что и выносит ее за рамки мифа. На диалектической стадии, согласно В. Вундту, замеченная мировая закономерность понимается уже «...не как нечто внешне созерцаемое, а как внутреннее понимание и именно поэтому не могущее быть другим» (там же, с. 122). Так, например, в античной философии можно выделить две разновидности диалектической метафизики – платоновскую, стремящуюся отыскать основополагающее понятие совершенно *αργίοι*, как имманентное мышлению, и аристотелевскую, выводящую «...понятие из данного, чтобы затем распространить его с беспощадной последовательностью на все вещи» (там же, с. 139). На третьей, критической стадии, отдельные элементы из всего содержания познанных всеобщих закономерностей подвергаются критическому анализу в отношении их происхождения и связи с общими функциями познания. «При этом, – замечает Вундт, – требование необходимости мышления превращается в требование доказательства логического происхождения познания и упорядочивающих его содержание понятий» (там же, с. 122).

Желая показать метафизику как неискоренимый умозрительный инстинкт человеческого духа, В. Вундт обращается к анализу работ трех естествоиспытателей, которые, как ни удивительно, считали себя антиметафизиками.

Работу Э. Геккеля «Мировые загадки» (1935) Вундт считает основанной на поэтически-мифологической метафизике. К такому заключению В. Вундт приходит, потому что по Э. Геккелю – материи и эфиру свойственны чувствование и стремление; атомы испытывают удовольствие и неудовольствие при

сгущении и разрежении материи; эти же качества проявляются в виде ощущений в органических клетках и доходят до своего апогея в специфических духовных клетках, и в этом высшем развитии материи потом эти чувствования и стремления (ощущения и воля) образуют сознание и мысли [Вундт, 2006, с. 137-138]. Метафизика Э. Геккеля сближается с поэтической метафизикой древних греков через оперирование рядом произвольных соображений и неопределенных аналогий в виде аналогии между соединением и разделением материи и соединением и разделением полов. «Поэтому, – уточняет В. Вундт, – Геккель мог бы с таким же успехом – вместо чувствования и стремления, притяжения и отталкивания – сказать, как и Эмпедокл: любовь и ненависть» (там же, с. 137).

При анализе В. Вундтом работ другого естествоиспытателя Вильгельма Оствальда вырисовывается другая картина. В работе В. Оствальда «Натурфилософия» (2006), кроме собственно натурфилософии, содержится всеобъемлющее мировоззрение, то есть метафизика, и это то, что объединяет указанные сочинения В. Оствальда и Э. Геккеля. Однако в «Натурфилософии» Оствальда мы имеем дело с метафизикой другого рода. Согласно своей классификации, Вундт относит метафизику В. Оствальда к диалектически-онтологической метафизике, так как все – природа, дух, человек и человечество – подчинены одному принципу энергии. Энергетический подход Оствальда стирает границу между естественными и гуманитарными науками и, «...переходя к идеям красоты, добра, человечества и его назначения, расширяется до энергетического мироотношения в самом широком смысле» (там же, с. 140). Это, по В. Вундту, соответствует аристотелевской разновидности диалектической метафизики.

Касаясь вопросов духовных (психических) явлений, Оствальд старается показать, что и в этой области природных явлений также действуют принципы энергетического подхода.

В частности, в них также должен действовать закон превращения и сохранения энергии. Действие этого закона В. Оствальд видит в превращении химической энергии мозговых процессов в предполагаемую «духовную энергию», которая затем превращается в физическую энергию, выраженную в виде усталости или напряжении мускулов. Отсюда делается вывод, что нет необходимости введения «духовной энергии», как новой формы энергии. То, что «духовная энергия» выступает, как промежуточный член в цепи превращений и не может быть непосредственно измерена, не может считаться противоречащим принципу превращения и сохранения энергии. Более того, В. Оствальд не исключает возможности существования и других неизвестных членов и даже энергии трансцендентного характера, «...в случае появления умозрительной необходимости в них» (там же, с. 141). Вместе с тем, подытоживая анализ сочинения В. Оствальда, В. Вундт отмечает, что, несмотря на свой всеобъемлющий охват, энергетический подход не может предвосхитить «положение вещей», происходящих в психических процессах.

Таким образом, В. Вундт относит Э. Геккеля к представителям поэтической или мифологической метафизики, а В. Оствальда – к представителям диалектической метафизики. Соответственно последовательности развития метафизики, в качестве третьего естествоиспытателя В. Вундт рассматривает известного физика и философа Эрнста Маха, которого он относит к представителям критической метафизики, и его концепцию познания. Это обосновывается тем, что метафизические рассуждения у Э. Маха появляются тогда, когда он проводит критический анализ возможности познать природу.

Если для И. Канта, также являющегося представителем критической метафизики, главное – это рассудочные (априористические) логические формы познания, то для Э. Маха – «материя ощущений», и при этом вполне можно обойтись без

основных рассудочных понятий. Они нужны лишь для того, чтобы связывать между собой разные ощущения. И так как это связывание имеет произвольный характер, то для науки очень важно осуществить это «связывание», используя принцип «экономии мышления», то есть, когда данные ощущений связываются между собой простейшим образом, охватывая при этом возможно большое количество исследуемых явлений. Э. Мах всегда выступал против априоризма, однако при ближайшем рассмотрении «экономия мышления» оказывается априористическим принципом, так как невозможно допустить, что он найден посредством опыта. Если все же сделать это допущение, то в нем «...заклучалась бы предпосылка, что образец простейшего способа связи дан уже в самих вещах, и он, стало быть, не субъективный принцип описания, а объективный закон природы, что Э. Мах категорически отвергает, так как такой закон был бы метафизическим и его нахождение было бы «объяснением природы» в старом смысле» (там же, с. 143). Но, если принцип экономии мышления субъективен, как это утверждает Э. Мах, то встает вопрос о том, как он возник. Поэтому в этом смысле принцип экономии мышления является таким же априорным метафизическим понятием, как пространство, время, материя, душа, причинность и т.д. Таким образом, избежать метафизики не удалось и Э. Маху. А борьбу Э. Маха и его последователей против метафизики в физике можно расценивать как «расчищение» физики от старых метафизических парадигм для введения в нее новых, соответствующих духу физики наступающего XX века.

Теперь рассмотрим использование метафизических представлений о мире в одной конкретной науке и покажем это на примере физики, которая всегда служила для психологии образцом и эталоном естественной науки. Для этого нам необходимо показать, как не философы, а физики рассуждали об основаниях бытия, которые в буквальном смысле лежат за преде-

лами возможностей экспериментального доказательства, то есть выходят «за» пределы физики, но без которых физика не смогла бы стать наукой.

Пристальное внимание к метафизике в физике было обращено, когда в начале XX века появились квантовая механика, специальная и общая теории относительности. Фундаментальность этих физических теорий заключается в том, что изучаемые ими явления непосредственно относятся к основаниям устройства мироздания – от элементарных частиц (квантовая физика), до звезд и космологических явлений (общая теория относительности). Сложность объяснения этих явлений и особенно трудности в объединении квантовой механики и общей теории относительности для получения целостной физической картины мира побудили многих выдающихся физиков обратиться к философским размышлениям об основаниях своей науки и тем полностью неосознаваемым априорным постулатам, на которых, во все времена, они строили здание физики. В настоящее время со всей очевидностью стало понятно, что в качестве фундаментальной основы физики всегда принимались метафизические предпосылки, независимо от того, были ее создатели сторонниками или противниками метафизики.

И. Ньютон, как физик, не принимал метафизику. Общеизвестны его высказывания: «Гипотез не измышляю» и «Физика бойся метафизики!». Однако, несмотря на свое научное кредо, всю свою физику И. Ньютон построил на метафизических, то есть априорных и эмпирически не проверяемых, предположениях. В.Д. Захаров (1999) выделяет четыре фундаментальных метафизических постулата, на которых основывается научная парадигма И. Ньютона: 1) мгновенное дальнее действие; 2) абсолютные пространство и время; 3) концепция материальной точки и 4) принцип инерции. Ни один из этих постулатов не может быть эмпирически доказан и, более того, попытка их

научного осмысления приводит к противоречиям и парадоксам. Поясним это на примере принципа инерции. Принцип инерции предполагает существование инерциальной системы отсчета, которая сохраняет состояние прямолинейного и равномерного движения, если сумма воздействующих на нее сил равна нулю (учтем и то, что движение происходит в однородном изотропном пространстве и однородном времени, которые также являются метафизическими предположениями). «Даже, если бы мы могли наблюдать такое движение, – пишет В.Д. Захаров, – возник бы вопрос: относительно чего тело движется прямолинейно и равномерно? Ответ может быть только один: относительно... той же инерциальной системы отсчета. Система отсчета, таким образом, определяется через движение, которое в свою очередь определяемое через систему отсчета» [Захаров, 1999, с. 100]. Далее, если учесть, что сумма всех воздействующих на движущее тело сил при этом должна быть равна нулю, то об этом мы сможем узнать, только наблюдая его движущимся равномерно и прямолинейно в инерциальной системе отсчета. Таким образом, «...мы не только не вышли из порочного круга, но и увязли в нем окончательно» (там же). К таким же парадоксам и неопределенностям приводит анализ остальных метафизических постулатов И. Ньютона (там же, с. 100). Обобщая мысль В.Д. Захарова, отметим: если эти метафизические предпосылки считать пороками классической физики, то нужно иметь в виду, что без этих «пороков» она не возникла бы как наука (там же, с. 99). Уточним лишь, что в классической физике такими же неопределенными метафизическими понятиями являются фундаментальные понятия электричества, энергии, силы, энтропии, а в квантовой механике и в обеих теориях относительности А. Эйнштейна их число резко возрастает, вследствие чего водораздел между метафизикой и современной физикой начинает постепенно исчезать, чем и объясняется необходимая

потребность физиков в философской рефлексии собственных открытий, начиная с 20-х годов прошлого столетия. Одним из ярких примеров подобной научной активности в этом направлении может служить книга известного современного российского физика, профессора МГУ, Ю.С. Владимирова, изданная (сравнительно недавно) под названием «Метафизика», и это несмотря на то, что книга посвящена рассмотрению фундаментальных проблем современной теоретической физики [Владимиров, 2009]. В ней Ю.С. Владимиров убедительно показывает влияние метафизики древней Греции на физиков всех времен, и на примере собственной физической концепции демонстрирует возможность и эффективность использования метафизических идей по образцу античных философов, но преобразованных, согласно логике развития современной физической науки.

Таким образом, анализ показал, что в основе науки лежат метафизические представления о мире, о его устройстве, и именно на этих метафизических предпосылках затем возводится здание всей науки. Эти соображения дают нам право предположить, что в психологии, как естественной науке, возможно и необходимо использование метафизического подхода, как образа мышления, направленного на решение фундаментальных проблем психического отражения реальности.

ГЛАВА 2. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

2.1. О значении метафизики в психологии

Во второй половине XX века исследователями в области философии науки было показано, что наука основывается на определенных метафизических предпосылках (Вартофский, 1978; Кун, 2009; Agassi, 1964). Поэтому психология, как наука, также не может избежать метафизики – такова особенность становления науки в мышлении ученых, которая всегда в научном исследовании актуализируется в пределах и понятиях определенной парадигмы. А научная парадигма, как показал Т. Кун, всегда предполагает наличие определенных метафизических предпосылок, лежащих в основании науки. Вопрос лишь в том, происходит ли обращение к метафизике осознанно или неосознанно. Отрицание метафизики и эксплицирует тот случай, когда метафизические основания принимаются неосознанно, являющееся следствием того, что, как показала С.Ф. Арутюнян, личности свойственна трансцендентность, как стремление к обладанию «запредельностью», позволяющее человеку выйти за грань своих возможностей [Арутюнян, 2007, с. 251]. Но это приводит к тому, что становится невозможным анализ и отбор метафизических представлений и, следовательно, преобразование и развитие «вырастающей» из них науки.

Современная психология находится именно в таком состоянии: отказавшись от осознанного использования метафизики (метафизических идей), как способа философского подхода к исследованию первопричин возникновения психических явлений, психологи «не замечают», что психология полна проблем,

требующих для своего решения применения метафизического подхода.

Однако в начале XIX века отношение к метафизике среди психологов было другим. Так, в 1824 году И. Герbart публикует работу «Психология, как наука, вновь основанная на опыте, метафизике и математике» [Герbart, 2007], из которой становится ясным, что необходимость применения метафизики в психологии для И. Гербарта обусловлено тем, что «данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью» [Герbart, 2007, с. 67]. «Познать все то, что за занавесью» и есть задача метафизики, поэтому из приведенной цитаты видно, что для И. Гербарта метафизика является необходимой частью психологии. Даже В. Вундт, основоположник научной психологии, пишет философскую работу «Метафизика» [Вундт, 2006], в которой показывает неизбежность применения в науке метафизических идей даже в том случае, если ученые считают себя убежденными антиметафизиками как, например, физик и философ Э. Мах.

На необходимость применения в психологии метафизики указывал также У. Джеймс в конце XIX века. В эпилоге своего знаменитого учебника по психологии У. Джеймс [Джеймс, 1991] специально поднимает вопрос о значении метафизики для психологии, осознавая, что многие психические явления не могут быть изучены экспериментально, основываясь на принципе детерминизма, и должны быть включены в область метафизики. Окончательное решение на чисто психологической почве, например, такого вопроса, как человеческая воля и ее свобода, У. Джеймс считал преждевременным. Для У. Джеймса, метафизика – это «упорное стремление к ясности и последовательности в мышлении» (там же, с. 356). Исходя из всего

контекста эпилога, можно допустить, что У. Джеймс имеет в виду «упорное стремление» к первопричинам психических явлений, к исключению всех неясностей, перед которыми бессильны эмпирические методы, направленные на их исследование.

Кроме того, для У. Джеймса метафизика – эта та область знания, где производится взаимная проверка принципов, принимаемых на веру отдельными науками. Эти основополагающие принципы (метафизики), часто неясные и полные противоречий, обычно не имеют практического значения и могут быть оставлены без внимания для специальных исследований. «Этим, – пишет У. Джеймс, – определяется то презрительное отношение к метафизике, которое так часто можно наблюдать» (там же, с. 357). Так, например, для геолога не имеет никакого значения вопрос о том, что такое время? Какова его сущность? А «психологу нет времени задаваться вопросом, каким образом он и дух, объект его исследования, познают тот же внешний мир» (там же).

Кроме свободы воли человека и того, как человек и его дух познают внешний мир, У. Джеймс особо выделяет и анализирует четыре проблемы, попытка решения которых приводит к противоречиям: 1) отношение сознания к мозгу, 2) отношение состояний сознания к объектам, 3) выяснение изменчивого характера нашего сознания и 4) проблема существования состояний сознания. Анализ этих проблем подводит У. Джеймса к мысли, что их невозможно разрешить на основе существующих психологических теорий, потому что анализ, основанный на фундаментальных категориях этих теорий, приводит к противоречиям. Напомним, что фундаментальные категории существующих психологических теорий обозначают собой эмпирически выявленные элементарные единицы или события психической реальности. Все подобные проблемы, согласно Джеймсу, требуют для своего решения «тонкого метафизического анализа» (там же, с. 358).

Вслед за У. Джеймсом, феноменом свободной воли заинтересовался Карл Ясперс (1997), который считал, что именно этот феномен придает психике характер рационально непостижимой загадки. Осознав невозможность решения проблемы свободы воли на уровне эмпирических знаний из психологии и психопатологии, Ясперс обращается к философии и стремится «...выйти на более высокий, метанаучный уровень исследования и тем самым получить доступ к ресурсам метафизики, скрытым от позитивистски ориентированных психологов и психиатров» [Водолагин, 2008, с. 140].

В своей работе Ясперс (1997), не соглашаясь с представлениями Р. Декарта о душе, как вещи мыслящей, так характеризует психику: «Психическая субстанция или душа не есть вещь. Говорить о «душе» как об объекте – значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает сознание, но, в той же мере, она означает бессознательное. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как «бытие в собственном мире», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа – это становление, развертывание, различение; в ней нет ничего окончательного, завершенного» [Ясперс, 1997, с. 34]. Как видим, К. Ясперс отходит от традиционной психологической трактовки психического, как совокупности психических явлений, отражающих действительность. Наоборот, душа (или психика – в данном контексте их смыслы совпадают) как становящееся и различающее, *само должно привести к множественности психических явлений и их свойств*. Сама она безобъектна и внеобъектна, лишена каких-либо свойств, поэтому о ней можно говорить лишь как о метафизическом «объекте», существующем как «бытие в собственном мире», а не в мире воспринимаемых объектов. Если теперь сопоставить приведенное определение психического К. Ясперса с представлениями о порождающем процессе восприятия в сформированном к

концу XX века афизикальном подходе А.И. Миракяна (1995), то между ними можно заметить много общего, и надо полагать, что это совпадение не случайное.

В конце XIX века интерес к метафизике возрастает и в России. В первую очередь, это было связано с работами В.С. Соловьева, среди которых особое место занимает «Кризис европейской философии», направленными против позитивизма западной философии [Соловьев, 1990].

Основным вопросом метафизики В.С. Соловьев считает вопрос о том, что такое сущность мира, если непосредственное его представление ничего о нем нам не говорит? Этот же вопрос переносится в область метафизической психологии, но с целью исследования сущности психических явлений и феноменов, которые и определяются как представления о мире. В.С. Соловьев отмечает также те ограничения, которые возможны на пути метафизического познания мира: «Этот вопрос не может быть разрешен путем отвлеченно-логическим, познание метафизической сущности не может быть выведено из общих понятий, ибо эти последние не имеют в природе своей никакого самостоятельного, первичного значения, будучи лишь отвлечениями от данных непосредственного воззрения, внешнего или внутреннего» [Соловьев, 1990, с. 56]. Кроме того, В.С. Соловьев считал, что чем выше ступень развития, на которой находится явление, тем больше в нем метафизического. Поэтому в психике человека больше метафизического содержания, чем в любом другом эмпирически наблюдаемом явлении природы.

В это же время разные аспекты метафизики исследуются знаменитыми философами и психологами России. Образовалась целая плеяда русских метафизиков в лице Н. Бердяева, С. Франка, С. Трубецкого, Н. Грота, П. Флоренского, Г. Шпета, Г. Челпанова и др., которые разрабатывали вопросы о значении метафизики не только для философии, но и для психо-

логии. Их общее мнение о взаимосвязи психологии и метафизики можно обобщить словами П. Флоренского: «В порядке онтологическом сказано было бы: метафизика производит психологию; в порядке психологическом, напротив: психология определяет наши метафизические построения. В порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику» [Флоренский, 2009, с. 20]. Другими словами: психические явления, изучаемые психологией, возникают из каких-то природных первоначал, но сами эти первоначала определяются психологом, как метафизическое знание.

Г.И. Челпанов, как сторонник метафизической психологии, считал себя идейным последователем С.Н. Трубецкого и вслед за ним осознавал необходимость применения метафизики для решения проблем психологии [Челпанов, 1907]. Эту необходимость Г.И. Челпанов показывает на примере работ И. Гербарта, из которых следовало, что «без философского (метафизического в том числе – Р.Н.) учения о душе нельзя было приступить к объяснению законов душевных явлений. Законы же душевных явлений выводились дедуктивно из принципов, которые лежали в основе учений о душе» [Челпанов, 1907, с. 309]. Анализируя связь между психологией и философией, Г.И. Челпанов выделяет три типа отношений, в зависимости от способа определения философии: философия как метафизика, теория познания и как метод обобщения данных психологии, результаты которых «...могут быть положены в основу науки о душе». Если под философией «...понимать прежде всего *метафизику*», тогда для понимания закономерностей душевной жизни необходимо построение метафизической теории о природе души, чтобы ответить на вопросы, «...существует ли душа, есть ли она что-либо материальное, есть ли она субстанция и т.п.» (там же, с. 313). Необходимость изучения души (или психики) при помощи метафизики Г.И. Челпанов аргу-

ментирует следующим образом: «Всякое описание необходимо предполагает *объяснение*. Для объяснения необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии, т.е. при изучении психических явлений мы должны выходить за пределы непосредственно воспринимаемых психических процессов, а это, как мы увидим ниже, предполагает употребление каких-либо понятий философски обработанных» (там же, с. 314). Очевидно, что здесь Г.И. Челпанов имеет в виду выход в метафизическую область исследований. Как видно из приведенной цитаты, Г.И. Челпанов уже тогда говорил, выражаясь языком современной психологии, об ограниченности «продуктного» подхода для изучения принципов и закономерностей психического.

Таким образом, российская психология вступала в XX век с ясным пониманием необходимости применения метафизического подхода для исследования психики или души, готовая к его последовательному развитию.

Однако судьба метафизики в российской психологии, как одного из средств познания психического, окончательно была решена Л.С. Выготским при проведении им кардинальной перестройки методологических основ психологии для вывода ее из состояния кризиса [Выготский, 1982]. Не приняв результатов анализа причин кризиса, проведенного такими психологами, как Ф. Brentano, Н.Н. Ланге, К. Бюлер, и предложенных ими частных путей выхода из него, Л.С. Выготский высказывает идею о возможности построения общепсихологической теории на основе принципиально новой методологии – марксистской. Этим и было предreshено отрицательное отношение к метафизике, потому что марксизм, присвоивший многое из философии Г. Гегеля, так же изменил истинное значение метафизики и пренебрежительно относился к ней, как к примитивной, однобокой форме мышления, не имеющей ничего общего с научным диалектическим методом и, более того, относящейся-

ся к идеалистической философии. В то же время Л.С. Выготский критикует эмпиризм за непоследовательность в своем стремлении построить психологию без души [Ланге, 1914], психологию без всякой метафизики [Введенский, 1917], психологию, основанную на опыте [Геффдинг, 2010]. «На деле, – обобщает далее Л.С. Выготский, – нет ни одной эмпирической системы психологии, все переходят за грань эмпиризма... Все системы на деле переплескивали в своих выводах и уходили корнями в метафизику...» (там же, с. 378-379). Основную причину методологической «слабости» эмпиризма Л.С. Выготский видит в отсутствии философского принципа, в отказе «...выяснить свои конечные посылки, осознать собственную научную природу» (там же, с. 378). Рассуждения Л.С. Выготского обращают внимание на вопросы, им не затронутые: что заставило, казалось бы, эмпириков Н.Н. Ланге, А.И. Введенского и Г. Геффдинга, при обобщении результатов своих исследований, обратиться к метафизике? Что они искали в метафизике? Логика обоснования и обобщения научного исследования подсказывает, что это могло быть: поиск объяснительных философских принципов, выяснение своих конечных посылок и желание осознать собственную научную природу. Метафизика также имеет свои философские принципы. Но в данном случае мы сталкиваемся с разными способами понимания сути и назначения метафизики Л.С. Выготским – с одной стороны, и Н.Н. Ланге, А.И. Введенским, Г. Геффдингом, Г.И. Челпановым и др. – с другой. Л.С. Выготский отрицает связь метафизики с эмпирией, а другая сторона не только признает эту связь, но, к тому же, видит в ней определенную логику. О Г.И. Челпанове Л.С. Выготский пишет: «Челпанов находит, что она (психология – Р.Н.) должна иметь «надстройку» и «подстройку». Оказывается, есть философские понятия, которые нужно рассмотреть *до изучения психологии*, и исследование, предваряющее психологию, он называет под-

стройкой: только с ней можно построить эмпирическую психологию» (там же, с. 379). Подстройка, предваряющая психологию, и есть метафизика, сторонником которой всегда и был Г.И. Челпанов. А «философские понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии» (критика Выготского) для Г.И. Челпанова означало невозможность объяснить психическое, используя понятия, относящиеся к области непосредственно данных психических явлений (в противном случае, согласно современным представлениям, психолог оказывается в пределах «продуктной» парадигмы), применяя для этой цели «понятия, философски обработанные» (Челпанов), то есть метафизические, лишенные собственно психологического содержания.

Обсуждая научные приоритеты Г.И. Челпанова, Л.С. Выготский ссылается на его работу 1924 года [Челпанов, 1907], в которой Г.И. Челпанов пробует синтезировать противоречивые методологические позиции – марксизм и метафизику, что делало эту работу уязвимой для критики. Поэтому гораздо интереснее было бы узнать мнение Л.С. Выготского о работе Г.И. Челпанова 1907 года, которая была результатом его программного выступления, посвященного анализу места философии и метафизики в психологии, когда Г.И. Челпанов, независимый от норм и стереотипов какой-либо идеологии, полностью, без искажений, изложил свои философско-психологические взгляды. Но, к сожалению, Л.С. Выготский этого не сделал.

В чем же состоит коренное отличие подходов (или образа мышления) Г.И. Челпанова и Л.С. Выготского к изучению психического? Принятие Г.И. Челпановым метафизической парадигмы позволяет предположить, что он рассматривает психическое как порождающий процесс, а Л.С. Выготский, сторонник историзма, – как развивающийся процесс. Поэтому Г.И. Челпанов ищет причину порождения, а Л.С. Выготский –

причины развития. Поэтому у Г.И. Челпанова философия (метафизика, природа), предшествует психологии, а у Л.С. Выготского, методология которого основана на историческом материализме, исследование начинается с уровня уже сформировавшихся психических феноменов, рассматриваемых через призму культурно-исторических условий развития. Следовательно, Г.И. Челпанов рассматривает онтологию психического, как «бытие в возможности», а Л.С. Выготский – как «бытие в действительности» (по Аристотелю). А если продолжить логику рассуждений Аристотеля, то следует дополнить, что «бытие в возможности» предшествует «бытию в действительности». Поэтому Г.И. Челпанов видел возможность продолжения или перехода метафизики в эмпирию, а для Л.С. Выготского они были разобобщенными и независимыми друг от друга областями знания.

Из контекста рассматриваемого нами сравнения следует также, что душа в метафизике русских психологов на рубеже XIX-XX в.в. рассматривалась не как что-то данное Богом (мы не рассматриваем религиозный аспект души), а как метафора или символ причины порождения психического. Поэтому вполне понятно сожаление С. Франка, который писал: «Прекрасное обозначение *«психология»* – учение о душе – было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что когда теперь размышляешь о природе души, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение» [Франк, 1917, с. 3]. Под «иной научной областью» С. Франк, безусловно, имел в виду современную ему и нам психологию.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Л.С. Выготский придерживался продуктного подхода и считал ненаучным обращение к гипотетическим и эмпирически недоказуе-

мым природным тенденциям и принципам метафизики, которая в приложении к психологии и должна быть направлена на выявление возможностей порождения психики.

В связи с анализом философско-методологической позиции Л.С. Выготского необходимо отметить, что он был прав, когда выступал против непосредственного применения диалектического материализма в психологии, потому что, действительно, нельзя смешивать философский (это касается также и метафизики) и психологический уровни анализа: «Диалектический материализм, – пишет Л.С. Выготский, – есть наука самая абстрактная. Непосредственное приложение диалектического материализма к биологическим наукам и психологии, как это сейчас делается, не идет дальше формально-логических, словесных подведений под общие, абстрактные, *универсальные* категории частных явлений, внутренний смысл и соотношение которых неизвестны. В *лучшем* случае это может привести к накоплению *примеров*, иллюстраций. Но не больше. Вода-пар-лед и натуральное хозяйство-феодализм-капитализм с точки зрения *диалектического материализма* – одно и то же, один и тот же процесс. Но для *исторического материализма* какое *качественное* богатство пропадает при таком обобщении!» [Выготский, 1982, с. 420-421]. Однако, уже из этой цитаты видно, что Л.С. Выготский, при выборе философских оснований методологии психологии, отдает предпочтение историческому материализму. Поэтому окончательный вывод Л.С. Выготского однозначен: брать из марксизма «...не диалектический материализм, а исторический материализм» (там же). Таким образом, отказавшись в разработке методологии психологии от диалектического материализма (но не диалектического образа мышления), автор еще больше отдаляется от изучения психического, как природного явления. То есть изначально перед новой научной психологией ставится задача изучать психику не как природное, а как историческое, обще-

ственное явление, в контексте человеческой истории, как продукт культурно-исторического развития. А это означает, что, в дальнейшем, такая методология приведет к исследованию развития или изменения психических функций, как определенных эмпирических данностей, совершенно игнорируя порождающие их процессы (единственное, что может быть общим для всех психических функций и феноменов во всем многообразии их проявлений), скрытые за этими данностями и не зависящие от особенностей культурно-исторических условий существования.

Таким образом, культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, несмотря на ее огромное значение не только для российской, но и для мировой психологии, была и остается теорией, исследующей лишь психические феномены и отношения между ними в своем специфическом культурно-историческом аспекте. Следовательно, исследование естественно-природной составляющей психического ограничивается не мыслительными возможностями психолога, а самой методологией концепции. Поэтому фундаментальная попытка А.Н. Леонтьева по исследованию эволюции психики [Леонтьев, 1959] есть одновременно попытка выхода за пределы культурно-исторической парадигмы. Точкой отсчета для А.Н. Леонтьева в этом исследовании является предпсихическое свойство раздражимости живых организмов. Однако и в этом случае возникают вопросы: какой процесс приводит к возникновению самой раздражимости? Какие процессы приводят к переходу от одной фиксируемой стадии развития психического к другой фиксируемой стадии развития? Что помешало А.Н. Леонтьеву идти дальше вглубь материи или исследовать то, что происходит в «зазоре» (наименьшем промежутке) между двумя фиксированными стадиями развития?

Анализ отношения Д.Н. Узнадзе (2004) к проблеме души, как предполагаемому предмету научно-психологического ис-

следования, позволяет пролить свет на эти вопросы. Наиболее характерной чертой современной науки Д.Н. Узнадзе считает то, что «...каждая наука изучает ту или иную сторону непосредственно данной действительности» [Узнадзе, 2004, с. 26]. Отсюда естественный вывод: чтобы признать душу предметом научного исследования, ее действительность должна быть дана непосредственно. Другими словами, так как душа не может быть подвергнута эмпирическому исследованию, то она не может быть предметом научного исследования. Очевидно, что психолог непосредственно может иметь дело лишь с проявлениями души, но не с самой душой. Поэтому вполне логично заключение Д.Н. Узнадзе: «Отсюда бесспорно, что душа может быть предметом исследования не подлинно научного, а лишь выходящего за пределы эмпирической действительности и стремящегося проникнуть в метафизическую сферу. Следовательно, рассмотрение души в качестве предмета психологии характерно для так называемой «метафизической», а не научной психологии» (там же, с. 27). Таким образом, Д.Н. Узнадзе не только четко разделяет метафизическую и научную психологию, но и указывает на их несовместимость. Как видим, такой подход эксплицирует в качестве предмета научно-психологического исследования феноменологию психической реальности, а то, что порождает эти феномены (душа или еще что-то другое) – причины, непосредственно не наблюдаемые в эмпирическом исследовании психолога, – остается запретным «плодом» научно-психологического познания.

Из сказанного можно сделать вывод, что исследовательские возможности А.Н. Леонтьева ограничивала не методология, как в случае с Л.С. Выготским, а *определение* науки, как средства познания того, что непосредственно дано в действительности. А если это условие нарушается, объект исследования оказывается «невидимым» для исследователя, тогда проблема становится ненаучной, потому что ее решение потребует соз-

дания гипотетических определений предмета и объекта исследования. Но от этого «невидимый объект» или соответствующая проблема не перестают существовать. Однако если метафизику включить в науку, как ее необходимую часть, что и сделала современная философия науки, то границы научного психологического познания намного расширятся, и психолог будет иметь *право* исследовать и то, что находится «за занавесью» психических феноменов или предпсихических свойств живых организмов. В этом случае фактором ограничения может оказаться глубоко эмпирическое мышление человека, именуемое в современной психологии «продуктным» подходом, не приспособленного для исследования того, что находится за пределами непосредственных данностей чувственного опыта. Все эти ограничения (идеологические, методологические, научные, а также эмпиричность мышления) способствовали утрате культуры метафизического образа мышления и, тем самым, ослаблению онтологической (в аристотелевском смысле) составляющей современной теоретической психологии.

Одна из попыток вновь обратиться к метафизике, чтоб вывести психологию из кризиса, была предпринята В.П. Зинченко (заметим, однако, что даже в этом случае им не было произнесено слово «метафизика!»). В своем выступлении на «Круглом столе», организованном журналом «Вопросы философии» в 1993 году, В.П. Зинченко, характеризуя состояние психологической науки, оценил его не как кризисное (как это принято говорить), а как катастрофическое [Зинченко, 1993]. Согласно В.П. Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспособляясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика В.П. Зинченко видит в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX века, для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание».

Чтобы пояснить свою мысль, В.П. Зинченко приводит пример того, как идеи В.С. Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте оказали влияние на П.А. Флоренского, В.И. Вернадского, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Северцева и А.Г. Гуревича (о духосфере, ноосфере, биосфере, психике как факторе эволюции, биологическом поле – соответственно). Кроме того, В.П. Зинченко указывает на влияние идей П.А. Флоренского об органопроекциях на представления А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна и А.Н. Леонтьева о функциональных органах индивидуальности. Эти примеры научной преемственности и взаимовлияний В.П. Зинченко характеризует, как гармоничность многоголосного звучания и отмечает это как особенность феномена культуры, научно-философского сознания ученых той эпохи. Однако для нас важно добавить к сказанному В.П. Зинченко то, что эти идеи В.С. Соловьева и П.А. Флоренского о всеединстве человеческого знания, Абсолюте и органопроекциях – метафизические идеи, которые в современной психологии оцениваются как сомнительные, ненаучные, однобокие, одним словом, не достойные внимания. Но, как оказалось, именно метафизические идеи оказали большое влияние на формирование некоторых сторон научного мышления выдающихся ученых российской науки и, в частности, психологии того времени. Эта поразительная разница в образе мышления ученых начала XX века и настоящего времени объясняется просто: в настоящее время в психологии, по известным причинам, указанным В.П. Зинченко, **полностью** утрачена традиция, точнее, культура метафизического мышления. Это привело к тому, что, несмотря на большое количество методологических и теоретических работ, тем не менее, психология считается естественной наукой лишь потому, что в ней все начинается с экспериментально выявленного факта и заканчивается экспериментально доказуемым фактом (вслед за чем следуют методологические и теоретические обобщения).

То есть ядром научно-психологического исследования становится позитивистский «принцип»: «от эксперимента – до эксперимента», и выходить за эти рамки в область возможных, но эмпирически недоказуемых, гипотез не положено.

Другая попытка изменения методологической «ситуации» относительно отношения психологии к метафизике была принята известными методологами российской психологической науки А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским в книге «Основы теоретической психологии» [Петровский, Ярошевский, 1998]. Согласно этим авторам, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены им соответствующие онтологические модели. «На этом пути, – пишут А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, – открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)» (там же, с. 31). То есть А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский считают необходимым для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии обращение к метафизическому способу теоретизирования. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем, этот плоский подход к пониманию метафизики, игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева» (там же). Таким образом, после почти векового игнорирования, вновь, при решении фундаментальных проблем психологии, зазвучал призыв обращения к культуре метафизического образа мыш-

ления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли. Вопрос лишь в том, готово ли современное сообщество психологов поддержать этот призыв?

Необходимость обращения к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева, согласно авторам цитируемой работы, обусловлена их важнейшим значением «...для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии» (там же). А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский безусловно правы, указывая на то, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания, при помощи метафизического способа рассуждений (как было показано выше, так же рассуждал и Г.И. Челпанов), однако, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии, необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые также являются предметом исследований теоретической психологии. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии; и, во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке Запада и Востока.

Самая важная для нашего исследования мысль А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии, как научной дисциплине, и, более того, она необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологической науки.

В качестве примера необходимости обращения к метафизике можно привести также замечание И.В. Имедадзе (2013), сделанное им по поводу возможностей интерпретации биосферной концепции Д.Н. Узнадзе. Рассуждая о путях преодоления Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и Д.Н. Узнадзе постулата непосредственности, И.В. Имедадзе приходит к выводу, что ни знак, ни деятельность не могут служить в качестве опосредствующего звена в дихотомии среда-психика, так как знак можно включить в первый член этого соотношения, а деятельность – во второй. «Наиболее логичным решением – пишет далее И.В. Имедадзе, – представляется биосферная концепция. Вместе с тем, имея в виду ее некоторую метафизичность, последняя, по-видимому, нуждается в большей обоснованности. Тут можно обратиться и к новым квантовым, и к старым восточным представлениям» [Имедадзе, 2013, с. 271]. Интересно отметить, что, вместе с констатацией факта существования в психологии метафизического «объекта» исследования, И.В. Имедадзе не исключает возможности использования представлений о квантовых явлениях для объяснения метафизического характера биосферы в понимании Д.Н. Узнадзе (можно предположить, что И.В. Имедадзе имеет в виду философию квантовой физики, с неклассических позиций создающую новые представления об устройстве мира).

Однако, в связи с вышесказанным, следует отметить три факта, вызывающие чувство сожаления. Во-первых, ни В.П. Зинченко, ни А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский не взялись за разработку метафизического подхода в психологии, которая как региональная наука, должна обладать региональной (специфической) метафизикой. Во-вторых, ими остались незамеченными исследования А.И. Миракяна (1995) и В.М. Аллахвердова (1994), применивших метафизический подход для экспликации онтологического статуса непосредственно-чувственного отражения и сознания соответственно. И, в-третьих, ни

после выступления В.П. Зинченко, ни после выхода в свет обсуждаемой книги А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского отношение психологов к метафизике не изменилось – осталось отрицательным, и эта тема, разработка которой во многом могла бы способствовать построению общепсихологической теории, осталась не исследованной. Исключение составляют лишь исследования А.И. Миракяна, последовательно, но имплицитно, применившего метафизический подход для решения проблем непосредственно-чувственного отражения, а также работы его последователей, продолжающих разрабатывать этот подход (С.Л. Артеменков, Г.С. Есаян, В.И. Козлов, Н.Л. Морина, Р.М. Нагдян, В.И. Панов, Р.А. Погосян, Г.В. Шукова, и др.).

Таким образом, анализ современного состояния отношения психологии к метафизике показал, что, несмотря на позитивное отношение к ней некоторых ведущих методологов, в целом, это отношение остается отрицательным. Об этом свидетельствует хотя бы книга Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова «Методологические основы психологии» (2011). В этой работе, насыщенной анализом многих философских концепций, о метафизике упоминается лишь в связи с обзором методологических нововведений Л.С. Выготского, который иначе (ограниченно) воспринимал метафизику и отрицательно относился к ней. Кроме того, несмотря на то, что Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов неоднократно обращались к тексту цитируемой книги А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, метафизика, в предложенном ими аспекте, не обсуждалась и оказалась вне поля внимания авторов «Методологических основ психологии». С другой стороны, данные философии науки и философский анализ корней возникновения естественных наук, проделанный самими естественниками (особенно физиками и математиками), указывают на необходимость наличия метафизических предпосылок для построения основ здания науки. Это означает, что актуальность проблемы отношения психоло-

гии к метафизике давно созрела (исходя из специфики своего предмета, психологи должны были решить эту проблему раньше, чем это сделали физики) и требует *поиска путей* для своего положительного решения, и при этом выбор способа анализа и образа мышления являются главными факторами достижения успеха в этом направлении развития теоретической психологии.

Таким образом, была показана необходимость метафизического подхода для выявления природных предпосылок, порождающих психические явления, и, одновременно, были выявлены причины, ограничивающие возможности применения метафизического подхода в психологии.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что этим не умаляется значение эксперимента в определении статуса научной психологии. Более того, именно экспериментом проверяется истинность (в философском смысле) и эффективность (в практическом смысле) выбранных метафизических предпосылок. Меняются лишь акценты: метафизика направляет и определяет характер экспериментальных исследований психических явлений, чем и создается возможность принятия или опровержения выбранных метафизических предположений. Этим мы еще раз хотим подчеркнуть связь между метафизикой и эмпирией, которая была столь естественна и необходима для психологов-метафизиков Серебряного века России.

В заключении еще раз отметим, что, несмотря на тотальную, «само собой разумеющуюся», антиметафизичность психологов (за исключением вышеназванных), тем не менее, как уже было отмечено, А.И. Миракяном и В.М. Аллаhverдовым были проведены теоретические исследования фундаментальных проблем психологии с использованием метафизического подхода, оставшиеся вне поля научно-психологической рефлексии. Анализу и обсуждению их работ посвящены следующие разделы нашего исследования.

2.2. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна

Свою концепцию психического отражения А.И. Миракян назвал трансцендентальной психологией восприятия [Миракян, 1995]. И это было обусловлено тем, что проблему поиска принципов порождающего процесса восприятия невозможно было решить на основе данных, относящихся к реальности уже-отраженных продуктов восприятия. Для этого, как показал А.И. Миракян, необходима трансценденция от психической реальности продуктов восприятия [Миракян 1992, 1995, 1999, 2004]. Однако сложность определения особенностей области трансценденции в том, что она не дана нам в непосредственном опыте. Поэтому для решения этого вопроса, необходимо было обратиться к метафизическому подходу, позволяющему осуществить умозрительный переход в реальность до отражения, где еще нет продуктов восприятия, нет отражения как такового, но есть возможности его порождения. Естественно, этот переход к философскому (метафизическому) способу рассуждения о предпосылках процесса отражения был нужен для выявления тех природных принципов, действие которых обеспечивало образование возможностей порождения процесса психического отражения. Поэтому свои метафизические рассуждения А.И. Миракян начинает с понятия НИЧТО, которым обозначается само бытие как единое, включающее в себя бесчисленное многообразие материальных форм, не обладающих чем-то, что можно было определить как «нечто», представленное нашему сознанию. Бесконечное множество материальных форм А.И. Миракяном определяется как глобальность (аналог античного хаоса). В диалоге с известным советским психологом В.В. Давыдовым, приведенным в монографии А.И. Миракяна «Контурсы трансцендентальной психологии» (1999), В.В. Давыдов спрашивает: «Что есть восприятие, как не придание форме хаоса формы порядка?». А.И.

Миракян дополняет: «Это у нас называется движением от глобальности к упорядоченности». В.В. Давыдов вносит уточнение: «Да, но я бы обострил формулировку: от хаоса, тоже имеющего свою логику. Думать, что хаос – это абсолютный хаос, – наивно» [Миракян, 1999, с. 94]. И действительно, в дальнейшем А.И. Миракян показывает, какова должна быть логика существования глобальности, чтобы возникла возможность порождения процесса восприятия (или по-другому – упорядочения глобальности). Уже из сказанного становится понятным, что А.И. Миракян использует тот способ мышления, который в философии принято называть метафизическим. Таким образом, в качестве средства исследования психического отражения А.И. Миракяном был избран метафизический подход, поскольку перед собой он поставил задачу поиска предельных первопричин возникновения психического. Это ставит вопрос о границах применимости психологических знаний для исследования психического. Перевод сферы исследования из реальности психических феноменов в реальность допсихического мира поднимает проблему необходимости введения нового (не психологического) метода для исследования возможностей возникновения психического. Философско-методологический анализ проблемы психического восприятия позволил А.И. Миракяну выявить два взаимодополняющих подхода. Первый касается афизикального подхода, отрицающего возможность применения «продуктивных» понятий для реконструкции порождающего процесса, второй – использования метафизического образа мышления, который А.И. Миракян, как средство исследования, применил при построении своей концепции. Заметим, однако, что последний упомянутый подход, как теоретический метафизический метод исследования первопричин возникновения психического, в концепции А.И. Миракяна не был озвучен. Поэтому возникает необходимость методологического анализа метафизического

подхода (образа мышления) в том его ракурсе, который относится к исследованию возможностей возникновения психического отражения и создания соответствующей концепции.

Для корректности и однозначного понимания смысла понятия «метафизика» уточним, что мы понимаем ее не в новом смысле, распространенном в современной психологии, как состоящую в противопоставлении диалектическому методу, а в старом смысле – «...как совокупность утверждений (или теорию), учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [Мамардашвили, 1996, с. 93].

Если обратимся к истории развития метафизики, то обнаружим, что близкие по духу мысли уже были высказаны метафизиками Древней Греции, и ближе всех среди доплатоновских философов, как мы предполагаем, был Парменид. Поэтому для прояснения особенностей метафизического подхода А.И. Миракяна проведем параллели между образом мышления его и Парменида, учитывая также ту оценку философии Парменида, которую дал Б. Рассел: «Историческое значение Парменида состояло в том, что он изобрел форму метафизической аргументации, которая в том или ином виде может быть обнаружена у большинства последующих метафизиков, включая Г. Гегеля. Часто говорят, что Парменид изобрел логику, но в действительности он изобрел метафизику, основанную на логике» [Рассел, 2010, с. 66].

В работе С.Н. Трубецкого (2003) находим достаточно полное изложение мировоззрения Парменида, поэтому дальнейшее изложение его рассуждений о бытии будет основываться именно на этой работе. Трубецкой начинает анализ философии (метафизики) Парменида с того же, что и Миракян перед знакомством со своей концепцией психического отражения. А именно: с анализа пути познания (образа мышления), который (в настоящее время) становится существенным, после выявления ограниченности эмпирического продуктного (традицион-

ного) подхода к исследованию процесса психического отражения. Так, в своей поэме «О природе» Парменид говорит о двух путях познания: пути истины, веры и божественного знания – есть то, что есть, и нет того, чего нет; и пути мнимого знания, пути обманчивого мнения смертных (то есть обычных людей, обладающих естественным эмпирическим образом мышления – Р.Н.) – есть то, чего нет. Поэтому в дальнейшем изложении, основываясь на этом разделении, Парменид развивает понятие истинно сущего и его отношения к эмпирической действительности (там же, с. 262). Истинно сущее, по Пармениду, есть вечное не происходящее, целокупленное, однородное, неизменное. Сущее не разделено на части, все равно себе самому. «Оно всецело полно бытия и простирается, как непрерывное «однородное» целое, ибо сущее нераздельно *примыкает к сущему* и ничем от сущего не отличается, так что все *одно*» (там же, с. 262). Сущее есть абсолютная полнота, оно неизменно и неподвижно, так как «...генезис и разрушение отступили далеко от него» (там же, с. 264). По мнению С.Н. Трубецкого, у Парменида имеет место непосредственное отождествление мыслимого и сущего: «...чистая мысль свободная от чувственных внешних аффектов и впечатлений и равна чистому бытию» (там же, с. 266). То есть бытие Парменида лишь умпостигаемое. Однако сущее не только чистая мысль, оно имеет также совершенно неделимую телесность, как полноту бытия, но такую телесность, в которой отрицаются последовательно все возможные эмпирические ограничения. Эта телесность неделима, непроницаема, неизменна, она находится не только вне времени, но и вне пространства. «Это вселенское тело *вездесуще*: оно пребывает «все вместе» в едином вечно-настоящем моменте и в каждой точке, будучи совершенно нераздельно и во всем равно себе» (там же, с. 267). Как видим, это очень похоже на описание Миракьяном глобальности, взятой отдельно от упорядоченности: глобаль-

ность – едино, аморфно, однородно (или гомогенно), в нем нет ни времени, ни пространства, ни движения в той форме, в какой мы их осознаем.

О способе познания сущего С.Н. Трубецкой пишет, «...что мы должны «достигать умом «отсутствующее как присутствующее» (надо полагать, что слова, взятые в кавычки, это уже слова самого Парменида – Р.Н.), не разделяя сущее от сущего как бы на отрезанные куски» (там же, с. 267). К сожалению, С.Н. Трубецкой не комментирует значение понятий «отсутствующее» и «присутствующее», употребляемые Парменидом, но из контекста можно предположить, что они совпадают по смыслу с понятиями «реальность отсутствующего» и «реальность присутствующего», употребляемые А.И. Миракяном, где второе представляет собой выделенное из глобальности (реальности отсутствующего) упорядоченное множество феноменов психической реальности.

Об особенностях отношения между реальностями отсутствующего и присутствующего А.И. Миракян пишет: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности «ничто», как реальности отсутствующего и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание), как уже существующие, принадлежат к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует» [Миракян, 1999, с.10]. Понятием «ничто» обозначается не пустота, а «безобъектная» глобальность и бесконечное многообразие материальных форм, которые еще не выделены психическим отражением как «ничто». Это реальность отсутствующего, в

которой заложена возможность порождения психического отражения.

Существенное различие в понимании Парменидом и А.И. Миракяном истинно сущего или глобальности состоит в том, что, если для Парменида отсутствующее и присутствующее составляют разные, не пересекающиеся, стороны бытия, то у А.И. Миракяна глобальность через процесс упорядочивания и уже упорядоченное (реальность присутствующего) составляют единое целое, в котором процесс упорядочивания и его содержание включают в себя предпосылки возможности порождения психического отражения.

Таким образом, суть истинного бытия для Парменида в исключении из него всякого отрицания и ограничения; оно ограничено лишь самим собой.

Далее Парменид обращается к множеству чувственного явления. Каждую вещь Парменид представляет как ограниченное бытие и его полноты, тем самым она «с известных сторон» отрицает бытие и его неделимость [Трубецкой, 2003, с. 268]. А если к этому же присоединить и мысль Парменида о том, что чувственные явления есть ложное мнение о бытии, то увидим явные намеки на истоки представлений А.И. Миракяна об афизикальном подходе. Ведь необходимость в афизикальном подходе возникает в том случае, когда осознается, что чувственные явления, как продукты восприятия, не могут дать нам какого-либо представления о той реальности, которая порождает эти же явления. Каждая вещь и существование, как отрицание бытия, по Пармениду, заключает в себе *небытие*, которое есть обман, пустая видимость. Рождение видимого мира, представляющего собой «калейдоскоп явлений, возникающих и уничтожающихся, изменяющихся и движущихся», Парменид представляет как преломление в этой видимости чистого всеединого света бытия (там же, с. 268). То есть между реальностью сущего и множеством чувственных явлений есть

«видимость», что и порождает чувственные явления при взаимодействии с чистым светом всеединого бытия. Если продолжить эту мысль на современном языке, то для того, чтобы исследовать закономерности восприятия, нам необходимо исследовать «видимость», то есть зрение или орган зрения. Таким же образом начинаются исследования в традиционной психологии восприятия.

Таким образом, миру воспринятых чувственных явлений предшествует бытие истинно сущего, которое можно постичь только умом. Отсюда вытекает, что логика образа мышления Парменида поднимает вопросы о двух реальностях (истинно сущее, реальность отсутствующего и реальность мира явлений), о причинной зависимости между первой и второй реальностями, а также о невозможности использования данных из мира явлений для познания мира, как истинно сущего, скрытого за этими ложными и мнимыми данностями. Нетрудно убедиться, что подобная логика рассуждений в разных модификациях действительно часто встречается в истории философии и психологии. Эту же логику мы видим в метафизике А.И. Миракяна, естественно, в современной детализированной форме и с совершенно другим содержанием этой трехчастной логической структуры. Самым важным элементом этой структуры является «бытие», трансцендентное к реальности уже отраженного и анализируемого с метафизических позиций, потому что именно с этой позиции можно раскрыть сущность афизикальных принципов отражения и непрерывность перехода глобальности в множественный и расчлененный мир явлений.

Однако следует отметить, что для Парменида вопросы психологического характера о душе, ощущениях, восприятии, отражении не были основным предметом его философской рефлексии. Его интересовал вопрос о том, как устроен мир, то есть онтология, метафизика бытия. Поэтому сам А.И. Миракян не обратился к Пармениду, так как он решал психологическую

проблему, а не философскую. А мы избрали в качестве предмета анализа философию Парменида с той целью, чтобы показать некоторые совпадения особенностей рассуждений А.И. Миракяна с метафизическими рассуждениями Парменида о той реальности, которая предшествует миру чувственных явлений. Другими словами, если для А.И. Миракяна метафизический подход служил лишь средством исследования, для нас же он (метафизический подход) выступает как объект исследования, чтобы показать, что способ рассуждений А.И. Миракяна о возникновении психического отражения именно метафизический, а не какой-либо иной. Эта цель и объединяет все части этого раздела.

Античный философ Аристотель исследовал не только вопросы об устройстве бытия, но и дал основательные представления о душе, ощущениях, психическом отражении [Аристотель, 1976]. Особенно интересным для А.И. Миракяна Аристотель был потому, что он – единственный из философов – пытался разрешить проблему психического, выйдя за пределы самого психического. Аристотель так же, как и Парменид, разделил бытие на две части, но с другим содержанием: «бытие в возможности» и «бытие в действительности». В отличие от однородного, неизменного и неподвижного бытия истинно сущего Парменида, «бытие в возможности» Аристотеля содержит в себе потенции, которые могли породить то, что затем становилось явлением «бытия в действительности». Одним из важных понятий метафизики Аристотеля, относящимся к «бытию в возможности», является понятие энтелехии – свободной деятельности (действия или действительности), которая «имеет в себе цель и является реализацией этой цели» (Гегель).

Исходными и наиболее общими для концепции А.И. Миракяна являются именно эти метафизические положения Аристотеля: «В нашем понимании, – говорит А.И. Миракян, – отражение – это возможность, возникающая, как это полагал Аристо-

тель, при пересечении материи, формы, действия и цели. При этом считаем, что материя имеет в себе возможность действия и изменения форм в разные моменты времени, т.е. материя в разные моменты имеет в себе действенность. Вот я и рассматриваю психическое отражение как возможность материи, которая при единстве материи, действия, формы и цели, т.е. энтелехии, воплотилась в такую форму психики, с которой мы сейчас имеем дело» [Миракян, 1999, с. 176]. Таким образом, А.И. Миракян подчеркивает, что он изучает не процесс психического отражения, а условия возможности порождения процесса психического отражения, которые заложены в «бытии в возможности» как энтелехия, чем и определяется его способ построения предмета исследования в трансцендентальной психологии восприятия. Однако, в отличие от обобщенного определения энтелехии, данного Аристотелем, А.И. Миракян придает ей более конкретное содержание – как способности материальных форм образовывать спонтанные анизотропные отношения, приводящие к саморазвитию и образованию нового.

Примерно так же рассуждал И. Кант. Он выделял реальность феноменов, данных нашего чувственного опыта, и реальность ноуменов, мира вещей-в-себе, являющихся причиной возникновения феноменов, при помощи которых, однако, невозможно познать вещи-в-себе. Поэтому знание, основанное лишь на эмпирических данных о природе (то есть феноменах), И. Кант не считает чистой наукой, так как они не обладают аподиктической достоверностью. Учение о природе тогда может называться наукой, когда законы природы, лежащие в ее основе, познаются априори [Кант, 1966, с. 56]. Эту часть науки И. Кант называет чистой наукой, которая и является для него чистой философией или метафизикой (там же, с. 57). Свою концепцию А.И. Миракян последовательно строит по той же логической схеме, используя, в качестве основополагающих и определяющих весь ход его дальнейших экспериментальных

исследований, априорные понятия, касающиеся характеристик бытия и возможностей порождения в нем нового. Проводя ту же параллель между И. Кантом и А.И. Миракьяном, В.И. Панов пишет, что, подобно кантовским представлениям, «...афизика (т.е. концепция порождающего процесса восприятия), как трансцендентальная психология восприятия, не занимается изучением эмпирических феноменальных проявлений восприятия, а исходит из того «априорного факта», что существование таких явлений (трансцендентных, сверхчувственных, как вещи-в-себе, – Р.Н.) возможно, и изучает априорные условия такого существования» [Панов, 1996, с. 160].

Однако А.И. Миракян не останавливается на уровне общефилософских (метафизических) рассуждений ибо, как психолог, должен дать такую картину бытия, которая, в спонтанности своего существования, могла бы привести к порождению процесса отражения. Такая картина для своего построения требует двух вещей: сохранения метафизического способа мышления, потому что процесс отражения разворачивается «за занавесью» эмпирических данных, и конкретизации, детализации способа существования бытия в виде определенной структурно-процессуальной особенности, посредством априорно-теоретических представлений. Следует отметить, что, начиная с этого места своей концепции, А.И. Миракян с общефилософского (метафизического) уровня анализа переходит на уровень регионального анализа, который можно назвать метафизической психологией, так как вводимые им представления и понятия, относящиеся конкретно к порождающему процессу восприятия, так же априорны и не опираются на эмпирические данные.

Следуя логике своих рассуждений, А.И. Миракян вначале делает предположение о том, что возможность порождения живых и неживых форм природы и принципов их существования заложена в проявлениях закономерностей отсутствующего в виде стремления дискретных форм материи к дискретно-

структурному саморазрушению и самосохранению [Миракян, 2004, с. 350]. Далее А.И. Миракян вводит понятие анизотропности, определяемой (точнее, постулируемое) как форму различия в едином, как «...объективную возможность формопорождения сущего и меру дискретности, порождающую единичное, противоположное объективной непрерывности материи» (там же, с.352). Это более глубокий взгляд на анизотропию, чем то, что принято в естествознании, а именно: как различие направлений в пространстве. Принципы Кюри, например, показывающие как в физических телах возникают новые свойства при уменьшении степени симметричности их внешней и(или) внутренней структуры (то есть при диссимметризации, по П. Кюри), являются одним из частных случаев проявления анизотропности, описанной А.И. Миракяном как природной возможности материи создавать различие в едином и вычленять особенное, то есть новое, из общего. Поэтому именно анизотропию А.И. Миракян считает источником действительности в процессах восприятия живых организмов, проявляющуюся в форме анизотропности дискретно-отражательных структур. Этим А.И. Миракян еще раз подтверждает важность значения принципов симметрии для изучения психического, демонстрируя их глубинную онтологическую сущность. Далее А.И. Миракян гипотетически выделяет три процессуальных условия, необходимые для понимания действительности воспринимающей системы:

- дискретизация форм пространственности и непрерывности времени;
- возможность фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени;
- возможность образования отношений между разными моментами времени (там же, с. 354).

Причем структура отражательной системы должна обладать такой возможностью, чтобы обеспечивала дискретизацию и

фиксацию образованных отношений, а также установление и сохранение различия и сходства. Развивая эти идеи, А.И. Миракян формулирует два принципа анизотропности отражательных систем, которые могут быть подвергнуты экспериментальной проверке, с чего и начинается научно-исследовательская часть его концепции. Первый – принцип структурно-процессуальной анизотропности организации отражательной системы – «...определяет то, что для реализации возможности отражения, как процесса формопорождения, необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией» (там же, с. 355). Другой – принцип симметрично-двуединых отношений – определяет элементарный механизм, универсальный для любого процесса формопорождения (там же, с. 356).

Экспериментально-теоретические исследования константности и полифункциональности восприятия афизикальных принципов отражения [Миракян, 1990, 1992, 1995, 1999, 2004], восприятия движения и стабильности объектов [Панов, 1993, 1996, 2010], формопорождения и непосредственно-чувственного восприятия времени [Козлов, 2005, 1992], движения объекта в глубину [Андреев, 1992], восприятия ахроматического цвета объекта [Адамян, Руденко, 1992], теоретического исследования принципа сопредставленности [Кочурова, 1992], процесса осязания и упругости [Морина, 1978, 1992, 1995а, 1995б, 20101], осязательной протяженности [Погорельцова, 2000], слухового восприятия [Зальцман, 1980, 1992], процесса восприятия при усвоении геометрических понятий [Хананян, 1992], речи, пространственной протяженности [Шукова, 1992, 1995, 2000, 2010] и многие другие исследования показали, что в любой отражательной системе, независимо от модальности восприятия, элиминация (устранение) анизотропности ее структурной организации приводит к нарушению процесса восприятия. Эти эксперименты наглядно показывают универсальность афизикальных принципов психического отражения и особую

роль структурно-процессуальной анизотропности в порождении функционально необходимых продуктов восприятия. Кроме того, эти исследования показывают, что во всех модальностях восприятия как выбор объектов и процедур исследования, так и выбор способов анализа полученных результатов строятся на едином методологическом фундаменте. Такой вывод является одним из важных следствий применения метафизического (афизикального) подхода к изучению принципов психического отражения. В данном контексте понятия «метафизический» и «афизикальный» по смыслу совпадают. Но между ними есть и различие. Если понятие «афизикальный» означает «не-продуктивный», «не-результативный», «не-эмпирический», то понятие «метафизический», кроме этого, указывает еще и на глубину мышления и ту область априорного анализа бытия, в которой должны существовать наиболее общие (и далее не разложимые) первоосновы и принципы предмета исследования.

Анализ концепции психического отражения А.И. Миракяна показал, что научно-теоретическому и экспериментальному исследованию предшествует этап метафизического анализа. Причем, можно выделить определенные стадии развития и развертывания концепции – от общих метафизических предпосылок, определяющих способ существования бытия в целом (единое, аморфное, глобальность, единство, материальные формы, самосохранение, саморазрушение и т.д.), к частно-метафизическим понятиям, определяющим возможность возникновения процесса отражения (различие, дискретизация, анизотропность, образование анизотропных отношений и т.д.). Эти понятия фундируют область метафизической психологии восприятия, в которой разрабатываются гипотетические понятия, описывающие конкретные закономерности, принципы и механизмы психического отражения. Эти же понятия используются для построения теории психического отражения, включающей в себя анализ действия ранее выявленных принципов в прос-

транстивно-временной структуре отражательных систем человека; ими же определяются объекты экспериментальных исследований.

Таким образом, результаты многочисленных, разносторонних теоретических и экспериментальных исследований показывают правомерность применения как гипотетически принятых А.И. Миракьяном оснований концепции психического отражения, так и, имеющего эвристическое и координирующее значение для построения трансцендентальной психологии восприятия, метафизического подхода.

Другим важным результатом применения А.И. Миракьяном метафизического подхода является то, что свои исследования он начал с того уровня реальности, который одновременно является объектом исследования физических наук. И в этом смысле, реальность до отражения, до осознания продуктов восприятия, описанная А.И. Миракьяном (1995, 1999, 2004), оказалась во многом похожей на реальность, описываемую физиками, исследующими основы, фундамент мироздания – мир квантовых явлений [Нагдян, 2010]. Таким образом, появляется возможность изучения материи и психики (или возможностей ее порождения) на общей метафизической основе – проблема, которая долгие годы была предметом обсуждения двух выдающихся ученых XX века В. Паули и К.Г. Юнга [Линдорф, [http](#)].

Психология без своей метафизической части не может считаться полноценной естественной наукой (или, согласно И. Канту, – «чистой наукой»). Как показывают исследования в области философии науки (Вартофский, Захаров, Кун, Владимире, Agassi и др.), все естественные науки, и физика в их числе, опираются на метафизические представления о мире, определяющие специфические для данной науки метафизические предпосылки, на которых затем возводится здание всей науки. Как раз по этой логике и построена А.И. Миракьяном

концепция трансцендентальной психологии восприятия, поэтому она и является полноценной естественнонаучной концепцией, гармонично сочетающей в себе метафизические предпосылки, теорию, эксперимент и практику.

Таким образом, из всего вышеизложенного следует, что истоки подхода (образа мышления) А.И. Миракяна, необходимого для построения концепции психического отражения, находятся в метафизике, за пределами реальности психических феноменов и вне сети психологических понятий. Именно метафизике соответствует подводная часть айсберга под названием «психология восприятия». Это означает, что психология восприятия для решения своих фундаментальных задач не может ограничиваться, при поиске исходных для анализа данностей, только областью феноменов и явлений, осознаваемых испытуемым или психологом-исследователем – необходимо проникновение в ее «подводную» часть путем использования метафизических рассуждений.

Это, одновременно, позволяет высказать предположение о том, что решение проблемы возникновения психического и определение предмета психологии представляет собой не исключительно психологическую проблему, а скорее всего, междисциплинарную задачу, решение которой, однако, не следует смешивать с полиредукционистским подходом.

2.3. Метафизический подход В.М. Аллахвердова к проблеме сознания

Анализ теоретических разработок В.М. Аллахвердова (1993, 2003) относительно проблемы онтологического статуса сознания представляет особый интерес для нашего исследования, потому что В.М. Аллахвердов явно озвучивает и демонстрирует наглядный пример применения метафизического подхода для решения одной из фундаментальных проблем психологии. Несмотря на то, что В.М. Аллахвердов считает этот подход

сомнительным (уточним: ненаучным – Р.Н.), тем не менее, он полагает, что эту возможность «...все же нельзя исключить» [Аллахвердов, 2003, с. 218]. Для этого, считает В.М. Аллахвердов, сознанию изначально необходимо приписать особую физическую онтологию, которая, предупреждает он, обычно имеет мифологическую конструкцию (вспомним поэтико-мифологическую стадию развития метафизики по В. Вундту). Однако поиск этих начал требует, по В.М. Аллахвердову, определенной конкретности относительно исследуемого свойства сознания. Для этого необходимо сформулировать физическую гипотезу о некоем процессе, напрямую связанном с деятельностью сознания, «...ибо только тогда можно надеяться, что сознание окажется онтологически связанным с физической природой этого процесса» (там же). Эту конкретность В.М. Аллахвердов вводит через свойство сознания придавать случайным событиям статус закономерных, принимая их за детерминированные, а затем доказывать «закономерность» этого события. Поэтому возникает вопрос: как нечто подобное возможно в природе? То есть В.М. Аллахвердов ставит перед собой задачу «...придумать физический процесс (используя метод метафизических рассуждений – Р.Н.), который делает примерно то же, что и, по ранее высказанной гипотезе, делает сознание» (там же).

В качестве исходной теоретической базы В.М. Аллахвердов выбирает концепцию предрасположенностей К. Поппера (2000). Как известно, основные положения этой концепции о возникновении и развитии мира не выводятся дедуктивным методом из эмпирического опыта. Поэтому эта концепция, построенная на основе априорного знания, лишь косвенно подтверждаемого опытом, является метафизической.

С самого начала В.М. Аллахвердов акцентирует внимание на том, что вероятность реализации той или иной истории мира определяется некоторым исходным распределением

возможностей, которые являются физической реальностью. Тем самым уже вводится идея случайного. Однако, несмотря на это, «...распределение возможностей вполне может трактоваться как реальное основание бытия» [Аллахвердов, 2000, с. 219] и реализуется, соответственно, в возможных пространстве и времени, определяя, в том числе, и геометрию мира.

Свое метафизическое предположение В.М. Аллахвердов формулирует следующим образом: «Любое происшедшее случайное событие во Вселенной влияет на возможность осуществления последующих событий и, тем самым, детерминирует эти события» (там же, с. 219). Это означает, что случайное событие в конкретной эмпирической ситуации будет восприниматься как причина последующих событий. Таким образом, исходное распределение вероятностей меняется самой историей развития бытия в сторону выбранных на предшествующих уровнях альтернативах. Вышеприведенную формулировку метафизического предположения В.М. Аллахвердов называет «метафизическим предчувствием физической гипотезы». Физическая гипотеза, в отличие от метафизической, должна быть экспериментально проверяемой и согласованной с наличным знанием. И все же, считает В.М. Аллахвердов, если это метафизическое предположение верно, «...оно может иметь важное значение для понимания онтологии сознания» (там же, с. 219). Таким образом, автор ясно указывает на связь метафизических предпосылок с научным исследованием сознания. При этом четко обозначается важная роль выбранного метафизического подхода, потому что в дальнейшем именно им («метафизическим предчувствием») определяется содержание физической гипотезы. Но при этом к этому содержанию предъявляются два дополнительных условия: возможность экспериментальной проверки и согласованность с наличным знанием.

Рассмотрение В.М. Аллахвердовым метафизического предположения с физической точки зрения приводит к следующим выводам.

Во-первых, за случаем (случайностью) признается онтологический статус. То есть в вечно меняющемся мире, где на ситуацию (или событие) действуют не только наличествующие, но и неожиданные и непредсказуемые силы, превалирует индетерминизм, а детерминизм является всего лишь одним частным случаем индетерминизма, когда вероятность появления события равна единице. И, если продолжить мысль В.М. Аллахвердова, так как сказанное относится к сознанию, как к природному (физическому) явлению, следовательно, необходимо коренное изменение взгляда на природу сознания и на его изучение с учетом нового подхода к проблеме детерминизма.

Во-вторых, несмотря на вероятностный характер происходящих в мире событий, по мнению В.М. Аллахверова, «...сделанное метафизическое предположение говорит о движении к порядку» (там же, с 220). Это мнение явно противоречит законам термодинамики (и здравому смыслу), но после работ И. Пригожина о возможности перехода хаоса в порядок (то есть перехода из более вероятного состояния в менее вероятное состояние – противоположно закону термодинамики) это кажется не столь странным. Эту же мысль подчеркивает А.П. Назаретян: «...на протяжении 15-17 млрд. лет мир становится все более «странным» (чтобы не сказать: все менее естественным с энтропийной точки зрения)» [Назаретян, 2001, с. 158].

В-третьих, принимая вслед за К. Поппером идею о том, что возможности возникновения существуют еще до самого возникновения, что создает соответствующие предрасположенности, В.М. Аллахвердов, в качестве подтверждения, указывает на уже существующие в квантовой физике подобные идеи, появившиеся при интерпретации результатов некоторых исследований «поведения» элементарных частиц. Так, например, в представлении Р. Фейнмана, а затем и С. Хокинга, исто-

рия жизни каждой элементарной частицы имеет некоторую вероятность и является суммой всех ее возможных предысторий в некотором виртуальном времени [Хокинг, 2001, с. 104-105]. В.М. Аллахвердов обращается также к «многомировой» интерпретации квантовой механики Х. Эверетта [Everett, 1957], согласно которой реальность состоит из множества миров, в каждом из которых реализуется одно возможное состояние частицы. Однако, как нам кажется, главной особенностью интерпретации Х. Эверетта является то, что он показал возможность распространения представлений квантовой механики о микромире на макромир. Именно поэтому стало возможным сформулировать концепцию сосуществования многих классических миров, в совокупности составляющих единый квантовый мир. Мы, как макрообъекты, а также наблюдаемые нами элементарные частицы, находимся в одном из возможных миров, а остальные нам принципиально не доступны, хотя сосуществовали вместе с «нашим» миром, как реально возможные. А выбор или, как говорят физики, разделение альтернатив – из множества классических эвереттовских миров или проекций единого квантового мира – осуществляет сознание. Таким образом, Х. Эверетт вводит в квантовую механику понятие сознания, без которого, как считают многие физики, она осталась бы неполной.

Однако В.М. Аллахвердов утверждает, что всерьез обсуждать проблему онтологического статуса сознания можно только тогда, когда физики обнаружат «сознаниеподобный физический процесс». А о возможном направлении развития своего метафизического подхода В.М. Аллахвердов пишет: «Здесь важно признать: гипотезы о физической природе сознания, наверное, возможны, но они должны опираться на родство физического процесса и процессов, протекающих в сознании. Но об этом имеет смысл говорить только после того, как сфор-

мулирована гипотеза о том, что реально сознание делает» [Аллахвердов, 2003, с.220].

Рассуждения В.М. Аллаhverдова находят свое подтверждение в дальнейшем развитии «многомировой» интерпретации квантовой механики Х. Эверетта, осуществленном М.Б. Менским (2005, 2011).

Исследования М.Б. Менского привели к идеям очень близким к предположениям В.М. Аллаhverдова о метафизической возможности определения онтологического статуса сознания. (В.М. Аллаhverдов не мог знать о теоретических исследованиях М.Б. Менского в этом направлении, так как его статьи начали публиковаться с 2000 года в самом авторитетном журнале по физике России «Успехи физических наук», а цитируемые фрагменты были изложены в автореферате докторской диссертации В.М. Аллаhverдова в 1994 году.). Дело в том, что вместо отдельного рассмотрения сознания и разделения альтернатив реальности, как это делает Х. Эверетт, М.Б. Менский предлагает отождествить сознание и разделение альтернатив, то есть считать, что сознание и есть разделение альтернатив или же – разделение альтернатив и есть сознание, или, по-другому, под сознанием нужно понимать разделение альтернатив. Это очень напоминает «сознаниеподобный физический процесс», предсказанный В.М. Аллаhverдовым, в формулировке которого уже звучит идея нерасчлененной слитности психического и физического, с подчиненной ролью физического (физическое, как психическое). Причем необходимо сделать существенное уточнение, что, согласно М.Б. Менскому, речь идет не обо всей сфере сознания, а о самом глубоком или примитивном пласте сознания. «Это пласт сознания, лежащий как будто «на границе сознания» и тесно связанный с осознанием, т.е. с переходом от состояния, когда нечто не осознано, к состоянию, когда оно осознано» [Менский, 2011, с. 110]. Таким

образом, гипотеза отождествления приводит к тому, что сознание оказывается общим элементом квантовой физики и психологии. Теперь становится понятным, почему объяснение каждого из этих феноменов в отдельности было неудовлетворительным. По мнению М.Б. Менского, это происходило потому, что «...каждый из этих феноменов анализировался в рамках только одной сферы знания (либо в сфере естественных наук, либо в сфере гуманитарных наук), в то время как важный аспект, лежащий в другой сфере, игнорировался» (там же).

Свою концепцию М.Б. Менский назвал Квантовой Концепцией Сознания (ККС). Кратко приведем основные предположения, принятые в ККС:

1. Вселенная (реальность) – это квантовый мир, представляющий собой суперпозицию сосуществующих классических миров или альтернатив (метафизическая предпосылка, лежащая в основе всех остальных предположений).
2. Сознание разделяет единственный квантовый мир на классические альтернативные миры.
3. Сознание и есть разделение альтернатив (гипотеза отождествления – онтология сознания).
4. Сознание может влиять на то, какая из всех возможных альтернатив будет переживаться субъективно.
5. Выключение сознания (переход в состояния, близкие к бессознательному) означает доступ ко всем возможным классическим мирам или альтернативам и к той информации, которая в них содержится.

Все приведенные выше предположения – метафизические, так как не подлежат эмпирической верификации. И к тому же следует учесть, что основные понятия, включенные в эти предположения, не совсем точны и требуется дальнейшая их разработка. Об этом говорит и сам М.Б. Менский: «В любой науке

первичные понятия остаются нечеткими, пока не выясняется, как эти понятия работают и как все понятия, возникающие в этой теории, связаны друг с другом» (там же, с.174). Но надо полагать, что это есть особенность всех метафизических понятий, обозначающих первоначала или первоосновы имплицитной возможности существования каких-либо явлений в «бытии в возможности» (Аристотель). Таковы, например, метафизические понятия силы, действия, энергии, энтропии, электричества, составляющие основания физических теорий. И, несмотря на то, что нам не ясна сущность явлений, скрытых за этими понятиями, даже такими как энергия и электричество, построенные на этих понятиях физические теории поражают воображение возможностями их практического применения.

Таким образом, метафизический подход В.М. Аллахвердова к выяснению онтологического статуса сознания имеет свое продолжение, и даже подтверждение, в квантовой концепции сознания М.Б. Менского. И так как в цитируемой работе М.Б. Менского указывается и на объяснительные возможности его концепции в психологии и парапсихологии, то надо полагать, что метафизический подход может служить эффективным и эвристическим средством изучения фундаментальных проблем психологии в той мере, в какой это возможно сделать на современном уровне развития знания.

Теперь мы имеем возможность сравнить три современные метафизические концепции относительно природы психического – А.И. Миракяна, В.М. Аллахвердова и М.Б. Менского. Логическая структура сравнительного анализа для всех одинакова – описание исходных данностей, служащих основаниями для их теорий, и создание представлений о реальности (Вселенной) со своими особенностями (принципы существования, структура, отношение к причинности и т.д.).

Исходные данности:

1. При построении своей концепции психического отражения А.И. Миракян основывался на критике «продуктного» подхода, господствующего в современной психологии [Миракян, 1990]. Многими психологами осознан тот факт, что за уже отраженными и осознанными явлениями или феноменами психического остаются скрытыми и непознанными процессы, к ним приводящие. Однако «продуктивный» подход состоит в том, что несмотря на осознание и констатацию этого факта, для исследования принципов процесса, порождающего психические феномены, исследователи, вопреки правилам логики, в качестве исходных предпосылок используют понятия, относящиеся к этим же феноменам, и в результате не получают удовлетворительных и общих теорий. Приведем пример подобной констатации, высказанной В.А. Мазилковым: «...в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редуccionистское сведение психэ к *ее конкретному проявлению*. Действительно, психэ может проявиться и в самосознании, и в поведении... Ликов у психэ много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природная сущность» [Мазилков, 1998, с. 66]. Однако дальше констатации этого факта дело не продвинулось. Поэтому, при осуществлении своего афизикального подхода, для построения (описания) реальности (метафизическая задача), в которой могут существовать возможности, приводящие к возникновению процесса психического отражения, А.И. Миракян, в качестве исходных, использует понятия индифферентные, независимые относительно реальности психических феноменов, а также

принципы и закономерности, относящиеся к саморазвитию материи, но такие, в которых, по его гипотезе, заложены возможности порождения психического отражения. И уже после становления афизикального подхода стало возможным ответить на вопросы, поставленные В.А. Мазилковым, что и было осуществлено в более широкой, по охвату вопросов, и аналитической, по форме, работе В.И. Панова (2011).

2. Исходной данностью или предпосылкой рассуждений В.М. Аллахвердова является выделение из полифункциональной сферы сознания одного из его свойств – придавать случайным событиям статус закономерных, для чего затем нужно было «придумать» физический процесс, который делает «примерно то же» (поскольку речь идет о природе в целом, то это и есть метафизическая задача В.М. Аллахвердова – Р.Н.). Как видим, несмотря на то, что В.М. Аллахвердов, как и А.И. Миракян, полагает, что первично не психическое, и для решения своей метафизической задачи переводит сферу исследований в природу, в реальность до отражения (или осознания), он, в отличие от А.И. Миракяна, использует «продуктивный» подход. То есть в природных физических процессах ищет нечто «родственное» тому, что уже является результатом или продуктом деятельности сознания. Поэтому, если бы В.М. Аллахвердов продолжил развивать свою теорию (но он не ставил перед собой такой задачи), это привело бы к выявлению принципов и закономерностей именно этого «сознаниеподобного физического процесса», приспособленных для объяснения особенностей функционирования только того свойства сознания, с которого В.М. Аллахвердов начал свои рассуждения. А описание принципов порождения всего богатства проявлений свойств созна-

ния, его полифункциональности осталось бы вне области возможностей этой теории.

3. Для М.Б. Менского исходными были представления Х. Эверетта о суперпозиционном (квантовом) устройстве Вселенной, разделение которой на отдельные классические миры осуществляется сознанием. Как видим, в отличие от А.И. Миракяна и В.М. Аллахвердова, исходные предпосылки М.Б. Менского не психологические, а физические, поэтому движение его мысли направлено от физического к психологическому. Причем в этой исходной позиции размышлений М.Б. Менского сознание и разделение альтернатив реальности противопоставлены друг другу, что приводило к появлению квантово-механических парадоксов, требующих своего не только физического, но и психологического разрешения, так как сознание, как оказалось, составляет неотъемлемую часть квантово-механической системы (в данном случае – Вселенной).

Представления о реальности:

1. О реальности до отражения (или природе, какова она есть до или без человека) А.И. Миракян говорит как о «ничто» или как о реальности отсутствующего, потому что она не проявляется в феноменах восприятия и сознания. Эта реальность, в представлении А.И. Миракяна, обладает рядом особенностей: она состоит из бесконечного многообразия форм, которые образуют пространственно-временные, энергетически-дискретные формы, представляющие, вместе с этим, нерасчлененное единство – единство в абсолютном общем и в каждой отдельной дискретной форме (это нерасчлененное единство А.И. Миракян называет также глобальностью, чтобы указать на ограниченность психического отражения); в мире существуют две противоположные тенденции – к самосохра-

нению и к саморазрушению, что приводит к порождению и распаду материальных форм; в природе заложены структурно-процессуальные возможности образования и разрушения отношений между дискретными формами материи или гомогенными формами внутри более общей формы; природа обладает пространственно-временной анизотропностью и гомогенностью, причем гомогенность А.И. Миракян рассматривает как объективную возможность единого, а анизотропность как форму различия в едином и объективную возможность формопорождения сущего [Миракян, 1992].

2. Представление о реальности В.М. Аллахвердов выводит из своих собственных предпосылок о свойстве сознания. Для этого исходное представление о сознании (точнее о его свойстве) В.М. Аллахвердов переносит на мир, так как считает, что «...только тогда можно надеяться, что сознание окажется онтологически связанным с физической природой этого процесса» [Аллахвердов, 2003, с. 219]. Именно поэтому наиболее удобной для этой цели оказалась концепция предрасположенностей К. Поппера (2000), представленная им как «мир предрасположенностей», потому что она, как и свойство сознания, выбранное В.М. Аллахвердовым в качестве исходной предпосылки, основана на вероятностных соображениях. В результате свое представление о мире, о реальности В.М. Аллахвердов формулирует в своей метафизической гипотезе: «любое происшедшее случайное событие во Вселенной влияет на возможность осуществления последующих событий и, тем самым, отчасти детерминирует это событие» (там же, с. 219). То есть это мир сложнейших взаимодействий, которые имеют вероятностный характер, так как определяются совокупностью предрасположенностей, влияние которых не может приводить к

образованию однозначных причинно-следственных связей, и, одновременно, это мир, где возможно движение и развитие от хаоса к порядку.

3. Как мы видели выше, исходные предпосылки М.Б. Менского уже основывались на определенном представлении об устройстве мира, предложенном Х. Эвереттом. От классического, привычного для нас ньютоновского мира, Вселенная Эверетта отличается тем, что, во-первых, она представляет собой суперпозицию независимых друг от друга одновременно сосуществующих миров, и, во-вторых, сознание и Вселенная образуют единую систему, и у людей создается иллюзия существования только в одном-единственном классическом мире, так как именно сознание делает выбор одного из альтернативных миров, составляющих Вселенную. В этой (квантовой, эвереттовской) картине Вселенной М.Б. Менский делает существенную поправку – вводит гипотезу идентификации или отождествления, о чем уже говорилось выше, согласно которой сознание есть разделение альтернатив. То есть, если в интерпретации Эверетта сознанию не дается никакого онтологического смысла и оно рассматривается как отдельно существующее от разделения альтернатив (Эверетт отвечает на вопрос: что делает сознание в этой системе?), то в определении М.Б. Менского сознание и разделение альтернатив рассматриваются как одно и то же (тем самым М.Б. Менский предлагает свое понимание «корневой» сущности сознания). Таким образом, строится новая картина квантовой Вселенной, в которой невозможно существование какого-либо классического мира без компоненты сознания (каждой классической реальности соответствует своя компонента сознания), потому что появление данного классического мира и есть соответствующая компонента сознания. И таким обра-

зом, в реальности Менского появляется нечто новое, которое имеет физическую и психическую природу одновременно, становясь объектом исследования и физики, и психологии. Как показывают дальнейшие исследования М.Б. Менского, эта непривычная и трудновоспринимаемая метафизическая сущность (новое представление о сознании) имеет право на существование, так как дает хотя бы теоретическое объяснение многим, ранее необъяснимым, психическим феноменам. Несмотря на некоторые неясные моменты концепции М.Б. Менского, как бы то ни было, необходимо использовать ее и все возможные подходы для приближения времени решения фундаментальных онтологических проблем психологии. «Я убежден, – пишет В.М. Аллахвердов, – что отсутствие хоть какого-нибудь приемлемого решения этих проблем тормозит становление психологии как теоретической науки и лишает психологов твердой почвы под ногами» [Аллахвердов, 2003, с. 3].

К сказанному выше необходимо дать некоторые комментарии. В методологических подходах А.И. Миракяна и В.М. Аллахвердова есть принципиальные различия, и для их лучшего освещения приведем цитату из работы А.И. Миракяна «Основания трансцендентальной психологии восприятия»: «В истории материалистической философии были попытки поиска сущности явления психического отражения в истоках самой материи, но при этом материя и ее закономерности анализировались только через присутствующее (через уже отраженные и осознанные продукты восприятия – Р.Н.), которое не содержит в себе основных проявлений отсутствующего (реальности или мира до отражения – Р.Н.). Поэтому процесс психического отражения представлялся исследователями на основании данных продуктов этого процесса и феноменов; и объектом исследования ими был выбран человек с его природно-общест-

венной историей..., а не принципы-закономерности порождения природных форм непосредственно-психического отражения, которые материя имеет в себе как возможность и только опираясь на которые можно создавать гипотезы об условиях порождения психического отражения в недрах материи, гипотезы о принципах и закономерностях его структурно-процессуального функционирования» [Миракян, 1995, с. 71]]. В.М. Аллахвердов шел прямо противоположным путем: от того, что «реально делает сознание» к умозрительному физическому процессу (как природному метафизическому явлению), который делает «примерно то же». Поэтому, если все сказанное рассмотреть с гносеологической стороны, то рассуждения В.М. Аллахвердова направлены от психологии к метафизике, а А.И. Миракяна – от метафизики к психологии. К подобным дискуссионным ситуациям хорошо подходят слова И.Ф. Гербарта, который писал: «Кроме правильного отношения психологии к общей метафизике, должно быть принято во внимание и мнимое, именно то, которое послужило поводом к попытке дать метафизике психологическое основание» [Герbart, 2007, с. 70].

М.Б. Менский в этом вопросе, по нашему мнению, занимает среднее положение: отождествляя сознание (психическое) с разделением альтернатив реальности (физическое), он создал тем самым совершенно новую, претендующую на научность, перспективу разрешения вечной проблемы соотношения психического и физического, требующую неторопливого, вдумчивого и разностороннего обсуждения.

Одним из философских обобщений, вытекающих из подхода М.Б. Менского, является снятие проблемы первичности бытия и сознания. Это означает, что если мы говорим о реальности, то это одновременно означает, что мы говорим о каком-то состоянии или компоненте сознания; и, наоборот, состоянием сознания определяется существование определенной реальности. Однако эти рассуждения приводят (с обыденной

точки зрения) к парадоксу, потому что снимается вопрос об эволюции психического или сознания, так как эволюция может произойти только в классической реальности, а существование классической реальности уже предполагает существование сознания. То есть о реальности мы имеем право говорить только в том случае, когда имеем в виду и отражающего его субъекта. Следовательно, в этом случае ставится вопрос не о возникновении или порождении психического, а о его наличном существовании, о его развитии и трансформации в другие формы психического. Однако, не следует торопиться с окончательными выводами по этим вопросам, так как для их решения необходима соответствующая компетентность в понимании особенностей нелокальной природы квантового мира и обладание метафизическим образом мышления тех гениальных физиков-философов, которым удалось создать хорошо «работающую» теорию квантовых явлений и с ее помощью – новое представление о Вселенной и о роли сознания в ней, труднодоступное для понимания неспециалистов в этой области.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, впервые в постсоветской российской психологии В.М. Аллахвердовым была явным образом высказана и продемонстрирована возможность применения метафизического подхода. Это был достаточно смелый и рискованный шаг, ввиду опасности оказаться непонятым и подвергнуться суровой критике, учитывая тот факт, что, начиная с 20-х годов прошлого столетия, метафизика была изгнана из психологии, как совершенно недееспособная и неприемлемая для научных поисков область знания, и с тех пор в научном сообществе способность к метафизическому образу мышления была утрачена (и не только в психологии, но и во всех областях науки).

Однако, ради научно-исторической справедливости, следует отметить, что до В.М. Аллахвердова метафизический подход более глубоко и последовательно применил А.И. Миракян при

исследовании принципов и закономерностей психического отражения, но, как таковой, этот подход им не был обозначен.

Во-вторых, метафизический подход может внести существенный вклад в решение фундаментальных проблем психологии. Без метафизики психология не в состоянии исследовать те природные условия, недоступные непосредственному наблюдению или измерению, которыми определяются возможности возникновения психического, потому что изначально они принадлежат допсихической реальности.

В-третьих, метафизический подход неизбежно ведет к необходимости построения соответствующей картины мира или реальности. А это требует обращения (кроме собственно психологической) к другим непсихологическим областям знания, в особенности, к физике и философии. При решении фундаментальных глубинных проблем психологии неизбежным становится обращение к метафизике, как области знания, объединяющей психологию, философию и философию физики в одно слитное единство. Именно поэтому этот подход нельзя назвать редукционистским или полиредукционистским. И если учесть к тому же, что эта «слитная» метафизическая область знания относится к гуманитарной области знания, то психологию в целом можно рассматривать не только как естественно-научную, но и как гуманитарную дисциплину одновременно.

В-четвертых, возможны разные метафизические подходы для решения одной и той же проблемы, что дает возможность их сравнительного анализа и выбора того подхода, который обладает наиболее широкими объяснительными и эвристическими возможностями для создания научной теории и решения практических задач.

В заключение отметим, что проведенный сравнительный анализ метафизических концепций опять подводит нас к вечному вопросу психологии о том, что необходимо «...вновь оп-ределить, что мы понимаем под «психической реальностью» и

какова природа психического? Это принципиально важно, ибо современная психологическая наука зашла в теоретический тупик, и психологи разных школ плохо понимают друг друга» [Волков, 1996, с. 7]. Основываясь на вышесказанном, можно предположить, что метафизический подход окажется наиболее адекватным и эффективным средством для решения этой главной проблемы теоретической психологии.

2.4. За пределами онтологической парадигмы восприятия

В последние десятилетия в методологии психологии восприятия возникло новое направление, названное онтологическим, претендующее на замену существующего гносеологического подхода [Барабанщиков, 2009]. Как известно, гносеологический подход осуществлялся в рамках соотношения «объект-субъект», где в конкретно-психологических исследованиях изучался не сам объект, а одно из его свойств (величина, форма, цвет, объем, удаленность, движение и т.д.), а место субъекта, отражающего это свойство, занимал образ. То есть, с одной стороны, брался «одномерный» объект, «за скобки» выводились его целостность и взаимосвязи с другими объектами, а, с другой стороны, не учитывались личностные качества субъекта восприятия, как носителя многообразия психических состояний, эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, стереотипов мышления и т.д.

Другой аспект ограниченности гносеологического подхода состоит в том, что вне внимания исследователей оставался процесс порождения, трансформирующий объект в образ, а вместо этого исследовались соотношения между изменениями количественных характеристик исследуемого свойства объекта или условий восприятия и изменениями его образа. Соответственно этой методологии и выбирались методы экспериментального исследования и анализа полученных результатов. Таким образом, ограничения гносеологического подхода прояв-

лялись: в выборе «одномерного» объекта исследования, в отрыве от многообразия внешних условий, в пассивности («зеркальности») субъекта отражения без учета многообразия его внутреннего мира, и, наконец, в том, что не ставился вопрос о процессе порождения образа.

На эти ограничения и обратили внимание сторонники онтологического подхода, признанным лидером которого (как методолог, теоретик и экспериментатор) является В.А. Барабанщиков.

Так как методологической основой становления и развития онтологического подхода являются философско-психологические воззрения С.Л. Рубинштейна, то анализ онтологической концепции восприятия будет проведен в контексте двух его работ – «Бытие и сознание» и «Человек и мир».

В онтологическом подходе, согласно В.А. Барабанщикову, «восприятие рассматривается не просто как образ действительности в его отношении к самой действительности (гносеологический подход), а как порождение образа, протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования» (там же, с. 81). Соответственно этой методологической установке исходным пунктом анализа восприятия для В.А. Барабанщикова оказывается не отображение объекта, т.е. образ, «а взаимоотношение человека, с миром, субъекта с объектом» (там же, с. 88). Причем в этом новом понимании соотношения «субъект-объект» происходит смещение феномена восприятия на его субъекта, который выступает как многомерное целое со своими задатками, способностями восприятия, направленностью личности и черт характера и т.п. (там же, с. 89). Все это, согласно В.А. Барабанщикову, обуславливает потенциальный план восприятия и определяет онтологическое содержание и понятие субъекта. Такое понимание субъекта приводит, соответственно, к новому пониманию объекта. Традиционное понятие объекта-вещи (или элемента среды) сменяется поня-

тием объекта-ситуации, в котором «ситуация характеризует способ объединения разнонаправленных «сил» и потенциалов в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит человеку» (там же, с. 91). Здесь же В.А. Барабанщиков делает дополнение, которое эксплицирует сущность его теоретической позиции: «Это – *ego* ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще» (там же). «*Ego* ситуация» – то есть уже воспринятая ситуация (которую еще предстоит воспринять? Этот парадокс характерен и для гносеологического подхода, где исследуются закономерности «отржения» уже отраженного объекта; в обоих случаях исследуется не порождение перцептивного образа, а рефлексия уже отраженного объекта или ситуации, для чего, однако, необходимо ввести еще и понятие сознания).

Обращением к философскому определению ситуации, данному С.Л. Рубинштейном, уточним смысл нововведения В.А. Барабанщикова: «Всякая ситуация по самому существу своему проблема. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, и сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку» [Рубинштейн, 1976, с. 338]. Кроме того, «онтологичность» объекта-ситуации, по В.А. Барабанщикову, определяется тем, что в лабораторных исследованиях должны быть учтены не только физические и экологические, но и социальные, и культурные условия, обуславливающие реальные способы жизни и деятельности человека [Барабанщиков, 2009, с. 92]. В отличие от объекта-вещи, объект-ситуация, выступающий в виде констелляций разнородных событий как система детерминант – динамичен, и продолжает разворачиваться и формироваться перед воспринимающим в

ходе восприятия, «поэтому до завершения перцептивного процесса определить объект-ситуацию в полном объеме невозможно» (там же, с. 91). С другой стороны, так как разворачивание и формирование объекта-ситуации происходит не само по себе, а под влиянием и соответственно внутренним условиям субъекта, то получается, что «субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему» (там же). При таком подходе объект и субъект не разобщены, не противопоставлены – такое противопоставление характерно для классических теорий восприятия – а представляют собой противоположные полюса одного целого. Возможно, именно это имеет в виду В.А. Барабанщиков, когда пишет: «Объект и его образ оказываются полярностями одного и того же целого, а процесс восприятия открывается не только как отражение бытия, но и как его *порождение*» (там же, с. 97). Таким образом, все составляющие перцептивного явления объединяются в одно системное целое. Это позволило В.А. Барабанщикову всю совокупность предпосылок и детерминант, причин и следствий, взаимовлияний и воздействий, относящихся и определяющих процесс восприятия в акте бытия, сконцентрировать в центральном понятии онтологической концепции – перцептивное со-бытие.

Однако, несмотря на тщательную теоретическую проработку понятий онтологической концепции восприятия и большой массив экспериментальных данных, полученных в русле этого подхода, В.А. Барабанщиков сам указывает на слабые стороны онтологической концепции. «Онтологический аспект перцептивного образа, – пишет В.А. Барабанщиков, – наименее изучен и нуждается в глубокой проработке, но именно он представляет наибольший интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения» (там же, с. 98). Откуда возникает эта проблема? Какие особенности теоретического анализа приводят к ее появлению?

Раскрывая содержание предмета онтологического подхода, В.А. Барабанщиков указывает на «взаимопроникновение субъекта и объекта восприятия, способы порождения и существования чувственного образа и его обусловленность системой внешних и внутренних детерминант» (там же, с. 87). Особенность приведенного ряда компонент и детерминант процесса восприятия заключается в том, что их не корректно рассматривать в одной теоретической плоскости, так как порождение образа принадлежит неосознаваемой и непосредственно не наблюдаемой области бытия, а все остальные – области наличного бытия, доступные для непосредственных эмпирических исследований. И действительно, порождение образа В.А. Барабанщиков понимает как переход вещей и событий от бытия «в себе» к бытию для субъекта (там же, с. 98). Таким образом, В.А. Барабанщиков говорит о двух видах бытия, которым должны соответствовать разные онтологии. Однако специального анализа способов (или принципов) порождения перцептивного образа в цитируемой статье не проводится. Вместо этого В.А. Барабанщиков большое внимание уделяет анализу перцептивного образа, его зависимости от перцептивных потребностей, внешних и внутренних условий и т.д. Однако отметим, что сам перцептивный образ, потребности и разного рода детерминанты, определяющие и обуславливающие характер чувственного образа, относятся к наличному бытию и составляют содержание сознания человека, являясь продуктами процесса отражения. С одной стороны, это дает возможность эмпирической проверки теоретических положений онтологической концепции восприятия и ее эффективного практического применения. Но, с другой стороны, остается не решенным вопрос о порождении образа, сложность изучения которого в том, что оно непосредственно не дано никому – ни исследователю, ни исследуемому. То есть порождение происходит таким образом, что остается за пределами нашего чувст-

венного опыта. Именно поэтому определение содержания перцептивного события останется неполным до тех пор, пока не будет заполнен этот пробел. Кроме того, так как, по словам С.Л. Рубинштейна, «На чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [Рубинштейн, 1976, с. 305], то становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение перцептивного образа, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, существующих в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия.

Выявленная выше познавательная неоднородность не нова и уже встречалась в истории науки. В физике она выступала как противоречие, возникающее при переходе к изучению явлений более глубокой, непосредственно не наблюдаемой, реальности явлений микромира. В. Гейзенберг писал: «копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой – из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц – Р.Н.). Противоречивость этих исходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории» [Гейзенберг, 1963, с.35]. Как видим, «физическое событие», в ситуации экспери-

ментального исследования квантовых явлений, элементарных частиц и их свойств, точно так же неоднородно в языковом аспекте, как и перцептивное событие в ситуации исследования процесса порождения перцептивного образа. Однако необходимо отметить, что сравниваемые события в физике и в психологии принципиально отличаются друг от друга тем, что квантовое явление находится вне наблюдателя и может быть изучено им как и остальные явления природы (однако и здесь есть свои специфические особенности), а психический процесс порождения имплицитно протекает внутри исследователя, за пределами осознания, не попадая тем самым в сферу эмпирических исследований как центральная и главная часть перцептивного события, и изучается большинством психологов через его же продукты, составляющие эксплицитно данные компоненты перцептивного события. А это уже другой парадокс, характерный для продуктного подхода, потому что редукция или объяснение процесса порождения через его же продукт невозможно. И это, несмотря на то, что психический процесс и его продукт, являющиеся противоположностями и находящиеся в отношении отрицания друг друга (в процессе еще нет продукта, а в продукте процесс уже завершен), составляют части единого целого.

Вышесказанное порождает необходимость внесения дополнительных, в том числе и методологических, уточнений в теоретическую конструкцию онтологической концепции восприятия.

Что же ограничивает возможности психологов в изучении процесса порождения перцептивного образа? Каким же образом исследовать особенности (принципы, закономерности) порождения? Как описать то, что приводит к порождению – порождающее? Так как порождение происходит в «глубинных процессах в сущем» (по Рубинштейну), то для ответа на эти вопросы, очевидно, необходимо составить представление об этом сущем, о бытии, точнее о бытии как вещи для себя.

Согласно философским воззрениям С.Л. Рубинштейна, «бытие», как термин, «пытается определить нечто по тому, что оно *есть* (выделено нами – Р.Н.), но при этом неизвестным остается, *что* оно есть (выделено нами – Р.Н.)» [Рубинштейн, 2012, с. 84]. Если продолжить эту мысль, то можно сказать, что нечто в бытии наполняется содержанием лишь после появления субъекта, и тогда вещь для себя становится вещью для нас, как объект познания (в частном случае – как объект восприятия): «Для сознания субъекта бытие всегда выступает как противостоящая ему объективная реальность» (там же). Таким образом, С.Л. Рубинштейн различает понятия объекта и бытия, объективной реальности и бытия и выступает против их отождествления, потому что такое отождествление приводит к субъективному идеализму, отрицающему существование независимого от человека бытия. «Сознание – пишет С.Л. Рубинштейн – невозможно без отношения к бытию как объективной реальности, однако бытие, мир может существовать и не становясь объектом для субъекта, для его сознания, может существовать и не выступая в этом качестве» (там же). И так, в бытии нет объектов, пока нет субъекта, но в нем есть независимое от субъекта нечто, которое неизвестно, *что* оно есть. Объективную реальность С.Л. Рубинштейн характеризует как ставшая из независимо существующего от субъекта бытия, вещи в себе, вещь для нас (там же, с. 85). То есть под объектом или объективной реальностью подразумевается уже отраженная, воспринятая реальность, находящаяся в процессе познания: «Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (там же, с. 85). Следовательно, подчеркнем еще раз, С.Л. Рубинштейн различает независимо от субъекта существующее бытие, вещь, нечто, существование которого не в состоянии определить его сущности – с одной стороны, и

переход этого нечто, через субъекта, в объект, в объективную реальность – с другой.

Такое определение объективной реальности, включающее в себя переход от бытия, как вещи в себе, к бытию, как вещи для нас, по мнению Рубинштейна, с необходимостью поднимает вопросы о соотношении трансцендентного и имманентного, имплицитного и эксплицитного.

При рассмотрении соотношения имплицитного и эксплицитного С.Л. Рубинштейн основывается на том, что исходной предпосылкой марксистской философии является независимое от познания существование познаваемого бытия. Причем, основным инструментом, посредством которого она, эта предпосылка, реализуется – это понятие трансцендентного, как имплицитно данного [Рубинштейн, 1976, с. 320-321]. С.Л. Рубинштейн рассматривает два понятия трансцендентного: «1) трансцендентное как обособленное сущее, отделенное hiatus-ом (зиянием), такое, к которому нет путей от имманентного, 2) трансцендентное как выходящее за пределы того, чем оно задается, – выход объекта мысли за пределы мысли об объекте» (там же, с. 321). В процессе познания имманентное и трансцендентное неразрывно связаны между собой, и, в то же время, при решении проблемы соотношения явления и сущности, они выступают в виде соотношения непосредственно познаваемого (данного) и познаваемого опосредствованно, через непосредственно данное выявляемого (там же, с. 322). Процесс познания, согласно Рубинштейну, начинается с эксплицитно данных познания, которые влекут за собой «как имплицитное, содержание объекта (сущего)» (там же).

Могут ли приведенные выше особенности познания помочь нам в понимании психического процесса порождения, который так же относится к области трансцендентного?

Следует отметить, что при переходе от философских суждений Рубинштейна о взаимоотношениях бытия и созна-

ния, человека и мира к решению конкретно психологических проблем, необходимо проявить определенную осторожность. Она обусловлена тем, что при разработке вопросов решения человеком онтологических и гносеологических проблем, Рубинштейн рассуждает о познании в целом, без особого выделения особенностей познания психического, как порождающего процесса, превращающего бытие в объективную реальность для субъекта, а большей частью рассматривает психическое как способ отражения, действительности и ее познания через продукты процессов непосредственного-чувственного отражения, восприятия, мышления и т.д. Методологической основой для привнесения продуктного образа мышления в психологию является продуктивный подход, характерный для гносеологии марксистской философии, рассматривающей познание как отношение между субъектом (с уже принадлежащим ему психикой) и существующим независимо от него бытием. Однако, продуктивный подход, возможно, адекватный для решения задач материалистической философии, оказался ограничивающим фактором при решении фундаментальных проблем психологии, касающихся вопросов порождения психических явлений, например, перцептивного образа.

Ограниченность продуктного подхода в психологии впервые с разных сторон была исследована в докторской диссертации А.И. Миракяна [Миракян, 1995]. В этой работе было показано, что независимо от науки, изучающей закономерности психического отражения – философия, психология, психофизиология, кибернетика – эти закономерности изучались через продукты заверщенного процесса отражения, и выражались через логические отношения между ними, характерные для данной науки и эмпирического образа мышления исследователя, но не самого процесса порождения. Но самое главное, что характеризует продуктивный подход это то, что исследователи не замечали, что при исследовании процесса отра-

жения какого-либо свойства объекта (величина, форма, скорость и т.д., а в общем случае, если сюда же включить внешние и внутренние условия – объект-ситуация онтологической концепции восприятия) в качестве исходных данных брались эти же, уже отраженные, свойства объекта, что не позволяло затем проникнуть в процесс их порождения.

Трансцендентность порождающего процесса восприятия не вызывает сомнений – он непосредственно не представлен в нашем чувственном опыте, но как представить эту трансцендентность и что из этого следует? Вновь обращаясь к философской концепции Рубинштейна, отметим, что трансцендентность порождающего процесса может быть понята в двух вышеприведенных смыслах одновременно. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, процесс порождения, оставаясь трансцендентным, задается перцептивным образом (если есть образ, то должен быть и процесс, к нему приводящий), с другой стороны, процесс порождения, являясь трансцендентным по отношению к действительности эксплицитно данных – перцептивного образа, предпосылок и детерминант процесса – не может быть изучен посредством этих же продуктов восприятия и таким образом остается непознаваемым. То есть, то, чем задается трансцендентное, оно же, как уже воспринятое чувственно данное, ограничивает возможности его познания. Поэтому необходимо признать уникальность психического процесса порождения, как объекта познания, среди прочих объектов познания, особенно тех, которые материальны. Об этой уникальности Г.В. Шукова пишет как об «абсолютной особости экспликации психики в качестве объекта исследования». И далее уточняет: «Если психика есть форма материальности, потенциально существующая вне ее опредмеченности, то она никак не может исследоваться только на уровне своей атрибутивности – как свойство человека, как непосредственно данная в виде образа, процесса, явления и т.п. психическая реаль-

ность» [Шукова, 2013, с. 111]. Эволюция подготовляла человека для функционирования в материальной среде. Поэтому все познавательные способности человека приспособлены для отражения материальных вещей и отношений между ними, по причине чего у человека формируется эмпирический образ мышления, предназначенный для «работы», в первую очередь, с перцептивными образами этих вещей или с понятиями им соответствующими, то есть с продуктами психического отражения, но не с процессом их порождающим.

Выбирая в качестве предмета познания или исследования психический процесс отражения, а точнее – психический процесс порождения, тем самым мы создаем парадокс. Парадокс состоит в том, что для исследования порождающего процесса исследователь должен «иметь» как эксплицитно данное перцептивный образ порождающего процесса. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в форме перцептивного образа, поскольку изначально он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за его пределами, взаимодействующего с ним. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя, а потому воспроизвести, выявить и познать самого себя, он предназначен для выявления и познания «другого». Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожденным в качестве перцептивного образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического (непосредственного) исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Мы не можем говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а можем говорить лишь о его существовании. Поэтому полиредукционистский подход к изучению психического, так же основанный на продуктном подходе, будет эффективен лишь в практике, потому что этот подход выявляет и учитывает многообразие всевозможных *усло-*

вий существования того, данного лишь имплицитно, что обозначено как «психическое», но не в состоянии определить концепт и исследовать само психическое, как нечто, имплицитно существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом перцептивный образ – это не явление порождающего процесса, а это «явление» того трансцендентного и имплицитного нечто, которое существует в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ – это свидетельство существования порождающего процесса: «Существование, бытие сущего, – пишет Рубинштейн, – заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ...скрываться» [Рубинштейн, 1976, с. 305].

Исследование процесса порождения через психическое, через рефлексированные продукты психической деятельности не может привести к его пониманию. И, оказывается, что никакой редукцией к какой-либо научной области знания невозможно объяснить процесс порождения психического. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить как о явлении, что «процесс порождения психического» или в частном случае «процесс порождения перцептивного образа» это – *априорное понятие*, стереотип нашего мышления. Ведь из опыта нам известно: то, что непосредственно дано – рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А, в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то образом «получается», то это рождение с научной точки зрения представляется как процесс, а не как внезапное появление образа (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?). Поэтому понятие «психический процесс», понятое не как последовательность или череда отдельно зафиксированных психических актов, а как непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними – это понятие, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, исследование

которого требует применения априорных понятий. А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обращения к новому для современной психологии («хорошо» забытому старому) метафизическому методу, как возможному способу исследования закономерностей именно такой, «запредельной», реальности, такого уровня имплицитного бытия, которая содержит в себе возможности порождения всего сущего и психического отражения, в том числе, осуществляющегося (тоже) как порождающий процесс.

Ввиду многозначности смысла понятия «метафизика» уточним, что мы понимаем ее не в новом смысле, распространенном в современной психологии, как состоящую в противопоставлении диалектическому методу, а в старом смысле – «...как совокупность утверждений (или теорию), учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [Мамардашвили, 1996, с. 117].

С.Л. Рубинштейн отрицательно относился к метафизике, что было обусловлено отнесением метафизики к идеализму. Ход рассуждений Рубинштейна такой: понятие, которое раньше обозначало некоторую определенность, вещь, имело двойное значение – как существование, в качестве субъекта, и сущность, в качестве предиката. Но с осознанием понятия как идеи (Сократ), и с «отрывом» понятия от вещи, как самостоятельно существующей идеи, понятие превратилось в субъект, а обозначенное им существование вещи, в предикат. «С этого ведет свое начало идеализм, – пишет Рубинштейн, – и вместе с тем эволюция онтологических понятий, приводящая в тупик, в который уперлась затем метафизика. С этого начинается и оформляется противоположность материализма и идеализма» [Рубинштейн, 1976, с. 294]. Но так ли это?

Сомнения по этому поводу возникают уже потому, что анализируя философию наивного материализма древнегреческих атомистов (Левкипп, Демокрит), С.Н. Трубецкой убедительно показывает, что она целиком построена на метафизических предпосылках [Трубецкой, 2003, с. 322-328]. И, отсюда можно сделать вывод, что метафизика имеет отношение не только к идеализму, но и к материализму, к тем предполагаемым первоосновам бытия (атомы и их свойства), из которых затем строится материалистическая и, в частности, научная картина мира. То есть метафизика характеризует не направление в философии, а образ мышления о бытии в целом, предмет которого может относиться как к материализму, так и к идеализму (бытие, материя, атомы, Бог, понятие, душа и т.д.). В подтверждение того, что метафизика относится и к материализму, можно сослаться на физику Ньютона, которая признана как олицетворение научно-материалистического подхода к изучению природы. И, действительно, оказывается, что многие ее основополагающие, фундаментальные понятия – абсолютное пространство, абсолютное время, инерция, сила, энергия, электричество – являются метафизическими сущностями, непосредственное изучение которых не представляется возможным, хотя и предполагается их имплицитное существование как особенностей реальности или событий, существующих в ней [Захаров, 1999].

Важный вклад в понимание сущности познавательных возможностей метафизики, как это ни удивительно, делает основатель научной (экспериментальной) психологии В. Вундт. В своей философской работе «Метафизика» В. Вундт в истории философии выделяет три стадии развития метафизики, характеризующие разные формы метафизического мышления – поэтико-мифологическую, диалектическую и критическую. Но, кроме этого, Вундт показывает метафизику с неожиданной для философов стороны, определив ее психологически – как «не-

искоренимый умозрительный инстинкт человеческого духа» [Вундт, 2006]. Для доказательства этого положения Вундт применяет оригинальный метод анализа мировоззренческих концепций трех естествоиспытателей – Э. Геккеля, В. Оствальда и Э. Маха, которые, несмотря на то, что относили себя к убежденным антиметафизикам, но, все равно, не смогли избежать применения метафизических предпосылок, положенных в основание их представлений о мире и его познании. Это положение Вундта свидетельствует о том, что в каждом человеке, независимо от его мировоззрения, живет метафизик, который особенно часто пробуждается в те моменты, когда человеку приходится сталкиваться с желанием или необходимостью выхода в непроявленный мир первопричин сущности явлений; но каждый делает это по-своему, по своему разумению, в контексте своей методологии познания и исследования мира, предстоящего сделать «своим».

В разделе 2.1. мы подробно обсудили отношение психологии к метафизике и показали истоки возникновения отрицательного отношения к метафизике, которое было связано с изменением (20-е годы прошлого столетия) философско-методологического базиса психологии с антипозитивистски метафизического (не отрицающего, однако, эмпирию), развиваемого русскими философами и психологами, на марксистский исторический материализм. Как следствие этого, постепенно была утрачена традиция и культура метафизического образа мышления – слово «метафизика» стало запретным, а потом и ненужным словом в советской и постсоветской психологии.

Однако, онтология – учение о бытии – не была запретным словом, так как вместе с гносеологией составляла часть марксистской философии. А так как метафизика и онтология – близкие по смыслу понятия, то метафизика была полностью заменена онтологией, но такой онтологией, в которой не использовались эмпирически недоказуемые предположения и

гипотезы о трансцендентных первопричинах порождения явлений и о соответствующем устройстве мира, скрытого за этими явлениями. Очевидно, это была другая, не метафизическая, онтология.

Учение о бытии (в современном понимании – онтология) в явной своей форме было представлено в «первой философии» Аристотеля, то есть была частью метафизики. Другими словами, по Аристотелю, метафизика («первая философия») была способом рассуждения о «бытии в возможности» и не была предназначена для познания «бытия в действительности», которая изучалась физикой и другими науками. То есть областью познания метафизики было умозрительное постижение первопричин и начал всего (бытия, бога, души, движения и т.д.), которые были сверхчувственны и находились «по ту сторону физики». Поэтому онтологию называли еще и метафизикой бытия, но под бытием подразумевалось не наличное бытие, а «бытие в возможности» или, используя терминологию С.Л. Рубинштейна, бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта.

Исчезновение метафизики с горизонта психологической науки было следствием принятия понимания и определения бытия как существующей независимо от субъекта *познаваемой* реальности, познание которой направлено от эксплицитно данного имманентного к трансцендентному. При таком определении бытия и его познания метафизика теряет свое значение, потому что она предназначена для познания того трансцендентного, которое задается имманентным, но не определяется им. А онтология в этом случае меняет свой смысл, превращаясь в учение об универсальных закономерностях всей той действительности, которая окружает человека, которую можно наблюдать и подвергнуть количественному и качественному анализу. Именно такое понимание онтологии и онтологического подхода используется в современной психологии. Но в таком

понимании нет ничего метафизического, и поэтому такая постановка способа познания входит в противоречие с возможностями исследования предмета нашего анализа – порождающего процесса восприятия, потому что, как выше было показано, психический порождающий процесс не может быть исследован (по крайней мере, в настоящее время) научными методами, то есть от эксплицитно данных в восприятии к имплицитным и трансцендентным возможностям их порождения.

Отчуждение от метафизики в современной психологии настолько сильно, что от нее отказываются, заменяя ее онтологией, даже тогда, когда в ее применении есть прямая необходимость. Так, например, Ш.Р. Хисамбеев, проводя историко-психологический анализ «Монадологии» Лейбница, называет ее «онтологической концепцией» [Хисамбеев, 2013]. Это уже настораживает, потому что Лейбниц о своей «Монадологии» нигде не говорил как об онтологической концепции. Вместо этого Лейбниц много писал о метафизике и принимал ее как особый метод познания, и его «Монадология» была ярким примером применения метафизического подхода к пониманию устройства и организации бытия. Авторы одного из учебников философии пишут: «Г.В. Лейбниц развивает плюралистическое учение о множественности субстанций, лежащих в основе мира. Это особые духовные единицы, или точки, они просты, лишены частей, непространственны. Лейбниц называет их «монады», а свою метафизику – монадологией» (там же, с. 154). Метафизика включает в себя онтологию (Лейбниц), но не всякая онтология возникает из метафизики (Барабанщиков). Поэтому формальное совпадение двух названий – «онтологическая концепция Лейбница» и «онтологическая концепция восприятия» – может вызвать ошибочное представление о тождественности философско-методологических оснований этих двух онтологических концепций. Однако это совершенно разные онтологические концепции, относящиеся к разным

уровням бытия: к «бытию в возможности» (Лейбниц) и к «бытию в действительности» (Барабанщиков).

В данном случае (статья Ш.Р. Хисамбеева), как видим, метафизика замещается онтологией и опять выпадает из пространства методологических понятий современной психологии. Но это приводит к тому, что мышление исследователей, осознанно или не осознанно, остается ориентированным лишь на «бытие в действительности», и они продолжают свои поиски решения проблем порождающего процесса восприятия не там, где было «потеряно» – имплицитная область трансцендентного «бытия в возможности», – а там, где светло и знакомо.

Таким образом, есть основания полагать, что метафизический подход, на сегодняшний день, является одним из возможных подходов к изучению порождающего процесса восприятия, который может быть совмещен с научным методом (подобно тому, как это произошло и продолжает происходить с физикой).

Доказательство выдвинутого нами предположения было представлено намного раньше в трансцендентальной психологии восприятия [Миракян, 1987, 1995]. В разделе 2.2. нами было показано, что автором этой концепции восприятия, московским психологом А.И. Миракяном, был использован именно метафизический (по определению Миракяна – афизикальный) подход к изучению порождающего процесса восприятия. Однако, дело в том, что сам А.И. Миракян не использовал термина «метафизика», потому что в сообществе психологов и философов того времени было принято мнение, что метафизика и материализм это противоположные по смыслу понятия (поэтому Демокрита мало кто воспринимает как метафизика, хотя, на самом деле, он метафизик-материалист, а Лейбниц – метафизик-идеалист, потому что его монады к тому же наделены душой. Оба философа были метафизиками, потому что давали картину бытия – онтологию – как «бытия в возмож-

ности»). Поэтому наиболее приемлемым для А.И. Миракяна термином, обозначающим принципиально новую концепцию восприятия, претендующую на статус новой парадигмы в психологии (сравнительный анализ современных парадигм восприятия проведен в цитированной работе Г.В. Шуковой), оказалось понятие «трансцендентальное», которым указывается область существования объекта познания, но не точно определяется метод его исследования, так как трансцендентное можно исследовать как метафизическими, так и научными методами. Первый путь познания – это путь от глубин мироздания, с заложенными в них возможностями порождения, от картины мира, какой он есть до человека, до его восприятия, от общего и целостного к порождению явления, единичному и конкретному, данному в восприятии человека; в этом случае направление движения мысли исследователя совпадает с направлением развития эволюции и генеза процесса восприятия. Второй, научный, путь познания неизвестного и трансцендентного начинается с конкретного объекта познания и условий его существования, данных сознанию как продукты восприятия, и направлено в сторону более глубоких уровней бытия. Однако этот путь предназначен для исследования всех тех событий, которые существуют в мире и могут быть отражены в виде перцептивных образов, кроме психического порождающего процесса, который сам по себе, непосредственно не может быть представлен нашему сознанию в виде эксплицитно данного перцептивного образа; научными методами можно исследовать только осознаваемые продукты психической деятельности и все многообразие взаимоотношений между ними.

Осознание всего вышесказанного и побудило А.И. Миракяна к решению метафизической задачи, а именно к описанию такого устройства бытия, которое заключало бы в себе возможности порождения нового. Интересно отметить, что при решении этой задачи А.И. Миракян не идет по пути субстан-

ционального способа описания бытия по образцу Демокрита или Лейбница, и в качестве фундаментальной особенности реальности принимает не существование в ней материальных форм, а спонтанную возможность образования отношений между ними. Материальные формы бытия в концепции Миракяна совершенно безликие и эта характеристика сущего употребляется им вполне осознанно, потому что придание материальным формам каких-либо свойств, как это мы видим в случае атомов Демокрита и монад Лейбница, означало бы привнесение продуктного подхода в метафизическую конструкцию онтологической концепции. Чтобы избежать кажущейся игры слов, поясним это соотношение между метафизикой и онтологией на примере соотношения формы и содержания мышления: в онтологических концепциях, относящихся к «бытию в возможности», метафизика – это форма мышления о трансцендентном, а онтология – его содержание. Таким образом, хотим еще раз подчеркнуть, что трансцендентальная психология А.И. Миракяна это метафизическая по форме и онтологическая по содержанию концепция восприятия. Поэтому мы солидарны с предложением В.И. Панова обозначить онтологии, относящиеся к «бытию в действительности», развиваемые, как указывает В.И. Панов, например, в концепциях В.А. Барабанщикова и Ж. Пиаже, как «эпистемологическая онтология» [Панов, 1996]. Поэтому можно различать метафизическую онтологию Миракяна и эпистемологическую онтологию Барабанщикова.

Поскольку категория отношения становится центральной в образе мышления Миракяна, то его концепция порождающей реальности оказывается построенной в основном на «процессуальных» понятиях, характеризующих возможность или не возможность образования отношений. Это позволило Миракяну освободиться от продуктных оснований анализа, приводящих в тупик при поиске принципов порождающего процесса

восприятия в гносеологической парадигме. Такими основополагающими априорными понятиями в трансцендентальной психологии восприятия являются понятия самодвижения, самосохранения, саморазрушения, отношения единости и различия, гомогенности, анизотропности, дискретизации, фиксации и т.д. Используя эти понятия, А.И. Миракян формулирует гипотетические принципы порождающего процесса, как существующие в бытии саморазвивающиеся тенденции. Следы этих тенденций должны проявляться и проявляются в «бытии в действительности», например, в структурно-процессуальной анизотропности органов восприятия живых существ и парно-симметричной организации их тел. А это уже дает возможность экспериментальной проверки изначально принятых метафизических предположений, чем и обеспечивается переход от метафизических рассуждений к научным эмпирическим исследованиям.

Таким образом, за пределами наличного бытия существует другое, более глубокое, бытие, обозначенное как «бытие в возможности» (Аристотель), бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта (Рубинштейн), бытие «в себе» (Барабанщиков), ничто или реальность отсутствующего (Миракян): этот тезис принимается многими психологами. Далее, из этого следует, что существуют разные уровни бытия, которым соответствуют разные онтологии и описывающие их «языки». Это важный момент в исследовании порождающего процесса восприятия, так как возникают вопросы: на каком уровне бытия следует искать принципы порождающего процесса восприятия, на какую онтологию опираться, и, если это окажется более глубокий уровень бытия (Рубинштейн, Миракян), то какой метод окажется возможным и адекватным для создания онтологии этого уровня бытия? Для Барабанщикова, насколько нам известно, такой дилеммы не существовало. Хотя он и критиковал продуктный подход и отмечал

ограниченность его возможностей, но, тем не менее, в своих теоретических рассуждениях опирается на онтологию наличного бытия, то есть, как показал анализ В.И. Панова, на совокупность уже отраженных внешних и внутренних условий восприятия [Панов, 1996].

Трансцендентальная психология восприятия, предложенная А.И. Миракяном, раскрывающая возможности порождения психического на более глубоком уровне бытия, является прелюдией к новой философии и методологии психологии, построенной не на фундаменте психических феноменов и психологических метафор, а на онтологии глубинных уровней природы. А, как видно из данных современной философии науки, именно это и характерно для становления и развития естественной науки.

2.5. Эмпирическая психология и метафизика

Выше было показано значение и роль метафизических идей в психологии. Главный итог этих исследований состоит в том, что несмотря на то, что метафизика в современной психологии не является предметом методологических обсуждений и, тем более, не воспринимается большинством психологов как средство методологического анализа, метафизика не чужда психологии и способна дать новые эвристические импульсы для углубления и расширения взгляда на природу психики.

Однако, принципиально важным становится вопрос о соотношении метафизического и эмпирического в психологической науке, потому что они, на первый взгляд, кажутся несовместимыми.

В философии относительно наук о природе этот вопрос И. Кантом был решен следующим образом.

Рациональное учение о природе, согласно И. Канту, может называться наукой лишь в том случае, если законы, лежащие в основе природы, познаются а priori и не представляют собой

лишь эмпирические законы. Поэтому различаются две разновидности познания природы: познание природы первого рода – чистое познание и второго рода – прикладное познание разумом. А так как наука предполагает понятие о законах, то есть необходимой совокупности всех форм существования определений вещи (что невозможно получить эмпирическим путем), то наука может называться таковой лишь благодаря чистой своей части, включающей в себя априорные принципы всех прочих объяснений природы.

Для дальнейшего нашего анализа важно также мнение И. Канта о методологической важности выделения чистой, метафизической, части науки: «Всякая наука о природе в собственном смысле нуждается, следовательно, в чистой части, чтобы на ней могла основываться аподиктическая достоверность, которую ищет в науке разум; и так как в этой части принципы совершенно иного рода, чем чисто эмпирические, то будет также чрезвычайно полезно, более того, по существу дела в методологическом отношении совершенно обязательно излагать эту часть отдельно, вовсе не вдаваясь в другую, и притом по возможности излагать во всей ее полноте, дабы можно было совершенно точно определить, что же разум способен дать сам по себе и где способность его начинает нуждаться в помощи эмпирических принципов. Чистое познание разумом из одних лишь понятий называется чистой философией или метафизикой» [Кант, 1966, с.56]. Здесь И. Кант явно указывает, во-первых, на то, что метафизические принципы совершенно иного рода, чем эмпирические закономерности, что требует дальнейшей конкретизации, во-вторых, невозможно метафизическими принципами решать эмпирические задачи, и, в третьих, – Кант указывает на необходимость обращения к эмпирическим принципам, в случае неполноты метафизических рассуждений. А это означает, что не только выбором метафизических оснований определяется организация будущих эмпи-

рических исследований (выбор методологии, предмета, метода и т.д.), но, в свою очередь, эмпирические данные, расширяющие возможности нашего мышления, могут служить предпосылкой для «коррекции» и дополнения этих же метафизических оснований науки. А так как изменение метафизических оснований науки может привести к формированию новой картины мира, то, согласно современной терминологии, это означает переход к формированию новой научной парадигмы.

В современной психологии вопрос о соотношении метафизического и эмпирического в психологии подробно исследован в работах известного психолога Л.Я. Дорфмана, поэтому наш дальнейший анализ основан на результатах исследований этого автора.

В ряде своих работ Л.Я. Дорфман делает попытку осмыслить достижения эмпирической психологии «как пути познания в *методологическом* смысле», обозначить роль и место мышления в ней, а также показать возможность и необходимость введения эмпирической психологии в самостоятельную область психологии. При этом особое внимание Л.Я. Дорфман обращает на «многовековые оппозиции эмпирического и априорного знания в контексте философской эпистемологии» [Дорфман, 2008, с. 8], которые в современной психологии привели к оппозиции эмпирической и априорной психологий.

Одним из проводников априорного знания (кроме рационализма, иррационализма, эссенциализма и т.д.) является метафизика, определяемая Л.Я. Дорфманом как «учение о сверхчувственных основах и принципах бытия, предельной реальности, сущностях и первых принципах, универсалиях» (там же, с. 8). В силу особенностей априорного знания метафизическое знание является необходимым, универсальным и определенным.

В соответствии с особенностями проявлений априорного и эмпирического знания в психологии, Л.Я. Дорфман различает

априорную и эмпирическую психологию [Дорфман, 2003, 2008], понимая под априорной психологией теоретическую психологию, которая по своему характеру рационалистическая и, в то же время, метафизическая. Она «ориентируется на те или иные философские картины мира, опирается на законы логики и претендует на познание предельной реальности в тех или иных аспектах» [Дорфман, 2008, с. 15-16].

В отличие от априорной психологии эмпирическая психология претендует на познание лишь фрагмента реальности, доступного внешнему и внутреннему чувственному опыту. Вместе с тем, Л.Я. Дорфман отмечает, что эмпирическая психология является рационалистической, так как «оперирует мышлением, применяет процедуры рассуждения, ... ориентируется на теории и создает теории, ... производит обобщения и пользуется абстракциями» (там же, с. 16). То есть априорные понятия могут быть использованы и в эмпирической психологии, например, как результаты обобщений и абстракций, имеющих отношение к эмпирическому материалу. Поэтому основанные на подобных обобщениях теоретические знания нельзя назвать метафизическими. Все зависит от задачи решаемой исследователем: если его мышление направлено на определение особенностей предельной реальности или первых принципов, только в этих случаях полученное априорное знание можно отнести к метафизике. То есть априорность сама по себе не может служить водоразделом, линией демаркации, между метафизикой и эмпирической психологией. М.К. Мамардашвили приводит наглядный пример разграничения метафизических и научных (эмпирических) понятий. Он указывает на то, что, например, прямолинейность распространения света может быть подтверждена экспериментально – это указывает на то, что прямолинейность распространения света не была принята априори и поэтому не есть метафизическое качество природы. Но, когда на этом основании исследователь делает вывод о том, что у

луча света нет причин отклониться в какую-либо сторону, потому что пространство однородно и изотропно, то в этом случае исследователь делает метафизическое заключение об онтологии бытия [Мамардашвили, 1996], о симметричности мира в целом, что, конечно, не подлежит верификации или фальсификации (поэтому можно полагать, что в античной философии симметрия первоначально играла роль метафизического принципа устройства бытия, природы)

Кстати, вся классическая физика И. Ньютона основана на метафизических предпосылках – абсолютном пространстве, абсолютном времени, инерции, силе, причинности и т.д. Необходимо отметить, что выбор И. Ньютоном этих предпосылок не был осознанным. Эти предпосылки соответствовали особенностям мировосприятия его времени и составляли основу классической, как мы теперь называем, ньютоново-картезианской парадигмы. В то же время, выбор метафизических предпосылок науки может быть и вполне осознанным. В качестве примера можно привести работу современного физика, профессора МГУ, Ю.С. Владимирова, который здание всей теоретической физики построил на специально выбранных метафизических предпосылках [Владимиров, 2009]. А чтобы подчеркнуть особую значимость этих предпосылок для физики, свой капитальный труд он назвал не курсом теоретической физики, а – «Метафизика».

Л.Я. Дорфман указывает на три вида различий между эмпирическими и априорными (метафизическими) теориями. Во-первых, они расходятся по предмету своих исследований, то есть «в то время как метафизические теории пытаются объяснить сущности (за пределами явлений), эмпирические теории пытаются объяснить явления (в поисках сущности в них)» [Дорфман, 2008, с. 22]. Во-вторых, метафизические теории являются более абстрактными и менее конкретными, чем эмпирические теории. И, в-третьих, по аналогии с эмпирическими и

теоретическими понятиями, Л.Я. Дорфман полагает, что эмпирические теории имеют более конкретное (богатое) содержание и меньший объем, чем априорные (метафизические) теории (там же).

Вопрос о характере границы между эмпиризмом и априоризмом приводит Л.Я. Дорфмана к необходимости описания ряда версий эмпиризма, отличающихся разными степенями наличия в них априорных идей – абсолютного, субстантного и неполного [Дорфман, 2008, с. 17]. Для нас особый интерес представляет версия неполного эмпиризма. В этом случае, как указывает Л.Я. Дорфман, «есть информативные предложения о реальности, которые в то же время не являются эмпирическими. Положения трансцендентной, или кантианской, метафизики, общие научные принципы сохранения и каузальности... являются априорными. Они устанавливаются исключительно в результате рассуждений без обращения к опыту. Тем не менее, остается большое количество собственно эмпирических понятий, предложений, теорий, которые образуют отдельную и самостоятельную область исследований и отличаются от априорных идей» (там же, с. 18). То есть, согласно этой версии, эмпирическое исследование может содержать и вполне определенную априорную (метафизическую) часть. Это согласуется не только с определением науки о природе, предложенным И. Кантом, но и с данными философии науки, появившиеся во второй половине XX века, о соотношении метафизики и науки. Так, например, сказанное выше о версии неполного эмпиризма созвучно с мнением философа М. Вартофского об этом соотношении: «У нас не может быть сомнений в том, что в истории науки «метафизические модели»... играли важную роль при построении научных теорий и в научных спорах по поводу альтернативных теорий. Достаточно сослаться на понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и на концептуальные структуры атомизма,

механицизма, прерывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности и изменении, пространства, времени, причинности, которые первоначально имели «метафизическую» природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия» [Вартофский, 1978, с. 63]. Как правило, метафизические рассуждения и предпосылки относятся к фундаментальной части науки и представляются в виде имплицитных или полужексплицитных постулатов. Психология как наука не может избежать этого в силу того, что привнесение метафизических идей на начальном этапе становления и развития науки является следствием проявления особенности образа мышления ученого – осознанно или не осознанно исходить из определенной картины мира, истинность которой не требует доказательств и принимается априори.

В психологической науке глубокий анализ основополагающих постулатов разных систем психологии был проведен Н. Смитом (2003), причем большинство этих постулатов, были выведены автором логическим путем при анализе системы психологического знания конкретного психолога. Совокупность постулатов, лежащих в основании какой-либо из систем психологии, Н. Смит разделил на три категории: протопостулаты – общие руководящие положения, относящиеся к науке в целом; метапостулаты – поддерживающие допущения для конкретной науки, одной из систем психологии; постулаты – допущения, касающиеся предмета исследования. Ниже приведем выборку постулатов (разных категорий) из множества, выделенных Н. Смитом, которые, по нашему мнению, имеют наиболее выраженный метафизический характер.

В этом контексте, например, в когнитивной психологии, согласно Н. Смиуту, можно выделить следующие имплицитные постулаты: *метапостулаты* – «биологическое предполагает дуалистическую роль биологических функций и психологиче-

ских функций», здесь же – «психологические события обусловлены функционированием отдельных биологических тканей и не требуют участия всего организма»; *постулат* – «опыт есть результат деятельности души (mind) конкретного человека. *Следствие*: душа (mind) есть причина самой себя (self causative)»; «причина линейна: входные сигналы обрабатываются в последовательности операций кодирования, сохранения и реконструкции» [Смит, 2003, с. 348]. Полуэксплицитные постулаты в психоанализе: *протопостулат* – «реальность образуют не только физические, химические и биологические события, но и смыслы вещей (the meanings of things) для людей («психическая реальность»)»; *метапостулат* – «люди сознательно реализуют право выбора и тем самым определяют собственную судьбу»; *постулат* – «эротические и агрессивные действия и конфликты свойственны исключительно детству и влияют на последующее поведение» (там же, с. 351). Имплицитные постулаты феноменологической психологии: *протопостулат* – «природа не представляет собой тотальной взаимозависимости всего, при которой не существует никаких различий; в то же время она не складывается из изолированных процессов. Природа состоит из структур, включенных в непрерывные отношения, являющиеся свойствами целостностей»; *метапостулат* – «наряду с физическими характеристиками мир обладает смыслами. Именно эти смыслы представляют главный интерес для психологии» (там же, с. 355).

Приведенные выше постулаты демонстрируют факт того, что созданию психологической теории или организации эксперимента и интерпретации ее результатов предшествует, как и в физике, осознанное или неосознанное принятие исследователем определенных метафизических постулатов.

В истории психологии можно выделить также концепции, которые первоначально были метафизическими. К таким теориям можно отнести, к примеру, психоанализ. Однако со вре-

менем многие положения психоанализа получили свое эмпирическое подтверждение. «В частности, подтверждены (а) существование бессознательных когнитивных, аффективных и мотивационных процессов, (б) амбивалентность аффективной и мотивационной динамики и их функционирование в параллельном режиме, (в) происхождение многих личностных и социальных диспозиций в детстве, (г) ментальные репрезентации «Я» и «Других» и их взаимоотношений, (д) динамика развития» (цитата по: Дорфман, 2003, с. 46). В этом же контексте Л.Я. Дорфман указывает и на гуманистическую психологию А. Маслоу, которая также подвергалась резкой критике за ее априорность и метафизичность. Но в конце прошлого столетия появляется новое течение в эмпирической психологии – позитивная психология – наука о позитивном субъективном опыте, позитивных индивидуальных чертах и позитивных нововведениях. В результате такие феномены как надежда, здравый смысл, креативность, духовность, ответственность и другие позитивные феномены стали предметом изучения эмпирической психологии (там же). Поэтому как психоанализ, так и гуманистическая психология, сохранив свои базовые метафизические положения, «приобрели» эмпирическую составляющую, что позволяет причислить их к группе «нормальных» наук.

Примерно такова же была судьба концепции метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана (1993), которая, по утверждению самого автора, первоначально была «явно метафизической». Метафизическим было само понятие «метаиндивидуального мира», потому что оно включает в себя все то, что конкретная индивидуальность считает своим: других субъектов, «вещи и предметы; дом, двор, улицу; места работы и досуга, домашних животных и растения, объекты неживой природы, произведения искусства и массовую культуру» и т.д. [Дорфман, 1993, с. 67]. Ясно, что приведенный выше список можно увеличить до бесконечности. Это – одна из причин «не-

уловимости» мира индивидуальности. Двумя другими причинами являются, то, что а) проблема мира индивидуальности не укладывается в рамки социальной психологии, психологии среды, психологии деятельности, психологии личности, дифференциальной психологии, психологии собственно индивидуальности и других областей психологии, и, б) потому что при попытке изучения метаиндивидуального мира «Всякий раз он как бы наряжает на себя чужие одежды, скрывая свою собственную сущность и особенности своего существования» (там же). Перечисленные аспекты метаиндивидуального мира и указывают на его априорный (теоретический) метафизический характер, на невозможность его непосредственного экспериментального исследования, как психического явления, в своей целостности.

Рассуждая о предмете психологии, на метафизичность психики в имплицитной форме указывает и В.А. Мазиллов: «в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправдано редукционистское сведение психе к ее конкретному проявлению. Действительно, психе может проявиться и в самосознании, и в поведении... Ликов у психе много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность?» [Мазиллов, 1998, с. 66]. В.А. Мазиллов явно указывает на три качества психики: во-первых, в акте исследования исследователь всегда имеет дело с одним из многочисленных ликов психики, во-вторых, психика обладает потенциальными возможностями проявляться в бесконечном многообразии ликов и, в-третьих, проявления психики не совпадают с сущностью самой психики. Хотя автор утверждает, что он всего лишь ставит «риторические» вопросы, однако уже сама постановка этих вопросов имеет важное методологиче-

ское значение, так как указывает на пределы научной психологии, требующие для их преодоления новых методологических подходов к исследованию психики и определению предмета психологии.

Такую же методологическую позицию занимает и В.И. Панов, так же ищущий пути изучения психики для объяснения причин проявлений разных психических феноменов с единых методологических позиций. «Надо признать, – пишет он, – что в научной психологии мы изучаем не психику в непосредственной форме ее существования, а именно разнообразные ее проявления (частичные феномены), в которые она «облачена» в зависимости от способа полагания, присущего тому или иному способу исследовательского мышления (как модница облакает себя всякий раз в разные одежды). И в зависимости от особенностей исследовательского мышления мы будем фиксировать психику (в качестве объекта и предмета исследования), «облаченную в одежду» тех или иных своих феноменальных проявлений, но не собственно психику как таковую, которая, проявляясь в каждом из своих феноменов, тем не менее не сводится ни к одному из них. Вследствие этого традиционным предметом изучения психологии выступают психические процессы, психические состояния, индивидуальное и групповое сознание и т.п. психические феномены, логически обособленные друг от друга и подменяющие собой психику как единое по своей природе явление» [Панов, 2011, с. 52]. Таким образом, все три методолога (Дорфман, Мазиллов, Панов) рисуют одну и ту же картину: за пределами нашего восприятия и пространства его феноменов, для обозначения которых были использованы метафоры многообразия «ликов» и «одежд», существует неуловимая и неосознаваемая причина их порождения (порождающий процесс, психика или метаиндивидуальный мир) – метафизическая сущность, неподдающаяся непосредственному экспериментальному исследованию, обладаю-

шая собственными закономерностями, не выводимых из закономерностей порожденных ею же феноменов.

Так как проблема исследования принципов порождения психического и их отношения к метафизике не разработана в должной мере, она требует дополнительного анализа, что мы и попытаемся сделать ниже.

Вопрос о порождении феноменальных проявлений психики всегда был актуален. Однако для подавляющего большинства психологов, как методологов-теоретиков, так и экспериментаторов, решение этого вопроса остается на уровне деклараций и пожеланий. Причины такого положения дел понятны. Они обусловлены в основном двумя факторами: во-первых, тем, что процесс порождения не осознаваем, во-вторых, по причине того, что в психологии восприятия объект исследования (порождающий процесс) и средство его изучения совпадают, поэтому существенным ограничивающим фактором становится продуктность (предметность) исследования, как следствие глубоко эмпирического, функционально необходимого, образа мышления человека. И действительно, объект предстает перед исследователем в совокупности своих, уже отраженных, свойств и качеств, поэтому, опираясь на них, невозможно «проникнуть» в процесс, приводящий к порождению этих же свойств и качеств. Поэтому появляется необходимость в поиске нового исследовательского проекта, позволяющего преодолеть ограничения продуктного подхода.

Такой исследовательский проект уже в 1987 г. был предложен А.И. Миракяном в его докторской диссертации [Миракян, 1987], защищенной в Психологическом институте РАО, где он руководил лабораторией моделирования психических процессов. В своем подходе А.И. Миракян при поиске принципов порождения психического отражения отказывается от понятий, описывающих феноменологию психических явлений, и сосредотачивает свое внимание на изучении природных прин-

ципов порождения, существующих в развивающейся материи. Предположение о существовании системы таких принципов позволило А.И. Миракяну создать концепцию трансцендентальной психологии восприятия, в русле которой его последователями были проведены многочисленные теоретические и экспериментальные исследования (диссертационные в том числе). Нами было показано, что образ мышления и метод теоретического анализа автора трансцендентального подхода соответствует философским метафизическим рассуждениям, имея в виду метафизику в аристотелевском смысле [Нагдян, 2014, 2015].

Из выше изложенного следует, что трансцендентальный (метафизический) подход радикально отличается от всех ныне существующих подходов к изучению психики человека и поэтому вписывается в рамки методологического плюрализма, имеющего своих сторонников среди методологов психологической науки. Однако до сих пор концепция трансцендентальной психологии восприятия остается вне поля внимания методологов.

В.А. Мазиллов, анализируя состояние методологии в современной психологии, выделяет четыре класса психологических проблем: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические [Мазиллов, 2007, с. 6]. Полностью соглашаясь с приведенной классификацией, отметим, однако, что упущен из виду еще один, важный для психологии, класс проблем. Это проблемы, связанные с вопросом о порождении психического. А.В. Карпов также указывает на важность этой проблемы: «Естественно, – пишет он, – что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, как именно это происходит, как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть *основной вопрос* психологии, и она пока не готова дать на него

удовлетворительный ответ. Однако *сам факт* порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности именно как своего рода «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений» [Карпов, 2007, с. 19]. Оценивая явление порождения как фундаментальный факт, А.В. Карпов отмечает, что он (этот факт) тем не менее часто принимается просто как данность и «не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач» (там же). Естественно, о порождении (процессе порождения, порождающем процессе) говорили многие психологи – это тема отдельного исследования. Однако в научной литературе можно встретить лишь указания на существование этого процесса. Причем, следует обратить внимание на то, что никто из исследователей не указывает на то, что «процесс порождения» это всего лишь гипотетическое предположение, не поддающееся непосредственной экспериментальной проверке.

Далее В.А. Мазиллов справедливо замечает в цитируемой работе: «Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями» (там же), в таком случае получается, что изучение процесса порождения выходит за пределы научного исследования.

Однако, существует и другое понимание естественной науки, позволяющее подойти к решению проблемы исследования принципов процесса порождения. Мы имеем в виду вышеприведенное мнение И. Канта и данные философии науки второй половины XX века о том, какой должна быть наука, из которых следует, что наука состоит не только из эмпирической, но и из метафизической части, которая относится, скорее всего, к ее мировоззренческому аспекту. В то же время, очевидно, что этот «мировоззренческий аспект» так же требует вдумчивого отношения и глубокой разработки. Поэтому психологию можно представить как состоящую из двух частей. Первую, глубинную, часть А.И. Миракян обозначил как «наука психики»

(по аналогии с гегелевской «наукой логики»), и она должна была заниматься изучением принципов и закономерностей процесса порождения психических феноменов – метафизическая часть познания психического. Другая часть психологического знания – «наука о психике» или собственно «психология» – занимается изучением принципов и закономерностей изменений, преобразований, развития и образования отношений между непосредственно доступными наблюдению психическими феноменами. Приведенная выше структура психологического знания очень созвучна с рассуждениями В.И. Слободчикова: «Лет 20 тому назад я предложил свое различие, по крайней мере двух систем психологического знания – «психология психики» и «психология человека». Первая, как я уже говорил, это наука о естественном, органическом процессе в живой природе, но главное – это наука о **процессе становления** той или иной психической формы. Вторая – это наука об уже **ставших**, случившихся, уже присутствующих психических формах в нашем сознании и «живущих по своим законам». И потому эта наука – наука психологии оформилась и существует как феноменология, как логос о феноменах психического» [Словодиков, 2014, с. 224]. Однако, еще раз отметим, что традиционная психология для выявления универсальных принципов порождения и функционирования психического исходит из уже ставшей (по терминологии В.И. Слободчикова) феноменологии, что неизбежно приводит к ограничениям продуктного подхода.

«Наука психики» изначально строится теоретически. Это видно и на примере трансцендентальной психологии восприятия: интуитивно выбранные гипотетические метафизические постулаты служили платформой для создания теории, которая давала возможность опосредованной экспериментальной проверки ее положений и, следовательно, исходных постулатов.

Похожим, но все же несколько иным образом, была создана Л.Я. Дорфманом концепция метаиндивидуального мира, о которой говорилось выше. Автор указывает на то, что его концепция первоначально была «явно метафизической», однако последующие эмпирические исследования в области эмоциональных стилей и полимодального «Я» создали определенный эмпирический базис, благодаря чему априорная (метафизическая) концепция приобрела статус «нормальной» науки. Точнее – появилась линия демаркации, отделяющая метафизическую часть концепции от эмпирической.

Несмотря на различия в объекте и предмете трансцендентальной психологии восприятия и концепции метаиндивидуального мира, между ними есть определенные сходства. Во-первых, в обоих случаях в качестве объектов исследования были выбраны «невидимые» реальности, принципиально не поддающиеся эмпирическому исследованию. Эмпирически можно исследовать лишь их отдельные проявления в виде психических феноменов, в которых, однако, уже отсутствовали имманентные этим реальностям особенности и характеристики. Во-вторых, для описания этих реальностей применялся метафизический способ рассуждений. В-третьих, оба исследователя, и Л.Я. Дорфман, и А.И. Миракян, искали и находили методы эмпирических доказательств правомерности своих концепций.

Таким образом, из вышесказанного следует, что исследование процесса порождения психического не только возможно, но и имеет свою специфическую методологию. Однако в современной психологической науке отсутствуют систематические теоретические исследования, посвященные этой проблеме (за исключением работ последователей А.И. Миракяна), что приводит к появлению вопросов: почему психологи-методологи не обсуждают эту проблему? Почему методологи проблему порождения психического не ставят в виде исследовательского

проекта или программы? В трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна сделана первая попытка глубокого анализа проблемы порождения и предложен один из возможных вариантов ее решения. Но до сих пор она не получила соответствующей оценки психологического сообщества – ни положительной, ни отрицательной. Даже в последнем издании учебника «Методологические основы психологии» [Корнилова, Смирнов, 2011], к сожалению, не упоминается о концепции трансцендентальной психологии, в которой предлагается новый методологический подход к изучению проблемы порождения психического. И это несмотря на то, что после его смерти прошло более 20 лет, но теоретические и экспериментальные исследования в этом направлении продолжают, защищаются диссертации, выпущено 12 монографий и сборников и в их числе два тома книги А.И. Миракяна «Контурсы трансцендентальной психологии», изданные в 1999 и 2004 г.г. издательством Института психологии РАН, а в 2010 году в Психологическом институте РАО состоялась международная конференция «А.И. Миракян и современная психология восприятия» [А.И. Миракян..., 2010].

Сложность или необычность сложившейся методологической ситуации, кроме того, состоит в том, что, как было показано нами [Нагдян, 2014], начальные этапы исследования принципов порождения психического связаны с необходимостью перехода из области психологии в область философии, а именно – в области (философской) метафизики и философии физики. А это вызывает «справедливое» возражение у многих психологов: это не наше дело, пусть думают философы. Однако совершенно ясно, что лучше самих психологов никто не решит проблем трансцендентальной психологии.

Хочется надеяться, что последовательные попытки решения этого вопроса приведут к открытию новой главы в такой области теоретической психологии, какой является философия

психологии. А в классификации семи базовых парадигм в понимании предмета психологии, предложенной В.В. Козловым [Козлов, 2007], появится еще одна – «трансцендентальная», то есть парадигма новой области знания, выходящая за пределы известных волн психологии, в которой описывается такая реальность, где существуют возможности порождения не только психического, но, может быть, и всего сущего.

Если говорить о возможной связи трансцендентальной психологии с остальными областями психологического знания, то среди семи волн психологии можно выделить трансперсональную. Дело в том, что при создании трансцендентальной психологии встала проблема преодоления ограничений продуктного подхода. Сутью этих ограничений было то, что исследователь принципов порождающих психические феномены процесса не мог использовать для их (принципов) изучения понятия, относящиеся к этим феноменам. И тогда возникает сложная проблема: каким образом нужно мыслить, чтобы избежать употребления понятий, относящихся к реальности феноменов. Поэтому в работах, посвященных трансцендентальной психологии, часто указывается на специфический, особый образ мышления, необходимый для решения задач трансцендентальной психологии [Артеменков, 2010]. Но как преодолеть этот продуктный (предметный) образ мышления, если это результат длительной эволюции, необходимый для эффективного функционирования человека в окружающей его предметной среде? Ответ на этот вопрос дает трансперсональная психология. Вспомним, что предпосылки порождения психического А.И. Миракян искал вне человека, вне его истории и культуры – в бытии, в закономерностях развивающейся материи. Теперь обратимся к определению трансперсональной психологии В.В. Козлова: «Пятая волна психологии выделила в качестве предмета психологии области за пределами общепринятого, персонального, индивидуального уровня *переживания, в которых*

чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальной, или личной, самости, охватывая человечество в целом, жизнь, Дух и космос» [Козлов, 2007, с. 23-24]. Как видим, в обоих случаях совпадает сам подход к выделению предмета исследования – он вне самости человека. Но гораздо важнее другое. Из этого сравнения неявным образом вытекает, что решение задач трансцендентальной психологии должно сопровождаться трансперсональным переживанием. А это означает необходимость перехода из обычного состояния в другое, измененное состояние сознания, где реализуется другой образ мышления в соответствующей ему логике. Или, если поставить знак равенства между обычным состоянием сознания и Эго, то сам переход в новое измененное состояние сознания, согласно В.В. Козлову, совершается по схеме: «сначала дифференциация, независимость функционирующего Эго и затем трансцендирование привязанности к этому Эго» (там же). Таким образом, соответствующий трансперсональный опыт становится необходимым импульсом и условием развития трансцендентальной психологии.

К тем же теоретическим результатам можно прийти и другим путем. По словам С.Л. Рубинштейна, «На чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [Рубинштейн, 1976, с. 312]. Отсюда становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение перцептивного образа или другого психического феномена, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, существующих в наличном бытии. Поэтому «язык» описания

перцептивного события в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия. Поэтому, для достижения этих целей, очевидным становится необходимость применения разных «языков» описания. В то же время, согласно исследованиям Д.Л. Спивака (2000) по лингвистике измененных состояний сознания, известно, что каждому измененному состоянию сознания соответствует «свой язык», со своей грамматикой и логикой. В нашей работе также подчеркивалось то, что психологической причиной появления разных направлений в философии является наличие у философов разных состояний сознания [Нагдян, 2009]. Из вышесказанного следует, что переход на новый, афизикальный, язык для описания реальности трансцендентальных событий возможен при соответствующем изменении состояния сознания. А это может быть осуществлено лишь при наличии трансперсонального переживания. То есть в данном случае трансперсональное переживание используется как одно из средств и условий создания концепции трансцендентальной психологии.

Однако нет лучшего способа доказать справедливость приведенных выше рассуждений, чем обращение к фактам самой жизни. Во время одной из встреч автора этих строк с Аршаком Израеловичем Миракяном в его московской квартире произошло следующее. Аршак (Аршак Израелович всегда просил, чтоб его называли по имени) хотел показать мне одну из множества магнитофонных записей своих бесед с известными психологами и философами. Во время этих поисков вдруг я услышал тихий голос Аршака на фоне классической музыки. Несмотря на то, что запись звучала всего 6-7 секунд, но не узнать эту музыку, просто, было невозможно: звучал финал Шестой симфонии П.И. Чайковского. Думаю, излишне говорить о силе

эмоционального воздействия именно этой части Шестой симфонии – не хватит эпитетов. Случайно сложившаяся ситуация? Случайное совпадение? Конечно, нет! Аршак говорил медленно и вдумчиво, в такт музыке, его голос и музыка слились в одно полифоническое целое. Можно с уверенностью предположить, что для Аршака это служило *способом* создания другого, более глубокого, состояния сознания, в котором, возможно, ему открывались совершенно иные реальности. А новый поток сознания давал начало новому образу мышления и новой логике.

Обобщая возможности и итоги развития трансперсональной психологии, В.В. Козлов пишет: «Собственно, предел предмета психологии достигнут» [Козлов, 2010, с. 25]. Можно согласиться с этим выводом В.В. Козлова, но только наполовину, потому что совершенно справедливо указывается лишь «верхний» предел. Но ведь существует и «нижний» предел, ограниченный предметом трансцендентальной психологии, а именно поиском принципов и закономерностей процесса порождения психического. Общее в этих двух психологиях в том, что их предметы находятся вне пределов персонального, индивидуального опыта. Но, несмотря на это, они «занимают» противоположные пределы всего пространства психической реальности и соответствующего ей психологического знания – от возможностей порождения и возникновения психического до ощущения реальности, выходящей за пределы «объективной реальности» и переживания всего того, что называется трансперсональным опытом.

Поэтому, из вышесказанного следует, что трансцендентальная психология может быть включена в систему интегративной психологии как ее необходимая часть, в результате чего она (система) приобретет целостность и окончательную завершенность, потому что за «нижним» пределом следует Ничто, а за «верхним» – бесконечность многообразия трансперсональ-

ного опыта, охватывающего «человечество в целом, жизнь, Дух и космос».

2.6. О проблеме предмета психологии

Рассуждения о проблеме предмета психологии, изложенные в этом разделе в метафизическом контексте, основаны на анализе книги профессора В.М. Мазилоя «Стены и мосты: методология психологической науки» (2015). Хотя большинство статей, включенных в книгу, написаны автором в течении последних 20 лет, но проблемы, обсуждаемые в них, вечные и не зависят от времени, вечные и волнующие. По замыслу В.А. Мазилова, его книга не только научная работа со своими абстракциями и обобщениями, но к тому же – «пойетическая»¹ работа. А в подобном жанре, как известно, сливаются в одно целое поэзия текста, романтизм ученого и процесс созидания им научной «симфонии», где все должно быть строго упорядочено и подчинено законам гармонии. Но эти законы в «пойетической» работе не исключают возможностей вариаций, необходимых реприз и изящных пассажей, употребления образных метафор и свободных ассоциаций.

Научная работа начинается с методологической позиции исследователя, указывающей дорогу, в данном случае, к возможностям изучения психики. В работе она сформулирована следующим образом: «Наша позиция состоит в том, – пишет В.А. Мазилон, – что исследовать психическое можно по-разному, на разных уровнях. Исследование психофизики, к примеру, может не предполагать трансперсональной трактовки психического. Но для изучения каких-то иных вопросов это просто необходимо. Поэтому бессмысленно спорить, какой из подходов более правильный. Необходимы все, но важно иметь об-

---

¹ От греческого слова *Poiesis*, означающего творчество, творение, созидание делание, построение, сочинение стихотворений.

шее понимание психического, в рамках которого нашлось бы место для этих различных уровней. Выработать это общее понимание должна методология психологии» (Мазиллов, 2015, с. 12). Итак, цель работы – «выработать общее понимание психического». Но... сначала бывает мотив, потом возникает цель. Каков же мотив автора? Это беспокойство и размышления о судьбе психологической науки. А «судьба науки предопределяется пониманием предмета науки и ее метода» (там же). Поэтому нужна глубокая методологическая проработка проблемы психического. А приблизится к цели можно разными путями и одним из них является – «пойетический»: сочетание поэтического, романтизма, образных метафор, символики, созидательного творчества и... «синхронистичности» (по К.Г. Юнгу). В.А. Мазиллов выделяет одну из примечательных черт «пойетической» работы, когда психика человека обнаруживает совершенно неожиданные совпадения сходных событий, спонтанная очередность появления которых в разных контекстах жизни недоступно нашему пониманию. В подтверждение этому автор приводит цитату из работы В.М. Аллахвердова: «Мы не умеем осознавать процесс создания сознаваемого; то, что мы осознаем (мысли, чувства и пр.), всегда присутствует в нашем сознании уже в готовом виде. Человек способен дать себе отчет лишь в том, что именно он осознает, но не может объяснить переход от одних своих мыслей к другим» [Аллахвердов, 2003, с. 18], и далее, в качестве доказательства, Аллахвердов приводит слова Бальзака, Моцарта и Бродского. Однако, уточним, что нам непонятно не только то, как человек от одной мысли переходит к другой, но даже то, как возникает сама мысль. Этой цитатой В.А. Мазиллов хотел передать самую суть психологического исследования, приближающего нас к одной из тайн природы. Как исследовать процесс создания сознаваемого, что из себя представляет этот процесс? Ведь всегда человек имеет дело с продуктом, с результатом этого процесса,

присутствующем в нашем сознании «уже в готовом виде». Однако... сначала бывает процесс, потом возникает результат, но человек осознает только результат, подобно тому, как мы видим фрукт на дереве, но совершенно не замечаем процесс, приводящий к его созреванию. Если продолжить эту аналогию, то можно сказать, что психолог всегда имеет дело только с «фруктами» (образы, представления, мысли, чувства и пр.). А когда он хочет проникнуть в тайну того – как возникают эти «фрукты», то используя сами «фрукты», увы, он сделать это не сможет. Представьте себе биолога, который для понимания процесса, приводящего к созреванию фруктов, имеет возможность исследовать только сами фрукты. Но как бы он не изучал форму, цвет, запах, вкус и даже химический состав фруктов, все равно, имея **только** эти данные, он никогда не проникнет в тайну процесса, например, фотосинтеза, столь необходимого для появления плода. Для этого нужно выйти за пределы фрукта. Для этого нужно знать что исследовать и как это сделать, то есть опять мы пришли к проблеме предмета науки и ее метода. Эта главная тема научной «симфонии» автора затем всплывает в других местах работы, в неожиданных контекстах, напоминая явления синхронистичности, которые впервые в психологии были изучены К.Г. Юнгом.

Одна из главных тем научного творчества В.А. Мазилова возникает из анализа методологической позиции Карла Густава Юнга. Огромную заслугу Юнга автор видит в том, что он не ограничивается констатацией факта непостижимости природы психического, «а ищет пути исследования того, что постичь можно, – психической реальности» [Мазилов, 2015, с. 20]. В контексте этого анализа В.А. Мазилов указывает на вопрос, который часто возникает в современном науковедении: почему психологи, в отличие от представителей других дисциплин, так озабочены размышлениями о предмете собственной науки, «тогда как это вовсе не обязательно, и в этих других дисципли-

линах... такими спекуляциями вовсе не занимаются» (там же). Ответ В.А.Мазилова имеет большое значение для правильной постановки вопроса о предмете психологии: «Возразить в данном случае очень легко. В некоторых науках, в частности, в психологии предмет «двойной» – основу составляет базовое, фундаментальное представление о «психе» (впрочем, часто неосознаваемое исследователем, поэтому остающееся латентным, несмотря на, казалось бы, обязательную профессиональную рефлексию), а над ним располагается реальный предмет исследования. Вряд ли нужно специально пояснять, что это базовое представление о предмете (даже если природу его постичь нельзя) определяет очень многое в стратегии психологического исследования, и, в частности, диапазоны возможных пространств психической реальности» (там же, с. 20-21). И так, повторим. Предмет психологии «двойной», причем основу составляет «базовое, фундаментальное представление о «психе»». Обсуждается ли эта двойственность психики и, в особенности, ее базовая составляющая, в психологической методологической литературе? Как это ни парадоксально, но ответ – отрицательный: большинство методологов предпочитают не обсуждать фундаментальную проблему двойственности психики. Лишь у отдельных психологов можно встретить краткие замечания по этому поводу. Так, например, А.И. Миракян говорит о «науке психики», имея в виду фундаментальную, непосредственно недоступную сознанию, часть психики, и «науке о психике» (или собственно «психологии»), изучающей проявления психических феноменов в «поверхностной» части психики [Миракян, 1999]. Похожее разделение делает и В.И. Слободчиков (кстати, ссылаясь на А.И. Миракяна) различая «психологию психики» и «психологию человека» [Слободчиков, 2014]. Обратим также внимание и на то, что В.А. Мазиллов говорит о «психе» в юнговском понимании, как о недоступной сознанию исследователя (недифференцированной, целостной)

психической реальности. Ни одна традиционная (классическая или не-классическая) психологическая теория не касается этого вопроса. Особо хотим отметить, что речь идет не об отдельных исследователях, – они, конечно, есть и делают попытки заглянуть за пределы осознаваемого, туда, где существует базовая, фундаментальная часть психики. А речь идет о психологическом сообществе, которое остается равнодушным к подобным попыткам: они не отражены в учебниках по психологии, им не посвящаются конференции, отсутствуют методологические дискуссии для ответа на вопрос: «Что мешает психологам исследовать эту, неосознаваемую, часть психики, которая является причиной порождения психических феноменов?».

Самый глубокий и «весомый», с научной точки зрения, ответ на этот вопрос был дан московским психологом профессором А.И. Миракяном [Миракян, 1987, 1999, 2004]. Автор трансцендентальной психологии убедительно показал, что причиной, не позволяющей психологам исследовать глубинную порождающую часть психики, является продуктный подход, которым определяется одна из неосознаваемых частей общечеловеческого метода познания и психологов в том числе. В чем суть продуктного подхода? Если обратиться к метафоре фруктового дерева, то можно сказать: исследованием фрукта невозможно познать процесс «возникновения» и созревания фрукта. Между тем, психологи именно так и поступают. Если, например, необходимо изучить закономерности психического восприятия величины предмета, то в качестве исходной данности для экспериментального и теоретического исследования берется сама, уже отраженная, величина предмета. Ясно, что такой подход не приведет к раскрытию единых принципов порождения не только величины предмета, но и всех других феноменов психического.

Тогда чем же занимаются психологи? Что они изучают? Снова приведем слова В.А. Мазилова о «двойной» структуре

предмета психологии: «...в психологии предмет «двойной» – основу составляет базовое, фундаментальное представление о «психе»..., а над ним располагается реальный предмет исследования». Это означает, что реальный предмет психологического исследования, то есть то, что исследуют современные психологи, расположен над базовой, фундаментальной частью психики («психе» по Юнгу), которая не осознается и остается латентной. Другими словами, научная психология изучает особенности проявлений психических феноменов и взаимоотношений между ними. А то, что порождает эти феномены, не только не исследуется, но и не обсуждается.

Что можно ожидать от изучения базовой, фундаментальной составляющей психики? Согласно В.А. Мазилову, это повлияет на определение стратегии психологического исследования, и, в частности, на «диапазоны возможных пространств психической реальности» (там же, с. 20). Действительно, нам известны множество разных психологических пространств: сенсорные, эмоциональные, мыслительные, смысловые, психо-семантические и другие, но что нас ожидает в глубинах психического, какое пространство? Ведь это пространство, согласно нашим представлениям, не должно быть ни сенсорным, ни эмоциональным, ни мыслительным и т.д., так как все перечисленное относится к пространствам осознаваемого поверхностного слоя психики, верхушке айсберга, порожденного неизвестным нам пространством глубинной «психической» реальности. С другой стороны, как это показано в вышеупомянутых работах А.И. Миракяна, обращение к до-продуктивной реальности позволяет выявить единые, универсальные принципы порождения психических феноменов всех модальностей (в широком смысле). Не вдаваясь в подробности этой уникальной (единственной в своем роде) концепции трансцендентальной психологии, отметим лишь, что одним из ее универсальных принципов порождения является принцип образования

анизотропных отношений, содержание которого не описывается психологическими понятиями.

Однако вернемся к К.Г. Юнгу и оценке В.А. Мазилковым его методологической позиции. Важность «возвращения» К.Г. Юнга в Россию В.А. Мазилков видит в том, что «Карл Юнг является носителем одной из альтернативных методологий психологической науки» (там же, с. 24). Значение этой альтернативной методологии в том, что она «позволяет работать в условиях «двойного» предмета психологии, осуществляя адекватные переходы внутри него, что создает возможность для реального изучения психического» (там же).

Хотим отметить, что К.Г. Юнг был одним из основоположников не только трансперсональной психологии, но и, совсем недавно возникшей, квантовой психологии, которая так же пока не вписывается в рамки академической психологии. Дружба К.Г. Юнга с одним из основателей квантовой механики В. Паули, очевидно, способствовала выявлению сходных черт в поведении квантовых частиц и психики человека. Он писал: «эта необычайная встреча атомной физики с психологией имеет для последней неопределимое преимущество, потому что она доносит до нас предчувствие возможности какой-то архимедовой точки для психологии. Ведь микрофизический мир атома обнаруживает черты, чье родство с психическим бросается в глаза даже физику. Здесь выявляется, очевидно, по крайней мере, в виде намека, возможность «реконструкции» психического процесса в совершенно другой среде, а именно в среде микрофизики материала» [Юнг, 1998, с. 300].

Таким образом, объединяются два класса явлений, считавшиеся несовместимыми противоположностями, – физические и психические, и в нашем представлении о Вселенной восстанавливается целостность и неразрывное единство всех существующих в ней явлений. Вероятно, настанет время, когда у психолога и физика будет один и тот же объект исследования,

и понятие «психофизика», введенное в психологию в XIX веке Г. Фехнером, наконец-то приобретет свое естественное и истинное значение – как науки, исследующей психические проявления глубинных природных (физических) явлений.

Одним из последствий того, что внимание исследователей сосредотачивается на поверхностном феноменологическом слое психики является то, что возникают разные психологии, каждая из которых определяется своим предметом исследования. Что же получается, когда появляются разные предметы психологии? Тогда возникают территории разнородных знаний и стены, их разделяющие. Есть стены, возведенные для разделения, а есть стены для защиты... Стены не понимания, не признания и разобщения... И тогда становится необходимостью «наведение мостов» между ними – нахождение точек соприкосновений. Метафоры В.А. Мазилова очень наглядно и точно описывают состояние современной психологии. С одной стороны – существование разных психологий, приводящее к методологическому плюрализму, с другой – отрицательное отношение академической психологии к психологиям нетрадиционных и альтернативных направлений. В частности, подход К.Г. Юнга к исследованию психического был далек от естественнонаучного, поэтому в советские времена он попал в разряд нетрадиционных и был чужд советской психологии. Однако можно привести примеры подобных запретов, относящихся и к нашему времени. В недавнем прошлом научная психология делала вид, что «никакой трансперсональной психологии попросту нет (или полагает про себя, во внутренней речи, что последняя, может быть, и есть, но представляет собой разновидность либо мистики, либо «паранауки», а потому «высокая наука» для сохранения репутации должна держаться подальше)» (там же, с. 28). То же самое можно сказать и о трансцендентальной психологии, которая появилась в России более тридцати лет назад, но академическая психология до сих пор

никак не отреагировала на это событие, точно так же делая вид, будто никакой трансцендентальной психологии попросту нет. «И разобщенность между этими течениями, явная стена, мешающая интеграции, является фактором, негативно влияющим на развитие психологической науки в целом» (там же, с. 29). В этом нельзя не согласиться с В.А. Мазилковым. А в качестве временного средства, для осуществления интеграции, автор предлагает «наведение мостов», которые бывают не только над реками, но и над стенами. «И название такого моста – виадук (via – путь, ducere – вести) представляется глубоко символическим» (там же, с. 29).

О каких же мостах говорит В.А. Мазилков? Известно, что мосты бывают разные. Они разные и в психологии.

Мосты нужны в самой психологии между разными направлениями и подходами, так как известно, что существует много теорий личности, памяти, мышления и т.д. И настало время понять, подчеркивает автор, что прошли те времена, когда можно было признавать одну теорию «правильной», а другую «неправильной», так как «Ясно, что многообразие подходов это результат столкновения с чем-то действительно многоликим, единым» (там же, с. 36).

В.А. Мазилков считает также необходимым «построение» мостов между разными психологиями (донаучной, философской и собственно научной); между научной психологией и практической психологией.

Важнейшими видами мостов, приближающими психологию к ее целостной форме, являются мосты между традиционной психологией и новыми альтернативными направлениями, и в качестве примера можно привести направления, продолжающие юнговские традиции. Этот вид мостов необходим также и для трансцендентальной психологии А.И. Миракяна (1999, 2004), и для метафизического подхода к изучению принципов порождения психического, разрабатываемого нами [Нагдян, 2014].

Мосты необходимы и между психологией и другими науками о психике, а также между психологией и другими научными дисциплинами.

А для осуществления всего этого грандиозного «строительства» нужна, по замыслу В.А. Мазилова, специально предназначенная для этой цели коммуникативная методология.

Что же является предпосылкой для осуществления интеграции посредством «наведения мостов»? Автор предлагает следующее: «Мне кажется, академическая российская психология должна сделать первый шаг. И этот шаг должен состоять в критическом взгляде на собственный предмет. И в признании того, что, возможно, трактовка психического как отражения уже выполнила свою функцию, позволив раскрыть динамику психических процессов. Более нейтральная характеристика психического – скажем, как психической активности, позволяет найти точки соприкосновения, «навести мосты» между научной психологией и современными нетрадиционными направлениями в психологии» [Мазилов, 2015, с. 29]. Данная методологическая позиция, которая оформляется автором как коммуникативная методология, действительно, непосредственно связана с новым определением предмета психологии. Весь вопрос в том: можно ли «создать» определение предмета психологии соответствующего объема? На это указывает и сам автор: «Необходимо широкое понимание предмета, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях» (там же, с. 54). Однако, мы полагаем, что возможна и иная постановка вопроса о предмете психологии: необходимо определить те природные принципы психе, которые заключали бы в себе возможность порождения психической реальности во всех ее проявлениях (на решение этого вопроса претендует трансцендентальная психология). И второй, важный, по нашему мнению, момент: как добиться того, чтобы новый предмет психологии был определен не логиче-

ски, исследованием отношений между феноменами, тогда мы вновь окажемся в тупике, а онтологически. И, наконец, третье, чтобы предмет психологии определить онтологически, мы должны помнить о двойной структуре психики и создать методы теоретического изучения ее базовой, фундаментальной части.

На вопрос о том, как определить природные принципы, в которых заложены возможности порождения психической реальности во всех ее проявлениях, должна ответить новая методология (это один из основных тезисов В.А. Мазилова; «предмет психологии может быть определен с помощью новой методологии», с чем мы полностью согласны). О том, какой может быть новая методология, можно предположить из слов великого классика психологии У. Джеймса: «Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверное, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем. Такой гений по необходимости будет «метафизиком». А для того, чтобы ускорить его появление, мы должны сознавать, какой мрак облекает область душевных явлений, и никогда не забывать, что принятые нами на веру положения, на которые опирается все естественноисторическое исследование психических явлений, имеют временное, условное значение и требуют критической проверки» [Джеймс, 1991, с. 361]. К сказанному У. Джеймсом сделаем небольшое дополнение, а именно то, что метафизика, в философском смысле, уже сама по себе является методологией. На необходимость объединения психологии и философии указывает и поздний В. Вундт. Без метафизики, утверждает Вундт, психология превратится в «ремесленничество». В своей книге В.А. Мазилов приводит очень интересную цитату из работы В. Вундта 1913 года, которая адресована, в первую очередь, психологам: «...более общие и наибо-

лее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» (Вундт, 1913, с. 117; цит. по: Мазилев, 2015, с. 108). Хотим обратить внимание читателей на то обстоятельство, что и Джемс, и Вундт говорят не о философии в целом, а о ее конкретном разделе, о ее центральной части – метафизике.

О необходимости обращения к метафизике, при решении методологических проблем психологии, говорили и мэтры российской психологии. Этот вопрос был подробно рассмотрен нами в разделе 2.1., поэтому приведем оттуда лишь некоторые выдержки.

Согласно В.П. Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспособляясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика В.П. Зинченко видел в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX века, для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание», и, в частности, в обращении к идеям В.С. Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте [Зинченко, 1993].

Другая попытка изменения методологической «ситуации» в контексте отношения психологии к метафизике была предпри-

нята известными методологами российской психологической науки А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским в книге «Основы теоретической психологии» [Петровский, Ярошевский, 1998]. Согласно этим авторам, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены им соответствующие онтологические модели. «На этом пути, – пишут А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, – открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)» (там же, с. 31). То есть А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский считают необходимым обращение к метафизическому способу теоретизирования для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем, этот плоский подход к пониманию метафизики, игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева» (там же). Таким образом, после почти векового игнорирования, вновь, при решении фундаментальных проблем психологии, зазвучал призыв обращения к культуре метафизического образа мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли.

Необходимость обращения к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева, согласно авторам цитируемой работы, обусловлена их важнейшим значением «...для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии» (там же). А.В. Петровский и

М.Г. Ярошевский безусловно правы, указывая на то, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания, при помощи метафизического способа рассуждений. Однако, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии, необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые также являются предметом исследований теоретической психологии в русле метафизического подхода. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии; и, во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке Запада и Востока.

Самая важная для нашего исследования мысль А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии, как научной дисциплины, и, более того, она необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологии. Поэтому возникает вопрос: «Не пора ли призадуматься над словами выдающихся психологов о значении метафизики для психологии? Не пора ли разрушить стену между современной академической психологией и древней метафизикой?». Видимо, действительно, настала пора для «наведения мостов» между психологией и метафизикой, что будет одной из форм реализации коммуникативной методологии В.А. Мазилова. Однако, чтобы мосты были «надежными», психолог, по мнению В. Вундта, должен обладать «...более или менее основательным философским образованием», чтобы с новых позиций

взглянуть на метафизику и правильно оценить значение метафизического подхода для решения методологических проблем психологии.

Одним из негативных последствий «избавления» психологии от метафизики (в годы появления позитивизма), согласно В.А. Мазилову, является то, что «психологи отказались от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он «раскроется» в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией» [Мазилов, 2015, с. 50]. Конечно, теоретический метод исследования предмета психологии по важности не уступает эмпирическому, и, надо полагать, что он более адекватен (в данном контексте необходимо добавить, что метафизический метод исследования также является теоретическим).

Современная психология стоит перед сложными методологическими проблемами. Но, несмотря на эти сложности, для разрешения которых потребуются немалые интеллектуальные усилия и время, автор настроен оптимистически: «...Стены вечны. Но иногда какая-то разрушается... Или разрушается в течение веков, под действием Вечных сил, или же рушится искусственно, направленно, целеустремленно. Пейзаж, возникающий при ломке стен, вовсе не идиллический, как это прекрасно показал в своем замечательном фильме Алан Паркер. Впрочем, во имя возможности познания временно с этим можно смириться... Тем более, что копий никто уже не держит, да и охрана давно разбежалась... И, может быть, в порядке исключения не «огораживать» разрушаемую стену забором, чтобы ненароком не возникла новая Стена... И представляется, что стены уже нет... И можно разгуливать и за стеной, и там, где она некогда была: «walk up and down outside the wall» (Pink Floyd..., 1994)» (там же, с. 29-30).

Придет и это время, а пока, как говорит автор, ...движение вперед требует построения мостов.

Почему возникают Стены? Что мешает психологам исследовать психическое как нечто целостное? Об одной из причин В.А. Мазиллов говорит следующим образом: «Неудачи с метафизическим анализом психики привели к тому, что явления сознания стали рассматриваться как простые, из которых строится сознание (психика). Возникло очень удобное и простое представление, что психика состоит из кирпичиков. Они лежат в основании, из них возводится здание науки (основанной на опыте, эксперименте свободной от всякой метафизики)» (там же, с. 43-44). Оставаясь верным «пойетическому» жанру, автор использует метафоры «кирпичиков» и «камня», совместное и сравнительное применение которых, очень точно характеризуют причины кризисного состояния современной психологической науки. «Кирпичи» созданы человеком, в природе их нет. «Кирпичи» используют для сооружения зданий. В психологии в качестве «кирпичей» используют единицы анализа – образ, действие, ощущение и т.д., то что есть в сознании уже в готовом виде. И, уже используя их как основной строительный материал, возводят здание вполне определенной психологии. Кажется удобно и просто. Тем более, что это тот метод, который применяется в естественных науках. А «камень» в метафорическом контексте работы В.А.Мазилова это само психическое, точнее, ее базовая, фундаментальная часть, «психе», являющееся, как и «камень», порождением природы, частью природы.

...И так, было много попыток построить здание психологической науки. «Конечно, было много споров о том, каковы размеры кирпичей, сколько видов используется в строительстве и т. д. Но одна идея, к сожалению, уцелела. Идея о том, что психическое простое по своей природе. По всей видимости, тому виной не только то, что научная психология в начале

своего пути полагала, будто является непосредственной наукой. Отказ от изучения природы психического («камня») привел к тому, что проектировались и строились (в разных стилях) здания, но из кирпичиков. То ли краеугольного камня не было, то ли другие причины тому виной, но постройки редко поднимались выше первого этажа, быстро рушились, что дало основание известному психологу Н.Н. Ланге сравнить психологию рубежа XIX–XX веков с развалинами Трои... В психологии – а мы рассуждаем о психологии – уместно задать вопрос (разумеется, опять риторический) – а была ли Троя?» (там же). В риторической форме В.А. Мазиллов ставит самый важный вопрос психологии: «Изучалась ли сама психика (Троя) или психологи всегда имели дело с многообразием ее проявлений и строили здание психологии, используя именно эти проявления?». К сожалению, необходимо констатировать, что психологи не вступали в Трою, не обнаружили тот краеугольный камень, который можно было положить в фундамент здания психологии. Правда, ради справедливости, необходимо отметить, что одна такая серьезная попытка была предпринята в трансцендентальной психологии, поэтому автор настоящих строк считает, что усилия потраченные на то, чтобы увидеть «свою» Трою или психологию, основанную на непродуктном, афизикальном подходе (без использования «кирпичей»), вполне оправдают себя и дадут возможность оценить ее положительные и отрицательные стороны, а также ее отличие от традиционных психологий.

Итак, мы опять пришли к необходимости определения предмета, краеугольного камня, психологии, того природного явления, которое дает начало появлению психических явлений. Выделим некоторые существенные стороны подхода автора цитируемой книги к определению предмета психологии.

В.А. Мазиллов считает, «что вряд ли оправдано редуционистское сведение психе к ее конкретному проявлению» (там

же, с. 51). Действительно, психика не сводима ни к какой-либо одной психической функции, ни к их сумме. Признавая этот тезис, относящийся к определению предмета психологии, А.И. Миракян доказал более «сильное» утверждение, относящееся к специфике определения предмета в современной психологии, названный продуктным подходом [Миракян, 1987]. Коротко его можно сформулировать следующим образом: «Основываясь на конкретных проявлениях психического (которые являются предметом исследований в традиционной психологии) невозможно изучить порождающую их реальность (процесс порождения)». А теперь вспомним, что предметом любого эмпирического исследования является то или иное проявление психики. Это означает, что, опираясь на данные эмпирического исследования или интроспекции, мы не сможем понять природу психики, то есть предмет психологии. Поэтому мы согласны с мнением В.А. Мазилова о необходимости развития именно теоретических методов исследования вопроса о предмете психологии. Однако и в теоретических рассуждениях о предмете психологии необходимо проявлять определенную осторожность, чтобы в качестве исходных данных анализа не брать конкретные проявления психического, например, качества и свойства исследуемого объекта. Этому, однако, сильно препятствует глубоко эмпирическое мышление человека, что необходимо преодолеть. В этих случаях, мы думаем, наиболее адекватными и эффективными окажутся метафизические рассуждения, но они, в то же время, не должны стать самоцелью. История развития наук о природе дает нам образец организации структуры научного знания: метафизика, опирающаяся на определенную картину мира, представленную в виде постулатов и предположений, – теория, со своей специфической или региональной методологией, – эксперимент; (такова структура, например, физики, как научного знания).

Приведенная схема хорошо согласуется с теоретическими рассуждениями В.А. Мазилова о структуре предмета психоло-

гии: «Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на декларируемый («психе»), «рационализированный» и реальный» (там же, с. 53). Кратко, приведем пояснения самого автора. «Декларированный предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности» (там же). Декларируемый предмет психологии (то есть ее базовая, фундаментальная часть) может быть определен на основе метафизических рассуждений, о таком устройстве мира, в котором заложены возможности порождения психического. «Между декларируемым и «рационализированным» (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе»» (там же). Рационализированный предмет может быть предметом психологической теории в виде «теории восприятия», «теории эмоций» или «теории памяти» и т.д., причем восприятие, эмоции, память и т.д. «оформируются» как разновидности или проявления психики. «Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное – деятельность/поведение»)» (там же). То есть реальный предмет психологии – это предмет эмпирического исследования.

В изложенной схеме мы опять встречаемся с «двойной» структурой психики, глубинная часть которой описывается метафизическими рассуждениями, а поверхностная – результатами эмпирического исследования (или их теоретическим осмыслением). Как уже было выше отмечено, современная академическая психология не в состоянии изучать (декларируе-

мую) базовую, фундаментальную часть психики по той причине, что эта реальность не дана непосредственно исследователю, а это делает невозможным применение соответствующего научного метода ее описания и, с другой стороны, игнорирует все попытки теоретического метафизического подхода к пониманию особенностей глубинной реальности. Таким образом, кризис современной научной психологии состоит в противоречии между декларируемым и реальным предметами психологии, первое из которых принципиально невозможно изучить методами научной психологии до тех пор, пока научная психология не расширит границы понимания «научности» и не включит в свой арсенал средств исследования метафизику как необходимую донаучную (а не антинаучную) часть науки. А для обеспечения союза метафизики и научной психологии, о котором говорили корифеи психологической науки, необходимо провести колоссальную теоретическую работу по определению предмета психологии. Идея о необходимости выработки Нового понимания психического звучит во многих методологических сочинениях В.А. Мазилова. Он уверен, что «Это самая главная задача психологии, вступившей в третье тысячелетие. Время глобальных концепций в психологии еще не пришло, как об этом говорил полвека назад Карл Густав Юнг. Но для того, чтобы оно приблизилось, необходимы подготовительные шаги» (там же, с. 178). Автор с надеждой пишет: «Возможно, пройдет немного времени и вместо «Колокола разделения» будет востребован какой-нибудь «Соборный колокол» (в смысле соборности сознания С.Н. Трубецкого)» (там же). История развития человеческой мысли показывает, что рано или поздно мечты сбываются, главное, чтоб они были. А они есть... И к ним можно приблизиться... через процесс, через поток движения мыслей.

ЧАСТЬ II. ПСИХИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И МЕТАФИЗИКА

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

3.1. Предпосылки возникновения нового взгляда на проблему адекватности

Вопрос об адекватности психического отражения является одним из фундаментальных вопросов психологии. Поставленный в традиционной форме, этот вопрос предполагает, что есть объект со своими свойствами и субъект, отражающий свойства этого объекта, а само слово «отражение» означает процесс, в котором реализуется принцип качественной адекватности (или, в более узком смысле, постулат изоморфности): отраженное качество = качеству отражаемого. Этот принцип кажется логически оправданным, так как находит свое подтверждение в деятельности человека, ведь, казалось бы, в противном случае он не мог бы адекватно реагировать и действовать в окружающей его действительности.

Проблема адекватности психического отражения в то же время является одним из узловых проблем философии психологии. Это обусловлено тем, что при обсуждении этой проблемы возникает вопрос: об отражении какой реальности идет речь?

Одна из аксиом, указывающая на путь изучения психического отражения в советской психологии, да и сейчас, выдвинутая марксистской философией, поддержанная и выраженная словами выдающегося советского психолога А.Н. Леонтьева, гласит: «Это путь от внешнего объективного мира к ощуще-

нию, восприятию, образу» [Леонтьев, 1979, с.4]. Однако у С.Д. Смирнова, одного из известных исследователей психологии образа, возникает вопрос о том, «...как понимается сам «мир»; от какого «объективного мира» должен отправляться анализ» [Смирнов, 1985, с.10]. Выдвинутый С.Д. Смирновым вопрос подтверждает высказанную нами мысль о важности для методологии исследования психического отражения представлений об отражаемой реальности, от чего зависят дальнейшие теоретические и экспериментальные исследования. Отвечая на этот вопрос, С.Д. Смирнов демонстрирует две оппозиционные альтернативы. Одна – это представление мира таким, какой он есть до или вне человека. «Такой мир есть чистая объективность, постулируемая метафизическим материализмом, который безуспешно пытается решить проблему субъективации в каждом отдельном акте восприятия» (там же). То есть это мир, наполненный объектами, «не очеловеченными» присутствием человека. Другая альтернатива, от которой, по мнению С.Д. Смирнова, следует исходить, – это мир очеловеченный, преобразованный присутствием человека и частично созданный его деятельностью. Поэтому, согласно С.Д. Смирнову, возникают два вида действительности – «в форме объекта» и «в форме деятельности». При этом, хронологически действительность «в форме объекта» является первичной, «...однако в плане становления и развития индивида и его психического отражения действительность «в форме деятельности» является исходным пунктом анализа» (там же) и ей же (действительности «в форме деятельности») придают статус онтологической и логической фундаментальности [Мамытов, 1980]. Из вышеприведенного следует, что, во-первых, метафизика понимается ограниченно, в очень узком смысле, который не учитывает истинное предназначение метафизики – поиск первоначал бытия, первопричин возникновения явлений природы, поэтому мир в «метафизическом материализме»

представляется всего лишь как скопление независящих друг от друга объектов. Во-вторых, как основа психологического изучения всякой субъективности, действительность «в форме объекта», то есть природа до или вне присутствия человека, изначально отвергается, чем и исключаются всякие попытки изучения психического отражения как природного явления. Следовательно, вопрос о возникновении психического выносится за скобки, а главным становится вопрос о «становлении и развитии индивида и его психического». Поэтому в распоряжении психологов, стоящих на позициях диалектического материализма (тем не менее, привнесшего в психологию много полезного), остались, в основном, три возможности: историко-деятельностный подход к изучению закономерностей развития психического, выведение психического из физиологии мозга и органов чувств и исследование развития психического, начиная с элементарных допсихических актов раздражимости [Леонтьев, 1959]. Исследование возможностей возникновения психического в глубинных слоях мироздания не велось вообще, потому что это относилось уже к запретной области метафизических рассуждений. Однако были исследователи (кроме А.И. Миракяна и его последователей), которые в решении вышеизложенных проблем очень близко подходили к постановке метафизических вопросов. Так, например, В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили пишут: «Говоря, что «субъективность входит в реальность», мы имеем в виду, что она входит в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на «языке внутреннего». Только задав ее с самого начала (так же, как и в биологии, явление жизни) в трансцендентной по отношению к «языку внутреннего» части, мы можем затем выделить объективные процессы (идущие независимо от наблюдения и самонаблюдения), выделить стороны предмета психологического

исследования, поддающегося объективному описанию. Потом уже поздно соединять сознание с природными явлениями и описывающими их терминами и мы никогда в рамках одного логически гомогенного исследования не выйдем к месту, где что-то кем-то мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется» [Зиненко, Мамардашвили, 1977, с. 109-125]. Из приведенной цитаты видно, что, согласно мнению авторов, сознание и психическое необходимо начинать изучать как природное явление, как спонтанный процесс, исключив всякую субъективность («наблюдение и самонаблюдение»), пользуясь терминами, описывающие природные явления, трансцендируя от «языка внутреннего». А это, на наш взгляд, означает не что иное, как обращение к реальности, не подвергнувшейся отражению, к поиску онтологических основ психического в «бытии в возможности» (Аристотель), к методу метафизических рассуждений, потому что «Потом уже поздно соединять сознание с природными явлениями».

Таким образом, вопрос С.Д. Смирнова о реальности, предшествующей отражению, имеет важное методологическое значение, и от его решения, в частности, зависит постановка проблемы адекватности психического отражения. Принципы деятельности и предметности, определяющие способы существования психического в современной психологии, требуют наличия адекватности психического отражения. Однако в научной литературе имеется достаточное количество данных, подтверждающих, что нет строгой адекватности между объектом и его образом. Но, к сожалению, очень мало говорится о глубине и характере нарушения этой адекватности.

В сфере психологического знания наиболее четко этот вопрос поставлен в нейро-лингвистическом программировании (НЛП). Одна из основных пресуппозиций НЛП, заимствованная у А. Кожибского [Korzybski, 1993/1994], гласит: «Карта –

не территория». Что это означает? Это означает, что в отношениях с реальностью мы имеем дело не с ней самой, а с моделью этой реальности, представленной в сознании ощущениями, образами, мыслями и лингвистическими конструкциями, а также соответствующими эмоциональными переживаниями. До тех пор, пока это касается событий, обусловленных социогенными факторами, т.е. нашими жизненными принципами, интересами, установками, убеждениями, ценностями и культурными традициями, мы относительно легко допускаем мысль о том, что каждый человек по-своему моделирует мир, имеет свою модель мира, в которой истинно то, что соответствует его убеждениям и переживаниям. И тогда мы слышим высказывания типа: «У меня такая точка зрения», «Это мое мнение» и т.д. При этом ясно, что в обыденной жизни люди обычно отождествляют свою модель мира с действительностью, принимая за реальность те отношения или оценки, которые они сделали, основываясь на своем личном опыте и индивидуально-психологических качествах. Кстати, именно такое отождествление часто служит причиной возникновения межличностных конфликтов, приводящих к появлению различного рода психологических расстройств. Именно поэтому в концепции Н. Пезешкиана межкультуральный подход является одним из составных частей основанной им позитивной психотерапии [Пезешкиан, 1996].

С другой стороны, признание существования у *каждого* человека своей модели мира приводит к созданию парадоксальной ситуации, потому что вслед за этим признанием следует вопрос: «Какова же на самом деле действительность, которая предстает перед человеком?» О возможности ответа на этот вопрос будет сказано ниже, а пока, чтобы этот ответ был более полным, посмотрим, каким образом проявляет себя понятие «модель мира» при анализе, как принято говорить,

более элементарных психических явлений – процессов ощущения и восприятия.

Окружающий мир человек воспринимает через систему рецепторов пяти модальностей: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Генетически детерминированная нейрофизиологическая структура органов восприятия накладывает определенные ограничения на восприятие реальности, определяемые, в частности, абсолютными и относительными порогами чувствительности. В результате значительная часть окружающей действительности оказывается за пределами нашего восприятия и сознания.

Кроме того, эти модели или карты реальности, по принципу доминантности какой-либо модальности органов восприятия, бывают преимущественно либо визуальными, либо аудиальными, либо кинестетическими. Соответственно этим моделям, одному типу людей окружающая действительность будет репрезентирована *преимущественно* в зрительных образах и формах, другому – в голосах, звуках и шумах, третьему – в переживаниях относительно событий, происходящих в этой же действительности. То есть органы восприятия расщепляют мир на три разных мира, в зависимости от того, какая репрезентативная система у данного человека является первичной. Хотя человек и воспринимает окружающую его действительность полимодально, однако оценку событий или принятие определенного решения (особенно в критических ситуациях) он делает, в большинстве случаев, основываясь на информации, полученной именно от первичной репрезентативной системы. И поэтому в жизненной практике нередко бывают конфликты из-за того, что два человека об одном и том же говорят на разных языках, то есть на языках разных модальностей. Поэтому появилась необходимость в создании соответствующих методов (техник) «перевода» с одного языка

модальностей на другой, помогающих решить подобные конфликты.

Кроме этих ограничений, при восприятии могут произойти определенные искажения, зависящие, в частности, от личного опыта человека (феномены социальной апперцепции). Например, человек, живущий на берегу моря, иначе слышит шум волн, чем человек, впервые приехавший на берег моря. В логике традиционной психологии правомерно задать вопрос: «Что такое реальный, настоящий шум моря сам по себе? Ведь он должен существовать даже тогда, когда на берегу нет людей».

На этот вопрос, однако, современная психология не сможет ответить однозначно, потому что даже если будут применяться соответствующие приборы, в конечном счете, качество шума моря должно оцениваться человеческим слухом.

Таким образом, возвращаясь к моделям мира, отметим, что уже на уровне ощущений и образов восприятия возникают первые ограничения и искажения, скрывающие от человека «истинное лицо» бесконечно многообразной реальности.

3.2. Соотношение понятий «мир» и «образ мира» в зеркале метафизических представлений

В вышеприведенных рассуждениях о моделях мира употреблялись слова «ограниченное», «искаженное», которые являются вполне приемлемыми, когда речь заходит об особенностях *результатов* процесса восприятия. Так, например, в одной из своих методологических статей Л.С. Выготский пишет: «Наш опыт заключен между двумя порогами, мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях, важных для нас. Внутри порогов они опять отмечают не все многообразие применений, а переводят их через новые пороги. Сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами... Она (психика – Р.Н.)

есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [Выготский, 1982, с. 347]. Таким образом, положительную роль психического Л.С. Выготский видит в искажении, не всегда верном (но «в пользу организма») отражении действительности, однако, в данном случае имеется в виду *количественная* сторона искажения (более или менее искаженное восприятие). Тем самым создается впечатление, что мы все же воспринимаем реальность такой, какая она есть, но с определенными пропусками, ограничениями и искажениями.

Однако есть основания полагать, что понятие «модель мира» намного глубже, чем оно сейчас было представлено, и его границы могут быть намного расширены, если в этом понятии учесть не только количественный, но и *качественный* аспект искажения.

Как нам кажется, реальность, представленная нам в совокупности свойств и качеств объектов, скрыта от нас, *потому что эти свойства и качества есть ощущения и образы, порожденные психикой*. Эти свойства и качества не являются репродукцией реальности, а являются продуктами психической деятельности, новыми образованиями, обеспечивающими эффективное функционирование человека в окружающей действительности. *Реальность не имеет никакого другого отношения к качествам и свойствам воспринятого мира, кроме факта опосредованной детерминации*. То есть можно утверждать, что «объекты» природы не обладают ни цветом, ни звуком, ни запахом, ни какими-либо другими свойствами, которые представлены в наших ощущениях. По словам А.Н. Леонтьева, «...мир в его отдаленности от субъекта амодален» [Леонтьев, 1983, с. 257]. Мы еще вернемся к этой цитате, а пока от-

метим, что пафос, с которым была написана эта статья, позволяет думать, что А.Н. Леонтьев имел в виду что-то очень важное и непривычное для советской психологии того времени.

Наше сознание понимает язык ощущений и психических образов, как это представлено в «концепции языков сознания» [Козлов, 2005, с. 101], а не язык физических характеристик «объектов», которые в процессе психического отражения определенной системой восприятия, после многократных трансформаций, превращаются в совершенно другие, качественно отличающиеся от них, явления – образы и ощущения. Так, например, причиной возникновения цвета является взаимодействие зрительного анализатора человека с *чем-то*, что физики называют «электромагнитной волной». Электромагнитную волну характеризуют *измеряемыми* величинами – частотой, длиной волны, скоростью распространения, и в ней нет ничего такого, что можно было бы назвать цветом (измерить как «цвет»). Сознание человека фиксирует не частоту волны (частота волны перестает существовать, трансформируясь и исчезая в зрительных рецепторах), а уже порожденное психикой новое качество – цвет. Таким образом, принятое в традиционной психологии соотношение адекватности (постулат изоморфности) – цвет и ощущение цвета – нарушается, так как одной стороны этого соотношения – цвета – в мире вне человека не существует.

Для нас было совершенно неожиданным обнаружить такие же мысли у И. Ньютона. В своей «Оптике» он пишет: «...И если иногда я говорю о свете или лучах, как окрашенных или имеющих цвета, то не следует понимать, что я говорю философски, и точно – я выражаюсь грубо и в соответствии с теми представлениями, которые может получить простой народ, видя все эти опыты. Ибо лучи, если выразаться точно, не окрашены. В них нет ничего другого, кроме определенной силы или predispositiona к возбуждению того или иного

цвета. Ибо как звук колокольчика, или музыкальной струны, или других звучащих тел есть не что иное, как колеблющееся движение, и в воздухе от предмета распространяется не что иное, как это движение в форме звука, так же и окраска предмета является не чем иным как предрасположением отражать тот или другой сорт лучей более сильно, чем остальные; в самих лучах нет ничего иного, кроме предрасположения распространять то или иное движение в чувствилище, в последнем же появляются ощущения этих движений в форме цвета» [Ньютон, 1954, с. 96-97]. Приведенный текст кажется очень странным, потому что так должен был говорить метафизик, предлагающий гипотезы о первопричинах возникновения цвета, а не выдающийся физик. Однако, приведенная цитата – факт, поэтому надо думать, учитывая величие И. Ньютона, что истинный физик тот, в ком живет и творит истинный метафизик, способный выходить за пределы физических явлений.

Возвращаясь к нашему тексту, укажем на то, что тот же самый свет трансформируется также в совершенно другую модальность, а именно в ощущение тепла, несмотря на то, что в самом световом потоке нет физической характеристики, являющейся теплом. А физическими детерминантами ощущения тепла являются амплитуда волны или мощность потока световых частиц. Но, как известно, эти компоненты света сами по себе не теплые. *Поэтому можно сказать, что солнце не ослепительное и не горячее.* Оно становится таковым лишь для человека, так как человек обладает способностями преобразовывать физические характеристики дошедших до него солнечных лучей в соответствующие психические качества.

Точно так же получается с зеркалом. Что отражает зеркало, когда на него никто не смотрит? Никаких зрительных образов в этот момент зеркало не отражает. А образы возникают (в че-

ловеке) лишь тогда, когда в глаза человека попадают электромагнитные волны, отраженные от поверхности зеркала.

Звука так же не существует в природе, как и не существует цвета. Вокруг колеблющейся струны нет ничего такого, что можно было бы назвать звуком, кроме колеблющихся частиц или слоев воздуха. Частота колебания воздуха не содержит в себе звука – это чисто механическое движение. И именно эти «беззвучные» колебания доходят до человека и превращаются в его слуховом анализаторе в звуки – явления совершенно иного качества, чем частота колебания струны или слоев воздуха.

Поэтому вопрос: «Что такое настоящий реальный шум моря сам по себе, когда на берегу нет людей?» не имеет смысла, потому что шума моря на самом деле нет. Вместо него есть бесконечно разнообразный спектр воздушных волн, и каждый человек затем по-своему превращает их в шум моря, соответственно состоянию своего слухового анализатора, особенностям личного аудиального опыта и психологического состояния в данный момент.

Таким образом, человек не отражает море репродуктивно таким, каким оно «есть» в реальности, а *создает* его таким, каким видит, слышит и ощущает его вкус, запах, влажность и т.д. А вопрос, какое море на самом деле, так же не имеет смысла, потому что это зависит от того, кто, какое существо отражает то, что мы, люди, называем морем, то есть от отражательной системы, предназначенной для выполнения определенного рода задач. В случае отсутствия отражательной системы, море, а в более общем случае – мир, перестает существовать как объект восприятия, но, существуя в самом себе и благодаря своим «физическим» (природным) характеристикам, сохраняет потенциальную возможность быть вновь созданным, согласно структуре, функциям и принципам действия наличествующей отражательной системы. Сказанное относится не только к человеку, как отражательной системе, но и к любой отражательной системе, созданной и используемой че-

ловеком, то есть имеет отношение также к науке и познанию в целом. Это обусловлено тем, что при своем функционировании любая отражательная система порождает новое качество, *обозначающее* отражаемое явление. Следовательно, физический прибор, как продолжение отражательной системы исследователя, дает нам не действительную информацию о явлении, а опосредованную преобразованную информацию о нем в виде качества, не принадлежащего непосредственно ему (явлению), но свойственное структуре и внутренним закономерностям реагирующего прибора. Так, например, известно, что взаимодействие света с интерферометром выявляет волновую природу света, а с фотоприемником – корпускулярную. Однако если быть последовательным в наших рассуждениях, то следует предположить, что «истинная» природа света не волновая и не корпускулярная. Это всего лишь две эмпирические модели света, основанные на артефактах *процедуры* измерения и, кстати, противоположные друг другу, для «примирения» которых Н. Бор ввел в физику элементарных частиц и квантовую механику принцип дополнительности.

К таким же выводам о значении измерительных приборов для исследования природы психических явлений приходит и Т.В. Черниговская при обсуждении вопроса о соотношении сознания и мозга. В своем выступлении на заседании Никитского клуба (участники – К.В. Анохин, В.А. Лекторский В.С. Мясников, А.Н. Привалов и др.), она указывает на то, что «...наука нам в этом не помощник. Потому что, что бы мы ни зафиксировали, – это область идеального. Энцефалограммы, спектрограммы, аудиограммы – анализ зрения жуков..., кресток ничего не даст, потому что здесь есть пробел между миром физического и миром идеального, который не переходим... Оттого, что лучшие в мире приборы, которые есть сейчас, замечательные томографы просветят голову человека с точностью, я фантазирую, до нейрона, – мне это не добавит ни на полмиллиграмма информации о том, что мы сейчас обсуж-

даем» [Черниговская, 2015, с. 9]. И, действительно, это так, потому что прибор показывает то, что в него «вложил» человек, при его создании (цифры, линии спектров или какая-нибудь другая символика), а не то, что на самом деле измеряется в данный момент.

Таким образом, обсуждается не просто вопрос о «моделях мира», а вопрос о «конструировании реальности», который достаточно хорошо разработан в философии, социологии и культурологии, в русле идей конструктивизма. В психологической же науке конструктивистская парадигма выявлена и обозначена В.Ф. Петренко [Петренко, 2002; 2011] при анализе высших форм сознания. В частности, В.Ф. Петренко приходит к выводу, что «понятийный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (и конечно, в том числе психология), не только описывает, но и привносит в описание новые связи и расчленения (а имплицитно – и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкты сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и саму действительность» [Петренко, 2002, с. 119]. В отличие от исследований В.Ф. Петренко наша задача показать, что конструирование реальности начинается уже с уровня ощущений, представленных в соответствующих образах во всех модальностях восприятия.

Все выше сказанное сводится к вопросу: «Насколько объективны наши ощущения». Можно ответить, что наши ощущения, как качественно-психические образования, ничего общего с реальностью не имеют, подобно тому, как качества географической карты (бумага, изображенные на ней знаки и т.д.) ничего общего не имеют с качествами территории, или буква «а» русского алфавита ничего общего не имеет с фонемой «а» (доказательством может служить разное графическое отображение одного и того же звука в языках разных народов) или с символом «а» из азбуки Морзе (точка и тире). Ощущения и образы – это другая реальность: реальность, признаваемая

нашим сознанием. Мир и образ мира – это две разные реальности. Конечно, между миром и его образом существует определенное соответствие (скорее всего, количественное), которое и дает человеку возможность функционировать соответствующим образом в окружающей его среде, подобно водителю, который, глядя на карту дорог, точно знает, свернуть ли ему налево, направо или поехать прямо, чтобы доехать до намеченного пункта.

В то же время, водитель никогда не спутает карту дорог с самими дорогами, потому что он, находясь вне карты, видит и карту, и дорогу. Однако люди, не имея возможности выходить за пределы своих карт мира, отождествляют образ (карту) мира с самим миром и тем самым впадают в заблуждение.

В формировании этого заблуждения значительную роль играет язык. По этому поводу Р. Бендлер и Дж. Гриндер пишут: «Возьмем, к примеру, предложение «книга голубая». Слово «голубая» представляет собой имя, которое мы, носители английского языка, научились применять для описания собственного опыта восприятия определенной части спектра видимого света. Введенные в заблуждение структурой языка, мы начинаем думать, будто «голубая» – представляет собой некое свойство объекта, называемого «книгой», а не имя, которым мы называли собственное ощущение» [Бендлер, Гриндер, 1996, с. 25]. То есть название ощущения прикрепляется к объекту и далее начинает существовать в языке и мышлении как неотъемлемое качество этого объекта: соленая вода, сладкий сахар, ароматный цветок, звонкий голос и т.д. Поэтому воспринимаемый нами мир, представленный в понятиях и категориях человеческого чувственного опыта, *изначально метафоричен*, что создает непреодолимый барьер в познании мира, образно названный В.А. Барабанщиковым «магией гносеологической парадигмы» [Барабанщиков, 1997, с.113].

Сказанное подтверждается и тем, что многообразие или ограниченность восприятия внешнего мира связаны в какой-то

мере с количеством различий, производимых в какой-либо области ощущений, зафиксированных в языке данного сообщества людей. (Поэтому ребенок, выросший в данном сообществе людей, воспринимает мир согласно особенностям языка этого сообщества). Так, например, индейцы племени майду (Северная Америка) весь спектр цветов обозначают всего тремя словами. Словом лак – красный, тит – сине-зеленый, тулак – желто-оранжево-коричневый. Таким образом, человек, говорящий на языке майду, как правило, осознает три категории цветовых ощущений. В армянском или русском языке понятий, обозначающих цвета, гораздо больше, поэтому носители этих языков обладают большим числом первичных перцептивных различий. Это означает, что, если для нас желтая и оранжевая книги – это два различных объекта, то, для говорящего на языке майду, в той же ситуации восприятия они не будут отличаться друг от друга – обе книги будут обладать цветом тулак.

А в языке эскимосов имеется около 70 различных названий снега. Они способны дать различные толкования относительно качества и структуры снега, что, конечно же, за пределами возможностей большинства людей остального мира. И действительно, мы осознаем, насколько ограничены в этом смысле наши армяноязычная или русскоязычная модели мира.

Можно говорить о трех уровнях различия языковых моделей мира. Первый уровень соответствует различию языковых моделей мира далеких друг от друга языков, например, русского и китайского или языков индейцев Америки. И тогда, вероятно, можно говорить о принципе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Второй уровень – это различия языковых моделей мира между близкими, принадлежащими одной группе, языками, что больше соответствует принципу лингвистической дополнительности Г.А. Брутяна (1968.). Совпадая в главном, эти языковые картины мира отличаются своими пе-

риферийными участками, дополняющие в основном общую для них картину мира. И, наконец, можно говорить о разных языковых моделях мира людей – носителей одного и того же языка. В этом случае различия обусловлены: 1) социокультурными факторами, которые, преломляясь через призму отдельной семьи или другой референтной группы, формируют определенный образ мышления и язык индивида (воспитание, обучение и т.д.); 2) запасом и качеством словарного багажа (степень и качество образованности); 3) преимущественным употреблением специфических предикатов, зависящих от типа первичной репрезентативной системы; а также 4) тем, что в языке существует огромное количество номинализаций и неспецифических глаголов – слов, имеющих различные смыслы и значения для разных людей.

Из вышесказанного, в частности, следует, что познание мира полиглотами имеет определенное преимущество перед людьми, говорящими на одном языке: сочетание разных языковых моделей мира позволяет им создать более дифференцированную и расширенную модель действительности.

С другой стороны, как мы видели, языковая модель мира может привести к определенным ограничениям. Однако особенности этих ограничений имеют функциональную природу, и степень дифференцированности ощущений и образов восприятия соответствует задачам приспособления и обеспечивает адекватное и эффективное функционирование человека (а в более широком смысле – живого существа) в *конкретной* среде. Другими словами, *эффективность и адекватность функционирования не зависят от степени неадекватности отражения*. Этот побочный вывод вытекает из всего вышеизложенного: сознание человека реагирует не на саму реальность, а на созданные психикой ощущения, образы и слова, которые являются моделями (символами) детерминирующей их порождение физической реальности. А каждая модель мира,

напомним, по-своему неадекватна по отношению к реальности. Но, тем не менее, практика показывает, что человек (или другое живое существо) адекватно функционирует в пределах созданной им же модели мира. Другими словами, *из адекватности функционирования еще не следует адекватность отражения*. Более того, как показали исследования Д.А. Ошанина, неадекватное, искаженное восприятие гносеологически заданных свойств объекта («деформации» по Ошанину) является необходимым условием эффективности предметного действия. Поэтому для Д.А. Ошанина предмет или объект изначально задан как предназначенный изменчивому восприятию, обеспечивающему функциональную адекватность [Ошанин, 1999]. Например, дальтоник, воспринимающий яблоко синеватым и человек с «нормальным» зрением, воспринимающий то же яблоко красным, съедят его одинаково успешно. В этом примере важно отметить также то, что нельзя утверждать, что дальтоник воспринимает яблоко искаженно, а человек с «нормальным» зрением адекватно, если исходить из предположения, что «объекты» природы не обладают цветом. Можно лишь сказать, что дальтоники *по-другому* «создают», порождают или упорядочивают мир, который, тем не менее, должен быть репрезентирован таким образом, чтобы удовлетворить требованиям их эффективного функционирования.

Из вышесказанного вытекает парадоксальный для традиционной психологии вывод: *практика*, то есть функционирование человека при решении им определенных (практических) задач, не может быть достоверным критерием адекватности психического отражения, так как в процессе практической деятельности сознание человека «имеет дело» не с копией объекта, а с психологическим эквивалентом (знаком, обозначением) того «нечто», находящегося вне сознания человека, которому еще предстоит стать объектом. И именно от этого знака (или обозначенности), заменяющего сущность (сложность,

особенности организации и существования) этого «нечто», зависит то, каким «качеством» оно «обладает». Неадекватность же и неэффективность функционирования выявляются лишь при сопоставлении эффективностей функционирования разных людей, обладающих разными моделями мира и индивидуально-психологическими особенностями. И чем шире границы модели мира и тоньше ее структура, тем больше возможностей для адекватного и эффективного функционирования. Поэтому любая психотерапия это, прежде всего, работа над расширением пределов (границ) и содержания модели мира данного человека. Сказанное подтверждается и на примере животного мира. Так, например, существуя в той же среде, что и человек, летучая мышь, лягушка или пчела «создают» совершенно разные, отличающиеся друг от друга, модели мира со своими специфическими неадекватностями по отношению к физическим аспектам их окружения, которые детерминируют порождение у них соответствующих моделей мира. Но, независимо от степени и качества этих неадекватностей, каждая из них эффективно и адекватно функционирует в своей модели мира, ориентируясь в пространстве и во времени, добывая пищу, размножаясь и проявляя «заботу» о своем потомстве. Кстати, о летучей мыши хочется добавить. Мы знаем, что она реагирует на отраженные от предметов среды ультразвуки, испускаемые ею же самой (под ультразвуком подразумеваем колебания воздуха ультразвуковой частоты). Но на самом деле мы не знаем, на что реагирует летучая мышь внутри самой себя, так как мы не имеем точного представления о том, в какую модальность преобразовывает эти частоты ее психика. Это все равно, что сказать: человек реагирует на электромагнитные волны. Но как известно, он непосредственно реагирует не на волны, а на свет, цвет и/или тепло. Т. Нагель в своей статье «What is it like to be a bat?» («Каково быть летучей мышью»), обсуждая проблему соотношения субъективного и объективного, вопрос о том, как летучая мышь воспринимает

мир, сделал предметом специального философского анализа. В результате он приходит к выводу, что никаким образом невозможно узнать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь и какво это – быть летучей мышью [Nagel, 1974]. Это говорит о том, что у нас нет ни средств, ни возможностей непосредственно проникнуть в модель мира другого существа и человека, в том числе.

Возникает закономерный вопрос: «Что следует из того, что человек не может воспринимать мир таким, каким он есть на самом деле, а в самой модели мира оперирует уже законченными продуктами психического отражения – ощущениями и образами, которые он принимает за реальные, вне него существующие объекты и их качества?».

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, прежде всего, имеет значение для методологии психологии. Во-первых, при таком подходе меняется понимание объекта: реальный «объект» бесконечно многообразный, не обладающий ни одним из психических качеств и не познаваемый в своей «модальности», а детерминированный им и порожденный психикой, объект, как комплекс ощущений и образов, создается в самом человеке, и именно этот образ-объект является для него реальным. Во-вторых, меняется понимание взаимодействия субъекта и объекта, так как сознание взаимодействует не с реальным «объектом», а с его образом. То есть отражение происходит не между психическим и физическим, а между психическим одного уровня (ощущение, образ) и психическим другого уровня (сознание). Поэтому изменение характера взаимодействия человека с окружающей действительностью во власти его возможностей. Имеется в виду, что произвольно меняя структуру и качество порождаемых психикой образов, человек так же произвольно может изменять свое отношение к оставшемуся неизменным «объекту».

Кстати, на этой особенности взаимодействия человека с окружающей действительностью основано большинство технологий изменения переживаний и поведения человека в разных видах психотерапии, особенно, в гештальт-терапии, психосинтезе и НЛП, где разработано большое количество субмодальных техник – методов, изменяющих чувства и реакции человека. Такого же эффекта можно добиться рефреймированием лингвистических конструкций, выражающих отношение человека к событиям жизни или к самому себе, помещая их в новые рамки восприятия смысла или контекста, что приводит к изменению старых смыслов и убеждений.

В-третьих, вышесказанное имеет принципиальное значение для правильной постановки вопроса об исследовании принципов и закономерностей процесса психического отражения, о чем будет сказано ниже.

3.3. Психологический релятивизм реальности

Методологические следствия, вытекающие из поставленного выше вопроса, относятся также к пониманию места психического образа в структуре процесса восприятия и проблемы психического отражения в целом.

Выше мы отметили, что, несмотря на то, что сознание реагирует не на действительность, а на порожденные образы, связь психики с действительностью существует и она *обозначена* в перцептивных компонентах восприятия. Мы использовали термин «обозначена», потому что полагаем, что на этом начальном этапе формирования перцептивных компонентов восприятия еще нет отражения, в обычно употребляемом смысле этого слова, и даже невозможна постановка проблемы образа [Панов, 1997], если исходить из традиционного гносеологического соотношения «объект – субъект».

Понятие «образ» В.И. Панов рассматривает как частное проявление гносеологического соотношения «объект – субъект

(образ)» [Панов, 1997, с. 106], которое и определяет исследовательскую парадигму, построение предмета и проблемы исследования. А основная характеристика этой парадигмы «...заключается в том, что она начинается с представления о *наличии объекта*» (там же, с.107). Показывая далее многообразие и противоречивость толкования понятия «объект» в психофизическом, сетчаточном-моторном, феноменологическом, операциональном и экологическом подходах при изучении проблем восприятия, В.И. Панов приходит к выводу, «...что постепенно в разных исследованиях происходит размывание «объекта» как обязательного компонента отношения «объект – субъект (образ)». И тогда оказывается, что проблемы образа не существует, ибо, если «объект» исчезает, то как же тогда можно говорить о его отражении, как можно исследовать отражение в образе того, чего оказывается в действительности актуально еще не существует?» (там же, с.109).

В начале этой части мы также пришли к выводу, что соотношение «объект – образ», как структурная схема процесса отражения, не соответствует действительности, показав, к примеру, что в соотношении «цвет – ощущение цвета» отсутствует компонента «цвет». И так как подход был осуществлен с позиций физики, он не оставляет места для психологических вариаций на тему «что такое цвет (объект)» или «каким образом человек воспринимает цвет» и т.д. Физики скажут, что *цветных* электромагнитных волн или фотонов просто не существует. В таком случае понятие «отражение» теряет свой первоначальный смысл, предполагающий процесс, приводящий к адекватному или изоморфному (или близкого к ним, может быть, искаженному) уподоблению. Поэтому В.И. Панов прав – мы не можем говорить об образе, как образе *объекта*, существование которого (объекта) «как такового» неопределенно и ставится под сомнение.

Парадоксы и противоречия, возникшие в этой плоскости современной психологии восприятия, могут быть раскрыты и поняты при обращении к новой парадигме исследования принципов психического отражения, выдвинутой А.И. Миракяном.

Философско-методологический анализ исходных предпосылок исследователей психического отражения позволил А.И. Миракяну выявить общую для них причину, ограничивающую их возможности изучения общих, универсальных закономерностей психического отражения [Миракян, 1990]. Для всех этих исследователей оставалось незамеченным то, что при теоретическом и экспериментальном исследовании закономерностей психического отражения они исходили из результатов уже свершившегося акта отражения. Но, как показал анализ исторического опыта изучения процессов отражения, проведенный А.И. Миракяном, реконструкция закономерностей процесса из его результатов невозможна, потому что при таком подходе не могли быть учтены, выявлены и изучены такие важные характеристики процесса, как полифункциональность, гибкость и вариативность восприятия, необходимые человеку и животным для эффективного функционирования в изменяющихся условиях окружающей среды. И если для остальных наук опора на продукты психического отражения была естественным и оправдывающим себя условием изучения закономерностей явлений природы, то для изучения самого процесса отражения такой (физикальный, продуктный) подход является неправомерным и методологически ошибочным. Однако методология – это следствие существующей в психологии парадигмы, то есть психологического видения картины мира или же образа мышления, основывающегося на общепринятых постулатах об устройстве мира. Поэтому вполне закономерно, что предложенные А.И. Миракяном афизикальные (не опирающиеся непосредственно на продукты восприятия) принципы процесса отражения исходят из новой, может быть, непривычной картины мира. Характеризуя эту картину мира (частично

об этом уже было сказано в предыдущем разделе), А.И. Миракян пишет: «по отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще нереализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. *Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, т.е. порождаться в процессе отражения* (выделено нами – Р.Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян, 1992, с. 39-40]. Из приведенной цитаты можно сделать несколько важных выводов, влияющих на наши представления о мире. Во-первых, в реальности, относящейся к области «еще нереализованной возможности отражения», то есть в реальности, существующей до отражения, нет объектов с их свойствами, а есть материальные формы, составляющие нерасчлененную глобальность. Во-вторых, объекты и их свойства появляются как продукты процесса формопорождения, то есть уже как психические явления, показывая этим, что реальность, воспринимаемая человеком, есть не что иное, как порожденные им же самим образы, ощущения, представления и т.д. В-третьих, заметим, что речь идет не об отражении, а о формопорождении, чем подчеркивается мысль о порождении нового, не имеющего сходства (аналога, копии, подобия и, тем более, тождества) с «отражаемым», тем самым снимая вопрос об адекватности отражения действительности.

Но тогда, о чем можно говорить?

Для начала уточним: из того, что гносеологическая оппозиция «объект – субъект» не соответствует фактам, полученным в психологии и физике, и из чего *логически* вытекает невозможность существования образа «объекта», еще не следует, что образа вообще нет, как явления психической реальности. В сновидениях или, к примеру, при закрытых глазах мы непосредственно имеем дело (осознаем) именно с образами, с которыми можно, а иногда и нужно, работать. Но тогда, где его место в структуре восприятия?

Место образа в структуре восприятия можно определить, учитывая более высокие уровни восприятия, и эту роль метапозиции восприятия играет сознание. В рамках традиционной психологии в экспериментальных и теоретических работах, посвященных исследованию процесса восприятия, конечно, учитывается фактор сознания, но не в той мере, в какой, как нам кажется, это было необходимо. Причиной этому, вероятно, было то, что исследователи считали преждевременным обращение к феноменам сознания до тех пор, пока не изучены более «элементарные» процессы восприятия.

Суммируя все вышесказанное и учитывая новые компоненты в структуре процесса восприятия (процесс и продукт формопорождения, сознание), можно предложить, другую схему процесса восприятия: «мир – продукт формопорождения – сознание (осознанный образ)». Порождающий процесс восприятия происходит между членами соотношения «мир – продукт формопорождения», который не осознаваем. На этом этапе, соответствующем начальной стадии процесса непосредственно-чувственного восприятия, происходит порождение функционально необходимого продукта, представляющего собой конкретное (расчлененное, выделенное из глобальности) образование с качественно новыми психическими свойствами, не существующими в «физической» реальности. Здесь неправо-

мерно говорить об отражении, адекватности или образе, вследствие чего и пришлось ввести новые термины – «продукт», «формопорождение», «порождающий процесс восприятия» и др. А собственно процесс отражения реализуется в паре «продукт формопорождения – сознание», представляя собой процесс отражения в сознании продукта, результата процесса формопорождения, проявляющегося в виде уже осознаваемого образа или ощущения. Поэтому можно сказать, что продукт формопорождения является прообразом (прототипом) образа или ощущения, отраженного в сознании, а в этом случае уже можно говорить и об адекватности, и об образе. Необходимо отметить, что можно различить два понятия образа: «образ объекта», которого, как было показано нами и В.И. Пановым, на самом деле не может быть, и «осознаваемый образ», являющийся рефлексией сознанием порожденного образа. И, как это ни парадоксально, именно этому последнему понятию образа приписывается статус объекта, объективно существующего вне сознания в окружающей человека действительности. Можно также предположить, что именно на этой стадии отражения в сознании прообраз (продукт формопорождения) претерпевает определенные искажения и ограничения (деформации по Д.А. Ошанину), тем самым создавая предпосылки, как для увеличения, так и для уменьшения эффективности жизнедеятельности человека.

Таким образом, согласно этой трехчленной структуре восприятия, между миром и сознанием расположены образы и поэтому сознание непосредственно реагирует не на мир, а на порожденные образы, принимая их же за объекты, существующие вне и внутри человека. А это означает, что для всякого живого существа реальность – это всегда уже *воспринятая* реальность, порожденная в результате взаимодействия живого существа с природой или с более «глубокой реальностью»

[Уилсон, 2005]. Однако именно эта реальность – воспринятая, уже отраженная – принимается человеком за действительность, что в частном случае может являться одной из *психологических* причин смены старых и рождения новых научных парадигм (о чем более подробно будет сказано в разделе 5.3.), внешняя сторона которых подробно рассмотрена Т. Куном при исследовании структуры научных революций. С другой стороны, то, что каждый человек (или животное) воспринятую реальность по-своему принимает за действительность и поступает сообразно этой действительности, указывает на существование психологического релятивизма реальности, то есть зависимости устройства и организации «действительности» от уникальных, неповторимых способностей восприятия каждого живого существа и человека, независимо от перспективы рассмотрения этих способностей: вертикальной – в филогенезе, историческом развитии, онтогенезе, или горизонтальной – как существующих в настоящее время в природе живых существ. Таким образом, приходит осознание того, что мир (реальность, действительность, природа) теряет статус абсолютной бытийности, абсолютного существования.

К сказанному можно привести метафорическую аналогию.

В горах Армении есть церковь, которая примечательна тем, что она целиком вырублена в скале. Неизвестный автор этого фантастического творения начал свою работу с вершины скалы, прорубил верхний свод, затем, углубляясь все дальше и ниже в скалу, оставлял за собой монолитные своды, арки, колонны, каменные украшения и стены, ограничивающие пространство просторного помещения. Взаимодействие «скульптора» с «гомогенной глобальностью» скалы привело к порождению его мира, соответствующего его желаниям и способностям, в котором он мог функционировать так, как хотел. Разница между нашим восприятием, в основе которого, так же, как и у «скульптора», лежит процесс формопорождения, и ра-

ботой «скульптора» в том, что он понимал, что является творцом своего мира, а мы этого не сознаем, или точнее, не успеваем осознать, потому что психика творит мир мгновенно. И, если бы была возможность сжать десятилетия тяжелейшего труда «скульптора» в одно мгновение, то упорядочивание им «глобальности» скалы в церковь было бы сравнимо с эффектом психического отражения.

Другой «скульптор» на том же месте или в другой скале с *такой же* «гомогенной глобальностью» прорубил бы другую «церковь», с монолитными сводами, арками, колоннами и стенами, подчиняющимися законам другой геометрии, и это был бы его мир, соответствующий его желаниям и способностям творить и функционировать. Таким образом, два мира, порожденные разными людьми из одной и той же «физической» реальности, оказываются разными, и понятно, что таких миров может быть столько, сколько существует живых существ. И при этом нельзя сказать, что один из этих миров истинный, а другой искаженный, потому что ни о каком истинном, независимом от человека (или субъекта отражения) мире нельзя ничего сказать – *все они являются уже-воспринятыми (порожденными), и для каждого человека (и живого существа) это единственно возможная и «истинная» действительность*, существующая не только для него, но и для всех остальных людей.

Точно так же можно сказать и о дальтониках: нельзя утверждать, что у них искаженное восприятие действительности, а у «нормальных» людей адекватное или «истинное». Восприятие ими мира зависит от особенностей функционирования их отражательных систем, и ни одна из этих систем не имеет преимуществ перед другими, если речь идет об «истинности» или адекватности отражения реальности. Есть лишь *предполагаемая* «гомогенная глобальность» или «физическая» реальность, из которой каждое живое существо, благодаря уникаль-

ной, присущей только ему, порождающей системе создает свой субъективный мир, в котором оно функционирует, как в реально существующей действительности. Не только мир создает человека (психику, сознание), но и человек создает мир вокруг себя, в котором ему приходится выживать. Однако мир, создающий человека, не похож на мир, созданный человеком.

В этом и заключается смысл психологического релятивизма реальности.

3.4. Психическое отражение в системе реальностей бытия человека: концепция «четырех реальностей»

Из вышесказанного, в частности, следует, что можно различать две реальности. Реальность-1 – это та, которую мы назвали «бесконечно разнообразным недифференцированным миром», не обладающая качествами модальностей восприятия человека. Реальность-1 непосредственно не воспринимается нашим сознанием, она непосредственно не познаваема. Выражаясь словами К.Г. Юнга, это «прима материя», «материя сама по себе, вне всяких проекций» или «нетронутая, недоступная область» [Юнг, 2003]. Взаимодействуя с органами восприятия человека, Реальность-1 детерминирует и запускает процесс порождения психического отражения, который заканчивается созданием Реальности-2. В результате Реальность-1 оказывается расчлененной и огрубленной образами и понятиями (проекциями, моделями, символами, закономерностями) различных наук, упорядочивающих и структурирующих Реальность-2.

Реальность-2 – это окрашенная и озвученная нашей психикой, наделенная гаммой всех человеческих ощущений и чувств, реальность. Реальностью она является потому, что ощущения, образы восприятия и чувства *субъективно*, но, в то же время, реально существуют для человека.

Спроецированные вовне они создают осознаваемый и познаваемый нами «объективный» (точнее – объектный) мир,

состоящий из объектов с качествами и свойствами, являющимися продуктами, порожденными нашей психикой. Особенности Реальности-2 (то есть того, что «воспринимает» человек), по Дж. Гибсону, зависят от пространственно-временных, структурных и динамических параметров человека и его органов восприятия [Гибсон, 1988], а также от стоящих перед ним задач, которые он должен решить в процессе жизнедеятельности. И это легко показать. Для этого достаточно представить, какой стал бы воспринимать окружающую среду человек, если бы от рождения обладал микроскопическим, либо телескопическим зрением. Ясно, что это будут совершенно другие реальности, отличающиеся друг от друга и от воспринимаемой нами реальности. И в этих реальностях были бы открыты совершенно другие объекты и закономерности. Но, все равно, они были бы вариантами Реальности-2, так как будут результатами порождения определенных отражательных систем.

Большинство вышеприведенных рассуждений в несколько ином контексте ранее уже были высказаны А.И. Миракяном, который многие годы посвятил работе над теоретическим и экспериментальным исследованием принципов процесса психического отражения, возглавляя лабораторию восприятия Психологического института РАО.

В своей монографии «Контурь трансцендентальной психологии» А.И. Миракян пишет: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности «ничто», как реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание) как уже существующие принадлежат к реаль-

ности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует» [Миракян, 1999, с.10]. Очевидно, что Реальности-1 у А.И. Миракяна соответствует «реальность отсутствующего», а Реальности-2 – «реальность присутствующего». Понятием «ничто» обозначается не пустота, а «безобъектная» глобальность и бесконечность многообразия Реальности-1.

Тем самым А.И. Миракян делает первые в научной психологии попытки понять и описать порождение психического отражения из реальности, которая предшествует восприятию, реальности, еще не отраженной в сознании человека, – то есть из Реальности-1, одновременно предложив свое представление об особенностях ее существования. А.И. Миракян делает это под определенным ракурсом, предположив, что при изучении принципов и закономерностей психического отражения необходимо исходить из фундаментальных особенностей материи или материальности, которые, однако, «индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения» [Миракян, 1992, с.35] и находятся вне области психических явлений (феноменов, понятий, принципов, отношений и т.д.). Отметим, однако, что А.И. Миракян в этой работе еще не говорит о «другой» реальности, он говорит об особенностях материи, которые не являются ни одним из свойств, присущих результатам психического отражения, но в которых уже заложена потенциальная возможность отражения вообще и порождения психических явлений, в частности. А в более поздней, цитируемой выше работе [Миракян, 1999], он уже прямо говорит о «реальности отсутствующего». Именно эти обстоятельства позволяют нам говорить, что в указанной работе А.И. Миракяна речь идет о совершенно другой, не знакомой человеку реальности, в которой он существует, но не имеет возможности ее непосредственно воспринимать.

Таким образом, чтобы объяснить закономерности психического отражения, А.И. Миракяну пришлось перейти из «реальности присутствующего» (Реальность-2) в «реальность отсутствующего» (Реальность-1) и провести свой анализ на «языке» этой реальности.

Продолжая рассуждения о Реальности-1, еще раз отметим, что она безобъектна, потому что к ней нельзя применить ни одного понятия традиционных наук, обозначающих вычлененные из единости бытия объекты познания. Любое такое понятие как элементарная частица, атом, электромагнитная волна, жизнь или психика являются продуктами психического отражения, моделями-масками, которые накладываются на изучаемые явления, скрывая истинные их «особенности», сложность организации, взаимосвязи и взаимоотношения с Вселенной. Поэтому познание таким путем, путем перехода от одной модели к другой (путем традиционных наук) – бесконечно.

Из приведенной выше цитаты [Миракян, 1999, с. 10] следует также, что Реальность-1 пронизывает всю Реальность-2 и имплицитно содержится в ней, но в Реальности-1 нет ничего из Реальности-2. Действительно, если под «присутствующим» понимать все то, что отражено в сознании человека и является продуктом, порожденным психическим процессом, то «реальность отсутствия присутствующего в отсутствующем» и означает, что в Реальности-1 нет ничего, что обладало бы цветом, звуком, вкусом и т.д. – одним словом, всего того, что свойственно Реальности-2. К.Г. Юнг писал: «Разумеется, мы уже знаем, что окружающий нас физический мир как он есть ни в малейшей степени не согласуется с тем миром, который мы воспринимаем. Физический мир и перцептивный мир суть две совершенно разные вещи» [Юнг, 1997, с. 518-519]. В этом контексте мы попытались в негативной форме показать, каким образом «физический» мир не согласуется с тем миром, кото-

рый мы осознаем (чего там нет из того, что мы осознаем), а А.И. Миракян дает гипотетическое объяснение этого различия в позитивной форме. Как нам кажется, обе формы описания различия между этими двумя реальностями важны, по крайней мере, на этом, начальном, этапе их выявления и познания.

Употребляя понятие «физический мир», мы имели в виду воспринимаемую область действительности. Но если учесть, что это понятие можно распространить и на мир квантовых явлений, то здесь можно провести определенные аналогии с Реальностью-1 или с «реальностью отсутствующего», описанной А.И. Миракяном [Нагдян, 2010].

Поскольку мы начали рассуждать о реальностях, а представления о реальности, посредством изучения принципов и закономерностей явлений природы, в основном, дает физика, и так как именно для нее характерны революционные изменения в описании картины мира, коротко рассмотрим произошедшие в физике прошлого столетия особенности перехода от одной парадигмы к другой.

В начале XX века в физике сложилась аналогичная ситуация, что и сейчас в психологии, потому что изменение картины мира, которое произошло после появления квантовой механики, а также общей и специальной теории относительности, привело к необходимости формирования новой научной парадигмы. Анализ перехода физики к новой парадигме выявил определенное родство с нынешним положением в психологии, созданным исследованиями А.И. Миракяна и его школы.

Выдающийся физик, один из создателей квантовой механики В. Гейзенберг, писал: «копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой – из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц – Р.Н.). Противоречивость этих

исходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории» [Гейзенберг, 1963, с.35]. То же самое выявил А.И. Миракян в психологии, ведь «продуктный» подход и означает находиться и рассуждать в системе понятий классической психологии, что делает невозможным изучение принципов и закономерностей психического отражения. В. Гейзенберг не находит выхода из сложившейся ситуации по той причине, что для него «...понятия классической физики... образуют важнейшую составную часть языка, являющегося предпосылкой всего естествознания...». И далее: «Для описания эксперимента мы фактически используем или должны использовать классические понятия. Иначе мы не поймем друг друга» (там же). Этот подход естественным образом привел исследователей квантовой реальности к компромиссным решениям: жертвуя принципом детерминизма, они перешли к поиску и выявлению фундаментальных статистических закономерностей квантовой реальности, таких, как волновое уравнение Шредингера, соотношение неопределенностей Гейзенберга, принцип дополнительности Бора и т.д. В психологии такой компромисс был невозможен. Почему? Мы даем себе отчет в том, что, на первый взгляд, мы хотим сопоставить две принципиально не сопоставимые на результативном уровне отражения вещи – элементарную частицу и ощущение. Ведь элементарная частица материальна, пространственна и имеет ряд измеряемых количественных характеристик. А ощущение, как показал еще А. Бергсон, не пространственно, не может быть описано в понятиях «больше», «меньше», то есть не количественно, и в субстанциональном смысле неизвестно, что это такое. Поэтому в психологии не могло быть подобного компромиссного пути, обеспечиваемого статистическим подходом. Однако сравниваемые ситуации в физике и психологии имеют одно важное сходство – это переход из одной реальности в другую. В физике – из мира макротел, абсолютного

пространства и времени, детерминизма в мир микрочастиц, относительного пространства-времени, в котором невозможно действие принципа детерминизма. А в психологии – из мира осознаваемых психических феноменов в мир неосознаваемых процессов, порождающих эти феномены. Отметим также, что в обоих случаях переход был совершен в сторону более глубокой реальности. Этот переход и в физике, и в психологии привел к необходимости формирования новой системы понятий. И если в квантовой физике система классических понятий, по возможности, была сохранена, но это имело свои отрицательные последствия для однозначного понимания квантовой реальности, то в психологии для описания реальности, порождающей психическое отражение, пришлось ввести систему новых понятий, не имеющих отношения к реальности психических феноменов. А предупреждение В. Гейзенберга о том, что при введении новой системы понятий «мы не поймем друг друга», было вполне обоснованным и для психологии. На это указывает характер дискуссий и обсуждений проблем психического отражения, которые А.И. Миракян проводил со многими психологами и философами и которые воспроизведены в виде документальных стенограмм в его книгах «Контуры трансцендентальной психологии» [Миракян, 1999, 2004]. Из этих стенограмм видно, с каким трудом психологи (или философы) усваивали логику нового образа мышления. Однако, даже поняв суть проблемы, трудно продолжить исследования, относящиеся к проблеме непосредственно-чувственного восприятия, с учетом нового подхода, во-первых, ввиду отсутствия сформированных соответствующих паттернов мышления, связанных с метафизическим осмыслением возможностей порождения психических явлений, и, во-вторых, потому что придется отказаться от многих, уже наработанных, вещей.

Вопреки введенному Р. Декартом разграничению между миром и человеком, повлекшим за собой веру в возможность

объективного описания мира, квантовая теория свидетельствует о фундаментальной целостности мироздания. Имеется в виду не только то, что невозможно разложить мир на отдельные «кирпичики», но и то, что квантовая реальность представляет собой сложную систему взаимоотношений частей целого, причем в этих взаимоотношениях непременно участвует человек-наблюдатель, но не только как фиксатор результатов эксперимента, а, что более важно, как составная часть процесса эксперимента. По этому поводу М. Талбот пишет: «Н. Бор указал на то, что если элементарные частицы существуют только в присутствии наблюдателя, тогда бессмысленно говорить о существовании, свойствах и характеристиках частиц до их наблюдения. Это вызвало ропот у многих физиков, поскольку наука в значительной степени основывалась на свойствах явлений «объективного мира». Но если теперь оказалось, что свойства материи зависят от самого акта наблюдения, то что ожидало впереди всю науку?» [Талбот, 2004, с. 27]. Интерпретация экспериментальных данных одним из отцов-основателей квантовой механики Н. Бором в точности совпадает с афизикальной парадигмой А.И. Миракяна: *«Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становятся, образоваться, т.е. порождаться в процессе отражения»* (см. выше). Из сопоставления вышеприведенных взглядов Н. Бора и А.И. Миракяна можно сделать вывод, что понятие «афизикальный» можно употреблять и по отношению к квантовой физике, где роль человека-наблюдателя имеет принципиальное значения для «порождения» свойств элементарных частиц, в отличие от классической физики, где присутствие человека-наблюдателя не влияет на результаты эксперимента. Кроме того, можно указать на еще одно важное сходство анализируемых подходов: в квантовомеханической реальности Бора так же, как и в реальности Миракяна, не действует оппозиционное

соотношение «объект – субъект», так как в акте наблюдения (Бор) или акте отражения (Миракян) объект и субъект составляют нерасчлененное единство. Однако между подходами к пониманию реальности у Н. Бора и А.И. Миракяна есть и существенные различия. А.И. Миракян полагал, что за «продуктной» реальностью психических феноменов скрыта совершенно другая, более глубокая, реальность, содержащая возможность порождения всех феноменов «продуктного» уровня. А Н. Бор считал, что квантовая механика является полностью завершенной теорией, и поэтому у него не возникало мысли о существовании более глубокой реальности, в которой, кстати, можно было бы найти ответы на сомнения, появившиеся у А. Эйнштейна в связи с копенгагенской интерпретацией квантовой механики. Дело в том, что, по мнению А. Эйнштейна, «нельзя допустить, что квантовая физика относится только к акту наблюдения. Физик должен предполагать в своей науке, что он изучает мир, который создал не он сам и который существовал бы также без него и в основном точно таким же» [Гейзенберг, 1963, с. 116]. Как правильно замечает В. Гейзенберг, это «...возврат к старой материалистической онтологии» (там же). И далее приведем фрагмент ответа В. Гейзенберга: «...всякое высказывание о том, что на самом деле происходит или произошло, является высказыванием, использующим понятия классической физики. Оно по самой своей природе вследствие законов термодинамики и соотношения неопределенностей оказывается неполным в отношении тех деталей атомных процессов, о которых в данном случае идет речь. Требование, что следует описывать и то, что в квантовомеханическом процессе происходит в промежутке между двумя следующими друг за другом наблюдениями, является *contradictio in adjecto* (противоречием в определении – Р.Н.), так как слово «описывать» имеет отношение только к применению классических понятий, тогда как эти понятия не могут быть

применены в промежутках между двумя наблюдениями. Они могут применяться только в момент наблюдения» (там же). То есть и В. Гейзенберг, и А.И. Миракян в своих стремлениях проникнуть в сущность процесса столкнулись с одними и теми же ограничениями: с одной стороны – неадекватность применения результатов непосредственного наблюдения, которые описывались в понятиях традиционных наук (физики и психологии), для объяснения самого процесса, а с другой – рамки мировоззрения материалистической онтологии.

Что же собой являет материалистическая онтология относительно психических явлений? Это представление о мире, состоящем из отдельных объектов, наделенных определенными качествами и свойствами, которые и отражает человек, согласно принципу адекватности. Качества и свойства объектов считаются объективными, независящими от субъекта, характеристиками. Однако сразу же заметим, что здесь совершается незамеченная произвольная подмена объективного субъективным – результатами психического отражения. И несмотря на это, далее в материалистической онтологии делается утверждение, что эти свойства являются неизменными характеристиками объекта и должны существовать и при отсутствии человека. Такое положение вещей было вполне приемлемым при изучении высших уровней развития психического, где эта подмена не играла принципиальной роли. По инерции мышления, такая подмена совершалась и при изучении закономерностей процесса отражения: свойства объектов, как их «объективные» характеристики (с точки зрения материалистической онтологии), также использовались в качестве исходных данных исследования. А так как с самого начала была произвольно совершена подмена объективного субъективным (результатами отражения), то получалось, что при изучении закономерностей психического отражения исследования были направлены от субъективного к объективному (то есть, к иссле-

дваемым закономерностям и принципам реального процесса отражения). Поэтому требование материализма идти от объективного к субъективному, от внешнего к внутреннему изначально является ошибочным и иллюзорным в случае, если речь идет о традиционном подходе изучения закономерностей психического отражения, так как в этом случае нарушается логика описания процесса отражения и его перехода в результат.

Более подходящими для изучения проблем психического отражения, на наш взгляд, являются идеи, развиваемые в философии по линии Беркли-Кант-Шопенгауэр. Дж. Беркли полагал, что объекты действительности – это комплексы наших ощущений, и поэтому, хотя и признавал реальное существование природы, но не смог объяснить, что в таком случае она из себя представляет. Однако заслуга Дж. Беркли в том, что он принципиально отказался приписывать внешнему миру то, что рождалось внутри человека, одновременно смутно намекая на то, что кроме комплексов ощущений, есть еще и другой мир. И. Кант уже обозначил этот другой не проявленный мир, мир ноуменов, являющийся причиной наших ощущений, как «вещь в себе», тем самым четко обозначив еще одну реальность, скрытую за гранью наших ощущений и представлений, метафизическая природа которой не вызывает сомнения. Но вместе с тем, И. Кант был агностиком и не признавал возможность познания этой реальности, как «вещи в себе». И, наконец, А. Шопенгауэр, считавший И. Канта своим учителем, принимая в целом его взгляды, все же, в отличие от Канта, предложил свой путь познания «вещи в себе» – скрытой реальности, сделав это в чисто восточной традиции. «Мы – не только познающий субъект, – пишет А. Шопенгауэр, – но и сами относимся к познаваемым существам как вещь в себе, и, следовательно, путь к подлинной и внутренней сущности вещей, в которую мы не можем проникнуть извне, для нас открыт изнутри – словно подземный ход или тайный доступ изменой сразу

вводит нас в крепость, совершенно неприступную для внешнего натиска. Вещь в себе как таковая может достигнуть сознания лишь непосредственно тем, что она сама начинает сознавать себя: пытаться понять ее объективно равносильно требованию чего-то противоречивого. Все объективное есть представление и, следовательно, – явление, т.е. просто феномен мозга» [Шопенгауэр, 2005, с. 288-289].

Ненаблюдаемая элементарная частица или процесс психического отражения как природное явление – примеры «вещи в себе», потому что они недоступны непосредственному восприятию и к ним нельзя применить той базы понятий, которая сформировалась в классической физике или психологии. Для решения проблем психического отражения А.И. Миракян пошел по пути, соответствующему шопенгауэровскому, и именно поэтому, на данном этапе развития концепции А.И. Миракяна, принципы реальности, предложенные им, могли быть только теоретико-гипотетическими. А физики копенгагенской школы, находясь после вопросов А. Эйнштейна в той же научно-проблемной ситуации, не считали необходимым внесение дальнейших существенных изменений в свою теорию, несмотря на то, что в высказываниях А. Эйнштейна был тонкий намек на существование более глубокой реальности, чем реальность Бора.

Этот намек был воспринят Д. Бомом, коллегой А. Эйнштейна, которого не удовлетворяла копенгагенская интерпретация квантовой механики. Формат работы не позволяет представить подробное описание подхода Д. Бома, поэтому изложим основные его идеи. Это необходимо, потому что с Д. Бома начинается формирование новой «субквантовой» парадигмы в физике, которая, как мы думаем, более близка к афизикальной парадигме А.И. Миракяна, чем «квантовая».

Д. Бом начал с предположения о том, что за пределами борвской реальности существует более глубокая реальность, исходя из которого можно объяснить появление и динамику час-

тиц в квантовой реальности. В отличие от представлений классической науки, по одной из гипотез Д. Бома, в субквантовой реальности поведение частей определяется целым, то есть целое постулируется как первичная реальность [Талбот, 2004, с. 30]. Если теперь обратиться к реальности Миракяна, то нетрудно увидеть, что эта гипотеза Д. Бома совпадает с первой ее особенностью (см. выше).

О следующей особенности реальности Бома, связанной с локальностью, М. Талбот пишет: «На уровне нашего обычного опыта вещи обладают вполне конкретной локализацией, однако в интерпретации Бома на субквантовом уровне... локализация отсутствует. Все точки пространства становятся единым, и говорить о пространственном разделении уже бессмысленно. Физики называют такое свойство пространства «нелокальностью» (там же). Точно также в концепции А.И. Миракяна пространственная разделенность объектов или, другими словами, их локализация является выделенным отражением свойством объекта воспринятой реальности, а «нелокальности» в реальности Миракяна соответствует ее «глобальность», также являющаяся характеристикой реальности до отражения. Приведем еще одну цитату из книги М. Талбота: «Одно из самых революционных предположений Бома заключается в том, что наша осязаемая повседневная реальность на самом деле – всего лишь иллюзия... Под ней находится более глубокий порядок бытия – беспредельный изначальный уровень реальности, – из которого рождаются все объекты и, в том числе, видимость нашего физического мира... Бом называет этот глубинный уровень реальности *имплицитивным* (то есть «скрытым») порядком, в то время как наш собственный уровень существования он определяет как эксплицитивный, или раскрытый порядок» (там же, с. 33). Как видим, понятия «порождающая возможность реальности», «реальность отсутствующего», «реальность присутствующего», «единое», «глобальность», употребляемые А.И. Миракяном, по смыслу совпадают

с соответствующими понятиями Д. Бом. А это означает, что, несмотря на определенные различия их теорий, у обоих исследователей речь идет об одной и той же реальности. Однако самым замечательным в этой ситуации является то, что Д. Бом и А.И. Миракян – физик и психолог – каждый в своей области, независимо друг от друга, подошли к изучению и решению одной и той же фундаментальной проблемы – определению особенностей глубинных уровней мироздания, где заложены возможности порождения не только материальных частиц и процессов, но и психического отражения.

Таким образом, концепция психического отражения А.И. Миракяна, предлагая новую методологию изучения психического, вместе с тем выходит за пределы психологии и, имея отношение к глубинным общеприродным «явлениям», претендует на роль метанаучной теории. И в связи с этим уместно упомянуть прогноз, сделанный В.И. Пановым в самом начале XXI века на «Круглом столе» журнала «Вопросы психологии», относительно перспектив развития психологии: «Проникновение в собственную природу психики как одной из форм бытия позволит... произвести методологическую революцию в способах естественнонаучного познания в физике и других «точных» науках», и далее уточняет: «...должен будет произойти методологический перенос принципов изучения и формопорождения психической реальности на изучение других видов реальностей природного бытия, например, реальностей микромира и мегамира (физика)...» [Панов, 2000, с. 12].

Еще раз уточним, что цель проделанного выше сравнительного анализа заключалась в том, чтобы дать более глубокое и полное представление об особенностях Реальности-1.

Реальность-2 – это, прежде всего, то, что получается в *результате* восприятия, поэтому о ней можно говорить как о «реальности открытых глаз» [Ермошин, 1999.]. И тут же напрашивается контраналогия: «реальность закрытых глаз»

(там же), о которой мы до сих пор не говорили. Но она представляет собой совершенно иную реальность, которую мы обозначим как Реальность-3.

Реальность-3 – это реальность, порождаемая внутренними репрезентативными системами. К Реальности-3 относятся внутренние образы всех модальностей, внутренний диалог и сновидения. В современной психологии имеется несколько равнозначных терминов для обозначения психических образов. Говоря об одной и той же группе образов, например, о воображаемых картинах, одни авторы называют их психическими образами, другие – мысленными образами (Косслин, 2011), третьи – вторичными [Гостев, 2001] или воображаемыми образами [Сартр, 2001], иногда даже появляются сочетания – ментальные образы, или психологические образы.

Всем известно, насколько необычными могут быть сновидения, но даже при бодрствующем и нормальном состоянии сознания эта реальность сохраняет свою необычность, и не каждый человек имеет представление о ней.

Реальность-3 не копирует Реальность-2, она может быть алогичной и неестественной, с точки зрения Реальности-2. Реальность-3 хорошо известна тем, кто занимался сновидениями, визуализациями, и в частности специалистам, использующим субмодальные техники НЛП. Одно из фундаментальных открытий НЛП заключается в том, что существует связь между характером переживаний человека и структурой субмодальностей образов репрезентативных систем. Эта связь выражается в том, что изменение структуры образа влечет за собой изменение переживания, что используется во многих техниках для работы с фобиями, психологическими травмами и расстройствами.

При открытых глазах Реальность-3 обычно не осознается. Но, если попросить человека сконцентрировать свое внимание на образах воспоминаний, представлений или воображения, то

в этом случае Реальность-3 становится доступной сознанию, часто поражая своих «творцов» фантастичностью образов и/или «сюжета» (особенно при сильных переживаниях). Приведем пример проявления Реальности-3 из книги К. Андреас и С. Андреас, где говорится о множестве случаев из практики применения методов НЛП. В приведенной цитате речь идет о женщине, у которой страх выступления перед аудиторией: «Закройте глаза и вновь представьте, что вы стоите перед аудиторией. Обратите внимание: может быть, вы что-то мысленно говорите, может быть, у вас возникают какие-либо внутренние образы. ...Постарайтесь присмотреться к аудитории, замечаете ли вы что-нибудь необычайное в глазах людей?»

Поскольку я уже до этого имел дело с людьми, боящимися аудитории, я знал, что подобный страх возникает из-за того, что человек представляет, как на него смотрят, как о нем судят, какими кажутся глаза и лица людей.

Через некоторое время Джоан слегка вздрогнула и сказала: «О, какие же у них картонные глаза! И все эти пустые глаза, лишенные всякого выражения, пристально смотрят на меня!»

Если вы представите себя на месте Джоан и увидите перед собой зал, полный пустых глаз, вам легко будет понять, почему она испытывала такое напряжение и не ощущала контакта с аудиторией!» [Андреас, Андреас, 1997, с. 4].

Многочисленные случаи из практики НЛП и соматопсихотерапии [Ермошин, 1999] показывают, какими порой необычными, алогичными, неестественными и фантастическими способами могут быть закодированы чувства, реакции и поведение человека в структуре внутренних образов, составляющих пространство Реальности-3. И, тем не менее, какими бы неестественными ни были эти внутренние образы, они реально существуют для человека: он видит их своим внутренним взором. Поэтому Реальность-3 можно назвать *реально-виртуальной*.

Для практики фундаментальное значение имеет то, что, во-первых, внутренние образы могут осознаваться, во-вторых, сознательное *произвольное* изменение структуры внутренних образов, приведение их к «нормальному» виду, изменяет и корректирует патологическую реакцию. Это означает, что на восприятие человеком травмирующего объекта (человека или ситуации) откорректированные внутренние образы Реальности-3 оказывают непосредственное воздействие, несмотря на то, что он (объект) остается без изменения. На аналогичное перцептивное событие, но в общепсихологическом контексте, указывает и П. Колерс: «Как подсказывает наша интуиция, мы часто не знаем, что мы видим, пока не узнаем, на что мы смотрим; иными словами, идентификация предшествует распознаванию» [Колерс, 1970, с. 16-87]. Работа с внутренними образами в психокоррекционной ситуации состоит в создании полезных (предпочитаемых) образов с целью будущей идентификации распознаваемого образа с уже откорректированным, в чем и заключается идея и смысл терапевтического воздействия при работе с внутренними образами. В этом ракурсе внутренние образы можно также рассматривать как «следы памяти, хранящиеся в нервной системе» и тогда, согласно И. Року: «...сказать, что след определяет восприятие, означает сказать, что след выбирается до возникновения восприятия» [Рок, 1980, с. 51]. Такого же мнения придерживается и У. Липпман, который утверждает, что «мы вообразаем многие вещи, прежде, чем мы приобретаем опыт взаимодействия с ними. И эти «преконцепции»... глубоко управляют процессами восприятия» [Lippman, 1965, p. 19]. Все вышесказанное подтверждает значимость внутренних, намеренно созданных образов для эффективного регулирования эмоционально-поведенческой сферы человека.

Одним из характерных отличий Реальности-3 от Реальности-2 состоит в том, что представление (воображение) ситуации

в Реальности-3 может быть либо *ассоциированным*, либо *диссоциированным*. При ассоциированном представлении человек «видит» ситуацию изнутри себя, как бы своими глазами так, как это обычно имеет место в Реальности-2 (в этом случае человек, естественно, не видит своих глаз и своего лица). При диссоциированном представлении человек «видит» ситуацию и самого себя в этой ситуации, как сторонний наблюдатель, чего не бывает в Реальности-2. В этом случае человек может «увидеть» свои глаза, лицо, спину и т.д., в зависимости от точки наблюдения (ракурса), которую, кстати, можно выбрать *произвольно*. Практика показывает, что в эмоциональном отношении ассоциированные и диссоциированные репрезентации отличаются друг от друга: при ассоциированном представлении ощущения и переживания бывают по качеству такими, как в момент первого переживания и даже сильнее, чем при диссоциированном. Кроме того, разные степени диссоциирования могут вызвать разные по силе и качеству переживания. Эта особенность Реальности-3 используется, например, в технике визуально-кинестетической диссоциации (НЛП) при работе с сильными психологическими травмами.

Реальность-3 существенно отличается от Реальности-2 и в отношении ко времени. Если Реальность-2 связана только с настоящим, то в Реальности-3 можно свободно перемещаться во времени, поэтому каждый человек внутри себя имеет свою линию времени, описанную в книге [Андреас, Андреас, 1999], благодаря чему возможно отличить прошлое, настоящее и будущее друг от друга. Эта особенность Реальности-3, в частности, используется в НЛП для осуществления техник «изменения личностной истории» и «подстройки к будущему», применение которых приводит к реальным изменениям негативных переживаний прошлого и нацеливанию человека на желаемое будущее, где он испытывает действие своих ресурсных качеств.

В некоторых случаях может произойти как произвольное, так и непроизвольное объединение Реальности-2 с образами воображения Реальности-3, и тогда в Реальности-2 возникают галлюцинации, псевдообъекты, то есть объекты воображения, материально не детерминированные Реальностью-1. И, наоборот, при фрагментарной потере возможности переноса образов Реальности-3 в Реальность-2 могут появиться отрицательные галлюцинации, когда не воспринимается реально присутствующий объект.

Систематическое описание и изучение Реальности-3 началось сравнительно недавно в психоанализе, трансперсональной и онтопсихологии при анализе сновидений и образов, появляющихся в измененных состояниях сознания, а также в нейролингвистическом программировании при исследовании структур внутренних репрезентаций. Однако в этой области еще предстоит большая теоретическая и экспериментальная работа.

В образах Реальности-3 с большой очевидностью проявляется наличие еще одной реальности – реальности нашего бессознательного, которую мы обозначим как Реальность-4. Эта реальность так же не осознаваема, как и Реальность-1. Мы не знаем, что собой представляет Реальность-4, но ее следы можно увидеть в структуре и содержании образов Реальности-3, которые, в свою очередь, влияют на переживания и поведение человека в Реальности-2. Воздействие Реальности-4 на Реальность-3 бывает особенно наглядным в случаях психологических травм. Так, например, в нашей психотерапевтической практике одна молодая женщина, сильно переживающая неудачную операцию своего носа, не видела его на своем лице при закрытых глазах. На языке психоанализа это определяется как «вытеснение» травмирующего события из сферы сознания, а в Реальности-3 это вытеснение выражается не в забывании, а в исключении из образа «травмированных» частей. Когда же

ее просили представить себя такой, какой она была год назад, она видела свой нос. Точно так же молодой человек не видел свое тело ниже пояса. Как потом выяснилось, именно эта часть тела оказалась под обломками здания во время Спитакского землетрясения. Другой пример, люди с комплексом неполноценности часто не видят своего лица. Видят голову, но бровей, глаз, носа, губ и щек не видят, а люди, отвергающие себя, нередко вместо себя видят лишь силуэт своего тела. Эти же люди в условиях Реальности-2, при открытых глазах, например, глядя на себя в зеркало, нормально воспринимают все детали своего тела. Однако, как только они закрывают глаза и попадают в Реальность-3, в тот же момент становится очевидным воздействие Реальности-4 на субмодальную структуру образов «вытесненных» страхов или психологических травм и других сильных эмоциональных переживаний (может быть, и позитивных).

Мы не будем заниматься описанием проявлений Реальности-4 – в этом направлении много сделано З. Фрейдом (2000), К. Юнгом (1997), А. Менегетти (2004) и их последователями (хотя, надо признать, что в этой области еще есть много «белых пятен»). Нас больше интересует, как взаимодействуют эти Реальности, каким образом они влияют и переходят друг в друга. Например, из (неосознаваемой) Реальности-1, взаимодействующей с воспринимающими (отражательными) системами человека, процесс чего так же не осознается и находится в Реальности-1, порождается (осознаваемая) Реальность-2, на которую одновременно оказывает воздействие Реальность-3. Можем ли мы сказать, что нечто аналогичное происходит при переходе от (неосознаваемой) Реальности-4 к (осознаваемой) Реальности-3? Если да, тогда нужно искать соответствующий процесс порождения и порождающую систему, в которой происходит этот процесс. Это позволит, в частности, понять природу репрезентативных систем.

Причем можно предположить, что эти две порождающие системы будут одинаковыми по функции и принципам действия, но разными по структуре и качеству своего существования и организации.

Или другой пример. Рассуждая о воображении, К.Г. Юнг пишет: «Мы должны рассматривать эти процессы не как нематериальные фантомы, которые удобно считать картинками фантазии, но как что-то материальное, телесное, «тонкое (трудно уловимое) тело», полудуховное по своей природе. Во времена, когда еще не существовала эмпирическая психология, должно было проявиться подобное овеществление, ибо бессознательное в активном состоянии проецируется на материю – так сказать, *обращается к человеку снаружи* (подчеркнуто нами – Р.Н.). Это гибридный феномен, наполовину духовный, наполовину физический... Таким образом, воображение есть концентрация жизненных сил, физических и духовных» [Юнг, 1997, с. 290-291]. В приведенной цитате К.Г. Юнг, хотя и не уточняет, что он понимает под физическим, ставит важный фундаментальный вопрос о субстанциональности процесса воображения и, следовательно, психических явлений вообще, о котором традиционная психология просто умалчивает, довольствуясь постулированием наличия психических явлений и идеальной (нематериальной) формы их существования.

Отметим, что вопрос о субстанциональности поднимал и С.Л. Рубинштейн в своем труде «Человек и мир». По этому поводу он писал: «...необходим переход от категории отношения к категории сущности и субстанции и от внешних отношений к внутренним, субстанциональным отношениям» [Рубинштейн, 1976, с. 279]. Однако этот вопрос остался не разработанным и «ждет» своих исследователей.

Обсуждая проблему наличия в психике материального и духовного, К.Г. Юнг пишет: «...в те времена не было различения типа «или-или», но существовала промежуточная об-

ласть между разумом и материей, т.е. психическая область тонких тел, чьи свойства проявляли себя как в ментальной, так и в материальной форме... Очевидно, существование такой промежуточной области приводит к внезапной преграде в тот момент, когда мы пытаемся изучить *материю саму по себе, вне всяких проекций*; и эта промежуточная область остается несуществующей, пока мы верим, что знаем что-нибудь определенное о материи или о психэ. Но, когда физик прикасается к «нетронутой, недоступной области», а психолог вынужден согласиться с фактом существования иной формы личного бессознательного – другими словами, когда психология слишком близко приближается к непроницаемой тьме, тогда промежуточная область тонких тел оживает вновь, а психическое и физическое еще раз сливаются в неразличимом единстве. Сегодня мы подошли очень близко к этому решающему моменту» (там же).

Эти юнговские слова, похожие на поразительное пророчество, означают следующее. Продвигаясь из Реальности-2 все дальше и глубже, навстречу Реальности-1, когда физик максимально приближается к «нетронутой, недоступной области», обнаруживается «промежуточная область тонких тел», обладающих качествами психического (Юнг, вероятно, имел в виду явления квантовой реальности). И такая же «промежуточная область тонких тел» обнаружится при переходе от Реальности-3 к Реальности-4. А это и означает объединение, слияние (но – не отождествление) Реальности-1 и Реальности-4. То есть загадку психического, его «пробуждения» в человеке, и бессознательного в том числе, можно решить двумя путями – и через психологию, и через физику. Поэтому мы согласны с мнением К.Г. Юнга о том, что «эта необычайная встреча атомной физики с психологией имеет для последней неопределимое преимущество, потому что она доносит до нас предчувствие возможности какой-то архимедовой точки для психологии.

Ведь микрофизический мир атома обнаруживает черты, чье родство с психическим бросается в глаза даже физику. Здесь выявляется, очевидно, по крайней мере, в виде намека, возможность «реконструкции» психического процесса в совершенно другой среде, а именно в среде микрофизики материала» [Юнг, 1997, с. 300].

Таким образом, объединяются два класса явлений, считавшиеся несовместимыми противоположностями, – физические и психические, и в нашем представлении о Вселенной восстанавливается целостность и неразрывное единство всех существующих в ней явлений.

Вероятно, настанет время, когда у психолога и физика будет один и тот же объект исследования, и понятие «психофизика», введенное в психологию в XIX веке Г. Фехнером, наконец-то приобретет свое естественное и истинное значение – как науки, исследующей психические проявления глубинных природных (физических) явлений. На уровне человеческого бытия, когда психическое и физическое кажутся разделенными, следы этого психофизического единства обнаруживаются в возможности воздействия психического на тело (физическое), и наоборот.

Современные данные квантовой механики, физики элементарных частиц и физики вакуума близки к подтверждению этих идей [Менский, 2011]. И хотя мировое научное сообщество неоднозначно воспринимает результаты исследований, приведенных в работах (Гроф, 2001; Тихоплав, 2002) и др, тем не менее, само наличие дискуссий вокруг этих исследований говорит о наступлении времени кардинальных перемен в понимании устройства мира.

Вместе с тем, К.Г. Юнг полагает, что «эта промежуточная область остается несуществующей, пока мы верим, что *знаем что-нибудь определенное* (подчеркнуто нами – Р.Н.) о материи или о психе», подтверждая этим мысль, что невозможно понять и изучить «корневую» сущность психического («...об-

ласть тонких тел, чьи свойства проявляли себя как в ментальной, так и в материальной форме...»), оставаясь в рамках гносеологической парадигмы, то есть через продукты отражения.

Преодоление этого ограничения, возможно, связано с поиском и обнаружением *альтернативных* способов психического отражения явлений природы, которые могли бы привести к новым формам ее познания, о чем пойдет речь в следующем разделе.

3.5. Альтернативные возможности психического отражения реальности

Некоторые альтернативные возможности психического отражения реальности обнаруживаются уже при одновременном рассмотрении всех четырех Реальностей с точки зрения возможностей познания.

Вектор традиционно-научного пути познания связан с тем способом психического отражения, которое направлено от Реальности-2 к Реальности-1 через постоянное усложнение и совершенствование технических устройств, усиливающих возможности человеческих систем отражения – электронные микроскопы и радиотелескопы, ускорители элементарных частиц и камеры Вильсона, спектрографы, электроэнцефалографы и т.д. Это физический (овеществленный) путь познания, характерный для западной цивилизации. Однако выше уже указывалось, что любая отражательная система, какой бы сложной она ни была, дает представление не о мире, а об определенной модели мира, то есть о разновидности Реальности-2. Поэтому можно лишь предположить, что прогресс в этом направлении заключается в получении все более точных, близких к описанию Реальности-1, моделей мира. При этом условия, обеспечивающие и стимулирующие этот прогресс, находятся вне человека, в постоянно развивающихся технических средствах

познания. Поэтому этот прогресс очевиден, осязаем и обзриваем. И, к тому же, он выгоден человеку, потому что дает, вместе с остальной частью технического прогресса, возможность создания все более и более комфортных условий для жизнедеятельности, правда, за счет нарушения экологии окружающей среды.

Объектом и целью изучения этого направления являются *отдельные* проявления природы (объекты, явления, процессы) и человек, как часть природы, чем и обуславливается пространственно-временной характер научного познания микро-, мезо- и макро-объектов в глубинах атома, живого вещества, обычной жизни человека и космоса. В основе научного пути познания лежит процесс психического отражения, направленный на постоянное дробление, поиск и изучение все более «простых» элементарных частей целого, из которых затем стремятся воссоздать это же целое. Поэтому этот путь можно охарактеризовать как дискретно-аналитический.

Другой путь познания, как следствие другого способа психического отражения, – это путь от Реальности-3 к Реальности-4, посредством вполне осознанного развития психических возможностей, предназначенных для восприятия и получения информации из области бессознательного. «Психическое отражение» (похожее, скорее всего, на непосредственное получение информации) реальности при этом происходит через «духовный» путь познания, характерный для восточной цивилизации. Прогресс в этом направлении обусловлен увеличением возможностей самопознания, все большим углублением в свой внутренний мир, развитием репрезентативных систем и формированием новых психических средств порождения, которыми не обладает нормально развитый («среднестатистический») человек, и установлением прямого непосредственного контакта с бессознательным. Феномены *развитого психического*, как новые формы психического отражения реальности,

обуславливают новые возможности человека воздействовать и получать информацию – экстрасенсорные способности, телекинез, ясновидение и т.д. Кроме того, более подробное знакомство с философией Востока показывает, что там имеются достаточно глубокие знания о развитии Вселенной и человека, которые были получены на пути духовного (психического) развития при приближении познающего к области бессознательного. Аналогичные примеры можно привести и из обыденной жизни. Так, например, общеизвестны случаи великих предсказаний, открытий, «творения» стихов и музыки, совершаемых во сне, которые отличаются своей *целостностью и завершенностью* (в противоположность научному, дискретно-аналитическому, способу, где целостность и завершенность являются целью заключительного этапа познания).

Кроме того, прорыв в область бессознательного возможен и в бодрствующем состоянии, когда человек находится в Реальности-2. Такие состояния в психологии известны под названием «инсайт» или «озарение», когда человек совершенно неожиданно получает решение своей проблемы («эврика!»). Состояния «озарения» свойственны талантливым и гениальным людям, и не случайно о них часто говорят, как о людях рассеянных и «не от мира сего», что может означать «отключенность» их от Реальности-2. В таких состояниях сознание человека ориентировано не на Реальность-2 (хотя в подсознание продолжает поступать информация из Реальности-2), а направлено в сторону Реальности-4 и отражает информацию, «пришедшую» оттуда. Но, если эти состояния являются результатом произвольных, случайных и спонтанных вторжений в область бессознательного, то можно себе представить насколько возрастет эффективность познания, если этот процесс, как следствие другого способа психического отражения, сделать управляемым. Опыт познания мира, накопленный в течение многих тысячелетий в восточной цивилизации (Тибет,

Индия, Китай), показывает, что такой альтернативный способ психического отражения реальности возможен [Петренко, Кучеренко, 2007].

Новые средства порождения психического отражения, как проявления *развитого психического*, находятся внутри человека. Они не очевидны, не осязаемы, их невозможно непосредственно наблюдать и воссоздавать по собственному желанию (в отличие от познания при помощи технических средств, усиливающих возможности восприятия человека), и поэтому эти новые средства порождения «психического отражения» вполне обоснованно можно определить как метафизические. Видимо, по этой причине их «окрестили» аномальными или паранормальными, а области знания, изучающие эти явления – паранауками, к числу которых относятся, например, парапсихология и оккультизм. Отметим, кстати, что в «Советском энциклопедическом словаре» об отношении оккультизма к науке написано: «В целом оккультизм противоположен научному мышлению» [Советский..., 1989, с.934]. Этот вывод вытекает и из вышеизложенного. Действительно, путь от Реальности-2 к Реальности-1 и путь от Реальности-3 к Реальности-4 противоположны, однако к этой «противоположности» применимы слова выдающегося физика Н. Бора о том, что «противоположности не противоречивы, а взаимодополнительны». Это альтернативные пути, ведущие к познанию объединенной Реальности-(1-4).

В настоящее время доминирует первый путь познания, когда психическое отражение «обслуживает» восприятие Реальности-2. Однако есть и немало адептов второго направления во всем мире, особенно, на Востоке. Это обуславливает процесс интеграции Востока и Запада, который становится все более и более интенсивным, приводит к тому, что на Востоке начинают успешно использовать и развивать высокие производственные технологии, а на Западе – уникальные методы духов-

ного и психического развития. И этот процесс перекрестного заимствования способов познания может привести к формированию третьего альтернативного способа психического отражения реальности, возможность которого изначально заложена в человеке.

Третий альтернативный путь – это путь познания, который может быть реализован в ближайшем будущем, представляет собой синтез двух первых – овеществленного (материального) и духовного (психического, без использования каких-либо дополнительных средств отражения). С одной стороны, прогрессирующая миниатюризация сложнейших средств получения и обработки информации, в конечном итоге, приведет к их сращиванию с нервной системой человека, тем самым многократно преумножая возможности психического отражения Реальности-2 и имплицитно содержащейся в ней Реальности-1. С другой стороны, способность произвольного формирования структур и феноменов *развитого психического* (и психического отражения, в частности) многократно увеличит возможности познания Реальности-4. Таким образом, если при научном познании сознание ориентировано на изучение Реальности-1 и направлено во вне, а при «паранаучном» познании – на изучение Реальности-4 и направлено во внутрь, то в третьем альтернативном случае сознание синхронно «работает» в обоих направлениях. Вероятно, это наиболее гармоничный и эффективный вариант. Сознание такого человека будет получать и синтезировать два потока информации, качественно отличающихся, но взаимодополняющих друг друга, что может привести к значительному продвижению в понимании Реальности-(1-4). Можно предположить, что в таком случае характер *взаимодействия* человека с внешним и внутренним миром, а также характер осознаваемой им информации и глубина познания реальностей, в которых он существует, изменится настолько, что можно будет говорить о возникновении качественно ново-

го, более совершенного типа человека. Но, чтобы достигнуть таких результатов, необходимы существенные изменения в мировоззрении людей, для чего уже сегодня есть определенные предпосылки. Ст. Гроф в своей замечательной работе пишет: «Западная наука приближается к сдвигу парадигмы невиданных размеров, из-за которого изменятся наши понятия о реальности и человеческой природе, который соединит, наконец, концептуальным мостом древнюю мудрость и современную науку, примирит восточную духовность с западным прагматизмом» [Гроф, 2001, с. 33].

Эти и подобные им вопросы требуют дальнейших теоретических и экспериментальных исследований.

Таким образом, подводя итог выше изложенному, коротко отметим основные моменты:

1. Вне человека существовала, существует и будет существовать реальность, которую мы обозначили как Реальность-1.

2. Реальность-1 непосредственно не воспринимается человеком. Она воспринимается опосредованно, через порожденные психикой человека образы и ощущения, *качества* которых (важно не путать с количеством) не имеют ничего общего с Реальностью-1.

3. Реальность, осознаваемая человеком и обозначенная нами как Реальность-2, создана им же, его психикой. Она детерминирована Реальностью-1.

4. Между Реальностью-2 и Реальностью-1 нет качественной адекватности. Можно говорить лишь о разных степенях неадекватности, которая зависит от особенностей отражательной системы, что видно из сравнительного анализа органов восприятия разных представителей животного мира.

5. Каждое живое существо и человек в их числе, как отдельная и уникальная отражательная система, по-своему создает Реальность-2, поэтому можно говорить о бесконечном числе

Реальностей-2, в чем и состоит смысл психологического релятивизма реальности.

6. Совместное использование понятий «образ» и «отражение» уместно тогда, когда они рассматриваются в контексте наличия сознания. Поэтому и принцип адекватности может быть обоснованным лишь в системе «порожденный психикой продукт – сознание», но не в системе «действительность (или природа) – порожденный психикой продукт». *Значение сознания в современных концепциях восприятия явно недооценивается.*

7. Человек осознает также образы и ощущения, порожденные внутренними репрезентативными системами, что образуют Реальность-3, и следы воздействия бессознательного. Область бессознательного обозначена как Реальность-4.

8. Реальность-1 и Реальность-4 составляют нетождественное единство, подобно двум разным проявлениям одного и того же явления.

9. Возможны три пути познания: научный (от Реальности-2 к Реальности-1), паранаучный (от Реальности-3 к Реальности-4) и путь *целостного* познания, объединяющий два первых.

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ «МИРА» С «ОБРАЗОМ МИРА»

4.1. Отождествления в мышлении ребенка и первобытного человека

Понятие «модель мира», подробно рассмотренное нами выше и в ранее опубликованных статьях [Нагдян, 2005, 2005а], смысл которого можно выразить лаконичной формулой А. Кожибского (Korzybski, 1993/1994): «Карта – не территория», указывает на то, что человек всегда имеет дело не с реальностью, а с созданной им моделью реальности. Причем обычно человек не осознает, что воспринимаемый им мир – это еще не реальность, а его модель или образ этой реальности, и, таким образом, отождествляет свою модель с реальностью.

Как же можно объяснить причину такого отождествления, когда человек отождествляет образ мира с самим миром и считает, что ощущения адекватно отражают свойства объектов действительности, что действительность, независимо от наблюдателя, такова, какой она воспринимается? Причина в психологических особенностях мышления людей вообще и самих исследователей, в частности, и подобного типа явления хорошо известны и описаны в психологической литературе.

Феномены отождествления чаще проявляются тогда, когда человек стоит перед трудными и порою неразрешимыми задачами. Именно поэтому они впервые были обнаружены А. Валлоном в мышлении ребенка, Л. Леви-Брюлем (1927), Б.Ф. Поршневым (1974) и др. у людей примитивных цивилизаций и первобытных людей, К.Г. Юнгом – в особенностях мышления алхимиков средневековья.

В качестве примера отождествления приведем фрагмент экспериментальной беседы А. Валлона с детьми, заимствованный нами из работы О.М. Тутунджяна [Тутунджян, 1966, с. 168]:

«Л.6:0. – Что такое дождь? – Дождь – это ветер. – Значит, дождь и ветер одинаковы? – Нет. – Что такое дождь? – Дождь – это когда есть гром. – А что такое ветер? – Это дождь. – Значит это одно и то же? – Нет, неодинаково – Что неодинаково? – Ветер. – Что такое ветер? – Это небо».

Из приведенного фрагмента видно, что познание или понимание ребенком окружающей действительности происходит путем отождествления двух разных понятий, когда они приобретают одно и то же значение («дождь – ветер», «ветер – небо», «ветер – дождь»). Эту особенность мышления А. Валлон назвал бинарными сочетаниями или парами. Основными свойствами детского мышления А. Валлон считает единство (идентификацию) и дифференциацию, причем идентификация составляет первичную формулу пары. Важно отметить, что из приведенного фрагмента также видно полностью неосознанное ребенком различие, которое тяготеет вновь к образованию пары. Поэтому пара – это в то же время дифференциация, потенциально заложенная в ней. «Идентификация и дифференциация – явления и противоположные и взаимодополняющие. Они существуют, взаимно исключая друг друга, потому что идентификация мнима, а дифференциация аморфна и неустойчива» (там же, с. 175). Таким образом, мышление ребенка изначально обладает свойством симметризации, способностью к отождествлению неодинаковых объектов, для чего необходимо наличие не менее двух объектов. Дальнейшее развитие мышления ребенка приводит к диссимметризации, к усилению дифференциации, то есть, перефразируя А. Валлона, можно сказать: единичному предшествует дуальность.

А. Валлоном и его последователями было выявлено много возможных разновидностей «пар». Среди них – «пары перцеп-

тивной идентификации», «пары созвучия», «пары контраста» и др. (Meyer, 1930; Ormian, 1926; Wallon, Evert-Chmielniski, 1951; Weir, 1962). А. Валлону также принадлежит идея о возможности существования «пар» в мышлении людей отсталых цивилизаций и первобытного человека.

Реконструктивные исследования по палеопсихологии позволили предположить, что первобытные люди обладали такой же бинарной структурой мышления, которая в плоскости исторического развития мышления была названа дипластией [Поршнева, 1974]. По мнению Б.Ф. Поршнева, возникновение дифференциации отношения к себе и отношения к другому, способствовало созданию условий для «отлета» ума от действительной жизни путем создания многочисленных табу [Поршнева, 1974, с. 460]. «Удаление» от действительности привело к депривации, лишению организма нормальных реакций на раздражители из внешней среды, которая первоначально выражалась как запреты прикосновения, запреты восприятия или «глядения» на что-либо. Однако, несмотря на широкое распространение первоначальных табу, «...неизбежно образовывались исключения во времени, в круге особей и предметов, в территории. Отбор и характер этих исключений – уже зачатки культуры» (там же, с.463).

В качестве подтверждения, Б.Ф. Поршнева приводит примеры из палеолитического искусства. Анализируя изображения огня, крови, зубов хищников, морских раковин, женские статуэтки, Б.Ф. Поршнева приходит к выводу, что «...все это как бы разные транскрипции одной и той же категории «нельзя», «не можно», однако преобразованные в «а все-таки трогаем» (там же). Нарушение депривации выразилось, следовательно, в создании подобий – внешнего удвоения.

Таким образом, не только наименование в речи, но и произведения, творения рук первобытных людей не были обобщениями, а были «двойниками», «портретами» индивидуальных

особей или конкретных предметов и вещей. То есть в дипластии «...два явления явно различные, исключаящие друг друга, в то же время отождествлены. Они образуют пару – ту самую, которую А. Валлон для онтогенеза называет бинарной структурой» (там же, с.468).

Важно подчеркнуть, что дипластия – это не смешение, когда человек принимает два объекта за один и тот же – тогда бы не было удвоения. Дипластия – такая операция ума первобытного человека, которая совершается между двумя предметами или представлениями, если налицо: 1) очевидное их различие или независимое бытие и 2) сходство или слияние. Если нет ни того, ни другого хоть в какой-то степени – отождествление невозможно. Сказанное означает, что мы имеем дело с явлением симметрии, где в качестве операции симметрии выступает специфическое мыслительное преобразование – бинарное сочетание или дипластия [Нагдян, 2005б].

По Б.Ф. Поршневу, этому тождеству отвечала какая-то эмотивная реакция (фактор симметрии – Р.Н.), «склеивающая» несоединимое, которая находила подкрепление только при наличии двух противоречащих друг другу раздражителей. Причем эта эмотивная реакция носила весьма универсальный характер: конкретные дипластии могли быть бесконечно разнообразными, но существенно только то, что это – дипластия. И лишь дальнейшая эволюция приводит к поляризации эмоций на положительные и отрицательные, их расчленению и дальнейшей нюансировке. В дипластии потенциально заложены две другие операции ума, одновременно противоположные и дополняющие друг друга. Это сериация и классификация. Действительно, в предельном случае «пара» может состоять из двух очень похожих явлений, так что члены этой «пары» могут быть взаимозаменяемы, а это и есть предпосылка к построению серии. В первобытном, как и в детском мышлении, сериация проявляется в виде повторения какого-либо изобразитель-

ного знака, действия, жеста, звука, на основе которого развивается ритм и орнамент. Классификация также образуется из дипластии, члены которой, наоборот, максимально противоположны. Это уже операция деления, которая в простейшем случае приводит к разграничению на «то» и «не то», на «да» и «нет», на два явления, которые ничего общего между собой не имеют. Вот это и есть зародыш той операции ума, которая в своем развитии уже противоположна дипластии и называется дихотомией, то есть делением надвое [Поршнев, 1966, с. 188].

Изучение этого вопроса с позиций принципа симметрии привело нас к мысли, что явления бинарных сочетаний, дипластии и других видов отождествлений, с потенциально заложенными в них возможностями дифференциации, перехода к единичному или образованию дихотомий, уходят своими корнями далеко вглубь природы и проступают в виде одного из многообразных выражений ее фундаментальной закономерности – антисимметрии [Нагдян, 2005б].

Дипластия в ходе эволюции не исчезла. Как было уже сказано выше, она проявляется на определенной стадии развития мышления ребенка в виде основного способа познания действительности, а в мышлении взрослого человека дипластия проявляется там, где строгие правила логического суждения оказываются или бессмысленными, или ненужными. Это сфера фантазии или творчества, где может происходить мысленное или воображаемое сравнение признаков разных объектов, создание искусственных подобий и удвоение объектов, установление несуществующей связи между объектами – все то, что характеризует дипластия, как дологическую операцию мышления. Наиболее ярко это проявляется в поэтическом мышлении, когда отождествляются совершенно разные явления, порождая метафоры и сравнения: «женщина – прекрасный цветок», «жизнь – свеча», «голос – ручей», «страсть – огонь» и т.д. Причем вероятно, надо верить в искреннюю

убежденность поэта в том, что созданные им внутренне противоречивые тождества – реальны, так как части этих пар объединяются в нерасчленимое единое в третьем – в их эмоциональном переживании. Другими словами, дологическая операция мышления характеризуется, как абсурд, и существует, благодаря выполнению условия: $A=B$, A тождественно равно B [Поршнев, 1974].

4.2. Отождествления в мышлении алхимика средневековья и ученого

Схожие феномены были выявлены К.Г. Юнгом при изучении деятельности и особенностей мышления алхимиков средневековья [Юнг, 2003]. Для К.Г. Юнга одной из величайших загадок в образе мышления алхимиков было то, что свойства и качества химических веществ отождествлялись со свойствами души и психических состояний или со свойствами других тел. Так, например, К.Г. Юнг подробно описывает, как у разных авторов и в разных контекстах соль отождествляется со светом, с Тартаром большого мира, с морем Тифона, с морским чудовищем Левиафаном, со слезой Крона, с добром и злом, с горечью и печалью, с самой Премудростью и т.п. [Юнг, 2003, с. 234-246]. Причину подобных отождествлений К.Г. Юнг видит в том, что «...химические вещества были настолько неизвестны им (алхимикам – Р.Н.), что становились носителями проекций. Тьма, окутывающая их, была так загружена бессознательным содержанием, что между ним и химическим веществом возникло состояние *participation mystique* (мистической сопричастности) или бессознательной идентичности, подобной, во всяком случае отчасти, бессознательным содержаниям» (там же, с. 243-244). Кстати, концепция мистической сопричастности взята К.Г. Юнгом из известных работ Л. Леви-Брюля [Леви-Брюль, 1927], потому что он видел сходство между образами мышления алхимиков, когда они пытались описывать и анали-

зировать свои исследования, и людей примитивных цивилизаций. Кроме того, «...философы были столь зачарованы собственным анимизмом, что наивно переносили на внешний мир внутреннее психическое состояние» (там же, с.235). Называя эти тождества «поразительными», К.Г. Юнг в то же время подчеркивает, что «...никогда у алхимиков не зарождалось и тени сомнения в правильности такого интеллектуального извращения. Мы, естественно, считаем, что такое могло произойти только в «темное» Средневековье» [Юнг, 2003, с. 464-465]. То есть всякая проекция – это не подверженное критике данное опыта, обладающее бессознательным тождеством с объектом. Если человеку удастся избавиться от иллюзорных проекций, «затмевающих реальное состояние вещей», бессознательное тождество (или идентичность) с объектом исчезает. «Психолог хорошо знаком с этим процессом, потому что очень важная часть психотерапевтической работы состоит в том, чтобы перевести в сознание и уничтожить те проекции, которые фальсифицируют взгляд человека на мир и препятствуют его самопознанию» (там же, с. 465).

Таким образом, если мы, благодаря нашему знанию о химических процессах, способны отличить их от процессов, происходящих в психике, то средневековые алхимики в той же ситуации видели не *двойственность*, а *идентичность*, соответственно контекстам образа мышления и способам познания мира того времени. Однако, в этой же работе, К.Г. Юнг отмечает, что от опасности совершать подобного рода отождествления, когда «...многие люди считают индивидуальное своеобразие общим достоянием» (там же, с. 465), не избавлены и его современники. Причем это свойственно не только людям, находящимся в ситуациях обыденного общения, но и ученым, решающим актуальные проблемы современной науки.

Иллюстрацией к заглавию данного раздела, касающегося решения научных проблем, может служить описание истории

развития представлений о психофизиологической проблеме за последние пятьдесят лет. Так как проблема отношения «сознание и мозг» подробно анализировалась в нужном нам контексте Д.И. Дубровским (1980), дальнейшее изложение опирается именно на эту работу.

В конце 50-х годов прошлого столетия в философии сформировалось направление, известное как «научный материализм», основной целью которого было дать *научное* объяснение отношениям между «ментальным» и «физическим», «сознанием» и «мозгом» с позиций радикального физикализма. В этих исследованиях обнаруживаются те же отождествления, о которых говорилось выше, что и было причиной их критики. Так, например, У. Плэйс в своей работе «Является ли сознание мозговым процессом?», выявляя логические условия отождествления «сознания» и «мозгового процесса», высказывает мнение о возможности и необходимости описания феноменов внутренней реальности в терминах мозговых процессов [Plase, 1969]. А.Г. Фейгл, в своей капитальной работе «Ментальное» и «физическое» [Feigl, 1958] продолжает и развивает идеи У. Плэйса. В частности, по Г. Фейглу, непосредственно переживаемые субъектом чувства, которые он называет «сырыми чувствами», доступны другим лишь опосредованно. Чтобы они были поняты другими, необходим их перевод на обыденный интересубъективный язык. И именно эти «сырые чувства», описанные на обыденном языке, имеют, согласно Г. Фейглу, статус «центральных состояний» и отождествляются им с мозговыми процессами. В силу этого концепция Г. Фейгла в дальнейшем получила название «теории тождества». В статье Дж. Смарта «Ощущение и мозговые процессы» [Smart, 1969], исходя из принципа тождества, обосновывается тезис: ощущение есть мозговой процесс; и защищается основная идея «научного материализма»: в мире нет ничего, кроме физических событий, и человек является не более, чем «физическим

механизмом». Эти же идеи Д. Армстронг вполне однозначно определяет следующим образом: «Человек есть материальный объект, не имеющий никаких свойств, кроме физических» [Armstrong, 1963, p.1].

Критика и отход от позиций радикального физикализма приводят к появлению новой формы отождествления, связывающей «ментальные состояния» не с материальными мозговыми процессами, а с соответствующими мозговыми *функциональными* эквивалентами. Так, например, А. Данто [Danto, 1973] «ментальное состояние» отождествляет с некоторыми мозговыми лингвистическими структурами, представляющими собой подобие знаковых систем. Эти знаковые системы, являясь физическими процессами, функционируют в соответствии с лингвистическими правилами, определяющими семантические отношения соответствующих мозговых конфигураций к явлениям внешнего мира [Danto, 1973.].

К. Хукер, показывая ограниченность подхода А. Данто, указывает на то, что «...мозг содержит огромное количество концептуализированной информации, не выразимой ни в каком естественном языке» [Hooker, 1975, p. 1.], и что психические процессы представлены в головном мозге не лингвистически, а информационными структурами. Таким образом, в своей работе К. Хукер отождествляет сознание с «информационными концептами» или «информационными структурами».

Довольно своеобразно к разрешению психофизиологической проблемы подходит Н.И. Чуприкова (1977). Стремясь разрешить психофизиологический парадокс (возможность порождения ощущений различных модальностей однородными нервными импульсами), Н.И. Чуприкова делает предположение, что «...многокачественная картина ощущений, восприятий и чувств» может быть порождена «...только в процессах внутринейронной обработки информации, в процессах их внутреннего химизма» [Чуприкова, 1977, с.43]. А психическое

отражение представляется как «...воспроизведение, воссоздание внешних объектов, построение их копий в материале мозгового субстрата, включая самую суть его как живого вещества – клеточный метаболизм» (там же, с. 46). Таким образом, психическое для Н.И. Чуприковой – это «...построение в их собственном материале, из самих себя копий того мира, который окружает живое существо, копии его собственного тела и интеграция этих двух копий как центральный момент организации приспособительных действий в среде» (там же, с.50).

Таким образом, из этого весьма краткого обзора видно, что были исследователи, которые без тени сомнения верили в то, что сознание – это мозговой субстрат или мозговой процесс; мозговые процессы, подчиняющиеся лингвистическим закономерностям; информационные концепты и копии объектов внешнего мира, воссоздаваемые внутринейронным субстратом мозга и т.д. Список подобного рода отождествлений можно продолжить, однако, приведенных примеров достаточно, чтобы подчеркнуть нашу основную идею: стремясь объяснить реальность, человек так или иначе производит отождествление отраженного (наблюдаемого) объекта с какой-то, созданной им же, теоретической моделью, которая осознается как реально существующее вне его явление.

4.3. Функция отождествления в эволюции психического отражения

В данном разделе мы не ставили перед собой цель дать критическую оценку истинности или ложности всех выше приведенных определений психики и сознания в виде их отождествления с другими явлениями (это гносеологическая задача). Эту оценку можно найти, например, в работах (Анциферова, 1974; Дубровский, 1980) и т.д. Отметим лишь, что, выражаясь словами Д.И. Дубровского, «подобные взгляды вряд ли заслуживают серьезного критического анализа: следствия, к

которым они приводят, абсурдны» [Дубровский, 1980, с. 132]. Вспомним, что Б.Ф. Поршнев подобные отождествления, проявляющиеся в «дологическом» мышлении первобытного человека (К.Г. Юнг в этих случаях предпочитает говорить об «иррациональном» мышлении), также называл их абсурдом, Л. Леви-Брюль – «мистической сопричастностью», а К.Г. Юнг – «интеллектуальным извращением».

Отождествление интересует нас само по себе как психическое явление, как процесс, обладающий потенциальной возможностью породить тождества. И в этом плане можно зафиксировать интересный результат: отождествление проявляется всегда и не зависит ни от исторической эпохи существования человека, ни от культуры, ни от языка, ни от возрастных периодов развития человека, ни от важности и глубины решаемых им задач. Это позволяет нам утверждать, что *отождествление является инвариантой мышления* и неотъемлемым свойством процесса психического отражения реальности, если учесть и то, что подобные отождествления, как было нами показано [Нагдян, 2003], происходят также на уровнях ощущений и восприятия. Причем в качестве психологической интерпретации явления отождествления К.Г. Юнг предлагает механизм бессознательного проецирования внутреннего содержания на внешние объекты и явления. В свою очередь, неосознаваемое отождествление, как следствие проецирования во вне результатов процессов восприятия и мышления (внутренние карты или модели реальности), приводит к устойчивости и абсолютизации этих результатов, имплицитно формируя нашу веру в то, что воспринятый нами мир и есть сама реальность.

Лингвистическая структура, в которой закрепляется результат отождествления, проста: А есть Б (или А является Б). Дальнейшее изучение этого А позволяет выяснить, что А и Б это не одно и то же, а весьма разные вещи, и вместо первого утверж-

дения выводится второе: А есть В. Только после появления второго утверждения или второго уровня отождествления, что то же самое, появляется возможность критической оценки предыдущего отождествления, которое теперь будет оцениваться как абсурд или интеллектуальное извращение. То есть в процессе познания действительности одна форма отождествления, разрушаясь («дифференциация» А. Валлона), сменяется другой формой отождествления, и этот процесс может продолжиться – А есть Г и т.д., что характерно для процесса познания в целом. (Кстати, А. Кожибским (1993) показана неправомерность применения формулировок типа «А есть Б», откуда и берет свое начало неаристотелевская парадигма мышления и познания).

Следовательно, можно говорить о двух взаимосвязанных формах проявления отождествления – как онтологического явления и как средства познания (здесь напрашивается аналогия с принципом симметрии). Ясно, что вопрос об истинности результатов отождествления относится лишь к его гносеологическому аспекту. Таким образом, лингвистическое определение (или выражение) отождествления превращало его в предмет логического анализа и маскировало его онтологическую сущность. А так как логический анализ, на новом витке познания, в цепочке отождествлений, выявлял абсурдность, в лучшем случае – ограниченность, предыдущих отождествлений, то они непременно рассматривались как неадекватные, с оттенком негативизма, и тем самым необходимость исследования феномена отождествления, как психического явления, оказывалась незамеченной и не актуальной.

Что же такое отождествление? Почему оно возникло? Чем определяется процесс его развития? В чем его предназначение в эволюции природы?

Чтобы понять сущность какого-либо явления, необходимо рассмотреть это явление в развитии, то есть с позиций его эво-

люции. Этим соображением и определяется характер дальнейшего изложения, связанного с попыткой раскрытия сущности отождествления.

Во все времена много говорилось о самопознании человека. Но, вероятно, правильнее говорить о «самопознании» природы, так как функционирование части (человека), сохраняя свою специфику, должно соответствовать закономерностям функционирования целого (природы). Это утверждение основано, в первую очередь, на идее о неразрывном единстве мира и человека, о котором В. Франкл писал: «Человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию» [Франкл, 1990, с. 29]. Такого же мнения придерживался и С.Л. Рубинштейн: «...не только мир существует в сознании..., но и сознание существует в мире, содержится в нем» [Рубинштейн, 1976, с. 20]. Эти высказывания, очевидно, означают, что человек и его сознание существуют, функционируют и развиваются не только согласно своим внутренним закономерностям, но также согласно закономерностям мира, в котором они существуют. Следовательно, человек (и его сознание) реализует определенную функцию и как онтологическое явление. Посредством человека, который является не только общественным существом, но и, в первую очередь, природным явлением, природа «смотрит» сама на себя и через человека «познает» саму себя. Об этом же писал Пьер Тейяр де Шарден: «В сознании каждого из нас эволюция замечает саму себя, осознавая себя... Этот весьма простой взгляд, который, я полагаю, станет для наших потомков таким же инстинктивным и привычным, как восприятие третьего измерения пространства ребенком, придает миру новое, исключительно систематическое освещение, идущее от нас» [Шарден, 2002, с. 176-177]. Поэтому можно предположить, что целевой функцией эволюции природы является самопознание, происходящее через самоотражение.

Но, чтобы отражение осуществилось, необходимо создание отношений между миром (или его фрагментом) и его образом, субъективно воспринимаемых как тождественные. Отождествление является фундаментальным свойством процесса психического отражения, необходимое для того, чтобы природа «увидела» сама себя.

Неосознаваемая потребность в перманентной реализации этого свойства психического отражения в процессе его эволюции привела к возникновению трех форм отражения действительности и к соответствующим формам сознания: науки, искусства и религии. То есть возможность появления этих форм сознания потенциально, в зачаточном виде, заложена уже в особенностях процесса психического отражения. Ведь иначе трудно объяснить только лишь эволюцией причины их появления и ответить на вопросы, каким образом они появились и для чего? Обратим, например, внимание на то, что и наука, и искусство существуют и развиваются путем создания моделей реальности как внешней, так и внутренней, представляющих собой «удвоение» или «двойников» объектов и явлений действительности. Особенно наглядно это проявляется в мышлении первобытных людей. Н.И. Дмитриева, изучая «творчество» первобытных людей, пишет: «Убивая глиняного зверя, они верили, что таким способом овладевают его живым «двойником». Надевая на себя звериные маски и исполняя «танец буйвола», считали, что это послужит призывом и привлечет буйволов в их края...

Это еще не было собственно религией, собственно искусством и собственно познавательной деятельностью (как мы теперь их понимаем), но было первоначальным синкретическим единством всех этих форм сознания» [Дмитриева, 1968, с. 14]. Этого мнения придерживаются многие исследователи мышления и творчества первобытных людей. Поэтому еще раз повторим ранее сделанное предположение, что возможность

появления искусства, религии и науки изначально потенциально заложена в свойствах и принципах психического отражения, и в первую очередь это касается функции отождествления. Одной из причин появления различия между научной и художественной формами мышления (сознания) может быть то, что наука развивается в сторону уменьшения доли субъективизма – «мистических сопричастностей» или «интеллектуальных извращений», а в искусстве все происходит наоборот – развитие определяется изменением качества «мистической сопричастности» или степени «интеллектуального извращения» (но, отнюдь, не их уменьшением). Возвращаясь к функции отождествления отметим, например, тот поразительный факт, что в основе создания произведений искусства: живописи, скульптуры, театра, кино, балета и т.д., лежит один и тот же принцип – принцип удвоения воспринимаемой действительности или представлений Художника, что и привело к формуле – искусство есть форма отражения действительности.

Почему именно этот принцип? В чем предназначение искусства и науки? С точки зрения человеческого бытия ответы хрестоматийные: для познания действительности, для удовлетворения эстетических и исследовательских потребностей. А зачем природа «наградила» человека такими потребностями? Опять же, с точки зрения человеческого бытия, – чтобы иметь возможность развиваться, совершенствоваться, лучше приспособляться к окружающей среде и решать вопросы эффективного выживания. И на этом обычно вопросы и ответы заканчиваются. Такие ответы мы получаем, когда «вырываем» человека из вселенского контекста, из контекста эволюции природы, что приводит к позиции дуализма (человек сам по себе, природа сама по себе), который чреват тупиковыми вопросами и проблемами. Поэтому, расширяя рамки нашего восприятия, рассмотрим не природу человека, то есть человека самого по себе и «для себя», а человека в природе, человека как части

природы и, не только «для себя», но и «для природы». Ведь развитие человека является частью эволюции природы, поэтому причины и принципы его развития должны соответствовать цели эволюции природы – отражения и познания самой себя. Однако имеем ли мы право говорить от имени природы? Это спорный вопрос. Одна из возможностей положительно ответить на этот вопрос заключается в том, что мы являемся частью природы, поэтому в какой-то мере мы можем говорить и за то целое, в котором создавались и формировались наши отражательные, а затем и познавательные способности. Тогда возникают другие вопросы: в чем предназначение науки и искусства (и религии) относительно эволюции природы? Какое значение для эволюции природы имеет их развитие человеком? Что означает с точки зрения эволюции природы развитие психических возможностей человека? На эти вопросы пока нет однозначных ответов. Но можно предположить, что в рассматриваемом контексте и наука, и искусство, и религия имеют одну общую точку соприкосновения. Они являются не только средствами познания, выполняя тем самым свои гносеологические функции, но также – средствами, *развивающими* психические возможности человека (то есть того, что их породило), без чего невозможна реализация целевой функции эволюции. Причем наука необходима для совершения перехода от менее совершенной модели мира к более совершенной, искусство – для создания возможностей совершения этих переходов, религия – для формирования представлений о существовании абсолютных ценностей, о пределе развития эволюции и самопознания природы, к которому необходимо стремиться.

4.4. Проецирование и отождествление в психическом отражении реальности

Рассмотрим возможный психологический механизм отождествления. Выше было сделано предположение о том, что

отождествление является принципом психического отражения. При помощи этого принципа природа «получает» возможность «вглядываться» в себя. Причиной создания возможности отождествления, по К.Г. Юнгу, является бессознательное проецирование внутреннего содержания во вне. Следовательно, форма проецирования определяет форму отождествления. Рассмотрим это отношение подробнее, опираясь на предложенную нами модель четырех Реальностей. Напомним лишь, что Реальность-1 (P-1) – это не отраженная, но воздействующая на человека реальность; Реальность-2 (P-2) – это отраженная и воспринимаемая человеком модель реальности, которую мы называем объективной действительностью; Реальность-3 (P-3) – это реальность наших внутренних состояний и качеств (образы, внутренний диалог, ценности, убеждения, эмоции, сновидения и т.д.); а Реальность-4 (P-4) – реальность бессознательного.

Согласно этой модели, в первом приближении, можно выделить три вида проецирования.

1. «Физическая» реальность P-1, воздействуя на человека и трансформируясь в процессе формопорождения, детерминирует появление неосознаваемого образа в P-3, который, проецируясь, обратно, на соответствующие события в P-1, приводит к «восприятию» событий P-1, как объектов P-2. Это и есть тот «препарированный» мир, который человек воспринимает и принимает за реальность. Коротко запишем:

$$P-1 \rightarrow P-3 \rightarrow P-1 \Rightarrow P-2$$

Напомним, что на P-3 оказывают воздействие не только P-1, но и P-4 – реальность бессознательного, в которой в неосознаваемой форме хранится весь опыт человека – сенсорный, социальный, архетипический, трансперсональный и т.д.

2. Не детерминированные стимулами внешней среды и сконструированные внутренними репрезентативными системами образы Р-3 проецируются в пространство Р-2. Это приводит к появлению в Р-2 мнимых феноменов (м.ф.), похожих на явления «ложной тревоги», известных из психофизики (в ситуациях обнаружения сигналов), и галлюцинаций:

Р-3 → пространство Р-2 ⇒ (м.ф.) Р-2

Этот случай особенно наглядно показывает реальность существования *внутренних образов*, независимых от воздействий внешней среды, и явления их *проецирования* во вне. Вместе с тем, в этих случаях более явным становится воздействие на образы Р-3 реальности бессознательного Р-4. Если образы Р-3 не проецируются в пространство Р-2, но присутствуют в сознании человека, то в этом случае можно говорить об образах воображения.

3. Проецирование образов Р-3 на объекты и материалы Р-2 (поведение людей, бумага, дерево, мрамор и т.д.) и их изменение соответственно содержанию этой проекции (процесс материализации внутренних образов), приводит к созданию искусственных объектов (и.о.) в Р-2. В частном случае, это могут быть объекты искусства. То есть:

Р-3 → материалы-объекты Р-2 ⇒ (и.о.) Р-2

Теперь рассмотрим соответствующие этим проекциям отождествления.

1. Объекты Р-2 неосознанно отождествляются с образами Р-3 и осознаются как существующие вне человека и независимо от него. Реальность Р-1 не осознается по той причине, что оказывается целиком закодированной (закрытой) структурой образов из Р-3, с чем и имеет дело сознание человека.

2. Мнимые объекты Р-2 отождествляются с как бы реально существующими объектами Р-2, субмодальная и семантическая структура которых задается образами и внутренним состоянием Р-3. Эта возможность психического отражения является предпосылкой и причиной порождения образов несуществующих в данный момент и в данном месте объектов. «Отрыв» человека от настоящего, от непосредственного воздействия окружающей действительности создает условия для порождения внутренних представлений о прошлом и будущем, что могло способствовать возникновению мифов, искусства, а в дальнейшем, и религии, в чьи образы люди верили так, как если бы они (мифические или религиозные персонажи и события) существовали на самом деле. Феномен «ложной тревоги» играет важную роль в психическом отражении, так как освобождает сознание человека от оков причинности, способствуя образованию нелинейных отношений или ассоциативных связей, и *делает возможным осознание бессознательного содержания, пришедшего из области Р-4*. Этот процесс можно назвать актом иллюзорного или виртуального творчества.

3. Искусственные объекты (и.о.)Р-2 отождествляются с соответствующими прототипами, существующими в Р-3, и наделяются семантическими значениями и смыслами, которыми обладают эти прототипы в Р-3.

Проиллюстрируем случаи 1 и 3 фрагментом из работы Р.А. Погосяна [Погосян, 2017, с. 247]. Приведем цитату полностью:

Одна из последних работ великого армянского художника М.Сарьяна называется: «Земля». Среди остальных в доме-музее художника эта картина ничем особенно не выделялась: ни выраженным сюжетом, ни характерными кисти художника сочными, яркими красками, опаленными армянским солнцем, на ней одни красочные волнообразные полосы, отдаленно напоми-

нающие цвета радуги. И больше ничего примечательного не было изображено на этом крохотном полотне.

Когда известный советский космонавт А. Леонов посетил дом-музей художника – Сарьян тогда уже был на склоне лет – и, увидев картину, космонавт был удивлен..., минуточку-другую не мог скрыть своего восхищения открытием: «...Мастер! А ведь Земля сверху точно такая же...!». Великий варплет цветовые гаммы Земли вывел совершенно иным «взором», иным способом, нежели это сделал Леонов, непосредственно наблюдая Земной шар, находясь над ним во Вселенной... В целом они оба пришли к одному и тому же..., но к истине ли?...

Риторический вопрос автор задает не с проста, под ней скрывается другой, философский, вопрос: «А такова ли реальность на самом деле?», в котором имеется в виду реальность без каких-либо проекций и отождествлений, то есть реальность Р-1. В терминах концепции четырех реальностей этот вопрос получает следующее объяснение. Мастер и Леонов рефлексируют разные реальности бытия. Мастер проецирует на холст образы воображения из реальности Р-3, получая в реальности Р-2 произведение искусства, а Леонов проецирует образы из реальности Р-3, полученные в результате формопорождения, обратно на реальность Р-1, что называется восприятием действительности или реальности Р-2. Таким образом и великий мастер, и космонавт Леонов были далеки от истины – описания реальности Р-1. Однако в этой ситуации достойно внимания и другое психологическое событие: как могло произойти совпадение результатов таких разных способов восприятия мира? Но решение этого вопроса выходит за рамки нашего исследования.

Таким образом, различие между проецированием и отождествлением состоит в том, что проецирование – это всегда «проецирование внутреннего во вне», а отождествление – это всегда «отождествление внешнего с внутренним». Это взаимосвязанные процессы, но условно можно выделить их последовательность: проецированием концептуально создается внешняя реальность Р-2, наделяя ее перцептивными компонентами, а затем благодаря отождествлению эта реальность осознается и включается в определенный смысловой контекст, соответствующий внутреннему опыту и состоянию субъекта. В первом случае мы имеем дело с представлениями, выраженными через модальности репрезентативных систем и их субмодальности, а во втором случае – с рефлексией этого «внешнего» в сочетании с ценностями, убеждениями, эмоциями, чувствами и т.д., выраженными через соответствующие лингвистические структуры.

Если под Р-2 подразумевать конкретного человека, его реакции и внешнее поведение (ВП) в ситуации, а под Р-3 – его же внутреннее состояние (ВС), включающее в себя чувства, мысли, убеждения, ценности и т.д., то из вышеприведенных формул можно вывести формулу М. Холла и Б. Боденхамера [Холл, Боденхамер, 2006, с. 110], современных разработчиков нейролингвистического программирования и нейросемантики, которая ими успешно применялась для анализа практических возможностей изменения сознания (смыслов и убеждений):

$$\text{ВП} \rightarrow \neq \text{ВС}$$

Вербально формула звучит следующим образом: «внешнее поведение причинно зависит, означает или равно внутреннему состоянию». То есть это уравнение кодирует смыслы каузальности, эквивалентности и тождества, используемые затем для вывода рамок (фреймов) отсчета, управляющих линиями соз-

нения человека, что может послужить основой для проведения изменений техниками рефрейминга.

Однако вернемся к нашей теме. Если вышеизложенное рассмотреть в контексте эволюции психического отражения, то можно сказать, что каждое живое существо задействует только ему свойственные проекции, соответственно возможностям своих отражательных систем. А благодаря последующему отождествлению природа начинает «воспринимать» себя так, как ее воспринимает каждый вид в эволюционном ряду живых существ, вплоть до человека, постепенно «делая» свой образ все более совершенным. Для человека это тот мир, который ему предстоит изучить, одновременно непрерывно создавая возможности для своего интеллектуального и духовного роста *посредством науки, искусства, религии и духовных практик*. То есть наука, искусство, религия и духовные практики являются не только инструментами познания, но одновременно и инструментами интеллектуально-духовного развития человека, которое, в свою очередь, расширяет его отражательные и познавательные возможности. И именно в этом мы видим их предназначение для реализации целевой функции природы (и человека, как части природы) – познания самой себя. Эволюция природы, развитие живых существ от низших видов к высшим – это этапы на пути направленного и непрерывного преобразования своего (природы) «собственного образа» от смутного и несовершенного до четкого и, в идеале, адекватного.

Изучая объекты Р-2, человек хочет проникнуть в их сущность и ответить на вопросы что это такое, как оно устроено? В конечном итоге, все сводится к одному вопросу: каков *на самом деле* окружающий нас мир и как он устроен. Из многочисленной научной литературы на эту тему видно, что в этом «на самом деле» скрыто страстное желание человека проникнуть за черту возможностей восприятия в неосознаваемые

реальности Р-1 и Р-4 и создать истинный образ Вселенной (в этом, одновременно, и целевая функция эволюции природы), по мере возможности, исключив свой собственный субъективизм. Это сфера, в частности, научного сознания, необходимого природе для познания и понимания самой себя. А в этом процессе существенную роль играют многократные отождествления осознаваемых феноменов с возможными моделями их описания и объяснения, приводящие ко все более совершенным и точным моделям реальности со все меньшей долей субъективизма – «мистических сопричастностей» и «интеллектуальных извращений».

Кроме того, отождествления выполняют еще одну важную функцию – они необходимы для «остановки» динамического и изменяющегося мира, фиксации момента отражения и придания ему определенного смысла, что обычно и делает человек сначала в субмодальностях восприятия, затем в понятиях, обозначающих ощущение, чувство или образ, и, наконец, при выборе фрейма восприятия, придающего определенный смысл и значение всему воспринятому.

ГЛАВА 5. ОТ ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ К ПСИХОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ

5.1. Постановка проблемы исследования

Основные мысли, изложенные в главе 3, не новы. Большой частью они уже были высказаны Джорджем Беркли. Мы лишь добавили представление о реальности, существующей до отражения, показали возможность психологического релятивизма воспринимаемой реальности и то, насколько плодотворны эти соображения для психотерапевтической практики, тем самым очертив контуры методологии трансформации эмоций и поведения человека. Кроме того, нами была предложена концепция о существовании человека одновременно в четырех реальностях – существующей до отражения, объективной (воспринимаемой, «внешней») реальности, реальности нашего внутреннего мира (ощущения, чувства, образы, представления и т.д.) и реальности бессознательного.

Однако, как будет показано ниже, именно эти новые моменты или «дополнения» послужили основанием для постановки вопроса об исследовании психологических причин противоборства между основными направлениями философии – материализмом и идеализмом, что привело к необходимости введения понятия «психология философии».

Можно сказать, что, если психология возникла из философии, то причиной возникновения философии и ее направлений была психология философов. Аналогичную мысль высказывает и Н.Н. Нечаев: «У меня глубокое внутреннее убеждение, что все области научного знания являются по сути дела своеобразными подотраслями психологии, так как данные любой науки – суть результат, средство и условия для осмысле-

ния Мира. Концепции современной математики или биологии – это, прежде всего, концепты современного математического или биологического мышления. Психологу должно стать ясно, что вся математика есть не что иное, как сложившиеся и складывающиеся способы математического мышления, не востребованные большинством человечества, что вся инженерия есть не что иное, как громадный арсенал способов инженерного мышления, и т.д. и т.п... Психолингвистика, пусть весьма поверхностно, это уже понимает, «психоматематики» или «психофизики» в указанном понимании еще не существует» [Неаев, 2000, с. 9]. Продолжая мысль Н.Н. Нечаева, можно сказать, что данное исследование есть попытка создания «психофилософии».

Необходимо отметить, что в психологической науке уже имеются исследования с подобными названиями. Так, в 1998 году издается учебник «Психология науки» [Аллахвердян, Мошкова, Юревич, Ярошевский, 1998]. На первый взгляд, кажется, что не должно быть особой разницы между психологией науки и психологией философии, так как психологию философии можно рассматривать как часть психологии науки, как одну из ее «проекций». Поэтому можно предположить, что психологические закономерности становления и развития науки в равной мере относятся и к философии. Однако дело в том, что некоторые методологические установки авторов данного учебника не вписываются в методологический «контекст» нашего исследования.

В этой работе большое внимание уделено исследованию таких вопросов как механизмы научного мышления, взаимосвязь рационального с иррациональным и подсознательным, закономерности коллективного творческого процесса, логико-психологические и социальные условия научных открытий, межличностные отношения ученых. И многие из этих вопросов рассматриваются через призму следующей установки: «утверж-

дение, что самое существенное в творческом процессе скрыто за порогом сознания, ничем не обогащает реального знания о продуктивном мышлении. Можно сколько угодно преклонять колени перед фактом неосознаваемости тех умственных операций, которые порождают творческий продукт, но это нисколько не продвинуло и не продвинет наше понимание процесса научного творчества» [Аллахвердян и др., 1998, с. 12]. То есть авторы, не отрицая факта значимости неосознаваемых процессов порождения продуктов научного творчества, тем не менее скептически относятся к необходимости исследования того, что «скрыто за порогом сознания». Между тем, как было показано в предыдущих разделах, психология начинается именно за порогом нашего сознания. А на поверхности мы имеем дело с психологическими фактами (даже если это нововывявленное знание), лишенных порождающей процессуальности, которые обрабатываются методами и концептами логики, лингвистики, социологии, культурологии или истории. Корни этой ограничивающей методологической установки заложены в том, как ими рассматривается отношение между продуктом творческой деятельности и процессом, приводящем к данному результату. Они пишут: «Результативная и процессуальная стороны творчества разделяются только в абстракции. Психология ставит акцент преимущественно на второй стороне, но, изучая ее, исходит из определенных представлений о природе эффекта, достигнутого, благодаря процессу» (там же, с. 13). Получается, что изучается процесс, но в качестве исходных данных для анализа процесса выступает «природа эффекта, достигнутого благодаря процессу». Это типичный образец продуктного подхода, применение которого, как показали исследования А.И. Миракяна (1999, 2004), не позволяет выявить принципы и закономерности процесса, в особенности, если речь идет о порождающем процессе, который неосознаваем. В таком случае, исследование процессуальной

сторона творчества, на которое «преимущественно ставит акцент психология», не достигает своей окончательной цели. Эти трудности, возникающие при применении продуктного подхода (или традиционного исследовательского образа мышления), вероятно, и составляют основу скептицизма относительно необходимости исследования порождающих процессов, «скрытых за порогом сознания», в подсознании.

Для авторов цитируемого учебника сложным для объяснения оказывается и другое психологическое явление, характерное для научного творчества. Стараясь объяснить механизм «инуитивных находок», они полагают, что «Естественнее объяснить эти случаи тем, что исследователь в силу своего предшествующего опыта или других обстоятельств нередко случайного характера, но непременно на фоне предельной сосредоточенности на решаемой им проблеме, сумел перейти с одной привычной логической колеи на другую» (там же, с. 12). Другими словами, в ситуациях «озарения», «инсайта» или «прозрения» исследователю каким-то непонятным для него самого и для изучающего его творческую деятельность психолога способом удается перейти «с одной привычной логической колеи на другую». Интересно отметить, что проблема, сформулированная в такой языковой форме «подсказывает» и соответствующее ее решение. То есть можно предположить, что имеются две системы логических рассуждений S_1 и S_2 и необходимо найти определенный оператор преобразования, переводящий систему S_1 в систему S_2 . Сказанное может служить примером компьютерного моделирования научного творчества. Но, естественно, в таком решении не будет ничего психологического – психическое изменение будет заменено логическим преобразованием, лишенном полифункциональной гибкости и вариативности естественного процесса творчества (таковы, обычно, последствия применения продуктного подхода). В качестве иллюстрации подобных переходов в творче-

ской деятельности авторы приводят следующий пример: «Геометрия Эвклида и геометрия Лобачевского построены на разных системах логических рассуждений, но обе – одинаково логичны. Другое дело, что ни сам исследователь, ни психолог, изучающий творческий процесс, не знают пока механизмов перехода с одной привычной колеи мысли на другую» (там же). Действительно, Евклид и Лобачевский – творческие люди, но система их логических рассуждений о геометрических свойствах пространства – разная. Причем, изучением систем логических рассуждений ученых, структуры, динамики и механизмов их научной деятельности невозможно объяснить или понять причины, детерминирующие процесс перехода на новую колею мысли, к новой системе рассуждений. В данном случае необходим ответ на вопрос: «какие психологические причины ответственны за разное восприятие пространства или, если взять более широко, одной и той же реальности». Ведь физическая реальность, относительно коорой рассматривались пространственные отношения, во времена Евклида и Лобачевского была одна и та же. Однако, продуктивный подход, исключающий возможность изучения неосознаваемых порождающих процессов, который реализуется авторами «Психологии науки», скорее всего, не будет способствовать решению этого вопроса.

Кроме психологии науки, в том же русле, А.В. Юревичем плодотворно разрабатывается круг проблем, под общим названием «психология методологии» [Юревич, 2005], который является частью «психологии науки», но уже ближе к «психологии философии». В своем исследовании А.В. Юревич опирается на современные тенденции в определении предмета методологического анализа науки. Имеется в виду, что кроме «когнитивной» составляющей научного познания необходимо учитывать и ее социально-психологическую сторону, то, что старалась элиминировать традиционная наука, и то, что соот-

ветствует современной постнеклассической рациональности [Степин, 1989; 2003]. Поэтому процесс познания природы представляется не как «беспристрастное "чтение книги природы", а находится под большим влиянием особенностей познающего субъекта» [Юревич, 1999, с. 5]. «Предмет методологического анализа науки, – пишет А.В. Юревич, – в том числе и любой конкретной научной дисциплины в этом случае выступает как *система взаимосвязанных когнитивных и социальных* (и психологических, по Юревичу, – Р.Н.) *ориентиров и факторов научного познания*, а подобным образом понимаемая методология может быть названа *социальной методологией*» [Юревич, 2005, с.16]. Именно с позиций социальной методологии, в контексте постнеклассической рациональности, рассмотрим парадоксальную ситуацию, возникающую на «территории» философии, при психологическом анализе творчества, противоположных по взглядам на мир, философов, и попытаемся определить психологические детерминанты, определяющие (и «снимающие») эти парадоксы.

На протяжении многих веков в философском описании воспринимаемого человеком мира существовало два основных подхода – материалистический и идеалистический. Они настолько противоречивы и противоположны в ответе на основные вопросы философии, что между некоторыми представителями этих направлений складывались отношения, доходящие до нескрываемой враждебности. И действительно, для материалиста мысль о том, что объекты природы – это комплексы или комбинации ощущений, является абсолютно абсурдной. А уверенность идеалиста в своем мировоззрении настолько непоколебима, что философ-материалист (если б он имел право) поднял бы вопрос о психологическом статусе своего оппонента. И наоборот, если представителю субъективного идеализма говорят, что существует материя, обладающая определенными качествами и свойствами, что психика и сознание

являются одним из свойств материи (функцией мозга), он не только будет возмущен, но сочтет к тому же носителя таких идей человеком глупейшим и опасным для всего человечества.

Так как мы не ставили перед собой цели решать философские проблемы, а нас интересовали психологические причины появления и существования таких разных по мировосприятию типов людей (материалистов и идеалистов), то в качестве объектов анализа мы выбрали рассуждения наиболее ярких (точнее, наиболее «крайних») представителей этих направлений, а именно: субъективного идеалиста (как это принято говорить) Дж. Беркли и его оппонента материалиста-марксиста В.И. Ленина.

Для начала приведем несколько примеров того, как они характеризуют друг друга. Так, В.И. Ленин, критически анализируя сочинения Э. Маха, сторонника берклианства, пишет: «...если он (Мах – Р.Н.) не признает, что «чувственным содержанием» является объективная, независимо от него существующая, реальность, то у него остается одно «голое абстрактное» Я, непременно большое и курсивом написанное Я=«сумасшедшее фортепиано», вообразившее, что оно одно существует на свете» [Ленин, 1931, с.34-35]. Приведем также пример того, как Дж. Беркли относится к мнению материалистов: «...отсюда очевидно, что само понятие о том, что называется *материей* или *телесной субстанцией*, включает в себе *противоречие* (выделено нами – Р.Н.). Это в такой мере ясно, что я не считаю необходимым тратить много времени на доказательство *нелепости* (выделено нами – Р.Н.) данного мнения» [Беркли, 1978, с. 175]. Итак, материалисты «противоречивы», говорят «нелепости», а во многих других местах указывается на их «странность». Или: «Все их *чудовищные* (выделено нами – Р.Н.) системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее (материи – Р.Н.), что раз будет удален этот краеугольный камень, – и все здание неминуемо

рухнет» (там же, с.213). Подобных примеров с обеих сторон можно привести достаточно много, что указывает на постоянство их непримиримого отношения к философским концепциям своих оппонентов. В то же время В.И. Ленин указывает на сложность этой борьбы, полагая (как и большинство материалистов), «...что недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, что не в теоретических аргументах тут дело» [Ленин, 1931, с. 28].

Тогда в чем же дело? Почему, существуя в одном и том же мире, независимо от времени и эпохи, два человека могут иметь столь разные, доходящие до противоположности, представления о нем? И, более того, каждый из них абсолютно убежден в истинности своих взглядов. Если посмотреть на эту ситуацию глазами нейтрального (в смысле отношения к философии) психолога, то один из этих философов настолько неадекватно отражает действительность, что его можно было бы принять за психически ненормального человека. Но история философии не подтверждает это предположение, поэтому вопрос о том, почему возможно столь разное восприятие одной и той же реальности разными людьми остается открытым. Ясно одно, что через анализ философских текстов и логических аргументаций мы не выявим причин этих различий.

5.2. О невозможности согласования оппозиционных мировоззренческих парадигм

Подходя к этой ситуации логически (теоретически), можно выделить три варианта.

1. Если прав материалист, то тогда надо признать существование вне и независимо от человека реальности, состоящей из объектов со своими свойствами и качествами, а проявления ощущений и образов – адекватными отражениями, копиями объектов и их свойств и т.д. Все строго должно укладываться в рамки материалистической парадигмы «материя

первична – сознание вторично». «Материализм, – пишет В.И. Ленин, – в полном соответствии с естествознанием берет за первичное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи» [Ленин, 1931, с. 37].

2. Если прав идеалист, то тогда надо признать, что вещи – это комплексы ощущений, которые существуют в нашем разуме (сознании) и то, что мы видим вне нас, – это отраженные в сознании идеи (по Беркли) или комплексы ощущений. Поэтому стоит нам закрыть глаза, и мир исчезнет. Однако Беркли с этим не соглашается: «Нам возражат..., – пишет он, – что мы упраздняем все телесные субстанции. На это я отвечу, если слово *субстанция* понимать в житейском (*vulgar*) смысле, т.е. как комбинацию чувственных качеств, протяженности, прочности, веса и т.п., то меня нельзя обвинять в их уничтожении. Но если слово субстанция понимать в философском смысле – как основу акциденций или качеств вне сознания – то тогда действительно я признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало» [Беркли, 1978, с. 187]. Отрицание существования материи, обладающей определенными свойствами, кажется настолько абсурдным с материалистической точки зрения, что напоминает бред сумасшедшего. Но весь парадокс и заключается в том, что ни Дж. Беркли, ни другие субъективные идеалисты не были сумасшедшими. В свою очередь, сам Дж. Беркли, как это было показано выше, считал понятие материи в философии материализма полнейшим абсурдом. Но материалисты тоже не были сумасшедшими.

Отсюда видно, что разрешение борьбы между материализмом и идеализмом не является только философской проблемой, и она, как нам кажется, в принципе не может быть разрешена с помощью одних философских рассуждений. Это тупик, о котором свидетельствует сама история философии, потому

что философы подходили к своим оппонентам лишь по-философски (иначе им и не нужно было) и не замечали в оппонентах (а не в их рассуждениях!) психологических парадоксов и психологических причин различия их взглядов на реальность. О философе, как о личности, судили по его философским конструкциям. А должно было быть наоборот: лишь только поняв, что такое философствующий субъект, как он порождает свою философию, как философия конкретного философа связана с состояниями осознаваемости мира, только после выяснения этих и подобных им психологических вопросов можно было бы адекватно понять причины возникновения представлений философа о мире и его устройстве. По этому поводу вспоминаются слова из книги М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание» (1997): «Философия сознания... – это гораздо больше о философе, чем о философии (включая его собственную)». И действительно, независимо от того, чью именно философию мы анализируем – материалиста или идеалиста, мы имеем дело, прежде всего, с его сознанием. Однако выяснение всего этого не входило в задачи философов, их интересовал лишь «когнитивный» аспект философии. Кроме того, ситуация усугублялась тем, что они часто имели дело с текстом, а не с человеком. А текст – это продукт сложнейшей психической деятельности, в котором сама эта деятельность не проявляется. В тексте застыл лишь «поверхностный» слой этого процесса, а между тем, «по ту сторону текста», недоступному читателю, скрываются вся психология его деятельности – особенности видения мира, истинные смыслы и значения употребляемых автором символов, метафор и номинализаций. И все это, естественно, не позволяло адекватно и исчерпывающе понять истинные представления автора-философа. Психологи также не могли решить (или осознать?) эту проблему, потому что к философствующей личности они подходили как уже стихийно сложившиеся материалисты или

идеалисты, поэтому психологические «парадоксы» и психологические причины возникновения той или иной философской концепции оставались незамеченными.

Из истории физики известно, что физики также сталкивались с абсурдами. Но эти абсурды чаще касались экспериментальных данных, которые не укладывались в рамки существующих физических теорий. Наиболее существенным «абсурдом» можно считать данные опытов Майкельсона-Морли, из которых следовало, что скорость света не может быть ни увеличена, ни уменьшена, что явно противоречило здравому смыслу, основанному на ньютоново-галилеевском мировоззрении, согласно которому скорость движущегося тела может быть уменьшена до нуля или увеличена до сколь угодно большой величины. Первым психологическим шагом для физиков был вопрос принятия этого факта. Можно было не принимать его и спокойно жить дальше, как поступала психология с фактами экстрасенсорных явлений, астрологии, магии, оккультизма и прочей «чепухи». Но можно было принять этот факт, что, однако, повлекло бы за собой необходимость пересмотра основных положений физики того времени. Создание новой физической теории (А. Эйнштейн) сопровождается другим важным психологическим событием – спонтанным изменением состояния сознания ученого, переводящее его (сознание) на другой уровень осознания реальности. Для этого уровня осознаваемости относительным (то есть зависящим от точки зрения наблюдателя) становится уже не только скорость и направление движения объекта, но также его пространственно-временные характеристики и масса, что уже выходит за пределы возможностей понимания и восприятия «среднестатистического» человека, обладающего «здоровым смыслом». Далее в истории физики происходит сдвиг научно-философской парадигмы, меняется и принимается за истинную, то есть осознается, совершенно другая картина мира. Однако еще раз

отметим наше предположение, что сдвиг парадигмы сопровождается изменением состояния сознания ученых, определяющего новый уровень осознания и восприятия мира.

3. Если признать, что реальность относительна и зависит от позиции восприятия наблюдателя (ученого), то тогда надо отбросить мысли об истине или истинности и начать думать о том, какая из позиций наилучшим образом отвечает требованиям разрешения научных (в том числе и психологических), практических и духовных проблем. Но тогда надо признать, что материалист осознает одну реальность, а идеалист – другую. Они живут в разных мирах и каждый из них считая истинным *своей* мир.

Одним из важных моментов в споре В.И. Ленина и Дж. Беркли был вопрос о возникновении ощущений. Согласно мнению В.И. Ленина, идеалисты ставят «...в вину материализму... нерешенность вопроса о том, откуда «возникают» ощущения» [Ленин, 1931, с. 36]. Что касается Дж. Беркли, то он сам не имел на этот вопрос научного ответа, поэтому обращался к Богу. В.И. Ленин, в той же цитате, на этот вопрос отвечает вопросом: «Разве какая-нибудь другая философская точка зрения «решает» вопрос, для решения которого собрано еще недостаточно данных» (там же). Из этого следует, что материалисты, не имея достаточных данных для решения этого вопроса, всего лишь верили и были убеждены, что ощущения (и сознание в том числе) *должны быть* свойством высокоорганизованной материи. Но уже в других местах это предполагаемое «должно быть» (являющееся следствием «недостаточности данных») опускалось и связке «ощущение – есть свойство материи» приписывался статус достоверного факта. То есть на один из самых главных вопросов (откуда возникают ощущения), который разрешил бы спор между материалистом и идеалистом, философия не имела достоверного ответа. И именно этот пробел в психологии, в исследованиях закономер-

ностей и принципов психического отражения, повлек за собой необходимость обращения к абсолютам, в одном случае – к материи, в другом – к Богу. Дж. Беркли так отмечает этот момент: «Я утверждаю так же, как и ты (имеется ввиду материалист Гилас – Р.Н.), что, раз мы испытываем воздействие извне, мы должны допустить силы извне – в бытии, отличном от нашего. В этих пределах мы сходимся. Но затем мы расходимся – относительно рода этого могучего бытия. Я считаю его духом, ты – материей или – я не знаю каким (я мог бы также добавить, ты не знаешь, каким) – третьим качеством» [Беркли, 1978, с. 334]. Таким образом, для материалистов (и идеалистов) начала XX века не было известно, откуда «возникают» ощущения. Прошло более ста лет со дня выхода в свет цитируемой книги В.И. Ленина... и, ради справедливости, надо отметить, что до сих пор неизвестно, откуда возникают ощущения *и все остальное психическое, включая сознание*.

К вопросу «откуда» следовало бы добавить еще два: «как» и «что». Вопрос «откуда» – философский, потому что он определяет отношение ощущений к остальному миру и предполагает возможность возникновения ощущений не только из материи, но, может быть, и еще откуда-то. Вопрос «как» или «каким образом» происходит это возникновение – это вопрос естествознания, то есть теоретико-экспериментальных исследований, в которых могут быть задействованы многие науки и психология в первую очередь. Вопрос «что», «что такое ощущение» – это и философский, и психологический вопрос. В особенности для психологии этот вопрос важен тем, что именно им определяется предмет психологии, онтология психических явлений. Несмотря на то, что эти три вопроса относятся к разным аспектам и уровням анализа проблемы ощущений (образов, чувств, сознания и т.д.), они взаимообуславливают друг друга и не могут быть решены по отдельности: то есть должны быть решены вместе, одновременно, но, к сожалению,

ни философия, ни психология до сих пор не могут ответить на эти вопросы. Из выше изложенного видна также теснейшая взаимозависимость между философией и психологией.

Введение представления о безобъектной реальности, существующей вне сознания человека и до ее восприятия, существенным образом меняет понимание рассуждений Беркли (а вслед за этим, субъективного идеализма) и В.И. Ленина (а значит, и материализма).

В.И. Ленин обвиняет Дж. Беркли в том, что он «...не только откровенничал насчет тенденций своей философии, а старался также прикрыть ее идеалистическую наготу, изобразить ее свободной от нелепостей и приемлемой для «здорового смысла», что он «инстинктивно» защищается «от обвинения в том, что теперь было бы названо субъективным идеализмом и солипсизмом» [Ленин, 1931, с. 22]. Нужно ли было Дж. Беркли «инстинктивно защищаться» от подобных обвинений, когда он сам часто говорил, что его философия не согласуется со «здравым смыслом толпы», то есть обыкновенных людей, не говоря уж о философах-материалистах?

Посмотрим, как «защищается» Дж. Беркли, обратившись к одной из вышеприведенных цитат: «Могут возразить, что согласно вышеприведенным принципам, все то, что реально и субстанционально в природе, изгоняется из мира и заменяется химерической схемой идей. Все существующие вещи существуют лишь в духе, т.е. только мыслимы. Во что же обратятся солнце, луна и звезды? Что должны мы думать о домах, горах, реках, деревьях, камнях, даже о наших собственных делах? Неужели это не более, как химеры или обманы воображения? Я отвечаю на это..., что, принимая вышеизложенные принципы, *мы не теряем ни одной вещи в природе...* (выделено нами – Р.Н.). Существует совокупность *rerum naturae* (природных вещей – Р.Н.), и различие между реальностями и химерами сохраняет полную свою силу..., но и те, и другие суще-

ствуют равным образом в духе и в этом смысле суть одинаково *идеи*» [Беркли, 1978, с. 186]. В.И. Ленин не верит словам Беркли, что «мы не теряем ни одной вещи в природе». Но даже если поверим, все равно, не освободимся от парадокса. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, природа есть, и она остается всегда такой, какой была (эту мысль Дж. Беркли должен был принять уже потому, что он был епископом и, очевидно, верил в сотворение мира, произошедшее, естественно, независимо от его воли и задолго до его рождения); с другой – реальность существования вещей означает их существование лишь в сознании в виде идей (образов, ощущений, чувств, представлений). Для критикующего материалиста такое противоречивое сочетание очень удобно, потому что первую часть парадокса можно принять за «инстинктивную защиту», то есть неправду, а вторую – за реальную позицию Дж. Беркли, и тогда парадокс исчезает, а он сам превращается в субъективного идеалиста. Но и для Дж. Беркли здесь, видимо, нет парадокса. Тогда каким образом он решил его внутри себя? Что он имел в виду под природой? Нам кажется, что Дж. Беркли не разрешил этот парадокс до конца, но интуитивно чувствовал его разгадку. В следующем параграфе цитируемого сочинения он пишет: «Я вовсе не оспариваю существования какой бы то ни было вещи, которую мы можем познавать посредством чувства или размышления. Что те вещи, которые я вижу своими глазами, трогаю своими руками, существуют, – реально существуют, в этом я несколько не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что *философы* называют материей или телесной субстанцией» (там же, с.186). То есть Дж. Беркли признает существование природы, но против материи, *какой* ее понимают материалисты. Для материалиста это совершенно не приемлемо: как можно быть против материи, но признавать существование природы. Далее Дж. Беркли поясняет, что понимается под материей или

телесной субстанцией: «Но если слово субстанция понимать в философском смысле – как основу акциденций или качеств (существующих) вне сознания, – то тогда действительно я признаю, что уничтожаю ее, если можно говорить об уничтожении того, что никогда не существовало, не существовало даже в воображении» (там же, с. 187). Значит, Беркли против существования вне сознания человека объектов, *наделенных качествами или свойствами*, ибо они (эти качества и свойства) могут существовать только в духе (в уме, в сознании), но, опять же, учтем то, что он, *в общем*, не был против существования природы. Но подобное сочетание приводит к тому, что, действительно, совершенно невозможно вообразить нечто, существующее вне человека (вне меня), которое не обладает ни цветом, ни звуком, ни вкусом, ни запахом, ни мягкостью или твердостью и т.д. Однако в сознании человека природа представлена в совокупности именно таких свойств и качеств, существующих лишь в его сознании. То есть сами воспринимаемые объекты «перестают существовать», *как образы сознания*, когда человек закрывает глаза, но, учитывая, что Беркли, тем не менее, верит в реальное существование природы, для разрешения этого парадокса ему необходимо было ввести представление о существовании безобъектной реальности (то, что мы назвали Реальностью-1), предшествующей реальности уже воспринятой и существующей вне сознания человека. Это открыло бы новые горизонты перед психологией в связи с необходимостью разработки новой методологии, обладающей возможностью показать, как из этой безобъектной реальности, при ее взаимодействии с субъектом, порождаются необходимые для функционирования человека объекты, воспринимаемые в совокупности их качеств и свойств: величины, формы, цвета, звука, запаха и т.д. Однако Дж. Беркли не сделал этого последнего шага, хотя и был близок к нему, а для материалистов не существовало ни такого понятия, ни

такой догадки (о безобъектной реальности). Поэтому, если дословно принять и Дж. Беркли, и В.И. Ленина, то получается, что они спорили не столько о том, есть материя или нет, а о том, что такое природа-вне-сознания человека. Для материалистов природа – это то, что есть вне человека и таким же образом отражается в его сознании, а для Беркли – это то, что есть вне человека, но без тех свойств и качеств, которые возникают и существуют лишь в сознании. Однако, несмотря на такое различие в понимании природы, в конечном счете, и материалист и идеалист в жизни видят (ощущают) одно и то же. Различие между ними заключается в качестве осознаваемости мира, в несхожести мироощущений и мировосприятий, что говорит о несоответствии их состояний сознания.

Кстати, если не поверить словам Дж. Беркли, что «...мы не теряем ни одной вещи в природе», как это сделал В.И. Ленин, то его действительно можно обвинить в солипсизме. Однако Дж. Беркли отрицает свою причастность к солипсизму: «Но какую бы власть я ни имел над своими мыслями, я нахожу, что идеи действительно воспринимаемые в ощущении (в отличие от идей воображения – Р.Н.), не находятся в такой же зависимости от моей воли. Когда я открываю глаза при полном дневном свете, то не от моей воли зависит выбрать между видением или невидением, а также определить, какие именно объекты представятся моему взгляду; то же самое относится к слуху и другим ощущениям: *запечатленные ими идеи не суть создания моей воли* (выделено нами – Р.Н.). Существует, следовательно, другая воля или другой дух, который производит их» (там же, с. 184). Как видно, Дж. Беркли не сторонник произвольно-волюнтаристского подхода к восприятию внешнего мира («когда я открываю глаза»), подчиняющегося формуле солипсизма: реальность такова, какой я хочу ее видеть. Но, с другой стороны, возникает уже знакомая ситуация, когда из-за «недостаточности данных», обращаются к абсолютам (или абстракциям).

Следовательно, для Дж. Беркли природа, мир существует, и существует независимо от *его* воли, однако без материальных объектов, *наделенных свойствами*, адекватными нашим ощущениям: таких объектов (точнее, таких качеств, которые мы приписываем объектам) в природе нет, они существуют лишь в нашем сознании.

Путаница возникает из-за *отождествления* двух совершенно разных понятий – мира вне человека и воспринятого мира. И если Дж. Беркли догадывался об их различии, но не сделал попыток более полно представить, что он понимает под природой, существующей вне человека, то материалисты, и В.И. Ленин в их числе, полностью находились в этом отождествлении, то есть не осознавали их различия.

Попытка подобного различения была предпринята А.Н. Леонтьевым. Разрабатывая вопросы философии психологии, в известной работе «Образ мира», А.Н. Леонтьев пишет: «Здесь я подхожу к труднейшему, можно сказать, критическому пункту опробываемого мною хода мысли...

Тезис этот состоит в том, что *мир в его отдаленности от субъекта амодален...* Выдвигая этот тезис, я исхожу из очень простого и, на мой взгляд, совершенно оправданного различения свойств двойного рода.

Один – это такие свойства неодушевленных вещей, которые обнаруживаются во взаимодействиях с вещами же (с «другими» вещами), т.е. во взаимодействии «объект – объект». Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии с вещами особого рода – с живыми чувствующими организмами, т.е. во взаимодействии «объект – субъект». Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств рецепирующих органов субъекта. В этом смысле они являются модальными, т.е. субъективными» [Леонтьев, 1983, с. 257]. И далее: «Итак, предметный мир, взятый как система только «объектно-объектных» связей (т.е. мир без животных, до

животных и человека), амодален. *Только при возникновении субъектно-объектных связей, взаимодействий возникают многообразные и к тому же меняющиеся от вида к виду-модальности»* (там же, с.258).

Таким образом, А.Н. Леонтьев дает четкое различие двух представлений о мире: при наличии в нем субъекта и без него. При наличии взаимодействующего с миром субъекта мир представлен субъекту в модальностях восприятия, без субъекта, когда отсутствует взаимодействие между субъектом и миром, – мир амодален. Но вспомним, что именно такой мир и имел в виду Дж. Беркли, когда говорил, что в природе (он признавал реальность существования природы) вне сознания человека не может быть субстанции, обладающей «акциденциями или качествами». Схожесть этих рассуждений позволяет предположить, почему А.Н. Леонтьев считал этот ход мыслей «труднейшим» и «критическим»: тезис об амодальности мира, существующего до человека, мог бы отвести исследователя в сторону от материализма, и, кроме того, невозможно амодально представить то, что человек и человечество всегда воспринимало в совокупности «совместных» модальностей – для этого у нас просто не хватит воображения. Однако, если сопоставить дальнейшие их рассуждения, то они резко, до противоположности, отличаются друг от друга. Если у Дж. Беркли модальные качества *возникают* в сознании человека и не принадлежат объекту, то у А.Н. Леонтьева модальные качества *обнаруживаются* субъектом как субъективные свойства объекта (субъективные, потому что зависят от «свойств рецепирующих органов субъекта»).

Из вышеприведенного тезиса А.Н. Леонтьева возникают и другие вопросы, которые требуют ответа, например, насколько правомерно говорить о *свойствах* вещей, обнаруживающихся в объектно-объектных отношениях, когда (если) нет субъекта? Или – как соотносятся понятия «амодальный» и «безобъект-

ный» и т.д. Мы не ставили перед собой цель дать подробный анализ этого тезиса, нам важно было показать, что, согласно А.Н. Леонтьеву, тот мир, который существует вне сознания человека и вне взаимодействия с ним и который был всегда и до человека – амодальный, а мир, при наличии взаимодействующего с ним человека, – такой, каким его воспринимает человек в совокупности разных модальностей. Одним словом, важно было показать, что реальность до отражения качественно отличается от реальности отраженной. С философской точки зрения – это не материализм, но и не идеализм. С психологической, причиной этих (леонтьевских) рассуждений является другой способ осознания мира, как следствие *другого состояния сознания*, отличного от состояний сознания материалиста и идеалиста, которые затем воплощаются в определенный ход мыслей.

Если вышесказанное перевести на язык четырех реальностей, то можно сказать, что сознание Дж. Беркли обращено к Реальности-3, к реальности внутренних образов (своих и других людей), а сознание материалистов обращено к Реальности-2 – той, которую мы называем объективной (объектной), существующей вне и «независимо» от нас, что и является для них (материалистов) реальностью, природой. Представления о Реальности-1, существующей вне сознания человека, еще не отраженной, не дает ни Дж. Беркли, хотя у него была догадка о ней, ни, тем более, материалисты. Это является следствием того, что не было четкого различия между понятиями «мир-в-себе» и «воспринятый мир». Что же не давало им возможности сделать это различие? Почему Дж. Беркли не смог дать четкого представления о способе существования природы вне человека? Почему В.И. Ленин полностью отрицает то, что вне сознания может быть иная реальность, отличная от уже отраженной?

«Постулаты запрета», которые необходимо учитывать при исследовании закономерностей процесса психического отра-

жения, выдвинутые А.И. Миракяном, позволяют ответить на эти вопросы. Анализ истории развития философско-методологических и естественнонаучных оснований выявления и исследования проблем непосредственно-чувственного отражения позволил А.И. Миракяну придти к следующим выводам: «Нельзя использовать 1) характеристики продуктов уже свершившихся процессов восприятия, 2) представления об изоморфности, адекватности и 3) способах абстрактно-логического построения отношений между непосредственными и опосредствованными образами и понятиями, относящимися к разным уровням психического отражения (выделенные цифрами в цитате выводы А.И. Миракяна мы и назвали «постулатами запрета» – Р.Н.)» [Миракян, 1990, с. 192].

А.И. Миракян убедительно показал, что как материалисты, так и идеалисты при анализе проблем психического отражения неизбежно допускали одну и ту же методологическую ошибку. Они не замечали, что исходными основаниями для анализа процесса непосредственно-чувственного отражения служили продукты уже свершившегося процесса восприятия, из которых затем невозможно вывести или реконструировать закономерности и принципы самого порождающего процесса восприятия. И если материалисты при этом опирались на данные о внешних объектах, их свойствах и отношениях между ними, то идеалисты опирались на идеи, образы и понятия, как отраженные в сознании, идеально-результативные данные. Но, если не замечали, значит – *не осознавали*, что имеют дело с продуктами отражения. А если они это не осознавали, следовательно, у них не могли возникнуть вопросы относительно мира или реальности, существующей до отражения. А как показал А.И. Миракян, представления о реальности, существующей до отражения субъектом мира, имеют важное значение для построения научной теории процесса психического отражения,

удовлетворяющей требованиям полифункциональности и гибкости естественного процесса отражения [Миракян, 1992].

Возвращаясь к цитируемой выше работе А.Н. Леонтьева, обратим внимание на то, каким образом там осуществляется переход от образа мира к миру «в его отдаленности от субъекта», то есть к миру до отражения. Действительно, в этой работе сначала речь идет об образе мира, осознаваемого с гносеологической позиции: «Мы действительно строим, но не Мир, а Образ... Образ более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный... иногда даже ложный...» [Леонтьев, 1983, с. 255], и только потом появляются рассуждения о мире до человека, но уже с онтологической позиции (об этом уже говорилось выше). Важно отметить, что этот переход от образа мира к рассуждениям о мире не совершается логическим путем, посредством последовательных умозаключений. Тогда откуда появилась идея об амодальности мира? Здесь происходит скачок мысли, который не мог быть осуществлен в процессе (научного) мышления, который всегда непрерывен. Для обсуждаемого случая непрерывность мышления могла привести либо к постулату изоморфности или адекватности, что характерно для материалистического образа мышления, либо к постулату о созидательном вмешательстве высших (внешних) или внутренних сил, характерному для идеалистического образа мышления, но к тезису об амодальности мира, как способу его существования до человека – нет. Поэтому, действительно, есть основания полагать, что такой скачок мысли является следствием перехода в другое состояние сознания.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, что основной психологической причиной неразрешимости проблемы противостояния между материализмом и идеализмом является несоответствие уровней и состояний сознания носителей этих двух философских концепций.

5.3. Зависимость сдвигов парадигм от изменений состояний сознания.

Основываясь на выше изложенном, состояние сознания можно характеризовать как психическое явление, которое меняется скачкообразно и обуславливает возникновение и особенности нового образа мышления и восприятия мира. По нашему мнению, именно состоянием сознания определяется мироощущение и мировосприятие человека, уровни и особенности осознания им мира. Мыслительная деятельность, с непрерывностью своего протекания, необходима как одно из условий (но не причина) для перехода в новое состояние сознания, но она также необходима как подготовительный этап к «инсайту» для осуществления квантового (дискретного) перехода, после которого начинается новый этап мышления в другой категориальной системе, с другим ощущением мира и своего места в нем, с другим отношением к миру, которые и характеризуют новое состояние сознания. На возможность подобных переходов, происходящих в медитативных состояниях, указывали такие известные психологи как В.В. Козлов (2005), В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко (2007). В данном контексте, речь идет не просто о переходе в новое состояние сознания, а об *определенном фундаментальном изменении состояния сознания*. Но подобные «парадигмальные» переходы в новое состояние сознания – явления редкие, и большинство людей проживают свою жизнь, оставаясь, сами того не замечая, в пределах одной какой-либо парадигмы, в одном особом состоянии сознания, определяющем эту парадигму. Из истории человечества можно привести множество примеров, указывающих на то, как разные состояния сознания определяли разные способы мышления и видения мира: язычник (идолопоклонник) и единобожец, атеист и верующий, материалист и идеалист; геоцентризм Птолемея и гелиоцентризм Коперника, понимание физической реальности Ньютоном и Эйнштейном,

корпускулярное и волновое представления мира, продуктное и афизикальное осознание психических явлений и т.д. Во всех перечисленных парах, имеем дело с разными состояниями сознания, которыми и определяются разные способы видения мира и мышления о нем. Из этого, в частности, следует, что материалист не принимает и не понимает идеалиста не потому, что один из них умный, а другой глупый, один психически здоровый, а другой психически больной, один прав, а другой неправ, а потому, что они находятся в разных состояниях сознания, что означает существование в разных реальностях, и законы одной реальности не действуют в другой.

Здесь мы вплотную подошли к новому научно-философскому подходу, именуемому виртуалистикой, где те же вопросы рассматриваются с точки зрения виртуальных реальностей. К вышеприведенным рассуждениям прямое отношение имеют следующие положения виртуалистики.

Во-первых, существуют виртуальные реальности, обладающие свойствами порожденности, актуальности, автономности и интерактивности. Причем виртуальная реальность порождается константной реальностью, и законы виртуальной реальности не сводимы к законам константной реальности, и наоборот, то есть в виртуалистике невозможен редукционизм.

Во-вторых, возможно существование множества онтологически равнозначных реальностей, что и характеризует принцип полионтизма в виртуалистике.

В-третьих, из принятого в виртуалистике принципа конструктивизма следует невозможность построения абсолютной картины мира, так как никакая из реальностей не может считаться «последней», «самой истинной», «абсолютной» и т.п. Поэтому любая задача, даже построение философии, «...становится решением относительной задачи, становится решением, обусловленным сознательным выбором человеком своего исходного положения в системе его мировоззрения» [Носов, 2001, с. 15].

Как видно из этих положений, в виртуалистике полностью отвергается моноонтичная парадигма, характерная для научного менталитета Нового и Новейшего времени.

Одной из главных особенностей монизма является представление о реальности, как об одноуровневом и однородном образовании. Н.А. Носов поясняет: «Одноуровневом – потому, что, сколько бы ни было видимых уровней, все они сводятся к конечной реально существующей сущности» [Носов, 2000, с. 26]. Добавим лишь, что это «реально существующее» относится к конкретным субъектам. То есть «...для современной науки и философии свойственно сводить мир к одной онтологической реальности: атомы, энергия, психика, дух и т.п.» (там же). Таким образом, отсюда следует, что именно отсутствие представления о полионтизме порождает противоречие между материалистом и идеалистом, так как каждый из них как за единственно возможную принимает «свою» реальность. И к тому же, так как вся совокупность компонентов мировоззрения человека составляет содержание его сознания, выраженное в продуктивно-результативной форме, то, с психологической точки зрения, материалист и идеалист находятся на разных уровнях и в разных состояниях сознания, и поэтому «другая» реальность для них остается полностью неосознаваемой.

Таким образом, мы попытались выявить психологические причины противоборства между материализмом и идеализмом, При этом, еще раз хотим подчеркнуть, что нас не интересовали вопросы, кто прав, кто ближе стоит к истине – это философские, гносеологические вопросы, это область философской рефлексии. С психологической же точки зрения, важно было определить то, чем обусловлены возможность и причины появления этого *различия* в отражении действительности. Для этого нам пришлось с общефилософского уровня перейти на уровень анализа отдельной личности, и тогда появилась возможность выявления различий на уровне индивидуального

сознания. Философы не замечали этих различий в собственной психологии, и поэтому в каждом отдельном случае из общей картины мира выпадал сам философствующий субъект (как объект и субъект отражения), что способствовало описанию мира в терминах аристотелевской логики: «это есть..», «является», «существует» и т.д. (приводящего к фрагментарности, локализованности и метафоричности рассматриваемых явлений); то есть, когда индивидуально-порожденное неосознанно выдавалось за реально существующее в действительности. И поэтому они могли безрезультатно спорить сколь угодно долго, защищая свои философские позиции. Как было показано выше, основную причину в появлении этого различия в отражении мира мы видим в наличии у представителей обсуждаемых направлений в философии различных состояний сознания, чем и определялось различие их образов мышления, воплотившиеся в соответствующие философские концепции. Здесь также важно отметить, что теоретическими аргументами и рассуждениями, то есть посредством мышления, невозможно было совершить переход из одного состояния сознания в другое (как, например, Евклид не смог бы из постулатов известной ему геометрии путем теоретических рассуждений вывести геометрию Лобачевского – для этого ему нужно было бы «оказаться» в другом состоянии сознания, обеспечивающем новое специфическое видение пространства), в чем, по нашему мнению, и была психологическая причина неразрешимости их спора. Нужен был переход на более высокий уровень сознания, определяющий новое состояние сознания, в котором новый образ мышления смог бы выявить более глубокие, то есть психологические, причины противоречия между материалистами и идеалистами. И, как показал психологический анализ, противоречия возникали из-за неосознавания того, что сопоставлялись и сравнивались закономерности и принципы,

относящиеся к разным реальностям. Выражаясь иначе, неразрешимыми противоречия делало то, что каждый из них был убежденным сторонником «своего» *монистического* подхода при понимании, описании и объяснении явлений мира. Поэтому кажется вполне допустимым, что осознание представлений о психологической относительности реальности и полионтизме приведет к снятию противоречий между материализмом и идеализмом, которые могут рассматриваться как предельные и равнозначные варианты обобщенной философской модели более сложной картины мира. Но показать это, на наш взгляд, уже является задачей философов.

ВЫВОДЫ К ЧАСТИ II

В части II с позиций метафизического подхода были представлены теоретические исследования некоторых актуальных проблем психического отражения реальности, рассматриваемого нами в широком плане – от порождения ощущений до построения картины мира. С этой целью сначала были рассмотрены вопросы адекватности психического отражения. Анализ показал, что «объекты» реальности не обладают свойствами модальностей восприятия, что психика сама наделяет их порожденными ею же свойствами и качествами. Этот анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Реальность до отражения, в которой существует человек, не обладает свойствами результатов психического отражения. Поэтому говорить об объектах вне или до отражения, *как это принято в традиционной психологии*, по крайней мере, не корректно, так как они являются результатами порождающего процесса восприятия.
2. Физические характеристики реальности до отражения являются детерминантами, определяющими причину и разнообразие порожденных психических свойств, качеств и отношений.

3. Все вышеперечисленное дает возможность введения в психологию метафизического понятия о безобъектной реальности, существующей до отражения независимо от человека.
4. Принятие представления о безобъектной реальности, существующей до отражения, приводит к потере смысла принципа адекватности психического отражения. Однако можно говорить о рефлексии, осознании (отражении в сознании) образа, порожденного психикой.
5. Поэтому вместо гносеологического соотношения «объект – субъект», используемого в традиционной психологии, в работе обосновывается необходимость принятия трехчленного соотношения «мир (безобъектная реальность) – порождающий процесс – образ (сознание)», имеющего онтологический смысл.
6. Отраженная реальность воспринимается как объективная, независимо от субъекта существующая реальность, то есть происходит отождествление «образа мира» с «миром». А так как образ мира зависит от структурно-процессуальной организации отражательной системы, то это означает, что, в психологическом смысле, реальность, воспринимаемая разными субъектами отражения (в широком смысле), относительна. В этом и состоит смысл, введенного нами понятия «принцип психологической относительности реальности».
7. Предлагается концепция «четырех реальностей», в которых существует человек: 1) безобъектная реальность до отражения, 2) объективная (воспринятая) реальность, 3) реальность внутренних образов и 4) реальность бессознательного. Это позволило создать более целостное представление об особенностях и возможностях психического отражения реальности и познания в целом. С другой стороны, концепция «четырех реальностей» имеет

эвристическое значение, побуждая размышлять о таком устройстве мира, в котором заложены возможности порождения психического отражения.

В этой части работы показывается также, что обнаружение особенности психического отражения отождествлять образ мира с самим миром и выявление его инвариантного характера, позволяет рассмотреть отождествление как принцип психического отражения, лежащий в основе познания действительности. Однако отождествление, как принцип (или механизм) психического отражения, может иметь место тогда, когда порожденный образ проецируется на внешний (относительно сознания, то есть находящийся вне сознания) мир. Поэтому эти два процесса составляют единое целое, метафизическая сущность которого остается не исследованной. В работе рассмотрены типы проецирования и соответствующие им типы отождествлений.

Анализ явления отождествления в более широком аспекте, в контексте эволюции природы и психического отражения, позволил сделать предположение о том, что каждое живое существо осуществляет только ему свойственные проекции, соответственно возможностям своих отражательных систем. А благодаря последующему отождествлению природа начинает «воспринимать» себя так, как ее воспринимает каждый вид в эволюционном ряду живых существ, вплоть до человека, постепенно «делая» свой образ все более четким и совершенным.

Последующая демонстрация возможностей метафизического подхода была связана с применением ранее используемых понятий концепции «четырёх реальностей» для решения вопроса о психологических причинах противоречивости и непримиримости мировосприятия представителей двух противоположных направлений философии – материализма и идеализма.

Анализ показал, что различие состоит в качестве осознаваемости ими мира, в разнице мироощущений и мировосприя-

тий. Для материалистов природа – это то, что есть вне человека и таким же образом отражается в его сознании, а для идеалистов – это то, что есть вне сознания человека, но без тех свойств и качеств, которые возникают и существуют лишь в сознании. Противоречия возникали из-за *особенностей отождествления* двух совершенно разных понятий – мира вне сознания человека и воспринятого мира. И если идеалисты догадывались об их различии, но не сделали попыток более полно представить, что они понимают под природой, существующей вне сознания человека, то материалисты полностью находились в этом отождествлении, то есть не осознавали их различия.

По нашему мнению, мироощущение и мировосприятие человека определяются состоянием его сознания. Поэтому, в случае с материалистом и идеалистом, имеем дело с разными состояниями сознания, которыми и определяются разные способы видения мира и мышления о нем. Из этого, в частности, следует, что материалист не принимает и не понимает идеалиста (и наоборот) потому, что они находятся в разных состояниях сознания, что означает существование в разных реальностях, когда законы одной реальности не действуют в другой. Таким образом, основной психологической причиной неразрешимости проблемы противостояния между материализмом и идеализмом является несоответствие уровней и состояний сознания носителей этих двух философских концепций.

ЧАСТЬ III. ПРИНЦИП СИММЕТРИИ В ПСИХИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ И МЕТАФИЗИКА

ГЛАВА 6. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПРИНЦИПА СИММЕТРИИ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРИРОДЕ И ПОЗНАНИИ

6.1. Метафизический характер принципа симметрии и его методологическое значение в науке

История развития науки дает нам возможность демонстрации того, как донаучное метафизическое понятие превращается в научное. С целью показать это в последующих разделах работы рассмотрим переход донаучного метафизического понятия симметрии в научное, в принцип научного исследования, а также покажем методологическое значение принципа симметрии при изучении предпосылок и детерминант психического отражения и построения соответствующих концепций восприятия и мышления и внедрения понятий и принципов, относящихся к симметрии, в систему школьного обучения.

Психика, являясь, вероятно, самым сложным явлением природы, приковала к себе внимание специалистов из многих областей науки. На это указывал еще Ж. Пиаже, подчеркивая связи психологии с математикой, физикой, кибернетикой, биологией, генетикой, социологией, экономикой, лингвистикой, логикой [Пиаже, 1969]. Об этом же писал известный советский психолог Б.Г. Ананьев (1957).

Кроме этой тенденции, ведущей к комплексному, с точки зрения многих наук, изучению человека и, в частности, его психики, наблюдается и другая – применение в психологии понятий, категорий и принципов других наук, претендующих

на философскую обобщенность. В качестве примера можно привести работы Ж. Пиаже, где успешно применен аппарат теории множеств и логики; методы термодинамического анализа явлений привели Н.И. Кобозева к термодинамической теории мышления [Кобозев, 1970]; изучив специфические особенности закономерностей целостных объектов, В.А. Ганзен показал необходимость целостного изучения психических процессов, благодаря чему философская проблема диалектики части и целого нашла свое применение и в психологии [Ганзен, 1976] и т.д.

Одним из фундаментальных принципов являются принципы симметрии, которые нашли приложение почти во всех науках о неживой и живой природе (Гильде, 1982; Шафрановский, 1985; Шубников, Копчик, 1978 и др.).

Удивительная «проницаемость» понятий симметрии и асимметрии почти во все сферы науки, подсказывает нам, что мы имеем дело с закономерностью природы, которая каждый раз проявляется по-новому, в зависимости от того, через призму какой науки мы смотрим на природу. То есть симметрия и асимметрия являются одними из немногих, наблюдаемых человеком, проявлений природы, которые позволяют понимать ее в онтологическом плане. Это означает, что симметрию, несмотря на ее очевидность, можно отнести к метафизическим понятиям, подобно материи, пространству, времени причине, силе и т.д. Называя симметрии правильностями, В.И. Вернадский пишет: «Эти правильности более глубоки, чем физические и химические явления, в которых они проявляются» [Вернадский, 1965, с. 36]. Тем самым В.И. Вернадский ясно указывает на метафизический характер понятия симметрии. Нам доступны лишь сами физические (и другие) явления, но за их пределами, недоступными нашему непосредственному наблюдению или исследованию, существует некая метафизическая сущность, проявляющаяся в виде внешних и внутренних свой-

ств и разных видов и форм симметрии существующих в природе явлений.

Метафизическая природа симметрии состоит в том предположении, что она является неотъемлемым атрибутом бытия, проявляясь в свойствах материи, пространства, времени, в динамике взаимодействий и т.д., и поэтому может быть обнаружена в любом явлении и процессе природы. С точки зрения первоначал бытия, неизвестно (и невозможно ответить), что является причиной возникновения симметрии или симметричности Вселенной, почему Вселенная должна быть организована именно таким (симметричным) образом.

Для древних греков симметрия, означающая гармонию, соразмерность, однородность и порядок, в их метафизическом восприятии мира играла фундаментальную роль, считалась причиной возникновения многих вещей в природе и обоснованием ее организации. Как утверждали пифагорейцы, из куба возникла земля, из пирамиды – огонь, из октаэдра – воздух, из додекаэдра – сфера Вселенной, Парменид утверждал, что мир и Бог шарообразны, а Филолай считал, что Земля совершает кругообразные движения. А по Демокриту, атомы, из которых состоит все, что есть в природе, – шарообразны. Эти метафизические обобщения древних греков, первоначально имевшие эмпирические основания в их быту, привели к формированию особого образа мышления, представляющего Вселенную (или Космос) симметричной (симметризированной), как в своей цельности, так и в частях, ее составляющих. Отметим, кстати, что Космос с древнегреческого переводится как «красота» и, следовательно, симметрия считалась также тем, что порождает или характеризует красоту. Этот образ мышления через мифы, мистику (например, отношение пифагорейцев и их последователей к числам), через науку и искусство передавался из поколения в поколение и, в конечном счете, превратился, как мы предполагаем, в неосознаваемую основу европейского

научного мышления. В.И. Вернадский пишет: «представление о симметрии слагалось в течение десятков, сотен, тысяч поколений. Правильность его проверена коллективным реальным опытом и наблюдением, бытом человечества в разнообразнейших природных земных условиях» (там же, с. 176-177).

М.К. Мамардашвили приводит одно из оригинальных объяснений того, почему соображения симметрии относятся к метафизическим. Показывая различие между онтологическим и научным, М.К. Мамардашвили приводит пример распространения луча света, которое, согласно оптическим исследованиям, является прямолинейным. «Это утверждение о мире, – пишет М.К. Мамардашвили, – не является онтологическим утверждением и, следовательно, не входит в философию. В число онтологических утверждений будет входить некая посылка о характере мира вообще, содержащаяся здесь. А именно, что в мире есть симметрия, что нет причин лучу идти ни вправо, ни влево... Онтологическими являются утверждения... такого рода, когда к заключению о том, что луч идет по прямой, я прихожу не на основе анализа физических явлений, не на основе обобщений и наблюдений, а по соображениям симметрии» [Мамардашвили, 1996, с. 54]. Эти соображения симметрии и являются метафизическими, которые имплицитно указывают на особенности мира, в котором мы существуем. М.К. Мамардашвили приводит еще один пример метафизического высказывания, основанного на соображениях симметрии – это соображения античного философа о том, что Земля занимает центральное место в мире, потому что нет никаких причин, чтоб она сместилась вправо или влево, вверх или вниз. В этом высказывании древнегреческого философа есть более общая посылка, а именно: мнение о том, что пространство, в котором существует все, однородно и изотропно, то есть симметрично. «Оба эти утверждения – о свете и о Земле – о двух совершенно разных предметах, но у них есть некоторое общее

допущение о характере мира. Такие допущения и откапываются философией, извлекаются на свет божий, и о них рассуждают в разделе философии, называемой онтологией» (там же). Отметим также то, что, согласно М.К. Мамардашвили, онтология, с одной стороны, относится к теории познания, точнее, к эпистемологии – научному познанию, а с другой, является производной от метафизических рассуждений.

Вероятно, этим метафизическим образом мышления («симметрия есть свойство всех вещей, проявляется везде и всюду»), направленным на поиск сходства, повторяемости, упорядоченности, соразмерности, гармонии и красоты, объясняется то, что симметрия и асимметрия обнаруживаются во многих явлениях природы, а сами принципы симметрии проявляют себя как наиболее глубокие и адекватные средства познания. Именно поэтому возникает уверенность в том, что в психических явлениях (и, в частности, в психическом отражении), как и в природных явлениях, также должны проявляться соответствующие симметрии и асимметрии, а принципы симметрии позволят открыть новые горизонты в их изучении [Нагдян, 1985]. Отметим, что, кроме метафизической составляющей образа нашего мышления, основой этой уверенности является необыкновенно богатый теоретико-эмпирический материал о проявлениях симметрии и асимметрии, накопленный во всех областях естественнонаучного и гуманитарного знания.

Теоретико-познавательное значение принципа симметрии впервые было глубоко раскрыто П. Кюри, который осознал необходимость применения этого понятия в физике, подчеркивая при этом, что физики «... часто пользуются условиями симметрии, но обычно пренебрегают определением симметрии в тех или иных явлениях, потому что довольно часто условия симметрии в них просты и почти очевидны – **a priori**» [Кюри, 1961, с. 106]. Эти слова П. Кюри как нельзя лучше подходят и к некоторым современным психологам, которые, встречаясь с

проявлениями симметрии, так же пренебрегают определением симметрии при исследовании тех или иных психических явлений.

Основываясь на глубоком изучении групп симметрии, которые могут существовать в природе, П. Кюри показал, как можно использовать эти факты с геометрической и с физической точек зрения, чтобы предвидеть возможность появления нового феномена в условиях опыта. «Принцип симметрии, так живо интересовавший ум П. Кюри, – писала М. Кюри, – является одним из тех немногочисленных великих принципов, которые господствуют в физических явлениях; исходя из понятий, вытекающих из опыта, они мало-помалу приобретают все более совершенную форму» [М. Кюри, 1961, с. 8].

П. Кюри придавал большое значение также диссимметрии – отсутствию некоторых элементов симметрии, и показал связь симметрии и диссимметрии в причинно-следственных отношениях физических явлений.

В многовековом опыте человечества понятие симметрии связывалось с устойчивостью тел и явлений, с сохранением определенных их свойств и отношений, с состоянием равновесия; асимметрия являлась причиной изменений, движения, характеризовала неустойчивость и переход в новое состояние.

Анализ истории рассмотрения природы с точки зрения симметрии и асимметрии показывает, что в неживой природе большое внимание уделялось симметрии, а в живой – асимметрии (Галактионов, 1978; Гаузе, 1940; Депенчук, 1963; Компанец, 1978; Урманцев, 1974). Односторонний подход оставлял в тени многие стороны изучаемых явлений, нарушая целостность исследования. Методологически правильным, как показала история развития научного знания, является принцип единства симметрии и асимметрии, раскрытый в работах А.В. Шубникова (1933), В.С. Готта и А.Ф. Перетурина (1967), Ю.А. Урманцева (1974) и др.

При более широком рассмотрении принцип единства симметрии и асимметрии можно рассматривать как одну из форм проявления диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Таким образом, понятия симметрии и асимметрии на современном уровне развития наук рассматриваются как категории познания, основывающиеся на диалектическом соотношении тождества и различия, существующем «...как между атрибутами материи, так и между их состояниями и признаками» [Готт, Перетулин, 1967, с. 76]. Они нашли свое применение в настоящее время во многих науках. Однако в психологии они пока еще, по нашему мнению, не занимают положенного им места.

Эффективность применения принципов симметрии во многих областях знания, с одной стороны, и неразработанность этих же принципов в психологии – с другой, и определяют актуальность исследуемой проблемы.

Для дальнейшего анализа этой проблемы хотя бы коротко представим особенности проявлений принципа симметрии в природе и познании.

6.2. Проявления принципа симметрии в природе

Первыми природными объектами, с которыми связано начало подлинно научного изучения симметрии, были кристаллы (Вайнштейн, 1979; Федоров, 1979).

Идеализация формы реальных кристаллов позволила ввести абстрактное математическое понятие симметрии и вывести наиболее общие ее закономерности. Это позволило в дальнейшем предсказывать виды возможных симметрий кристаллов, которые затем действительно были обнаружены в природе.

Но форма и внутреннее строение кристаллов никогда не бывают абсолютно симметричными. Нарушение симметрии кристаллов считалось явлением случайным и обычно не учитывалось в теоретических исследованиях. А между тем ока-

залось, что, например, нарушения симметрии кристаллической решетки, так называемые дислокации, совершенно необходимы для роста кристаллов. Или, как показали кристаллографические и физические исследования П.Кюри, если для внешней формы кристалла и внутреннего строения характерна симметрия, то для проявления его физических свойств, наоборот, необходимо отсутствие каких-либо элементов симметрии, т.е. диссимметрия. Как пишет П.Кюри: «это и есть та диссимметрия, которая создает явление» [Кюри, 1966, с. 101].

Среди кристаллов имеются такие, которые, вследствие своего особого строения, образуют пары. Их называют «левыми» и «правыми» кристаллами, по аналогии с руками человека. В отличие от симметричных кристаллов, эти асимметричные кристаллы являются оптически активными, то есть, обладают свойством вращать плоскость поляризации проходящего через них света либо влево, либо вправо. Л. Пастер показал, что оптическая активность «правых» и «левых» кристаллов обусловлена асимметрией молекул кристалла, которая в простейшем случае может быть либо «правой», либо «левой»; те же кристаллы, которые состоят из симметричных молекул (или из совокупности «правых» и «левых» молекул в равном количестве), не проявляют оптической активности [Пастер, 1960].

После этих работ Л. Пастера началось интенсивное исследование состава и расположения атомов в молекулах неорганических веществ, которые в большинстве случаев образовывали симметричные полиэдры. Причем симметрия оказалась настолько важной характеристикой молекул для выявления их физико-химических свойств, что образовалась специальная область науки, исследующая свойства симметрии молекул кристаллов – стереохимия.

Изучение элементарных частиц показало, что и им присущи свойства симметрии и асимметрии. Открытие симметрии эле-

ментарных частиц способствовало дальнейшему их изучению, так как уже был разработан мощный математический аппарат, приспособленный именно для исследования симметрии. Можно выделить несколько видов симметрии элементарных частиц. Во-первых, в первом приближении можно считать, что все элементарные частицы обладают симметрией шара или вращающегося шара. Во-вторых, все частицы одного и того же вида неотличимы друг от друга. Наиболее замечателен третий вид симметрии, который проявляется в том, что подавляющее большинство частиц имеют свои антиподы – античастицы. Античастица отличается от частицы лишь своим зарядом, во всем же остальном (масса, спин, время жизни и т.д.) они являются идентичными частицам. Открытие античастиц сразу же повлекло за собой рождение ряда предположений о существовании антиатома, антивещества и даже антимиров, укрепив, тем самым, представления людей о симметрии Природы.

Однако история исследований элементарных частиц, прослеженная Ю.В.Сачковым, показывает, что по мере их изучения наблюдается выпадение некоторых свойств симметрии и тенденция к все большей асимметризации свойств элементарных частиц [Сачков, 1963]. Резюмируя свой анализ, Ю.В.Сачков приходит к выводу, согласующемуся с принципами П. Кюри для микрообъектов: «Для физического явления более существенно не наличие определенных элементов симметрии, но их отсутствие» (там же).

Живая природа, как естественное продолжение развития неживой природы, также обладает свойствами симметрии и асимметрии (Галактионов, 1978; Депенчук, 1963; Дубров, 1980; Урманце, 1974 и др.)

Предположительно одним из первых эталонов гармоничности, соразмерности, пропорциональности – словом, всего того, что входит в смысл греческого слова «симметрия» – были тела животных и человека. У греков же находим одно из

первых (хотя и мифологических) объяснений того, как человек приобрел свойственную ему симметрию. Так, в «Пире» Платона Аристофан говорит, что вначале человек был круглым, его спина и бока образовывали круг. Чтобы смирить гордыню людей и лишить их могущества, Зевс рассек их пополам... и при этом пригрозил: «А если они и после этого окажутся дерзкими, я опять рассеку их надвое, чтоб ходили они на одной ноге».

Как показывают научные исследования, древние греки в своих мифах были недалеки от истины, и приходится только удивляться тому, насколько у них была велика вера в симметрию, которая помогла им сделать далеко идущие предположения о сферичности Вселенной и небесных тел, о кругообразных движениях Земли и т.д.

В работе Г.Спенсера «Система синтетической философии» (1901) подробно рассмотрены вопросы симметрии в связи с философским обобщением данных биологии, в частности, касающихся морфологии животных и растений, и обнаружено, что почти в каждой систематической группе живых организмов имеются изменения типов симметрии в их строении от сферической к разным видам билатеральной симметрии. Изучая соотношение симметрии и асимметрии морфологической формы живых организмов с внешними влияниями, Г.Спенсер приходит к выводу об их причинной зависимости и указывает, что существуют убедительные доказательства соответствия между «несимметричностью формы и несимметричным распределением окружающих сил», а также «между степенью эффекта и действующей причины» [Спенсер, 1901, с. 93]. Эти выводы Г. Спенсера хорошо согласуются с принципами П. Кюри, выявленными при изучении физических свойств кристаллов, что свидетельствует об их широком распространении в природе.

Г. Спенсеру принадлежит также рассмотрение фактов зависимости симметрии организмов от способа их перемеще-

ния и выделение трех основных групп организмов: свободно плавающих, прикрепленных к субстрату и активно передвигающихся, имеющих, соответственно, симметрию шара, круга и билатеральную симметрию.

Симметрия и асимметрия морфологического строения растений и животных описаны также в многочисленных современных исследованиях, анализ которых привел Ю.А. Урманцева к следующим важным выводам: «...на морфологическом уровне:

1) величина симметрии организмов в ходе эволюции жизни имеет тенденцию к закономерному падению, образуя многочисленные эволюционные ряды симметрии;

2) на низших ступенях организмы представлены множеством видов симметрии; при этом их число много больше 32 – числа видов симметрии кристаллов; однако к вершинам эволюционного древа число видов симметрии резко уменьшается: возникают многократно асимметризованные формы;

3) ...появляются микробиоформы с запрещенными для кристаллов осями симметрии порядка 5, 7, 8, 9...;

4) как в онто-, так и в филогенезе имеют место переходы типа диссимметризация-симметризация, причем процесс, в целом, сильно сдвинут в сторону диссимметризации» [Урманцев, 1974, с. 217-218].

Как видно, наиболее существенной особенностью симметрии живой природы является способность живого организма менять вид своей симметрии в фило- и онтогенезе – эволюция симметрии. В неживой природе нет такого явления, хотя и там все подвержено движению, изменению и развитию.

В основном почти все биомолекулы – аминокислоты, ферменты, алкалоиды и т.д. – являются оптически активными и могут существовать в виде двух зеркальных изомеров – правых и левых. Однако для своего строения живая природа, как правило, выбирает один из этих изомеров – либо правый, либо

левый. В этом строгом постоянстве заключается одна из уникальных особенностей живого вещества. Так, например, почти все аминокислоты имеют левую конфигурацию, а если некоторые организмы вырабатывают в процессе обмена веществ какую-то долю аминокислот правой конфигурации, то все равно они никогда не включаются в состав белков. Выбор «левых» аминокислот при образовании белковых молекул обусловлен определенной симметрией строения ферментов – веществ, ускоряющих процесс синтеза белков. Именно благодаря своей асимметричности фермент как бы «узнает» (согласно известному в биохимии правилу «ключа и замка») аминокислоту соответствующей асимметричности и «вводит» ее в процесс синтеза белка [Галактионов, 1978]. Так, например, общеизвестно, что кристаллы растут, но симметрия данного кристалла раз и навсегда задана соответствующей дискретной структурой определенных атомов. Все это говорит о принципиально ином «механизме» образования симметрии в живой природе. Поэтому, можно полностью согласиться с мнением Ю.А. Урманцева, считающего, что вышеприведенные выводы говорят в пользу идеи В.И. Вернадского о специфическом характере биологического пространства [Урманцев, 1974, с.218].

На молекулярном уровне вещество биологического происхождения проявляет иное соотношение симметрии и асимметрии. В этом случае симметрия проявляется при «кристаллизации» мономерных молекул в полимерные цепные молекулы (например, образование белков из аминокислот) и далее при объединении их в сложные и комплексные цепные молекулы при образовании двумерных плоских слоев (например, мембран) и трехмерных биокристаллов. Однако исследования показывают, что во всех этих случаях на пространственные строения биомолекул накладывается так много ограничений, что величина и число групп симметрии их резко уменьшается по сравнению с молекулярными образованиями в неживой природе (Галактионов, 1978; Урманцев, 1974).

В живой природе симметрия проявляется не только в пространственной организации живого вещества или в морфологии организмов, но также в динамике биологических процессов, во взаимодействиях организмов с окружающей средой.

При изучении биоритмов живых организмов А.П. Дубровым (1980) была выявлена симметрия функциональных процессов, разновидность динамической биосимметрии. Сущность функциональной симметрии заключается в том, что изменения в показателях какого-либо функционального процесса, относящегося к организмам одного и того же вида и в одинаковых условиях, в течение, например, суток, могут происходить в разных направлениях (в сторону увеличения или уменьшения), порой достигая прямой противоположности.

Графические изображения этих противоположных процессов дают зеркально-симметричные линии, поэтому их условно называют «правыми» («+») процессами, или D-ритмами, и «левыми» («-») процессами, или L-ритмами. А у некоторых организмов того же вида за исследуемый промежуток времени показатель может не измениться: такие процессы или ритмы называются «симметричными» («0») или S-ритмами.

Из этих наблюдений был сделан вывод, что одинаковые организмы поддерживают свой гомеостаз различным образом, и, тем не менее, все они нормально развиваются [Дубров, 1980, с. 8].

Другими словами, на одни и те же внешние (или внутренние) раздражители одинаковые организмы могут реагировать совершенно по разному, группируясь по типу функциональной реактивности, соответственно, на правые, левые и симметричные биообъекты.

Анализ, приведенный А.П. Дубровым, показал, что явление зеркальности биоритмов и ответных реакций в живой природе носит фундаментальный характер, проявляясь на всех уровнях развития живой материи – от простейших до человека, незави-

симо от возраста, пола, в норме и патологии, в биохимических, физиологических и психофизиологических процессах.

Отмечая значение функциональной симметрии для сохранения и развития организмов, А.П. Дубров пишет: «Природа устроена так, что среди организмов любых видов имеются особи самых различных функционально-симметричных групп, и это способствует сохранению тех из них, которые наиболее адекватно реагируют на изменение факторов внешней среды. Интересно, что в определенные годы происходит преимущественное образование правых, левых или симметричных форм организмов, тем не менее, любая из сохранившихся особей дает в потомстве DSL-формы и тем самым все время создаются возможности для тонкого и точного приспособления организмов любых видов к непрерывно изменяющимся факторам окружающей среды» [Дубров, 1980, с.46].

В физиологии высшей нервной деятельности имеются данные о том, что изучаемые в них явления также обладают свойствами симметрии и асимметрии.

С этой точки зрения интересны исследования по переносу условных рефлексов Н.И. Красногорского и Г.В. Анрепа [Павлов, 1962].

Сущность экспериментов Н.И. Красногорского заключается в том, что выработанные на коже одной половины тела животного положительные и отрицательные рефлексы «...точнейшим образом воспроизводятся, повторяются без малейшей предварительной выработки на симметричных местах другой половины тела животного» [Павлов, 1962, с. 18], на других (асимметричных) местах такого эффекта не наблюдалось.

Явление воспроизведения условных рефлексов на симметричных половинах тела животного объяснялось тем, что возбуждение нервных структур одного полушария иррадирует на другое, то есть нервные процессы распространяются на оба полушария, хотя первоначально они возникают в одной сим-

метричной половине мозгового конца анализатора. При этом, относительно данного явления утверждалось, что симметричность пространственного перемещения нервных процессов в мозговом субстрате является следствием симметричного строения мозга.

Факты, полученные Г.В. Анрепом, дополняют результаты исследований Н.И. Красногорского. Об этом И.П. Павлов пишет: «Факт состоял в следующем. Если мы сделаем условным раздражителем кожно-механический раздражитель определенного пункта кожи на одном конце тела, то при первых пробах механического раздражения других мест кожи тела также получается условный эффект, тем более слабый, чем дальше лежит пробно раздражаемый пункт от пункта, на котором вырабатывается условный рефлекс. И вот, совершенно те же отношения воспроизводятся на другой стороне» (там же, с.13). То есть, на симметричную сторону переносится не только условный рефлекс, но и стационарная иррадиация условного рефлекса (по терминологии И.П. Павлова).

Опираясь, в основном, именно на эти опыты, И.П. Павлов поставил перед физиологами своего времени очередные по актуальности вопросы физиологии больших полушарий: «Что значит эта парность? Как понимать, как представлять себе одновременную деятельность больших полушарий? Что рассчитано в них на замещаемость, какие выгоды и излишки дает постоянная объединенная работа обоих полушарий?» (там же, с.210).

Поставленная И.П. Павловым проблема положила начало огромному количеству работ в области физиологии и психологии, посвященных парной деятельности больших полушарий и анализаторных систем животных и человека, – проблема, которая теперь известна как проблема функциональной асимметрии (Ананьев, 1955, 1958; Бианки, 1967; Брагина, Доброхотова, 1981; Суворова, 1975 и др.).

Таким образом, анализ данных научной литературы показал, что симметрия и асимметрия являются свойствами не только объектов, характеризующихся пространственной организацией, но и процессов, если иметь в виду некоторые динамические характеристики их протекания. При этом симметрия и асимметрия в явлениях природы существенным образом определяет проявление физических, биологических, физиологических свойств объектов, вещей, процессов и т. д., целостность их организации, многообразие взаимодействий и движущие силы развития.

6.3. Значение принципа симметрии в познании

Обнаружение многочисленных проявлений симметрии в живой и неживой природе, а затем изучение свойств самой симметрии, создали необходимые условия для превращения симметрии в средство познания. Симметрия и асимметрия приобрели статус *категорий* познания (Акопян, 1978; Готт, 1988) в силу возможности их глубокого проникновения в сущность явлений, их тесной связи с другими фундаментальными категориями познания. В настоящее время, по всеобщему признанию, принцип симметрии является одним из важных методологических принципов (Акопян, 1978; Овчинников, 1985; Урманцев, 1974; Шубников, 1933 и др.).

Коротко охарактеризуем наиболее существенные аспекты применения симметрии как средства познания.

1) Симметрия – как принцип классификации

В кристаллографии все известные виды кристаллов расклассифицированы по признакам симметрий их внешнего и внутреннего строения. Эффективность этого метода проявилась, в частности, в том, что теоретически предсказанные Е.С. Федоровым (1949) виды внутренней структуры кристаллов 20 лет спустя были экспериментально открыты путем рентгеноструктурного анализа.

В физике элементарных частиц в связи с постоянно увеличивающимся числом обнаруживаемых частиц также возникла необходимость их систематизации. Исходя из соображений симметрии, физикам-теоретикам удалось не только свести все известные частицы в единую систему, но и предсказать возможность существования новых, впоследствии открытых, элементарных частиц (Берестецкий, 1965; Гелл-Манн, 1964).

В химии имеется замечательный пример классификации, подчиняющийся законам симметрии – это периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева. Симметрия здесь проявляется в периодическом повторении физико-химических свойств с возрастанием их масс (или иначе, в периодическом повторении числа валентных электронов атомов с возрастанием их атомного числа).

Вероятно, Д.И. Менделеев пользовался соображениями симметрии, и это помогло ему предсказать существование некоторых, открытых к тому времени, элементов вещества.

Соображения симметрии находят свое место и в *математических* науках. Так, Э. Галуа предложил классифицировать алгебраические объекты (уравнения) по их группам симметрии, а Жордан геометрические. Развивая эти идеи, Ф. Клейн переистолковал соображения симметрии как основной классификационный признак, различающий между собой не геометрические объекты, а сами геометрии (Евклида, Лобачевского, Римана), о чем свидетельствуют открытые впоследствии геометрии Вейля, Скоутена, Бахмана и др. Благодаря этому подходу, ученые получили мощный метод изучения самых разных пространств [Бахман, 1969].

В биологии симметрия давно использовалась как основа для классификации и описания растений и животных. Значение симметрии для биологии было настолько велико, что Э. Геккель даже ввел специальный термин – «проморфология», обозначая им, в весьма расширительном смысле, учение о симмет-

рии живых организмов. Теперь эта область природы изучается биосимметрикой – наукой о биологических инвариантах.

Использование в биологии симметрии как способа классификации и описания живых организмов, привело к постановке таких важных вопросов, как изучение закономерностей эволюции симметрии в филогенезе и онтогенезе [Урманцев, 1988], изучение зависимости симметрии животных организмов от особенностей окружающей среды и раскрытие в связи с этим приспособительного значения симметрии; проблема правого и левого в мире фауны и флоры и т.д.

2) Связь принципа симметрии с законами сохранения

Законы сохранения (массы, энергии, количества движения, заряда и др.), как известно, являются самыми фундаментальными законами природы (Вигнер, 1971; Визгин, 1972; Карпинская, 1978). Отличие от более частных законов, таких как закон всемирного тяготения Ньютона или закон притяжения и отталкивания зарядов Кулона, состоит в том, что законы сохранения относятся сразу к целому классу явлений (механических, электромагнитных и др.).

Достоверность выявленной закономерности, относящейся к какому-нибудь явлению, проверяется законом сохранения. При этом важной чертой законов сохранения является то, что они в общей форме определяют возможность или невозможность протекания тех или иных процессов, независимо от их конкретной природы.

В работах Э. Нетер доказывается, что каждый закон сохранения определяется соответствующей симметрией [Нетер, 1969].

Симметрии, из которых вытекают законы сохранения, условно разделены на геометрические и динамические (Е. Вигнер). К геометрическим симметриям относятся симметрии, выражающие свойства пространства (однородность и изотропность) и времени (однородность). Эти симметрии определяют

законы сохранения импульса, углового момента и энергии. К динамическим симметриям относятся симметрии, выражающие свойства физических *взаимодействий*. Следует отметить, что динамические симметрии свойственны элементарным частицам, поэтому следующие из них законы сохранения относятся только к ним.

Значение законов сохранения, а, следовательно, и выявление симметрий в квантовой физике и физике элементарных частиц тем более возрастает, что они имеют дело с *ненаблюдаемыми* объектами.

Исследователи часто используют обратные теоремы Э. Нетер. По экспериментально найденным законам сохранения они пытаются восстановить те группы симметрии, которые согласно теоремам Э. Нетер могут породить найденные законы сохранения [Нетер, 1969]. Найденная совокупность симметрий позволяет, в свою очередь, получить значительно большее количество информации о системе и об истинном значении законов сохранения.

Проявление законов сохранения в *биологии* видно на таком ярком примере как явление наследственности. Не вызывает сомнения, что передачей от родителей потомству мельчайших подробностей, например, внешности, управляют определенные биологические законы сохранения и лежащие в их основе симметрии. Другой пример – это возможность появления близнецов, где связь биологических законов сохранения с симметрией наиболее очевидна. Однако, в настоящее время, эти вопросы мало изучены.

3) Симметрия как объяснительный принцип

Предшествующие разделы уже подводят нас к пониманию объяснительной функции симметрии. Классификация объектов по типам их симметрии позволяет не только указать место каждого объекта в выбранной системе, но и обосновать и описать, т.е. в какой-то степени объяснить существование

недостающих объектов. В случае законов сохранения объяснительная роль симметрии имеет более глубокий характер, менее очевидна, хотя более фундаментальна.

Наиболее наглядно объяснительные возможности симметрии обнаруживаются при изучении свойств кристаллов. Исследования П. Кюри показали, что наличие у кристаллов того или иного физического свойства объясняется взаимоотношением симметрии структуры и симметрии воздействующих на него усилий.

Экспериментальным путем П. Кюри были открыты следующие закономерности. Во-первых, «...когда некоторые причины производят некоторые действия, элементы симметрии причин должны обнаруживаться в этих произведенных действиях», во-вторых, «...когда некоторые действия проявляют диссимметрию, то эта диссимметрия должна обнаруживаться и в причинах их порождающих» [Кюри, 1966, с 102]. Эти принципы позволили связать причинно-следственные отношения явлений с их симметрией и диссимметрией.

Соображения симметрии и соответствующий математический аппарат, основанный также на понятиях симметрии, послужили плодотворным средством описания и объяснения многих явлений в кристаллофизике (Копчик, 1985; Щмутцер, 1974). Были объяснены такие явления как пирозлектричество, пьезоэлектричество, сегнетоэлектричество и их обратные эффекты, явление двойного лучепреломления в некоторых кристаллах и многое другое. Сила этого метода исследования проявляется также в том, что с его помощью удается предсказать и создавать новые кристаллы, обладающие заданными физическими свойствами.

Попытки применения соображений, связанных с принципом симметрии, для объяснения явлений, имеются и в *биологии*. Так, например, сопоставление строения тела живых организмов с симметрией и асимметрией внешних воздействий при-

вело Г. Спенсера к мысли об их причинной зависимости, что существует соответствие между «...несимметричностью формы и несимметричным распределением окружающих сил» и что «...существует соотношение между степенью эффекта и степенью действующих причин» [Спенсер, 1901, с. 113].

4) Симметрия как средство математического анализа.

Абстрагирование от объектов свойств симметрии привело к созданию особого математического аппарата, обладающего необычайной широтой применения и адекватностью.

Как было показано в предыдущем параграфе, со всяким симметричным объектом можно проделать определенные преобразования, изменения, которые оставляют объект тождественным самому себе по инвариантным признакам. Полная совокупность таких изменений, операций симметрий, для данного объекта называется группой симметрии или просто группой. То есть элементом группы является определенная операция симметрии. Последовательное применение двух элементов группы – А и В – приводит к новому изменению АВ. Произведение АВ определяется законом «умножения» группы (или законом композиции), от которого зависят особенности проявления группы.

Группа подчиняется следующим аксиомам:

- а) в результате умножения двух элементов группы получается элемент той же группы (если $A \in \Gamma$ и $B \in \Gamma$, то и $AB \in \Gamma$);
- б) существует элемент Е называемый единицей группы. Умножение на единицу не меняет элемента группы ($AE=EA=A$);
- в) всякому элементу группы соответствует некий обратный элемент, который в произведении с ним дает единицу (для $A \in \Gamma$ существует $A^{-1} \in \Gamma$ такой, что $AA^{-1}=E=A^{-1}A$);
- г) должен действовать закон ассоциативности ($AB/C = A/BC$) для любой тройки элементов Γ .

Развитая на этих аксиомах теория называется теорией групп, которая, в сущности, является алгеброй, законы которой управляют операциями симметрии безотносительно к тому, что представляет конкретный объект симметрии. Требованием неспецифичности аксиом этой теории «для каких бы то ни было движений материи (физических, химических, геологических, биологических, социальных) объясняется поразительная для философов, математиков и физиков-теоретиков применимость теории групп (симметрии)» [Урманцев, 1974, с.123].

Опираясь на данные многочисленных экспериментов и теории, относящиеся к раскрытию молекулярных и атомных спектров, явлений теории относительности (общей и специальной), явлений квантовой механики, физики элементарных частиц и т.д., т.п., можно утверждать, что теория групп является самой глубокой и адекватной теорией для познания явлений природы.

6.4. О возможности применения принципа симметрии в качестве методологического принципа психологии

Таким образом, вышеприведенный обзор научной литературы показал, что во многих науках – кристаллографии, физике, химии, биологии, философии и др. – ставилась задача изучения свойств симметрии и асимметрии входящих в сферу их исследований явлений, решение которой приводило к плодотворным и эффективным результатам.

Обобщая эти данные о симметрии (и асимметрии), касающиеся многих наук, можно выделить следующие её аспекты:

- 1) симметрия – как явление природы;
- 2) симметрия – как объект исследования;
- 3) симметрия – как средство познания.

Как показывает история развития психологии, ни один из перечисленных аспектов симметрии не был предметом *специального* психологического исследования (или обсуждения).

Причина такого «отставания» психологии, вероятно, заключена в специфике объектов ее исследований, лишенных, прежде всего, наблюдаемой пространственности или возможности какой бы то ни было адекватной геометрической изображаемости, свойственных материальным объектам. Ведь, когда речь идет о симметрии, то в первую очередь имеют в виду пространственную симметрию, которая к тому же наиболее легко представляема. Поэтому, кажется, что психические явления не могут обладать симметрией и асимметрией. Это впечатление усиливается благодаря кажущейся неустойчивости, неповторяемости и текучести психических явлений в их конкретных проявлениях.

Однако, имеющийся в советской, постсоветской и зарубежной литературе естественнонаучный и философский анализ явлений симметрии и асимметрии, дает нам основание для следующих выводов.

Во-первых, как было показано выше, симметрия и асимметрия присущи всем явлениям природы, а если учесть, что психическое является частью окружающей нас действительности и высшим продуктом развивающейся материи, то можно допустить, что психические явления также должны обладать свойствами симметрии и асимметрии.

Во-вторых, плодотворность применения принципов симметрии в научном познании указывает на возможность применения этих же принципов и в психологии, как части научного познания.

В-третьих, развитие теории симметрии позволило расширить представления о симметрии, что привело к выявлению и исследованию симметрии свойств, отношений и процессов, касающихся не только материальных, но и идеальных явлений, в том числе, и психических.

В-четвертых, на возможность применения идей симметрии в психологии также указывает системный характер психиче-

ского, раскрытый в работах Б.Г. Ананьева (1957), Б.Ф. Ломова (1975) и др. Это обусловлено тем, что одним из оснований системного подхода в психологии является комплексность исследований в установлении междисциплинарных связей. При установлении междисциплинарных связей возможно использование «сквозных» понятий, каковыми являются симметрия и асимметрия. Кроме того, как показано Ю.А. Урманцевым (1974) в созданной им общей теории систем, *симметрия и асимметрия являются системными категориями*, соответствующим образом характеризующими как материальные, так и идеальные системы.

Поэтому, если учесть, что психические явления, как и все явления природы, должны обладать свойствами симметрии и асимметрии, то можно предположить, что *принципы, идеи и понятия симметрии и асимметрии могут быть использованы как средства анализа и синтеза для нового методологического подхода к теоретическому и экспериментальному исследованию, по крайней мере, познавательных процессов восприятия и мышления.*

Следует отметить, что о методологическом значении принципа симметрии в исследовании психических явлений уже говорили Т.А. Доброхотова и Н.Н. Брагина, но при этом авторы имели в виду лишь область функциональной организации человека в связи с проблемами межполушарной асимметрии мозга [Доброхотова, Брагина, 2004]. Цитируемое исследование является дополнительным доводом в пользу того, что принцип симметрии может иметь общепсихологическое методологическое значение. Однако, данное предположение требует дополнительного специального теоретического анализа, чему и будут посвящены ниже следующие разделы.

ГЛАВА 7. ПРИНЦИП СИММЕТРИИ В ПРОЦЕССАХ ВОСПРИЯТИЯ И МЫШЛЕНИЯ

7.1. Симметрия-асимметрия в процессах непосредственно-чувственного отражения: концепция А.И. Миракяна

В предыдущей главе было показано, насколько разнообразны проявления симметрии и асимметрии в природе и насколько глубоко проникли в науку понятия и принципы симметрии и асимметрии. Речь идет не столько о том, что понятия симметрии применялись в самых разных областях научного знания, а что в них специально ставился и обосновывался вопрос о необходимости и эффективности применения понятий, принципов и соображений симметрии. И только в психологии принципы симметрии долгое время оставались вне внимания исследователей.

Однако это еще не говорит о том, что психологи вовсе не обращались к явлениям и, соответственно, к понятиям симметрии и асимметрии.

Чтобы доказать выдвинутое в разделе 6.4. предположение о возможности применения принципов симметрии-асимметрии для изучения психических явлений, в данной главе ставится цель показать, что в психологии имеются примеры изучения психических явлений с использованием понятий и идей симметрии, хотя часто при этом авторы не применяли самого понятия симметрии или асимметрии, а употребляли производные от них понятия, и, кроме того, ни один автор в своих работах не обращался к симметрии как к принципу, являющемуся закономерностью природы и процессов познания.

Анализ проявлений принципа симметрии в психическом целесообразно начать с самых первых этапов его генеза – с процесса непосредственно-чувственного отражения.

С этой целью с позиций принципов симметрии рассмотрим концепцию психического отражения А.И. Миракяна (1992а, 1992б, 1999, 2004). Выбор именно этой концепции обусловлен следующими факторами. Во-первых, это современная теория, относящаяся к последней четверти XX столетия; во-вторых, эта теория претендует на фундаментальность, то есть на описание базисных принципов и закономерностей процесса непосредственно-чувственного отражения, на основе которых возможно создание более целостной и близкой к реальности общей теории познавательных процессов; в-третьих, концепция А.И. Миракяна важна с методологической точки зрения, так как теоретические и экспериментальные исследования, выполненные в рамках этой концепции, построены на основе выдвинутой А.И. Миракяном новой научной парадигмы изучения процессов психического отражения, которую кратко можно было бы назвать «афизикальным подходом», положившим начало новому направлению в психологии, а именно, трансцендентальной психологии [Миракян, 1999, 2004].

Обращаясь к работам А.И. Миракяна, отметим, что эта часть нашей работы не включала проведение последовательного описания результатов его теоретических и экспериментальных исследований (они в достаточной мере освещены выше). Нам важно было показать, *каким образом* он использует соображения и идеи, основанные на принципе симметрии, и *какое место* они занимают в его концепции непосредственно-чувственного отражения.

Проведенный А.И. Миракяном историко-методологический анализ изучения закономерностей психического отражения в философии, психологии, психофизиологии и кибернетике, показал, что, начиная с античных времен до наших дней, образ мышления исследователей, приспособленный для изучения явлений внешнего мира, не позволял им проникнуть в сущность процесса психического отражения. Физикальный образ мыш-

ления, оперирующий продуктами (результатами) уже завершившегося процесса психического отражения, вполне приемлем для естественных наук. Но, когда речь идет об изучении принципов и закономерностей самого процесса психического отражения, этот («продуктивный») способ мышления оказывается совершенно не действенным, так как, если в качестве исходных данных исследования использовать результаты психического отражения, то затем, опираясь на них, нельзя вывести закономерностей самого процесса отражения, приводящего к тем же результатам. Поэтому, «... в качестве исходных данных необходимо брать такие данности (понятия, принципы, закономерности, отношения и т.д.) которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психического отражения, возникшего на определенной ступени развития материи и поэтому несущего в себе основные закономерности самой материи» [Миракян, 1992, с. 98].

Таким образом, психическое отражение рассматривается как природное явление, возникшее на определенной ступени развития материи, что, как нам кажется, влечет за собой несколько допущений. Так, если рассматривать природу с позиций ее эволюционного развития, то, вероятно, можно сказать, что явления неживой и живой природы, трансформируясь в особые структурно-процессуальные образования, переходят в психические через процесс психического отражения. А если рассмотреть процесс психического отражения как данность, существующую в настоящий момент, то можно предположить, что именно процесс психического отражения отделяет (является переходным) реальность до восприятия от той реальности, которая осознается человеком, являясь результатом восприятия [Нагдян, 2003]. И, наконец, как это уже было отмечено А.И. Миракяном в вышеприведенной цитате: являясь звеном в неразрывной цепи развивающейся материи, процесс психиче-

ского отражения должен нести в себе следы закономерностей, общих для всех явлений природы.

Поэтому далее А.И. Миракян обращается к «...исследованию фундаментальных принципов и закономерностей развертывания процессов отражения в живой и неживой природе» [Миракян, 1992, с. 99], то есть к соответствующим закономерностям материи.

Как показал анализ, при построении теоретической модели фундаментальных закономерностей материи, то есть ее исходных особенностей, и вытекающих отсюда общих принципов отражения, А.И. Миракян использует принципы симметрии противоположностей, то есть принципы антисимметрии. Принципы антисимметрии являются проявлениями совместно реализующихся двух законов диалектики – закона единства и борьбы противоположностей и, вытекающим из него, закона единства тождества и различия. Поэтому уже само использование принципов антисимметрии переводит исследования с метафизического уровня на уровень диалектической метафизики. При этом антисимметричными могут быть как объекты и явления, так и их свойства и отношения, переходящие друг в друга при перемене знака, цвета, направления, состояния и т.д. на их противоположное значение. В качестве примеров антисимметрии можно привести электрически противоположно заряженные элементарные частицы, например, электрон и позитрон, а также позитив и негатив фотографии, бесконечно малые и бесконечно большие величины, рождение и смерть, симметрия и асимметрия и т.д.

Теперь перейдем к анализу антисимметричных пар понятий (и соответствующих им явлений), используемых А.И. Миракяном в своей теоретической модели, описывающей возможность порождения отражения на основе независимых от данностей психического исходных особенностей материи или материального. Поэтому при дальнейшем анализе следует

учесть, что речь пойдет не о реальности, осознаваемой нами в результате нашего восприятия, а о реальности до восприятия, до отражения, когда еще нет вычлененных восприятием объектов, их свойств и отношений.

а) Дискретное – единое. Дискретность и единость в их диалектическом соотношении можно принять как исходные особенности материи или материальности. Диалектичность их взаимоотношения определяется тем, что, с одной стороны, материальность состоит из бесконечного многообразия пространственно-временных, энергетически-дискретных форм, представляющих нерасчлененную единость, а с другой – каждая относительно дискретная форма включает в себе единое, как нерасчлененное многообразие составляющих ее элементов.

б) Распадение – порождение, разрушение – самосохранение. Дискретные формы распадаются и порождаются, благодаря существованию двух диалектически противоположных тенденций – самосохранения и разрушения, приводящего к единому. Именно в этом вечном и непрерывном процессе взаимопротивоположных изменений появляется возможность порождения многообразия форм живого, которое, соответственно своей «...природно-заданной цели – самосохранения собственной формы в борьбе с тенденцией превращения в нерасчлененное единое – по необходимости приобретает новую возможность – возможность отражения предупреждающего воздействия окружающей среды» [Миракян, 1992а, с. 37]. Отсюда вытекает, что функцией отражения является создание возможности самосохранения и адекватного функционирования в окружающей среде. Обращаясь к языку теории симметрии, можно сказать, что при изменении условий окружающей среды, отражение выполняет функцию превращения формы живого в самое себя. Поэтому самосохранение – это одно из проявлений динамической симметрии в природе, а отражение, в своем конечном результате – процессуальное преобразова-

ние симметрии, порождающее ту же форму. (Придавая процессу формопорождения более глубокий и общий смысл, имея в виду возможности изменения новой формы с одновременным сохранением ее дискретности, А.И. Миракян считает его сущностью психического отражения). Почему «в своем конечном результате»? Потому что в этом контексте речь не идет о внутреннем содержании процесса отражения: при рассмотрении отражения в качестве процессуального преобразования (операции) симметрии оно проявляется лишь как функция, приводящая к определенному *результату* – самосохранению. Как покажет дальнейший анализ, именно там, во внутреннем содержании процесса отражения, главная роль принадлежит асимметрии. Отметим также, что для осуществления процесса отражения между элементами формы живого должна образоваться система многообразных связей, обеспечивающих передачу и фиксацию воздействия.

в) **Образование – разрушение отношений.** Особенности проявлений законов физико-химических связей, существующих между элементами дискретной формы или между самими дискретными формами, определяют возможности образования и разрушения отношений между ними. Эта, общая для форм живой и неживой природы, структурно-процессуальная особенность материальности проявляется в виде межэлементных или межформенных взаимодействий. Существенное различие особенностей образования отношений в живой и неживой системах А.И. Миракян видит в том, «... что в ней соответственно природно-заданной цели – самосохранения форм – имеется возможность структурно-процессуального составления и фиксации образовавшихся отношений и составления отношений между созданными отношениями, т.е. возможность образования информации в виде памяти, которая не разрушается при образовании новых отношений» [Миракян, 1992а, с. 38]. Этот же процесс приводит к расчленению еди-

ности времени, его дискретизации, порождая возможность отражения времени в виде предыдущего и последующего образования дискретных отношений.

г) *Анизотропность – гомогенность*. В качестве одной из объективных особенностей материи выступает ее «...пространственно-временные анизотропность и гомогенность, которые связаны с пространственно-временными свойствами материи и с сосуществованием дискретно-единых распадающихся и порождающихся ею форм» (там же). Как видно, А.И. Миракян изначально исходит из принципов симметрии, так как анизотропность (неравнозначность, неоднородность) и гомогенность (однородность) являются частными проявлениями фундаментальных свойств явлений природы – симметрии и асимметрии.

Под гомогенностью А.И. Миракян понимает пространственную однородность дискретных форм. Вместе с тем, между находящимися в данный момент в определенных точках пространства дискретными формами, образующими гомогенную однородность, могут создаваться анизотропные отношения в любом направлении занимаемого ими пространства. Этим и определяется основная пространственно-гомогенно-анизотропная особенность материи.

А под временной гомогенно-анизотропной особенностью материи А.И. Миракян понимает то, что «при распадении и порождении форм материи внутри единого времени происходят изменения форм, которые относительно друг друга составляют анизотропные отношения в виде предыдущих и последующих форм, что приводит либо к гомогенной (в случае неизменности форм), либо к анизотропной (в случае различных форм) дискретизации единого времени» (там же, с. 39). И так как отражение понимается как процесс формопорождения, то из вышеприведенного следует, что отражение «...возможно при условии образования пространственно-временных анизо-

тропных отношений между однородными дискретными формами, так как при образовании гомогенных пространственно-временных отношений возможность формопорождения отсутствует» (там же). Следовательно, любая отражательная система должна обладать определенной анизотропной материальной структурой.

Приведенная выше теоретическая модель порождения процесса психического отражения, хорошо согласуется с принципом П. Кюри: «Диссимметрия творит явление», который оказался справедливым на всех уровнях развития материи. Рассмотрим более подробно принцип Кюри, который, как известно, был выведен им для физических объектов и процессов. Механические, электрические и магнитные свойства физических объектов – кристаллов – определяются симметрией этого объекта. При взаимодействии кристалла со средой или с другим объектом, обладающим другой симметрией, степень симметричности кристалла в новой системе уменьшается (то есть увеличивается степень асимметричности), что приводит к появлению новых свойств кристалла, благодаря изменению его механических и электромагнитных характеристик. Так, диссимметрия, то есть уменьшение степени симметричности, приводит к появлению нового явления. Тот же процесс можно описать и в терминологии А.И. Миракяна: появление, при *взаимодействии* двух объектов, возможности образования анизотропных отношений (в данном случае, анизотропность есть различие симметрий объектов и их расположения в пространстве) приводит к разрушению в одном из объектов его прежней формы и порождению новой, что и влечет за собой возникновение явления, отражающего особенности взаимодействия с другим объектом.

Таким образом, для осуществления возможности формопорождения любая отражательная система должна обладать анизотропной материальной структурой (например, анизотропная

структура сетчатки глаза, Кортиева органа уха, пальцев рук и т.д.). Наличие такой пространственно-временной анизотропности давало бы возможность фиксировать формы объектов и их свойства.

д) *Различие – сходство (одинаковость)*. Необходимость в применении антисимметричных понятий «различие» и «сходство», которые являются синонимами понятий *асимметричности* и *симметричности*, возникает, когда речь идет о таких свойствах объекта, которые сопредставлены в реальности, подлежащей отражению, – в глобальности. Эти свойства, во всем своем многообразии, с одной стороны, сопредставлены в глобальности в диалектическом соотношении дискретности и нерасчлененного единого, а с другой, выступают как различные в процессе зрительного восприятия. А это означает, что анизотропность отражательной системы обладает важной характеристикой – возможностью выявления и фиксации различия и сходства. Следовательно, именно между дискретными элементами *анизотропной* структуры возможно образование таких отношений, в которых посредством фиксации *различия* и *сходства* порождается сопредставленность отраженных форм.

Развивая свои идеи далее в этом направлении, А.И. Миракян выявляет другой важный принцип психического отражения – *принцип образования анизотропных отношений*, а именно то, что анизотропность дает возможность образования отношений между дискретными элементами отражательной системы. При этом «...важно то, что образование отношений, как и анизотропность, являются не только особенностью материальной природы, но и выступают как всеобщие принципы, также лежащие в основе психических процессов отражения» [Миракян, 1992, с.101]. Причем в живой системе образование отношений может происходить лишь в определенной структуре, имеющей возможность фиксации образовавшихся отношений, которые и определяют разрешающую способность

отражательной системы. Под фиксацией А.И. Миракян понимает «...связь между двумя дискретными элементами (участниками отношений) в едином (третьем), обеспечивающем фиксацию их различия или сходства» (там же). Образование двуединых отношений в этом контексте рассматривается как элементарный механизм формопорождения, превращения гомогенности в анизотропность или как своеобразная «клеточка», реализующая возможность отражения.

Причем по предположению А.И. Миракяна, элементы, в которых образуются двуединые отношения, могут быть *одинаковыми*, однородными в одном объективном качестве и одновременно *различными*, анизотропными в другом качестве. Тем самым, в данном конкретном случае, А.И. Миракян демонстрирует один из частных проявлений принципа единства симметрии и асимметрии. Как, например, кристалл кварца, неоднородный в отношении направления механического сжатия, одновременно обладает симметрией шара (то есть однородна по всем направлениям) в случае распространения в нем тепла. Уточним, однако, что в живой системе в результате процесса отражения это объективное различие и одинаковость порождаются, как отраженная форма, и фиксируются (выявляются и сохраняются), как следствие образования двуединых отношений в соответствующем (двуедином) элементе отражательной системы.

Кроме того, естественной границей, отделяющей две одинаковые дискретности, по существу, является ось симметрии, относительно которой проявляются их различие и сходство. А это означает наличие возможности появления симметричности – при образовании отношений между двумя дискретными элементами отражательной системы, – что позволяет конкретизировать двуединые отношения, как симметрично-двуединые отношения. Поэтому «симметричность является имманентным свойством процесса образования двуединых отноше-

ний между двумя дискретными элементами относительно разделяющей их границы. В силу того, что в живом образовании отношений фиксируется в определенной анизотропной структуре отражательной системы, обеспечивающей возможность образования двуединых отношений, то можно предположить, что симметричность должна быть одной из структурообразующих основ отражающей системы» [Миракян, 1992а, с. 42-43].

Таким образом, проведенный выше анализ показал, что соображения, идеи, понятия и принципы симметрии играют важную, если не основную, роль в концепции непосредственно-чувственного отражения А.И. Миракяна.

Особенно важным нам кажется описание изменений особенностей проявлений симметрии и асимметрии при переходе из реальности, подлежащей отражению, в реальность процесса психического отражения. Значимым в описании этого перехода является и то, что вместо эволюционного подхода, который был бы проявлением обычного физикального образа мышления (так как обращаются к уже отраженным, то есть имеющимся в науке, представлениям об атомах, молекулах, клетках и т.д. и их свойствах), А.И. Миракян использовал афизикальную парадигму, согласно которой для изучения процесса психического отражения необходимы данности, индифферентные по отношению к реальности психического, то есть те (данности принципов и закономерностей), что лежат в основе самодвижения материи. Симметрия, асимметрия и аналогичные им понятия – гомогенность, изотропность, сходство, однородность, одинаковость – вместе с совокупностью соответствующих им симметрично противоположных понятий оказались достаточно эффективными для построения априорной теоретической модели процесса психического отражения.

Экспериментальные исследования как А.И. Миракяна, так и его учеников и последователей, а также конкретные практические разработки по моделированию процесса психического

отражения [Миракян, 1992б], выполненные на основе этой теории, подтвердили ее действенность и право на существование.

И, наконец, хотим обратить внимание на то, что **парность** (или **бинарность**), которая в контексте данной теории выступает в качестве минимально необходимого условия для образования симметрично-двуединых отношений и фиксации, является не только основой для выделения объекта из нерасчлененной гомогенности и выявления сходства и различия или установления границ между объектами, но и, как это будет показано в последующих главах, имеет особое значение для возникновения, существования и развития психического в целом. Об одной такой возможности сам А.И. Миракян пишет: «Косвенным доказательством, удостоверяющим правомерность постулирования образования именно двуединых отношений как исходного элементарного механизма, лежащего в основе процесса отражения является тот известный, но в принципе удивительный и до сих пор необъяснимый факт, что органы чувств живых существ представлены парами: два глаза, две руки, два уха и т.д.» [Миракян, 1992а, с. 42]. А из этого факта, как известно, следует, что взаимодействие между органами восприятия, составляющими пару, приводит к порождению новых психических функций восприятия и возникновению явлений функциональной асимметрии. Анализу этих явлений с позиций принципов симметрии посвящен следующий раздел.

7.2. Особенности функциональных асимметрий человека: школа Б.Г. Ананьева

В психологической литературе имеются многочисленные данные о проявлениях функциональных асимметрий. Однако для того, чтобы показать, что симметрия и асимметрия, как свойства явлений и процессов, изучались и в психологии, мы

обратились только к тем данным о функциональной асимметрии, которые получены в русле одного направления, обобщены одной мыслью и позволяют рассмотреть их с разных сторон. Этим условиям отвечают многолетние и плодотворные исследования функциональных асимметрий, проведенные под руководством известного советского психолога Б.Г. Ананьева.

Еще в 1948 году Б.Г. Ананьев писал, что «в симметрии строения и асимметрии функционирования дистантрецепторов и двигательного аппарата скрыта одна из самых крупных загадок современной психофизиологии, без раскрытия которой нельзя разрешить ни одного вопроса теории восприятия пространства» [Ананьев, 1948, с. 18]. Если учесть приведенные выше результаты анализа работ А.И. Миракяна и то значение, которое придавалось в его теории образованию анизотропных (асимметричных) отношений, симметрично-двуединым отношениям для порождения процесса восприятия, то можно сказать, что слова Б.Г. Ананьева были пророческими для того времени. Именно с целью разрешения «одной из самых крупных загадок» психологии восприятия пространства Б.Г. Ананьев обратился к явлениям многократного резервирования функций в парных органах восприятия, их дублирования и компенсации, что привело к исследованию функциональных симметрий и асимметрий парных рецепторов и регуляторных функций больших полушарий головного мозга человека.

В области зрительного восприятия В.И. Кауфманом (1953), а в последствии и Е.Ф. Рыбалко (1963), было обнаружено явление ведущего поля зрения, то есть асимметричность монокулярных полей зрения. Такие же эксперименты были проведены М.Г. Бруксоном (1953), при участии детей с нормальными способностями и детей с умственной отсталостью. Сравнительный анализ данных показал, что кроме резкого концентрического сужения обоих полей зрения у детей с умственным отставанием, более часто встречаются случаи полного равен-

ства полей зрения (симметрия). Это означает, что периметрическое исследование полей зрения в отношении их симметрии и асимметрии может иметь психодиагностическое значение.

Интересные данные по функциональной асимметрии ощущения *глубины* получены В.А. Мадановой (1953). Исследование монокулярного восприятия глубины показало, что у испытуемых с полным равенством монокулярных систем (симметрий) монокулярное восприятие глубины невозможно. Если же имеет место функциональная асимметрия монокулярных систем, то обнаруживается резко выраженная асимметрия глубинного глазомера и способность к монокулярному восприятию глубины. Выявились и другого рода асимметрии, характеризующиеся монокулярным глубинным глазомером как правого, так и левого глаза. Эти испытуемые обладали особой подвижностью во взаимоотношении монокулярных систем, мгновенной способностью *переключения* ведущей роли с одного глаза на другой. «Можно предположить, – пишет Б.Г. Ананьев, – что в подобных случаях *переключение* взаимной индукции нервных процессов определяет максимальную пластичность обеих частей светового анализатора» [Ананьев, 1955, с. 146].

Онтогенетические исследования выявили сложную картину изменений функциональных симметрий и асимметрий в сенсорном развитии детей. Данные, характеризующие онтогенетическую эволюцию монокулярных асимметрий у детей дошкольного и школьного возраста получены Б.Г. Ананьевым и Е.Ф. Рыбалко (1964).

В этом исследовании показана динамика изменений и сочетаний функциональных симметрий и асимметрий зрительного восприятия в онтогенезе. Согласно этим данным, в наименьшей мере асимметрия проявляется в остроте зрения (33,9%), в наибольшей степени она выражена в поле зрения (99,4%), а затем – в глазомерной деятельности (93%). Приведенные цифры представляют собой сумму левшей и правшей в %.

Анализируя и обобщая работы по зрительному восприятию, Б.Г. Ананьев приходит к выводу, что «...чем сложнее различительно-пространственная деятельность, осуществляемая зрительной системой, тем чаще проявляется асимметрия ее функций» [Ананьев, 1958, с. 255].

В области слухового восприятия также обнаружены динамические функциональные симметрии и асимметрии. Камертонные и аудиометрические исследования остроты слуха (М.В. Неймарк) у одних и тех же испытуемых показали, что соотношения между функциональными симметриями и асимметриями существенно зависят от способа определения остроты слуха – левосторонняя асимметрия при камертонном исследовании сменяется на правостороннюю при аудиометрическом; изменяется число случаев равной остроты слуха при переходе от первого способа ко второму. Этим подтверждается факт многообразия пластичности анализатора, отражающего многообразие изменений окружающей среды.

Важный факт был обнаружен в связи с вопросом о факторе асимметрии. Первоначально предполагалось, что «...фактором асимметрии является преобладание той или иной стороны самого анализатора, независимо от направления звука. Но затем оказалось, что фактором асимметрии относительно независимо от сторон анализатора служит само направление звука» [Ананьев, 1955, с. 159]. Аналогичный факт был обнаружен в опытах И.Г. Клейтман по изучению монокулярных ощущений глубины. Оказалось, что значение имеет не только то, каким глазом человек различает разность расстояний между двумя параллельными объектами, но и то, какой именно объект изменяет свое положение: правый или левый. При этом обнаружилось, что левая или правая сторона воспринимаемого поля различно дифференцируются каждой монокулярной системой (там же, с.146).

Таким образом, функциональная асимметрия определяется не только морфологическими и функциональными возможнос-

тями анализатора, но и асимметрией «среды», то есть асимметрией взаимодействия со средой.

В работе Л.В. Климовой [Ананьев, 1955, с. 162] анализу подвергались связи между явлениями функциональной асимметрии слуха и зрения у одних и тех же испытуемых. Этот анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев обнаруживается общность зрительных и слуховых асимметрий. По этому поводу Б.Г. Ананьев пишет: «Функциональная асимметрия есть явление более или менее общее для системной работы коры головного мозга данного человека, а не только узко специальное для отдельного анализатора» (там же). Однако, согласно статистическому анализу, эти интермодальные связи не являются устойчивыми и глубокими, поэтому совпадение функциональной асимметрии зрения и слуха можно считать весьма относительным явлением.

Изучение Б.Ф. Ломовым периодов времени для ощупывания плоскостных фигур отдельно правой и левой руками (до получения адекватного образа) показало, что в подавляющем большинстве случаев период времени ощупывания левой рукой короче, чем правой. То есть, в данных опытах проявилась левосторонняя асимметрия в развитии осязания. Это же явление подтвердилось в опытах Б.Ф. Ломова (1954) на объемных фигурах.

Таким образом, в зрительном, слуховом и тактильном восприятии функциональные и динамические асимметрии являются одним из необходимых условий адекватного отражения пространственных свойств и отношений объектов, обеспечивая в своей динамике гибкость восприятия.

Обобщая эти и многие другие данные по функциональной асимметрии (Ананьев, 1955, 1963; Ананьев и сотрудники, 1959; Ананьев, Рыбалко, 1964 и др.), Б.Г. Ананьев приходит к выводу, что парность всех воспринимающих органов, билатеральные связи с мозгом, а также парность и совместная работа

больших полушарий головного мозга человека образуют специфическую билатеральную систему регулирования, являющуюся дополнительным «горизонтальным» контуром регулирования. Именно на симметричной парной структуре возможна не полностью совмещенная работа парных рецепторов и полушарий головного мозга, приводящая к прогрессивному развитию стереоскопичности и дальномерности сенсорных функций, необходимых для отражения таких свойств пространства, как протяженность, трехмерность глубины, направление и т.д. В такой системе возможны многообразные и динамичные симметрично-асимметричные функциональные отношения, которые образуют механизм дублирования, компенсации и гибкой перестройки работы парных органов, в соответствии с изменениями условий и объектов восприятия.

Систематически развивая свои идеи, Б.Г. Ананьев выходит за пределы психологии. В функциональной асимметрии, внешним проявлением которой является та или иная форма правшества-левшества, Б.Г. Ананьев усмотрел специфическую реализацию общеприродной тенденции и универсальность проявлений симметрии и асимметрии в неживой и живой природе. Рассматривая данную проблему в духе Л. Пастера, П. Кюри и В.И. Вернадского, Б.Г. Ананьев писал: «Явления правшества и левшества в человеческом развитии нельзя полностью понять без их связи с более общими явлениями правизны и левизны в природе – фундаментальными феноменами, изучаемыми в геохимии, кристаллографии, физике и других областях современного естествознания» [Ананьев, 1958, с. 255]. По существу эти слова означают, что симметрия и асимметрия, как всеобщие свойства явлений природы, присущи и психическим явлениям, поэтому возможно не только обнаружение этих свойств в психическом, но и установление с их помощью определенных связей и отношений с другими явлениями природы.

Здесь интересно отметить также то, что Б.Г. Ананьев при поиске объяснений особенностей психических проявлений

пытался выйти за пределы конкретно психической реальности и искал их в независимых, относительно этой реальности, общеприродных тенденциях (по крайней мере, ставил вопрос об этом), что в дальнейшем было осуществлено А.И. Миракяном при исследовании процесса психического отражения, но уже с позиций афизикальной парадигмы.

Следует отметить, что результаты исследований функциональных асимметрий, полученные Б.Г. Ананьевым и его сотрудниками, были подтверждены работами многих других авторов (Арутюнян, Петросян, 1999; Брагина, Доброхотова, 1981; Суворова, 1975; Хачапуридзе, 1962).

Таким образом, изучение проявлений симметрии и асимметрии в процессах восприятия позволило Б.Г. Ананьеву вплотную подойти к раскрытию некоторых механизмов отражения, показав необходимость и значение бинарных эффектов и динамических латерализаций для их существования.

Логика этих исследований такова, что требует более углубленного понимания, почему именно морфологическая билатеральная симметрия должна образовывать ту структуру, посредством которой реализуются нейрофизиологические процессы – биологические основания психических явлений; какие потенциальные возможности скрыты в билатеральной симметрии; почему эволюция приводит именно к такой пространственной организации тела и органов восприятия высших животных и человека. Не менее важен для психологии вопрос об отношении билатеральной симметрии, как физического качества человека, к образованию психического.

Раскрывая сущность системного подхода в психологии, Б.Ф. Ломов подчеркивает реальность существования таких отношений (между физическим и психическим) и необходимость учитывать их при анализе психических явлений. «Человек не только живет в физической среде, – пишет Б.Ф. Ломов, – он сам является физическим телом и, как таковое,

обладает рядом физических качеств в их специфическом земном выражении. На первый взгляд может показаться, что физические качества человека не имеют никакого отношения к психологии» [Ломов, 1975, с. 38]. И далее, развивая эту мысль, Б.Ф. Ломов отмечает, что «...действие физических законов проявляется опосредствованно (и, пожалуй, многократно опосредствованно); эти законы погружены в основание жизни весьма глубоко» (там же).

И как раз у Б.Г. Ананьева показывается, насколько усложняется данное физическое качество (в нашем контексте – билатеральность, парность анализаторных систем человека), трансформируясь в психологическое, становясь динамичным свойством психического отражения, детерминированным изменчивостью внешних и внутренних условий.

Более того, все полученные в этой области психологии теоретические и экспериментальные данные хорошо согласуются с методологическим принципом «асимметричности взаимодействия в системе психического», выдвинутым Ю.М. Забродиным (1977).

Таким образом, работы Б.Г. Ананьева и его последователей дают основание для постановки проблемы изучения явлений симметрии и асимметрии не только на уровне физической, анатомической, физиологической, но и психической организации человека, показывают их значение в формировании познавательной деятельности. Поэтому выявление свойств симметрии-асимметрии психических процессов должно играть также важную роль в освещении проблем генетического развития мышления.

7.3. Симметрии и асимметрии в явлениях развивающегося интеллекта: концепция Ж. Пиаже

С целью выявления особенностей симметрии и асимметрии мышления, проявляющихся в процессе его онтогенеза, мы

обратились к концепции генетического развития интеллекта Ж. Пиаже.

Обращение к психологической концепции Ж. Пиаже обусловлено тем, что именно в ней наиболее выпукло проявляется возможность применения принципов симметрии как метода исследования в психологии.

В своих работах Ж. Пиаже прямо не употребляет понятия симметрии, однако наличие таких понятий, как сохранение, равновесие, инварианты и т.д., составляющие основу категориального аппарата его теории, говорит о том, что Ж. Пиаже опирался на необходимость соблюдения закономерностей симметрии, хотя в известной нам литературе об этом он не писал.

Целью данного раздела является анализ значения понятий симметрии и асимметрии для построения теории генетического развития интеллекта, не касаясь вопроса критической оценки теории. Отметим только, что генетическая психология Ж. Пиаже, несмотря на некоторые недостатки, является одной из фундаментальных теорий в современной психологической науке [Пиаже, 1969].

Устремление Ж. Пиаже к принципам симметрии выражается, прежде всего, в самом подходе при построении теории. Анализ позволил выявить три аспекта такого подхода, которые отвечают требованиям симметрии. Первый аспект – повторяемость (инвариантность во времени изучаемых явлений), второй – выделение двух взаимоположенных сторон явления (процесса, функции и т.д.), и третий аспект – это идея равновесия, на которой по существу построена вся теория Ж. Пиаже.

Выделенные аспекты не составляют иерархической системы (Ж. Пиаже не делал подобного разделения, необходимого нам для анализа – все три аспекта Ж. Пиаже реализует одновременно), поэтому порядок их обсуждения может быть произвольным. Однако выбранный порядок удобен тем, что при рас-

смотрении первых двух аспектов мы раскроем, с точки зрения симметрии, содержание наиболее значимых проявлений интеллекта, изученных Ж. Пиаже, а при рассмотрении третьего аспекта выясним значение симметрии в организации динамики функционирования интеллекта.

1. ПОВТОРЯЕМОСТЬ. Как было показано в предыдущей разделе, повторяемость – это одно из проявлений симметрии. Примерами такой симметрии могут служить всякого рода ритмы, циклы, регуляции и т.п. – повторение времен года, смены дня и ночи, привычного распорядка дня и т.д. (симметрия во времени); повторение элемента симметрии орнамента или геометрической симметричной фигуры и т.д. (симметричная повторяемость в пространстве). Особая значимость этих видов симметрии выражается в том, что, как известно, они лежат в основе выявления законов природы: о законах можно говорить только тогда, когда явления повторяются или воспроизводимы.

а) Качественные стадии. Одним из основных понятий теории Ж. Пиаже является понятие качественной стадии, обозначающее определенный уровень развития интеллекта, который через несколько лет, качественно изменяясь, образует новую стадию. Однако при этом важно не только само изменение. При определении стадий важно и то, что они должны возникать в строгой последовательности (один из моментов определения стадий). Тогда можно говорить о ряде стадий как об элементе симметрии, а сама симметрия выразилась бы в том, что *каждый ребенок* в своем развитии проходит все стадии в одной и той же последовательности.

Как следствие этой симметрии, становится возможным идентифицирование способностей детей по определенным стадиям их интеллектуального развития, независимо от их возраста, так как ряд стадий составляет порядковую, а не интервальную шкалу.

Таким образом, этот вид симметрии имеет отношение не напрямую к самим стадиям, а к их возникновению. То есть мы можем исследовать развитие любого ребенка и определить, что каждый проходит одни и те же стадии интеллектуального изменения. Этим удовлетворяется условие симметрии – изменение (выбор ребенка) и сохранение (постоянство возникновения стадий в неизменном порядке, как повторение одного и того же). Если же формы поведения появляются не в постоянной онтогенетической последовательности, то «...ошибочно говорить о них как о стадиях» [Флейвелл, 1968, с. 37]. Как покажет дальнейший анализ, сами стадии так же обладают свойствами симметрии.

б) Схемы. Схема – это познавательная структура, которая дает возможность ребенку ассимилировать окружающую его действительность. Не останавливаясь на всем многообразии проявлений схем, начиная от простых актов сосания и хватания и заканчивая сложными построениями действий при решении задач уже взрослым ребенком, отметим основные свойства схемы, которые не зависят от ее вида и сложности, то есть определяют схему как таковую. Ж. Пиаже выделяет два таких свойства: целостную организованную последовательность выполняемых актов или действий, составляющих схему, и их способность к повторению. «Какой бы простой ни была схема, она является схемой только в силу того факта, что компоненты поведения, которые она вызывает к жизни, составляют прочное целое, что она способна к *воспроизведению* (подчеркнуто нами – Р.Н.) и поддается выделению как фигура на фоне менее прочно организованных форм поведения» [Пиаже, 1969, с. 79]. Среди множества форм поведения Ж. Пиаже выбирает для анализа только такие, которые многократно повторяются при каждой встрече с объектами действительности, образуя симметрию поведенческого (интеллектуального, познавательного) «пространства» ребенка.

Постепенно схемы изменяются, становятся более сложными и, при возникновении качественного отличия от предыдущих, образуют новую стадию развития. Поэтому симметрия проявлений схем в переходные периоды развития интеллекта нарушается. Внутри же стадий проявление схем (или группировок, когда имеются в виду высшие стадии развития) практически однородно, что как раз и позволяет говорить о качественных стадиях развития.

в) Вертикальные и горизонтальные декаляжи. Вертикальный декаляж – это повторение («смещение во времени»), происходящее на разных стадиях развития интеллекта. Это относится к схемам и познавательным структурам вообще, применяемым к объектам идентичного содержания и обладающим, несмотря на принципиально разные условия функционирования, определенным сходством. Так, например, развитие константности предметного восприятия позволяет ребенку видеть и узнавать предметы независимо от позиций наблюдения. Гораздо позднее этот же ребенок может мысленно представить себе систему возможных точек зрения, уже не совершая при этом никаких действий. «Познавательная структура в этих двух случаях действительно будет иметь формальное сходство (координация перспективы); в обоих случаях, в сущности, не изменяется и содержание, с которым оперирует ребенок. Однако решение обеих задач осуществляется в совершенно различных плоскостях деятельности – сенсомоторной и символической» (там же, с. 41).

Таким образом, вертикальные декаляжи – это проявление преобразования симметрии в изменяющихся познавательных структурах, объединяющее качественно различные стадии в цельную и организованную систему.

Интересно отметить, что горизонтальные декаляжи не обладают свойством симметрии, хотя и классифицируются как вид повторяемости, происходящей на одной и той же стадии развития.

Горизонтальный декаляж, как известно, означает повторное применение познавательной структуры данного уровня функционирования для решения задачи, которая раньше (год или того больше) не решалась, хотя другие подобные задачи, требующие применения тех же структур, в то время уже решались.

Однако это повторное «вызывание к жизни» познавательных структур не говорит еще о симметрии. В случае вертикального декаляжа как изменение, так и сохранение относились к самим структурам, а в случае горизонтального декаляжа изменение относится к объектам познания, а сохранение – к структурам. То есть, в самом себе горизонтальный декаляж – явление асимметричное, призванное, по-видимому, обеспечивать *постепенность* развития. Дж. Флейвелл так характеризует оба вида декаляжей: «Наличие горизонтального декаляжа указывает, по-видимому, на существование известной *разнородности* там, где можно было бы предположить наличие одной только однородности.

Вертикальный декаляж указывает, скорее всего, на прямо противоположные факты. Действительно, он подчеркивает скрытое *единообразие* разных стадий, несмотря на все видимые различия между ними» [Флейвелл, 1968, с. 42].

И, тем не менее, явление горизонтального декаляжа выделено Ж. Пиаже как нечто особое, характеризующее развивающийся интеллект, и в силу того, что оно повторяется на каждой стадии развития. Следовательно, если горизонтальный декаляж не образует внутри себя симметрии, то его повторяемость внутри каждой стадии приводит к симметрии самих стадий (подобно тому, как закономерное повторение асимметричных элементов фигуры приводит к симметрии всей фигуры в целом).

Таким образом, приведенные примеры показывают, что при построении своей теории Ж. Пиаже во всех проявлениях

интеллекта стремился выделить общие и повторяющиеся моменты: в созревании детей – стадии развития интеллекта; в стадиях – декаляжи; в структурах поведения – определенные схемы или группировки; в функционировании интеллекта – соответствующие инварианты, которые в этом пункте не были рассмотрены ввиду их очевидности и т.п. И, кроме того, симметрия повторения обладает свойством «связывания» (включения), а это придает концепции Ж. Пиаже целостный и системный характер.

2. СИММЕТРИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ. Здесь мы попытаемся проследить, как в концепции Ж. Пиаже проявляется антисимметрия – одно из фундаментальных свойств явлений объективной действительности.

Как уже было отмечено выше, симметрия противоположностей или антисимметрия означает то, что объекты антисимметрии (вещи, свойства, отношения) переходят друг в друга при перемене их знака, цвета, состояния на противоположный, например, позитрон и электрон, позитив и негатив фотоснимка, процессы расплавления и кристаллизации и т.д. Закономерности проявления феноменов антисимметрии находятся в прямом отношении к диалектическому закону единства и борьбы противоположностей.

а) Организм – среда, субъект – объект. Раскрывая содержание психической организации интеллекта, Ж. Пиаже особое внимание уделяет отношениям организм-среда, субъект-объект, от которых, по его мнению, зависит решение, объясняющее интеллект [Пиаже, 1969, с. 70-76]. Анализируя генетические и негенетические теории интеллекта (шесть вариантов), Ж. Пиаже показывает, что исследователи либо отдавали предпочтение одному из членов отношения субъект-объект, либо, признавая их единство, игнорировали генетическую природу интеллекта (гештальт-психология). Ж. Пиаже останавливается на последнем варианте возможных теорий интеллекта, рас-

смаатривающего его как с точки зрения генетического развития, так и во взаимодействии субъекта и объекта. Это взаимодействие образуется наиболее важной парой понятий, целенаправленное раскрытие содержания которых приводит Ж. Пиаже к операционной теории интеллекта. «Согласно этой точке зрения, – пишет Ж. Пиаже, – интеллектуальные операции... выступают как реальные действия в двойном смысле: как результат действия субъекта самого по себе и как результат возможного опыта, возникающего из взаимодействия с окружающей действительностью» (там же, с. 75).

В этом и проявляется противоположность субъекта и объекта, свойство, характерное для всех антисимметричных пар объектов. С одной стороны, действительность оказывает воздействие на субъекта, изменяя его интеллектуальные структуры, с другой стороны, в едином акте взаимодействия субъект видоизменяет объекты познания, приспособлявая их к особенностям своих интеллектуальных структур.

б) Организация – адаптация, структура – функция. Наиболее общими характеристиками (свойствами) интеллекта являются организация и адаптация. Каждое из этих свойств в отдельности уже обладает свойством симметрии, заключающимся в том, что, как бы ни изменились структуры познания субъекта в ходе его онтогенетического развития, интеллект всегда будет обладать свойствами организации и адаптации. Поэтому Ж. Пиаже называет их инвариантами интеллекта.

Организация, как известно, означает, что познавательные действия субъекта на всех стадиях развития интеллекта, представляют собой организованное *целое*, наделенное определенной структурой. С самого начала, уже на уровне сенсомоторного интеллекта, познавательные действия ребенка не хаотичны, а образуют целостную систему действий, направленных на объект познания. В то же время, функционирование интеллекта, обладающего организацией, происходит адаптивно, то есть

особым образом, приводящим к уравниванию интеллекта с окружающей средой (объектами познания). Организация интеллектуального процесса обуславливает его же адаптацию, но с другой стороны, приспособляясь, интеллект самоорганизуется, видоизменяет свою организацию. По нашему мнению, организация и адаптация выступают у Ж. Пиаже как пара антисимметричных понятий, характеризующих противоположные, но находящиеся в единстве явления: без адаптации не может быть организации и наоборот.

Ж. Пиаже конкретизирует организацию и адаптацию в понятиях структуры и функции. Схемы, группировки и т.п. у него выступают как структурные образования, а ассимиляция и аккомодация – как функциональные. Очевидно, что они не отделимы друг от друга, всегда выступают в единстве, взаимовлияя друг на друга. Следовательно, отношения между структурой и функцией, как и отношения между организацией и адаптацией, могут быть оценены как отношения антисимметрии.

в) Ассимиляция – аккомодация. Адаптация по Ж. Пиаже представляет собой единство двух функциональных инвариантов – ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция означает «включение объектов в схемы поведения» (там же, с. 66), то есть приспособление объектов познания к интеллектуальным структурам. Аккомодация, наоборот, есть процесс приспособления интеллектуальных структур к реальной действительности. Ж. Пиаже особо подчеркивает их единство и противоположность: «Ассимиляция никогда не может выступать в чистом виде, потому что интеллект, включая в свои старые схемы новые элементы, постепенно изменяет первые для того, чтобы приспособиться к новым элементам. И наоборот, мы никогда не знаем вещей самих по себе, потому что эта работа по аккомодации может возникнуть только как функция противоположного ей процесса ассимиляции» (там же, с. 73).

Таким образом, соотношение процессов ассимиляции и аккомодации можно рассматривать как проявление симметрии противоположностей или антисимметрии.

Анализ показал, что существенным моментом теории Ж. Пиаже является рассмотрение психических явлений с точки зрения единства противоположностей. Отмечая стремление Ж. Пиаже к симметрии, Дж. Флейвелл пишет: «С этой особенностью стиля Ж. Пиаже тесно связана и его тенденция к выделению двух противоположных позиций, подходов и пр., с последующим разрешением их конфликта на гегелевский манер – через выделение третьего, среднего члена. И здесь мы видим своего рода симметрию» [Флейвелл, 1968, с. 60].

Симметриям в концепции Ж. Пиаже, по мнению Дж. Флейвелла, подчинены не только рассмотренные выше самые основные понятия теории, характеризующие интеллект в целом как единую *диалектично* развивающуюся систему, но и второстепенные частные понятия, вытекающие из конкретных экспериментальных исследований. «Так, психологическая конструкция числа, одновременно порядкового и количественного, является результатом синтеза системы классов (координация) и системы асимметричных отношений (ординация)» (там же). Или же, «...аналогичным образом и понятие единицы измерения выводится из синтеза подразделения и перемещения» (там же). К сказанному можно присоединить также примеры антисимметричных явлений, обнаруживаемых в феноменах центрации и децентрации механизмов восприятия.

Список подобных антисимметричных понятий и соответствующих им явлений можно расширить, если углубиться в обширную экспериментальную часть исследований Ж. Пиаже. Однако уже из приведенных примеров ясно, что выявление подобного рода фактов не является результатом неожиданного или случайного открытия, а есть следствие *применения последовательного теоретического принципа*, несмотря на то, что

Ж. Пиаже нигде не ссылался на принцип единства противоположностей или симметрии противоположностей.

3. РАВНОВЕСИЕ. Связь равновесия с симметрией очевидна и не требует особого доказательства. Подчеркнем только, что симметрия (пространственных вещей, процессов и т.д.) является необходимым условием равновесия; без симметрии не может быть равновесия. Поэтому само состояние равновесия обладает некоторыми свойствами симметрии, наиболее важными из которых является обратимость.

Разрабатывая свою концепцию, Ж. Пиаже стремился наметить основные сквозные линии, пронизывающие все развитие, и показать изоморфизм, существующий даже между самой примитивной рефлекторной активностью новорожденного и логическими операциями самого высокого уровня. Особенно удобным для этой цели Ж. Пиаже считал модель равновесия, в которой диалектично сочетаются дискретное и непрерывное, разнородное и однородное, что соотносится с состоянием равновесия и процессом уравнивания.

С самого начала необходимо отметить, что в этой концепции равновесие понимается двояко. Ж. Пиаже считает, что возникновение инварианта в интеллектуальной структуре (означающее независимость восприятия или познания от изменения условий познания, т.е. константность познания) непосредственно связано, во-первых, с уравниванием операций между собой, во-вторых – с уравниванием субъекта и объекта.

В поведенческом и интеллектуальном развитии субъекта состояния равновесия образуют иерархический порядок, характеризующий качественные стадии развития.

Так, первичное восприятие характеризуется чрезвычайно малым полем применения, практически полным отсутствием подвижности, сдвигами равновесия при каждом преобразовании перцептивного поля и отсутствием компенсаторных кор-

рекции иллюзий, возникающих при центрации. Непрерывный на всем протяжении развития, процесс уравнивания приводит к образованию все более сложных структур восприятия, сенсомоторной деятельности, дооперациональных, конкретно и формально операциональных систем интеллекта, в которых происходит постепенное увеличение поля применения, подвижности, устойчивости и компенсаторных коррекций, т.е. обратимости.

Устойчивое равновесие формально операциональных структур, полная сбалансированность процессов ассимиляции и аккомодации обеспечиваются именно благодаря возникновению обратимых операций, означающему, что каждому действию структуры противопоставлено обратное ему противодействие. *Это и есть симметрия функциональных процессов, заключенная в понятии равновесия – результат, к которому стремится (по Ж. Пиаже) развивающийся интеллект.* И, естественно, чем ниже уровень этого развития, тем «ниже» эта симметрия, доходящая до своей противоположности – асимметрии всегда там, где есть сдвиги равновесия.

Оценивая значение обратимости для Ж. Пиаже, Дж. Флейвелл пишет: «На протяжении всех своих работ он (Пиаже – Р.Н.) употребляет термин «обратимость», почти как синоним «равновесия». В его понимании обратимость – это неизбежное следствие процесса уравнивания структур, любая психологическая система, находящаяся в прочном равновесии, должна обладать функциями сбалансирования и компенсации, а их-то и обеспечивают операции отрицания и реципрокности» (там же, с. 93).

Таким образом, в этом разделе были рассмотрены три вида проявлений симметрии в концепции, развиваемой Ж. Пиаже: повторяемость, симметрия противоположностей и равновесие, характеризующие основные понятия и явления психического

развития. Анализ теории Ж. Пиаже, с точки зрения принципа симметрии, показывает, что именно разнообразие и последовательное «внедрение» симметрии в теорию обусловило ее фундаментальность, диалектичность, логичность и стройность. И нам кажется, что именно применение принципа симметрии является причиной силы огромного магического воздействия на умы исследователей, тщательно ознакомившихся с теорией Ж. Пиаже. Однако следует отметить, что самим автором концепции генетического развития интеллекта они не были сформулированы как принципы построения теории. Ж. Пиаже не ставил перед собой такой задачи, и надо полагать, что в этом плане он действовал интуитивно, сообразно своему диалектическому образу мышления.

Именно такой, богатый симметриями, образ мышления легко принимается на веру ввиду особых свойств симметрии – быть закономерностью природы и познания. Поэтому можно понять Л.Ф. Обухову, которая пишет: «Современная зарубежная психология детского мышления буквально блокирована идеями Пиаже. Множество исследований касаются уточнения эмпирических фактов, и почти нет работ, посвященных анализу его теории. Есть много интерпретаторов Ж. Пиаже, но никому не удается вырваться за пределы разработанной им системы» [Обухова, 1981, с. 9-10]. И, тем не менее, уже после того, как образ мышления Ж. Пиаже привел к созданию стройной концепции генетической психологии и эпистемологии, нам кажется правомерным выделение симметрии, как основного системообразующего фактора и теоретического принципа его концепции.

Таким образом, мы попытались показать, что в работах, посвященных вопросам психологии познавательных процессов, исследователи обращались к методологическому подходу, основанному на принципе симметрии, с использованием сооб-

ражений, идей и понятий симметрии-асимметрии. Однако, за исключением проблемы функциональной асимметрии, это обращение носило скрытый характер, так как авторы в своих исследованиях пользовались синонимами понятий симметрии и асимметрии, такими как гомогенность и анизотропность, равенство нетождественного, удвоение, сериация, повторяемость, равновесие, нарушение равновесия, инварианта и т.д. Как было показано в данной главе, несмотря на кажущуюся разнородность, эти понятия в своем содержании обладают одним и тем же содержанием, подчиняющимся закономерностям симметрии и асимметрии. Поэтому мы можем сделать вывод, что кроме специфических различий все три уровня рассматриваемых нами явлений обладают в определенном отношении также и единством. *Это – парность и реализуемые при этом взаимопереходы симметрии и асимметрии.* Так, в случае процессов психического отражения – это симметрично-двуединные элементы отражательной системы и возникающие в них анизотропные отношения, в случае функциональной асимметрии – это парность анализаторных систем (правая и левая сторона органа восприятия и больших полушарий головного мозга) и происходящие на этой структуре симметричные или асимметричные психические и психофизиологические процессы. В концепции Ж. Пиаже – это такие пары симметрично-противоположных понятий и соответствующих им явлений, как среда-организм, объект-субъект, организация-адаптация, ассимиляция-аккомодация и т.д., которые могут находиться в отношениях симметрии и асимметрии. Как следствие, можно констатировать, что аналогия между парностью рук и бинарными структурами мышления не метафорична, а выражает реализацию принципа симметрии, единого для формирования и функционирования познавательных процессов как на уровне восприятия, так и на уровне мышления. Анализ более глубо-

ких явлений, проведенный в п.7.1, позволяет предположить, что явления функциональных асимметрий восприятия и образование симметрично-двуединых отношений в процессах порождения отражения, рассматриваемые с точки зрения потенциальной возможности их возникновения, есть специфическое проявление на разных уровнях психического одной и той же фундаментальной закономерности самодвижения материи или общеприродной тенденции, ядром которой является принцип единства симметрии и асимметрии.

Кроме того, анализ, проведенный с позиции принципа симметрии, позволил выявить значение *асимметрии*, как необходимого условия порождения психического и как интегративного показателя и условия психического развития. И действительно, из исследований процесса непосредственно-чувственного отражения следует, что отражение возможно лишь в анизотропной структурно-процессуальной системе при образовании анизотропных отношений (и, наоборот, в гомогенности не может быть отражения). А онтогенетические исследования функциональных асимметрий показали, что чем сложнее познавательная деятельность, тем сильнее выражена функциональная асимметрия и, наоборот, у детей, не способных выполнять сложные познавательные действия, например, у умственно отсталых детей, наблюдается приблизительное равенство в функционировании парных органов восприятия. В мышлении ребенка переход на новый более адекватный уровень отражения действительности сопровождается разрушением бинарных структур мышления, дифференциацией парных сочетаний понятий и осознанием членов пары, как единичных. А восприятие новой познавательной задачи, согласно концепции генетического развития интеллекта, приводит к нарушению прежнего состояния равновесия формально операциональных структур и

к началу процесса уравнивания, приводящего к формированию новых более сложных структур.

Из всего вышеизложенного вытекает, что методологический подход, основанный на принципе симметрии, может быть использован не только для изучения живой и неживой природы, но и для исследования психических познавательных процессов. И поэтому посредством принципа симметрии-асимметрии объединяются два противостоящих друг другу мира – мир материальных явлений и объектов и мир психических явлений и процессов, что наиболее наглядно было видно при анализе концепции А.И. Миракяна.

ГЛАВА 8. ПРИНЦИП СИММЕТРИИ КАК ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

8.1. Постановка проблемы исследования мышления, основанного на принципе симметрии

В предыдущих разделах были показаны две формы проявления принципа симметрии в психологии: первое – симметрия и асимметрия как свойства познавательных процессов (восприятия и мышления), второе – симметрия как принцип построения психологической теории (Миракян, Пиаже).

В нашем исследовании [Нагдчн, 1988] был проделан следующий шаг в этом направлении, который состоял в том, чтобы показать эффективность применения принципа симметрии в качестве подхода к организации психологического эксперимента (на примере решения мыслительных задач).

Как было ранее показано, обратимость, как свойство симметрии, служит, в частности, важной характеристикой модели равновесия интеллектуальных структур и находит свое подтверждение в экспериментальных работах Ж. Пиаже, касающихся исследований определенных стадий развития интеллекта. Однако в литературе по педагогической психологии – М.М. Вахрушев (1955), М.С. Ерицян (1962, 1975), Н.А. Менчинская (1955), Н.А. Менчинская и М.И. Моро (1955), М.М. Кожевников (1962), С.М. Пилосян (1980), Р.А. Погосян (1987), П.Я. Эрдниев (1969) и др. – указывается на противоположное: если обратимость и имеет место, она часто проявляется не полностью. Отсюда и следует постановка цели нашего экспериментального исследования – изучение свойства симметрии-асимметрии мышления на примере фундаменталь-

ного свойства симметрии – обратимости, играющей важную роль в познавательной деятельности человека.

Идея симметрии-асимметрии была заложена в существо эксперимента через использование взаимнообратных задач *логически равной сложности*, что дает возможность раскрыть симметричные свойства исследуемого объекта – обратимость-необратимость мыслительных операций. Об актуальности выдвигаемой проблемы, но в более широком смысле, О.К. Тихомиров пишет: «Особенности структуры задачи влияют (конечно, не одинаково) на деятельность по ее решению. Тот факт, что одни задачи решаются человеком легко, а другие (конечно, при прочих равных условиях) – трудно, известен достаточно хорошо, но практически не выявляются факторы, детерминирующие это различие... А.Р. Лурия отмечал в своих лекциях, что правильное решение этого вопроса будет очень большим вкладом в психологию мышления» [Тихомиров, 1984, с. 20]

Для решения поставленной задачи в качестве объекта исследования была выбрана психологическая реальность, которая, как и рассмотренные в предыдущей главе явления, обладает бинарной структурой: решение испытуемыми пары задач «противоположного» характера (или взаимнообратных задач). В теории симметрии такие явления, процессы или объекты принято называть антисимметричными или «+» и «-» формами.

На уровне наглядного мышления из множества видов взаимнообратных задач исследуется сложение и вычитание отрезков прямых линий, удовлетворяющих некоторым условиям симметрии, а для высших уровней мышления – сложение и вычитание двузначных чисел, решение прямых и обратных арифметических задач и дедуктивных умозаключений с положительным и отрицательным выводами. С точки зрения логики, задачи, составляющие каждую из выше перечисленных пар, одного и того же уровня сложности, но отличаются направленностью выполняемых действий. Выбор таких задач уже сам по

себе определяет форму анализа полученных результатов: сопоставление результатов и изучение *сходства и различия* в протекании взаимобратных процессов, направленных на их решение.

Так как экспериментальные исследования, приведенные в данном разделе, подробно представлены в наших работах (Нагдян, 1988; 2005б), здесь мы ограничимся лишь обсуждением полученных результатов.

8.2. Асимметрия решения взаимобратных задач равной логической сложности.

Сложение и вычитание отрезков прямых линий.

В этом эксперименте алфавит используемых стимулов был составлен из десяти отрезков прямых линий, длина которых варьировалась от 10 мм до 100 мм, с интервалом различий в 10 мм. Толщина линий и их ориентация (горизонтальная) строго соблюдались, что давало право считать предъявляемые стимулы одномерными.

Прежде, чем приступить к выполнению основной задачи эксперимента – выявлению особенностей решения задач сложения и вычитания отрезков, необходимо было узнать, как воспринимаются испытуемыми сами эталонные отрезки. Это и стало целью первой серии экспериментов, в которой отрезки предъявлялись в случайном порядке. Во второй и третьей сериях испытуемым предлагалась инструкция сложить или вычесть два последовательно предъявляемых отрезка. Операции сложения и вычитания испытуемые должны были проделывать мысленно, без наглядной опоры, после кратковременного предъявления обоих отрезков. Порядок предъявления стимулов был одинаков как при сложении, так и при вычитании: сначала предъявлялся больший отрезок, а затем – меньший. Выбор такого порядка был продиктован естественностью ситуации и необходимостью создания равных условий для сложения и вычитания в действиях испытуемого.

Обсуждение результатов. Данные, полученные в трех сериях эксперимента, позволяют провести сравнительный анализ результатов мысленного сопоставления отрезков прямых линий при их сложении и вычитании.

Результаты экспериментов показали, что испытуемых можно разделить на три группы.

Первая группа испытуемых – это, используя обозначения, принятые в теории симметрии, D-испытуемые, переотмеривающие результат мысленного сопоставления линий, независимо от вида действия, сложения или вычитания. Вторая группа испытуемых – это S-испытуемые, симметрики, переотмеривающие при сложении и недоотмеривающие при вычитании. Третья группа испытуемых – это L-испытуемые, недоотмеривающие, как при сложении, так и при вычитании.

Таким образом, эксперимент и анализ полученных результатов, проведенный согласно соображениям симметрии, привели к выводу о существовании явления мало изученного в психологии, но уже в достаточной степени известного в биологии. А именно, эксперимент выявил известное в биологии явление функциональной симметрии или симметрии функциональных процессов, описанное А.П. Дубровым (1980). Напомним, что сущность этого явления заключается в том, что на одни и те же внешние или внутренние раздражители одинаковые организмы (в том числе и люди) могут реагировать совершенно по-разному, группируясь по виду функциональной реактивности, соответственно на правые – D, левые – L и симметричные – S био-объекты. Аналогичное явление, но уже на уровне психических процессов, мы наблюдаем и в данном случае, при мысленном сложении и вычитании отрезков прямых линий: одни и те же задачи испытуемые решают по-разному и эти различия могут доходить до противоположностей.

Количественный сравнительный анализ результатов трех серий экспериментов также выявил определенные закономер-

ности, подробно изложенные в работе [Нагдян, 2005б, с. 76-80]. Приведем лишь основные данные. Основной результат состоит в том, что вычитание всеми испытуемыми выполняется хуже, с большими ошибками, по сравнению со сложением.

Сравнение ошибок отмеривания между D-, S- и L-испытуемыми показывает, что наибольшие ошибки делали D-испытуемые, как при сложении, так и при вычитании в сторону переотмеривания, а наименьшие – L-испытуемый в сторону недоотмеривания.

О том, что вычитание выполняется хуже, говорят не только достоверные различия между средними значениями **M** ошибок вычитания и сложения отрезков линий, но и то, что δ -ошибок вычитания во всех случаях были больше δ_+ ошибок сложения. Поэтому с уверенностью можно считать, что действие с вычитанием отрезков линий является для испытуемых более трудной задачей, мысленной операцией, чем со сложением.

Учитывая, что операции сложения и вычитания отрезков прямых линий являются частным случаем взаимобратных (+, –) задач, можно предположить наличие подобной асимметрии и при решении подобных задач на уровне понятийного мышления. И если выдвинутое предположение подтвердится, то обнаруженная здесь асимметрия будет не просто фактом, а первым шагом к выявлению *свойства мышления* – асимметрии в решении (+) и (–) задач.

Сложение и вычитание чисел в уме.

Сложение и вычитание отрезков прямых линий является одним из видов взаимобратных задач. В данном разделе ставится цель: сделанный ранее вывод о различии в эффективности решения задач на сложение и вычитание отрезков прямых линий проверить на примерах решения взаимобратных задач другого рода – на уровне понятийного мышления, чтобы выяснить вопрос о специфическом (частном) или неспецифическом (общем) характере этого вывода.

Как и в предыдущем разделе, ставится задача выявить и сопоставить особенности решения «взаимоположенных» задач равной логической сложности.

В качестве первого примера выбрано сложение и вычитание двузначных чисел с одинаковым количеством выполняемых действий; в качестве второго – решение прямых и обратных однотипных арифметических задач; в качестве третьего – решение силлогизмов положительных и отрицательных модусов определенной фигуры. Как видно, выбранные задачи отличаются по уровню возрастающей сложности. Однако, из соображений симметрии, исследованию подвергается не сама по себе зависимость процесса решения задач от уровня сложности, а зависимость процесса решения задач от «знака» или направленности выполняемых операций или действий. Поэтому в дальнейшем мы будем оперировать условным разделением всех решаемых задач на два класса: класс «+» или «позитивные», куда входят задачи на сложение, прямые арифметические задачи и силлогистические задачи утвердительных модусов, и класс «-» или «негативные», куда входят задачи им противоположные.

Операции сложения и вычитания чисел, по своей структуре и особенностям выполнения, довольно-таки близки к операциям сложения и вычитания отрезков прямых линий. Хотя, необходимо отметить, что сложение и вычитание чисел относится к более высокому, более абстрактному уровню мышления, где не так важен компонент перцептивного восприятия.

В известной нам психологической литературе имеется сравнительно небольшое количество работ, в которых арифметический счет использовался для исследования собственно процессов мышления. И, к тому же, в исследованиях мышления выявлялись особенности счета независимо от знака операций, поскольку эта проблема исследователей не интересовала. Исследовалась зависимость точности и времени выполнения

счетных операций от пространственного начертания цифр (Лурия, 1945; Руденко, 1953), от степени сложности задания [Корзакова, 1951], от овладения «переходом через десяток» [Пилюсян, 1980]. Операции сложения и вычитания рассматривались как равноценные. Более подробный анализ литературы по этой теме приведен в работах (Нагдян, 1988; 2005б).

Не ограничиваясь вышеприведенными данными, мы провели собственные эксперименты по выявлению различий в выполнении взаимообратных счетных операций.

С этой целью 10 ученикам старших классов предлагалось решить 10 примеров на сложение и столько же примеров на вычитание. Для каждого испытуемого фиксировалось общее время решения 10 заданий.

Так как мы не ставили перед собой цель изучить быстроту выполнения каждой операции в отдельности, а нас интересовали различия в выполнении операций сложения и вычитания, то это обстоятельство позволило значительно упростить методику данной серии экспериментов. Общее время фиксировалось от начала записи первого ответа до начала записи последнего ответа.

Результаты эксперимента [Нагдян, 2005б, с. 84] позволяют констатировать факт наличия асимметрии протекания мыслительных процессов при решении задач на сложение и вычитание двузначных чисел.

Сопоставление данных этого эксперимента с данными эксперимента на сложение и вычитание отрезков прямых линий показывает, что, если в случае оперирования отрезками линий асимметрия проявляется как тенденция, то в экспериментах с числами получена устойчивая закономерность. Отличие в данных двух экспериментов можно объяснить, во-первых, тем, что первый эксперимент более сложен как в смысле самой процедуры проведения, так и с точки зрения испытуемого – из-за отсутствия точных ориентиров измерения величины

воспринимаемых линий; во-вторых, некоторые различия в сложности задач на сложение и вычитание линий, что повлияло на чистоту эксперимента.

Выявление асимметрии протекания мыслительных процессов при сложении и вычитании отрезков и чисел позволяет предположить, что она должна проявиться и на более высоких уровнях мышления, например, при решении прямых и обратных арифметических (сюжетных) задач.

Решение прямых и обратных арифметических задач.

Прямые и обратные арифметические задачи, как по форме, так и по содержанию, значительно отличаются от сложения и вычитания линий и чисел. Можно сказать, что решение арифметических задач – это уже другой, более высокий уровень мыслительной деятельности, на котором устанавливаются и определяются отношения и связи между объектами внешней деятельности человека. Однако, несмотря на такую большую разницу, все эти три варианта заданий – решение прямых и обратных арифметических задач, операции сложения и вычитания чисел, операции сложения и вычитания отрезков прямых линий – обладают и большим сходством.

Во-первых, это сходство в парной взаимодополняемости задач, их образующих. Во-вторых – в противоположности, которая в случае чисел и линий выступает как противоположность выполняемых действий (операций), а в случае арифметических задач – как противоположность определенных отношений и связей.

С формальной логической точки зрения, как это было показано П.Я. Эрдниевым [Эрдниев, 1969, с. 25-26], прямая и обратная задачи симметричны. Различие их состоит лишь в перестройке суждений и умозаключений, в направленности «течения» мысли, что опять-таки не влияет на их логическую равноценность, так как ни одно «направление» мысли, с точки зрения логики, не имеет какого-либо преимущества перед другим.

Однако, как показывает многолетняя педагогическая практика, успешность решения прямых и обратных арифметических задач неодинакова: обратные задачи решаются хуже, чем прямые. На это указывают данные П.Я. Эрдниева (1969), полученные при работе с учащимися начальной школы.

На эти же трудности в обучении при решении косвенных задач указывает М.И. Моро (1958). Косвенные или обратные задачи оказались настолько трудными для учеников первых классов, что их решение было перенесено во второй класс. Однако оказалось, что и во втором классе они решаются с трудом.

Во всех анализируемых работах [Нагдян, 2005б] результаты касались учащихся начальных классов. То есть для школьников этого возраста факт различия в эффективности решения взаимообратных арифметических задач не вызывает сомнений. При обзоре соответствующей литературы, мы не нашли работ, где экспериментально исследовались бы особенности решения взаимообратных арифметических (сюжетных) задач *взрослыми*. С целью заполнить этот пробел, был поставлен эксперимент с участием 10 студентов в возрасте от 17 до 22 лет, которым предлагалось решить одну прямую и одну обратную задачи.

На основе данных этих экспериментов [Нагдян, 2005б] можно сделать вывод, что обратные арифметические задачи представляют для испытуемых большую трудность, чем прямые, что говорит об асимметрии протекания мыслительных процессов при решении однопорядковых по сложности прямых и обратных арифметических задач.

Решение силлогистических задач утвердительных и отрицательных модусов.

Силлогистические задачи утвердительных и отрицательных модусов, по нашему мнению, также относятся к числу заданий, при решении которых можно выявить асимметрию мыс-

лительных процессов. Они во многом схожи с прямыми и обратными арифметическими задачами (например, взаимоотрицательность, противоположность, сюжетность, наличие вопроса и т.д.), но имеют и ряд отличительных черт. Одной из них является «дискретность» посылок силлогизма, выражающаяся в сопоставлении *двух* суждений, соединяющихся средним термином, в отличие от непрерывного чередования действий в арифметических задачах. Второе – решение силлогизма требует выявления *качественных* связей и отношений, а в арифметических задачах выявляются *количественные* числовые связи и отношения. Эти различительные черты силлогизмов указывают на то, что они связаны с большим абстрагированием и требуют более сложной мыслительной деятельности, чем арифметические задачи. Поэтому иллюстрация асимметрии в осуществлении дедуктивных умозаключений, как одного из свойств мышления, также представляет большой интерес.

В работе [Нагдян, 2005б, с 92-97] подробно рассмотрены логические условия симметрии силлогизмов всех модусов I фигуры [Формальная логика, 1978]. Этот анализ, в частности, показал, что с точки зрения формальной логики, положительный модус **ААА** и отрицательный модус **ЕIО** тождественны сразу по нескольким признакам, хотя в то же время они различны. Это различие выражается в противоположности суждений в посылках и выводах: суждение **(А)** отличается от суждения **(Е)** и **(О)** как по качеству, так и по количеству.

Но это различие модусов **ААА** и **ЕIО**, с точки зрения логики, не может означать различия их по сложности.

Однако, как показал обзор исследований по дедуктивно умозаключающему мышлению, при решении силлогизмов с отрицательным и положительным выводами, их логическая, объективная симметрия уступает место явной психологической асимметрии, позволяющей делить силлогизмы на модусы «легкие» и «трудные» для решения (Вахрушев, 1955; Ерицян,

1962; Пилюсян, 1980; Погосян, 1987; Erismann, 1970; Meyer, 1930; Ormian, 1926 и др.).

Однако в этих исследованиях нет данных о степени достоверности *различия* между показателями среднего времени решения силлогизмов противоположных модусов, входящих в состав одной какой-либо фигуры. Поэтому для заполнения этого пробела нами была поставлена еще одна серия экспериментов на решение силлогистических задач (+) и (-) модусов. Статистическая обработка полученных данных [Нагдян, 2005, с. 97] показала, что при решении силлогизмов с отрицательным выводом ошибок совершается больше, чем при решении силлогизмов с положительным выводом.

Таким образом, исходя из всех приведенных данных – литературных и нашего эксперимента – асимметрию протекания мыслительных процессов при решении (+) и (-) силлогизмов можно считать точно установленной.

8.3. Операциональная асимметрия мышления, как свойство мышления

Из приведенного выше материала следует, что действия сложения отрезков линий и чисел, решение прямых задач, оперирование утвердительными суждениями выполняются лучше и быстрее, чем противоположные им умственные задачи. Большая достоверность полученных данных и разнообразие анализируемых задач, относящихся как к уровню наглядного мышления, так и к уровню понятийного мышления позволяет выйти за рамки частных случаев и сделать определенные обобщения. Такой подход дает право рассмотреть проблему асимметрии протекания мыслительных процессов не на уровне формирования конкретных знаний и навыков, а на уровне общих свойств и особенностей процесса мышления, то есть позволит выявить более глубокие и инвариантные причины, определяющие зависимость эффективности решения задач от ее типа или вида действия.

Из полученных данных видно, что на всех уровнях мышления проявляется универсальная психологическая закономерность: нарушено соответствие между логической и психологической сложностью объектов исследования, а именно: *одинаковой логической (объективной) сложности* пары симметрично-противоположных объектов данной классификации соответствует *разная психологическая «сложность»* объектов, которая проявляется в том, что негативная форма оказывается психологически более трудной, чем позитивная. В этом и заключается сущность выявленного нами явления **операциональной асимметрии**, как свойства мышления.

Одной из основных причин формирования подобной асимметрии мышления является чувственно-предметная деятельность человека, которая, по нашему мнению, всегда представляет собой решение позитивных задач. Процесс непосредственного взаимодействия человека с внешним миром – это путь от простого к сложному, от меньшего к большему, от одного конкретного к другому конкретному, это процесс непрерывных осознаваемых и не осознаваемых суммаций операций и действий, соответственным образом отражающихся в ощущениях, чувствах и мышлении человека. Эти особенности взаимодействия человека с предметным миром являются также одним из важных условий формирования мышления. Поэтому единство чувственно-наглядного и абстрактного, свойственное всякому мыслительному акту, при решении позитивных задач оказывается взаимодополнительным, непротиворечивым, что приводит к успешному их решению. Однако практика ставит человека перед необходимостью решать задачи и другого типа, аналогов которым нет в предметной деятельности, в непосредственных отношениях человека с действительностью. Это задачи научно-исследовательского характера, в которых необходимо выявление *причин*, приводящих к тому или иному результату. При этом, очень часто приходится идти

обратным путем – от сложного к простому, от общего к частному, от абстрактного к конкретному. Поэтому в задаче, заданной в обратной, негативной форме, не представляемой в адекватных образах, единство чувственно-наглядного и абстрактного становится противоречивым. Это, с одной стороны, приводит к ошибкам, задержке времени их решения или понимания, а с другой – как следствие, рождает необходимость развития абстрактно-теоретического мышления.

Для уменьшения несоответствия между чувственной и абстрактной сторонами мышления при решении негативных задач, вероятно, необходимо абстрагирование от содержания самой задачи. Эта мысль находит свое подтверждение, в частности, в работе А.М. Матюшкина и В.Г. Казанской, где задача классификации картинок по отсутствующему признаку (негативная форма) успешно решалась только тогда, когда картинки были заменены условными символическими обозначениями [Матюшкин, Казанская, 1972]. Такую же роль для успешного решения негативных задач могут играть рисунки, схемы и, в особенности, теоретические модели предполагаемых действий или объектов, о чем косвенным образом свидетельствуют исследования К.В. Восканяна (2002), который рассматривал значение прямого и обратного хода мысли для формирования теоретического мышления, но при их совместном применении. При таком подходе не сравнивалась успешность протекания прямого и обратного хода мысли в отдельности и не учитывалось специфическое влияние каждого из них на развитие мышления. Однако для нас важно то, что, согласно результатам исследований К.В. Восканяна, использование моделей и материализованных действий для решения прямых и обратных задач способствовало увеличению результативности их решения и развитию мышления подростка. С нашей точки зрения, такой эффект, в частности, можно объяснить созданием благоприятных условий для протекания обратного хода мысли,

потому что, согласно нашим данным, именно обратные задачи оказываются более трудными, чем соответствующие им прямые задачи.

Как видно из вышесказанного, в негативных задачах заложено больше потенциальных возможностей, способствующих умственному развитию, чем в позитивных, что должно быть обязательно учтено в учебной деятельности (на некоторые подобные моменты указывают также Н.А. Менчинская и М.И. Моро). Это обусловлено тем, что стремление уравнивать асимметрию в успешности решения позитивных и негативных задач определенной логической сложности поднимает мышление обучающегося на более высокий уровень развития, благодаря чему становится возможным решение задач с более сложной объективной структурой. Преодоление асимметрии на новом уровне мышления повлечет за собой новый виток в его развитии.

Таким образом, асимметрия является не только характеристикой различия протекания мыслительных процессов при решении позитивных и негативных задач, но также указывает на направление, приводящее к развитию мышления. А именно – это путь специального обучения действиям с негативными задачами или объектами и, в частности, обучение решению обратных задач. Кроме того, необходимость овладения решением негативных задач обусловлена тем, что исследование многих научных проблем часто связано именно с обратными задачами, особенно в тех случаях, когда объекты исследования непосредственно не наблюдаемы. Так, например, академик В.А. Амбарцумян пишет: «Для меня истолкование астрономических явлений, прежде всего, связано с решениями обратных задач, в широком смысле этого слова. Решая обратную задачу, мы находим закономерности, которые присутствуют в изучаемых явлениях... Специфика астрономических исследований, условия, в которые мы поставлены при изучении процессов,

протекающих в отдаленной Вселенной, таковы, что именно подход к проблемам истолкования наблюдения, как обратной задаче, оказывается плодотворным в наиболее трудных случаях, в поворотные моменты развития астрономии» [Амбарцумян, 1978, с.424]. Слова В.А. Амбарцумяна с равным успехом можно отнести ко всем наукам, и к психологии в особенности, потому что задачей науки является вскрытие закономерностей процессов, которые не даны нам в непосредственных ощущениях и восприятиях, независимо от того, где находится объект исследования – в глубинах атома, в отношениях между людьми или в отдаленной Вселенной.

Асимметрию мыслительных процессов необходимо учитывать:

а) в учебной деятельности учащихся, где до сих пор не учитывается различие психологических механизмов решения учащимися прямых и обратных задач. Выявление этих механизмов и установление особенностей их принципиального различия позволяет утверждать, что специальная направленность учебного процесса на овладение учащимися способами решения обратных задач должна способствовать развитию мышления учащихся, в особенности, абстрактно-теоретического мышления, и активизации их познавательной деятельности;

б) в деятельности педагога или воспитателя при коррекции поведения детей и учащихся, которая, если учесть особенности понимания и усвоения отрицательных и утвердительных суждений, должна проводиться с использованием утвердительных высказываний.

2. Учитывая уникальную особенность симметрии и асимметрии бытия закономерностью природы, познания и психических познавательных процессов, можно считать целесообразным введение в школьную программу факультативного курса, знакомящего учащихся с принципами симметрии – асимметрии. Это позволит учащимся, во-первых, полнее осмыслить

значение таких важных и необходимых для процесса обучения понятий, как тождество, равенство, подобие, пропорция, инвариантность, сохранение, относительность, и активнее использовать их вместе с классом противоположных им понятий в контексте диалектического закона единства и борьбы противоположностей; во-вторых, позволит им обнаружить общие моменты, единство в разнородных явлениях природы, поможет создать целостную, упорядоченную картину мира и, в итоге, приведет к более глубокому пониманию сущности изучаемых ими предметов.

Таким образом, в своем исследовании мы попытались показать, что принципы симметрии можно использовать в качестве методологического подхода как к исследованию психических явлений, так и к построению психологических теорий и, тем самым, включить их в ряд методологических принципов психологии. Данный вывод согласуется с мнением Ю.М. Забродина, который, рассматривая методологические принципы анализа психических явлений, указывает на то, что необходимо использовать «...новые принципы анализа, новые методы и новые законы сохранения» (Забродин, 1982; Забродин, Лебедев, 1977). Для нас здесь важно обращение Ю.М. Забродина к законам сохранения, так как известно, что они являются самыми фундаментальными законами природы и поэтому должны быть открыты также в сфере психологических явлений. А для этого, учитывая связь принципов сохранения с симметрией, требуется, прежде всего, обнаружение симметрий психических явлений во всем многообразии их проявлений.

ГЛАВА 9. ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ ОБУЧЕНИЯ, ОСНОВАННОГО НА ПРИНЦИПЕ СИММЕТРИИ

9.1. Философско-методологический аспект

В предыдущей главе, на основе анализа развития представлений о симметрии и применения принципов симметрии в различных науках, искусстве и творческой деятельности человека, теоретически была показана возможность применения принципов симметрии в психологии. Затем эта возможность была доказана на примере эксперимента, построенного на соображениях симметрии, в результате чего было выявлено свойство мышления – операциональная асимметрия, и подтвердилась идея о плодотворности применения этого принципа в психологии. Таким образом, еще раз, но уже на материале психологических фактов, подтверждается общенаучный характер принципов симметрии. Учитывая, что применение принципов симметрии требует наличия соответствующего мировоззрения и формы (образа) мышления, в работе [Нагдян, 2005в] в общих чертах была показана возможность введения в школьную программу факультативного курса, знакомящего учащихся с принципами симметрии, а также способствующего формированию у них соответствующего мировоззрения и образа мышления.

В данной части нашего исследования описывается концепция обучения, основанного на принципе симметрии: обоснование концепции, программа нового учебного предмета – «симметрики» и методические указания для реализации этой программы.

Задача приведения системы образования в соответствие с коренными изменениями в науке, обществе и духовной сфере

человека предполагает не только очередное усовершенствование содержания и методик преподавания, но и введение новых принципов обучения взамен ныне действующих в организации учебного процесса.

Для определения этих принципов обучения необходима новая постановка цели обучения. Прежние цели, суть которых сводится к передаче определенной совокупности знаний и формированию соответствующих навыков, умений и способностей, уже не отвечает требованиям и духу настоящего времени. Поэтому, естественно, делается много попыток для создания новых экспериментальных программ обучения. Большинство этих программ направлено на формирование личности с творческим критическим мышлением и включает в себя применение современных интерактивных методов обучения, использование междисциплинарных связей и отношений, охватывая широкий круг тем и проблем.

Несмотря на существование множества типов школ [Рубцов и соавторы, 1994] и еще большего количества программ развивающего обучения, ни одна из них не создавалась с учетом современного состояния науки, и вся тяжесть этой «коррекции» возлагалась на вузовское и послевузовское образование.

Между тем, в самой науке происходят процессы формирования новых средств познания и, более того, новых форм мышления, определяющих уровень развития науки, что и необходимо учитывать в школе при создании программ формирования творческого мышления. И это действительно так, потому что творческое мышление не может быть само по себе, а наука – сама по себе. И Аристотель, и Декарт, и Эйнштейн, без сомнения, были творчески активными личностями, обладающими в высшей степени развитым творческим мышлением. Но их мышление отличалось друг от друга содержанием и средствами познания, соответствующими уровню развития науки их эпохи. Поэтому как бы мы ни старались развить творческое мышление, опираясь **только** на психологические и

педагогические теории и методы, мы не добьёмся правильного решения этого вопроса, если не станем учитывать особенности развития и состояние современной науки в целом. Только при учете этих особенностей, преломленных через призму психолого-педагогических средств обучения, возможно эффективное и правильное решение вопроса формирования творческого и критического мышления. Так, в частности, в современной философско-методологической литературе считается признанным мнение, что в условиях научно-технического прогресса, породившего мощные интеграционные процессы в науке, идет и становление особой – общенаучной – формы мышления [Готт, 1988]. Общенаучные понятия (такие как: система, структура, симметрия и т.д.) образуют специфически-интегративный, по характеру общности, уровень отражения действительности и приводят к возникновению общенаучных форм и средств познания как одной из важных гносеологических инноваций современного познания [Ойзерман, 1980]. Результаты подобных обобщений могут служить основой для создания программ развивающего обучения, соответствующего современному уровню развития науки. Поэтому, соглашаясь в целом с идеей альтернативности в обучении, тем не менее, считаем реализацию этих программ преждевременной, до тех пор пока не будет создана методология обучения, основной целью которой должно быть определение особенностей мировоззрения обучающегося, соответствующего современной научной картине мира и ценностным идеалам общества, дающего ответ на вопросы ЧЕМУ, СКОЛЬКО и КАК обучать в школе.

Не претендуя на попытку создания современной методологии системы образования, мы предлагаем систему обучения в средней школе, способную улучшить качество образования со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Целью предлагаемой системы обучения является воспитание и формирование у школьников мировоззрения, отражающего действие в природе и обществе, в деятельности человека

(в том числе, в познании), в искусстве и его ценностных ориентациях на общие фундаментальные принципы и закономерности; такого мировоззрения, которое бы сочеталось с глубоким чувством единства мира, позволяло найти свое место в нем, указывало на пути и средства достижения своих целей.

Из экспериментальных программ обучения, использованных в средней школе, наиболее близко к нашим представлениям о формировании целостной картины мира, «глобального мышления» и развития творческих способностей подходит программа Н.Б. Шумаковой(1994), разработанная на основе принципов, сформулированных в 1982 году в Университете Южной Калифорнии (США).

Содержание этих принципов сводится к следующему [Шумакова, 1994]:

1. Глобальный характер тем и проблем для изучения.
2. Междисциплинарность содержания.
3. Интеграция тем и проблем.
4. Высокая насыщенность содержания обучения.
5. Открытый характер проблем и вопросов для изучения.
6. Активные методы обучения.
7. Направленность на развитие творческого, критического, практического и логического мышления, способного к решению проблем.
8. Совместное решение проблем и исследовательских задач.
9. Самостоятельность учения.
10. Обеспечение условий для личного роста.

Обучение проводилось по отдельным темам: «Изменение», «Влияние», «Порядок», «Преемственность» и т.д., каждая из которых была рассчитана на год обучения. Обучение начиналось с первого класса и проводилось с детьми несколько опережающими по умственному развитию своих сверстников, то есть с одаренными детьми.

Одним из важных критериев выбора этих тем, вероятно, является их всеобщий характер, позволяющий (каждый год) фиксировать, с определенной точки зрения, сходные и общие предметы (признаки, свойства) в разнородных явлениях природы, общества и человека. Естественно, что с таким же успехом можно было использовать и другие философские понятия и категории – движение, взаимодействие, причина и т.д. Это означает, что выбранные темы в программе Н.Б. Шумаковой не были связаны между собой своей внутренней логикой. Кроме того, для полноты описания мира эти базовые (ключевые) понятия необходимо было дополнить противоположными понятиями – сохранение, отсутствие влияния, беспорядок и т.д., показав, одновременно их единство. Однако в методическом пособии Н.Б. Шумаковой (1994), посвященном теме «Изменение», момент единства изменения и сохранения явно упущен. Поэтому представление такого ученика о мире, вероятно, будет подчинено однобокому философскому обобщению – «всё течёт, всё изменяется».

В программе развивающего обучения Н.Б. Шумаковой тема, рассчитанная на год обучения, выполняет следующие функции:

- Соответствующим образом ограничивает круг вопросов и проблем;
- Формирует движение мысли ребенка в определенном направлении;
- Является основанием для образования междисциплинарных связей.

По нашему мнению, выбранные в качестве тем понятия, кроме того, должны обладать функциями объяснения и предсказания. Но, к примеру, взятое в качестве первой темы обучения, понятие «изменение», являясь очень широким понятием, не обладает такими качествами. По этому поводу В.С. Тюхтин пишет: «Что касается всеобщих философских категорий

(движение, пространство, время, взаимодействие, причинность и др.), то они отражают не структуры, а всеобщие типы связей и отношений, которые входят в разнообразные структуры вещей. Если бы отдельные философские категории отображали структуры вещей, то они могли бы выполнить теоретические функции расчета, предсказания, моделирования явлений...» [Тюхтин, 1988, с. 59].

Точно также можно охарактеризовать остальные вышеприведенные понятия, которые легли в основу тем анализируемой программы. Таким образом, выбранные понятия, являясь всеобщими по объёму и универсальными по содержанию, обуславливают определенный философский подход к построению картины мира, но, в то же время, они не обладают функциями научно-теоретического анализа, что и ограничивает возможности такой программы обучения формировать более глубокую *научную* (прогнозируемую) картину мира. Другими словами, в данной программе обучения имеется разрыв между онтологическим и гносеологическим аспектами познания. Название темы курса обучения – ключевое понятие, содержанием которого охватывается природа, общество, человек и результаты его творческой деятельности – обуславливают лишь онтологический аспект познания. А логико-гносеологический аспект познавательной деятельности учащегося формируется через специальные методические приёмы, для которых ключевое понятие выступает уже в качестве материала, а не средства анализа. Так, например, в обучающем курсе по теме «Изменение» детям часто предлагается задача классификации. В этом случае выявление закономерности осуществляется соответственно понятию «классификация», а предметно-содержательным материалом служит набор рисунков или фигурок, в которых зафиксировано понятие «изменение».

Из сказанного следует, что выбор понятия, базового или ключевого, для всего процесса обучения должен удовлетворять трем критериям:

1. Достаточности;
2. Полноты;
3. Универсальности.

Первый критерий означает, что понятие, претендуя на роль общенаучного, по своему объёму должно быть шире категорий частных наук, но ограниченнее (уже) общефилософских.

Второй критерий указывает на необходимость дополнения понятия своей противоположностью, подчиняясь закону «единства и борьбы противоположностей».

Согласно *третьему критерию*, понятие должно органично сочетать в себе предметно-содержательную и теоретико-познавательную возможности отражения объективной и субъективной реальности.

Нарушение *критерия достаточности* приведет либо к невозможности образования междисциплинарных отношений, либо к тривиальным обобщениям типа – «изменение происходит всегда и везде».

Нарушение *критерия полноты* приведет к формированию недиалектического, однобокого, мировоззрения.

А нарушение условий *критерия универсальности* приведет к тенденциям понимания мира либо с онтологической, либо с гносеологической точки зрения.

К понятиям, удовлетворяющим требованиям достаточности, полноты и универсальности, относится понятие «симметрии», естественным образом дополняемое своей противоположностью – понятием «асимметрии».

По Ю.А. Урманцеву, симметрия определяется как «категория, обозначающая признаки «П» объекта «О» вместе с такими изменениями «И», которые объект «О» по признакам «П» остается тождественным самому себе» [Урманцев, 1974, с. 195]. А асимметрия, как противоположность симметрии, – «это – категория, обозначающая несохранение признаков «П» объекта «О» относительно изменений «И» (там же).

Сущность симметрии в единстве изменения и сохранения. Определяя симметрию, необходимо указывать на объект симметрии, на вид изменений (преобразований) и инварианты этих изменений, то есть сохраняющиеся отношения, признаки и свойства объекта симметрии. Причем все три компонента, определяющие симметрию, могут быть как материальными, так и идеальными.

В многочисленных исследованиях, посвященных принципу симметрии, было показано, что симметрия (и асимметрия) является одновременно закономерностью природы и закономерностью познания, с такой широтой охвата явлений, что позволило определить симметрию (и асимметрию) как философскую категорию.

Чтобы оценить степень эффективности применения понятий симметрии и асимметрии в качестве базовых ключевых понятий, которые станут стержнем процесса обучения (и не только одного года, а в течение всех лет обучения в средней школе), рассмотрим наиболее важные проявления свойств симметрии и асимметрии. Наличие огромного количества научной литературы избавляет нас от необходимости описать то великое многообразие проявлений симметрии и асимметрии, которое существует в природе, познании и в результатах творческой деятельности человека. Укажем на эти проявления лишь в самом общем виде, соответствующий список литературы приводится в работе [Нагдян, 2005б]:

В неживой природе свойства симметрии и асимметрии обнаружены в элементарных частицах; в строении атомов и молекул; во внешней форме и внутреннем строении кристаллов; в форме планет и строении планетных систем; в электромагнитном и других полях; в физических взаимодействиях.

В живой природе симметрия и асимметрия проявляются в органических и биологических молекулах; в протоплазме клеток; в растительном и животном мире; в физиологии высшей нервной деятельности и в психофизиологических процессах.

Также разнообразны проявления симметрии и асимметрии в творческой деятельности человека: в технике, архитектуре, в живописи, литературе, поэзии, в музыке. А, начиная с исследований Л. Пастера (1960) и П. Кюри (1966), симметрия и нарушения симметрии (диссимметрия) начали рассматриваться не только как свойства явлений, но и как причины, порождающие явления. Дальнейшее расширение представлений о симметрии и асимметрии, исследование свойств самой симметрии и, в особенности, выявление ее групповых свойств (в математическом смысле) привели к формированию нового подхода при рассмотрении явлений природы, нового средства и метода познания – принципа симметрии, с большой эффективностью применяемого в естественных, точных и гуманитарных науках: в физике, геометрии, алгебре, кристаллографии, химии, биологии, психологии, а также в искусстве, о чем уже говорилось в работе [Нагдян, 2005б].

Интенсивное изучение проявлений особенностей симметрии и асимметрии как средства познания, позволило вскрыть их тесную связь со многими философскими категориями – закона, изменения, развития, взаимодействия, системы и др. И, что особенно важно, с принципами диалектики – единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количества в качество, что позволило выявить философское значение понятий симметрии и асимметрии. Этот вывод находит свое подтверждение, в частности, в исследованиях Ю.А. Урманцева, показавшего, что симметрия (равно как и асимметрия) являются атрибутами любой системы, как одно из необходимых следствий системной организованности материи. Кроме того, основываясь именно на принципе симметрии и используя, в качестве основополагающих, понятия симметрии и асимметрии, изоморфизма и полиморфизма, взаимодействия и невзаимодействия Ю.А. Урманцеву удалось создать универсальную общую теорию систем, эффективно описывающую

материальные и идеальные, эволюционные и неэволюционные системы (Урманцев, 1988а, 1988б).

Необходимо указать также на эвристическое значение принципа симметрии, неоднократно подчеркиваемое всеми без исключения исследователями симметрии. Как показали многочисленные исследования, соображения симметрии позволяют предсказывать и выявлять новые явления и их свойства, наподобие предсказаний Д.И. Менделеева о существовании новых химических элементов и их свойств после открытия им периодического закона [Готт,1988].

Таким образом, мы попытались с философских позиций обосновать возможность и необходимость применения понятий симметрии и асимметрии в качестве базовых, ключевых понятий, определяющих стратегию и содержание процесса обучения.

9.2. Структурно-функциональный аспект

Система обучения, основанная на использовании понятия и принципов симметрии, должна отражать в своей структуре и закономерностях развития особенности проявления самой симметрии. Исторический анализ развития представлений о симметрии позволил выделить три аспекта симметрии:

1. Симметрия как закономерность природы;
2. Симметрия как объект исследования;
3. Симметрия как принцип познания.

Первый аспект является обобщением фактов изучения симметрии явлений природы во всем многообразии их проявления. Изучение накопленных на протяжении многих веков многочисленных фактов проявления симметрии на разных уровнях развития материи говорит о необходимости абстрагирования – отделения свойств симметрии от ее предметного содержания и закономерностей. В свою очередь, выявление закономерностей симметрии, создали необычайно эффектив-

ную возможность для изучения природы с точки зрения симметрии и формирования принципа симметрии, как принципа познания. То есть эти логически выделенные аспекты, образуя структуру развития представлений о симметрии, оказываются функционально взаимосвязанными, обуславливающими переход с одного уровня познания на другой.

Выделенные три аспекта симметрии, по существу, могут служить основой для определения соответственно трех ступеней обучения. На первой ступени обучения ставится задача дать представление о симметрии, о разнообразии ее видов и многообразии ее проявлений в каждом из видов. Решение этой задачи продолжается на второй ступени обучения, однако на этом этапе, параллельно с первой задачей, ставится и другая – изучение свойств самой симметрии, переход от обыденного понимания симметрии к ее научному определению, что приводит к расширению представлений о симметрии и выявлению ее неклассических форм. На третьей ступени обучения происходит переход от понимания симметрии, как свойства вещей, отношений, процессов, к осознанию симметрии в качестве средства анализа. Вбирая в себя задачи и результаты обучения предшествующих ступеней, на этом этапе, кроме того, происходит также установление тесной внутренней связи с многими другими понятиями из разных областей знания, чем достигается осмысленность и системность образования междисциплинарных отношений.

Логическим продолжением процесса изучения природы с точки зрения симметрии является создание общей теории систем, в которой соображения симметрии и асимметрии занимают одно из главных мест (Урманцев, 1988а; 1988б). Фундаментальный характер этой теории систем (в отличие от других) состоит в том, что выведенному в ее рамках закону системности подчиняется любой объект как объективной, так и субъективной реальности. И этот же закон «позволяет устано-

вить необычайное и вместе с тем глубокое единство между объектами внешне мало сходными друг с другом: тувинскими танцами, евклидовой геометрией, игрой в футбол, взаимодействием, устойчивостью кукурузы к засухе, матрешками, фотосинтезом, квантовой физикой, способом производства» [Урманцев, 1988б, с.4].

Метод анализа, разработанный в общей теории систем Ю.А. Урманцева, позволяет, по крайней мере, следующее (там же, стр.122-126):

1. Представить изучаемый объект как объект-систему.
2. Получить систему объектов одного и того же рода.
3. Исследовать особенности самой системы объектов данного рода.
4. Обнаружить в системе объектов данного рода полиморфизм изоморфизм, симметрию и диссимметрию, отношения противоречия и непротиворечия, все или некоторые формы сохранения, изменения, развития.
5. Делать новые обобщения.
6. Делать предсказания и открытия посредством как традиционных, так и системных методов.
7. Устанавливать сходства между системами разных родов.
8. Решать научные задачи.
9. Обнаружить и исправлять ошибки.
10. Объяснять явления.
11. Ставить новые вопросы: региональные, общенаучные, философские.
12. Усиливать математизацию, диалектизацию и системологизацию.
13. Достигать большего, чем раньше, успеха в преподавании тех или иных дисциплин за счет привлечения дополнительных системных методов обучения.

Таким образом, предлагаемая система обучения, должна быть дополнена четвертой ступенью, являющейся естественным продолжением трех предшествующих. Задачей четвертой ступени обучения является изучение основ общей теории систем, о которой шла речь выше. На четвертой ступени обучения происходит обобщение всех знаний, последовательно накапливаемых на каждом этапе, и формирование качественно нового знания как в виде фундаментальных принципов системного анализа и синтеза явлений действительности, так и в виде принципиально нового видения и понимания единства природы.

9.3. Психолого-педагогический аспект

На 1-й ступени в качестве содержания обучения выступают данные, проявляющиеся в наглядно-чувственном восприятии и представлениях, а также объекты симметрии и характеризующие эти объекты признаки, свойства и отношения симметрии.

Количественное и качественное многообразие объектов симметрии и соответствующих им видов симметрии дает возможность формирования множества способов действий над ними. К ним относятся:

- Многообразие классификаций объектов симметрии, видов симметрии, видов симметрии по отношению к объектам данного рода или класса;
- Установление связи понятия симметрии с другими понятиями;
- Композиции симметричных объектов: создание новых форм, усвоение элементов композиции – включение/исключение, объединение/разъединение, увеличение порядка симметрии/уменьшение порядка симметрии;
- Установление и усвоение понятий, а также отношений симметрии противоположностей: симметрия-асиммет-

рия, тождество-различие, равенство-неравенство, сохранение-изменение и т.д. Причем усвоению этих способов действий способствует сама сущность симметрии используемых на этой ступени обучения объектов, предоставляя возможность применения всех средств наглядного обучения – предметных, символических, словесных, естественных, искусственных, и их сочетаний, которые не только предъявляются учителем, но также могут быть изготовлены руками самих учеников.

На 1-й ступени обучения необходимо получение следующих результатов:

- Формирование представлений о совокупности свойств и отношений, определяющих симметрию и асимметрию наглядно воспринимаемых многообразных объектов действительности.
- Формирование представлений о многообразии объектов симметрии, относящихся к разным уровням неживой и живой природы, к обществу и результатам деятельности человека.
- Формирование представлений о структурированной, по признакам симметрии противоположностей – симметрия и асимметрия, тождество и различие, левое и правое и т.д. – объективной и субъективной реальности.

Как видно, на 1-й ступени обучения формируются своеобразные способы мышления, отражающие особенности действий с симметричными объектами:

- сравнения, как установление отношений «тождество-различие»,
- противопоставления, как установление отношений «симметрии противоположностей»,
- классификации, как установление одной из разновидностей отношений «изменение-сохранение».

Легко понять также, что эти способы мышления, кроме свойственных им познавательных функций, направлены на «поиск» свойств симметрии и асимметрии в объектах и явлениях окружающей действительности. Поэтому обучение на 1-й ступени должно привести к формированию некоего упорядоченного представления о природе вещей и «кристаллизации» первоначального представления о мире, в котором зарождаются начала диалектического мышления и идея о единстве мира.

Многообразие форм симметрии разнородных объектов, изучаемых на 1-й ступени, делает возможным на **второй ступени** обучения абстрагирование свойств симметрии от конкретного предметного содержания объекта симметрии и изучение ее закономерностей.

Объектами изучения становятся преобразования симметрии (операции симметрии), элементы симметрии – абстрактные понятия и образы, относительно которых производятся операции симметрии (точки, линии, плоскости, знаки и т.д.), – и сохраняющиеся после преобразований признаки (инварианты) объекта симметрии. Как видно, композиции симметрии, производимые на 1-й ступени обучения, на 2-й ступени претерпевают существенные изменения. Механическое создание новых форм симметрии превращается в поиск функциональных преобразований, приводящих к обнаружению симметрий и соответствующих им асимметрий, а также к открытию новых видов симметрий. А это приводит к выявлению объектов симметрии действительности, описываемых этими новыми видами симметрий, уже не таких наглядных, как раньше, постепенно теряющих свое наглядно-геометрическое содержание.

Формирование системы понятий, описывающих закономерности преобразований симметрий и ее свойства, позволяет дать научное определение симметрии и перевести наглядно-образное восприятие мира на уровень теоретико-понятийного

мышления, отражающего особенности «языка» симметрии. То есть, формируется способ мышления, необходимый для решения задач по исследованию видов симметрий (классических и неклассических) и их носителей – объектов симметрии, который будет трансформироваться в средство познания, определяя угол зрения на природу вещей и специфические формы анализа-синтеза.

Изучение операций симметрии (вращение, отражение, перемена знака и т.д.) логически приводит к обнаружению полной совокупности преобразований, превращающих объект симметрии в самого себя. Следующим логически целесообразным шагом является представление полной совокупности преобразований симметрии конкретного объекта в виде математической группы, которой уже нетрудно овладеть, имея богатый арсенал соответствующих методических и дидактических средств. Следовательно, на этом этапе обучения симметрия представляется уже не только как образ (наглядный или абстрактный), но и как **задача**, превращаясь из объекта восприятия в объект мышления.

На второй ступени обучения продолжается установление связей симметрии с другими понятиями, в частности, такими, как изоморфизм, полиморфизм, инвариантность, и расширение, таким образом, круга представлений о проявлениях симметрии и ее метаморфозах. Формируемые таким образом умения, как способы умственных действий, окажутся абсолютно необходимыми на третьей и четвертой ступенях обучения для развития представлений о принципе симметрии и системном подходе. Кроме того, продолжается установление и усвоение уже существующих отношений между дихотомическими понятиями, обладающими свойствами симметрии противоположностей (изоморфизм-полиморфизм и т.д.). Формируется более глубокое понимание их единства, постепенно разрушается представление об абсолютном значении каждого члена

пары, раскрывая в каждом конкретном объекте его относительный характер, зависящий от точки зрения исследователя и/или от вида применяемых преобразований. Естественно, что осознание относительной сущности явлений требует совершенства действий перемены точки зрения, вплоть до противоположного и, следовательно, формирования такого психического качества, как гибкость мышления, являющегося одним из основных компонентов творческого мышления.

Результатами на второй ступени обучения выступают:

- усвоение системы понятий, отражающих природу симметрии, ее закономерности и свойства;
- овладение способами символического выражения симметрии и применение их для описания симметрии объектов природы и объектов, созданных в разных сферах деятельности человека;
- формирование представлений о многообразии отношений, определяющих неклассические виды симметрии, выход за рамки классических представлений;
- осознание относительности симметрии и асимметрии и других противоположностей.

Помимо указанных результатов, на второй ступени продолжается углубление и конкретизация тех, что были получены на первой ступени обучения. Происходит «подтягивание» вверх на новый уровень описания и осмысления всего того, что было ранее изучено.

Именно на второй ступени обучения, после усвоения способов оперирования с симметричными объектами (материальными и идеальными), происходит полное осознание сущности симметрии как единства изменения – в виде всевозможных движений и преобразований – и сохранения. Это может иметь два важных последствия. Во-первых, возможности создания новых видов симметрий; во-вторых, распространение понятия симметрии на любого рода объекты, где выполняются условия

сохранения после соответствующих изменений. Таким образом, симметрия из способа описания превращается в средство и принцип познания, чему в значительной мере способствуют также формирование «языка» симметрии и развитие «симметричного» мышления. Единство мира представляется в новом свете: не только в виде гармонических или дисгармонических форм, пропорций и отношений в явлениях природы на всех уровнях организации материи, но и как возможность их описания на одном и том же языке – языке преобразований симметрии и асимметрии.

Если коротко охарактеризовать содержание обучения на первых двух ступенях, то можно сказать, что на первой ступени фиксировались различные виды симметрии и асимметрии в явлениях и объектах природы и в результатах творческой деятельности человека, а на второй ступени изучались закономерности самой симметрии, выраженные в семантико-символической форме и с помощью аппарата математической теории групп.

На **третьей ступени** обучения дается ответ на вопрос, раскрывающий смысл всего процесса обучения: «Почему и для чего изучались симметрия природы и закономерности симметрии?».

Что может дать изучение симметрии природы и закономерностей симметрии? Очень существенно обратить внимание учащихся на физические, биологические и др. свойства объектов симметрии, что до этих пор не практиковалось ни коем образом. В объектах симметрии выделялись лишь пространственные, структурные, временные или динамические характеристики, воплощенные в геометрические – симметричные или асимметричные образы.

На этом этапе обучения осуществляется выход за рамки геометрической симметрии целостных, пространственных объектов посредством распространения идеи симметрии на

физические, биологические и другие свойства явлений. Например, из работ П. Кюри по симметрии вытекает, что такие физические явления (свойства) как температура, электрическое поле, электрический ток, магнитное поле, механическое сжатие и т.д. сами обладают определенными свойствами симметрии. И весь предыдущий опыт нужен для того, чтобы получить возможность переноса понятия симметрии и асимметрии на объекты (явления, свойства), не обладающие пространственной формой. Психологическая особенность восприятия этих видов симметрии заключается в том, что в этих случаях невозможно ограничиться непосредственно чувственным или наглядно-созерцательным уровнем восприятия, так как чаще всего в этих случаях симметрия раскрывается в динамике и во взаимодействиях. Это совершенно новый уровень восприятия, требующий активной работы воображения и мышления, вместе с привлечением необходимых знаний. Отход от обычного геометрического представления, кроме того, подчеркивается тем, что симметрия или ее нарушения рассматриваются не только как образ, но и как фактор, влияющий на причинно-следственные отношения. Так, в частности, доказано, что физические свойства кристалла зависят от вида его симметрии. Поэтому, зная симметрию кристалла, которая определяет его форму, можно предсказать и характер проявления его конкретных свойств (оптических, упругих, термических, электрических и т.д.). В этом случае симметрия уже выступает как метод исследования, обладающий эвристическими возможностями.

Дальнейшее углубление в этом направлении требует всестороннего изучения принципа Кюри. На этом пути рассматривается не симметрия отдельного явления или совокупности отдельно взятых явлений, а симметрия взаимодействующих явлений, в частности, какого-то явления и внешнего воздействия. Или, точнее, рассматривается изменение симметрии явле-

ния, которое произошло в результате взаимодействия с другими явлениями или внешним воздействием. Здесь понадобятся навыки, касающиеся композиций симметрии, приобретенные на первой ступени обучения. Следствием применения принципа Кюри на уровне физических и биологических явлений будет осознание, в процессе обучения, фундаментальной закономерности, заключающейся в том, что, если в результате взаимодействия порядок (степень) симметрии уменьшается, то это приводит к появлению нового свойства или явления. Теоретически рассчитав возможность появления определенных элементов дисимметрии, можно предсказать появление столь же определенного свойства. Так, например, нарушив определенным образом симметрию кристалла, сжав его в определенном направлении, можно вызвать на его поверхности появление электрических зарядов. Это явление называется пьезоэффектом и используется, в частности, для усиления звука электрогитар. Формула Кюри: «Дисимметрия творит явление» – оправдывает себя на всех уровнях организации материи. Но чтобы узнать, какую дисимметрию получим, предварительно надо знать, какую симметрию имели. Поэтому симметрию необходимо рассматривать вместе со своим антиподом – дисимметрией.

На этом этапе обучения происходит превращение пассивного запаса знаний, приобретенных на первых двух ступенях обучения, в активное. На примере неразрывного единства симметрии и асимметрии (дисимметрии) глубже осознается необходимость рассмотрения явлений природы с точки зрения единства противоположностей. Формируется представление о значении понятий симметрии и асимметрии, как средства для более глубокого понимания внутренней диалектики процессов движения, развития, порождения нового.

Понимание связей между разными сторонами одного и того же явления, между разными явлениями и формирование це-

лостной картины постоянно изменяющегося мира невозможно без умения выделять закономерные связи, отношения, изменения, то есть без осмысления и всестороннего анализа категории закона. Нет необходимости доказывать, что знание об особенностях и свойствах закона может способствовать эффективному изучению всех школьных предметов. Нет также необходимости доказывать, что ни в одном из школьных предметов нет отдельного раздела, посвященного анализу категории закона. Объективной причиной этого, вероятно, было отсутствие соответствующего подхода и соответствующих понятий, способных служить средством адекватного анализа категории закона.

Провести подобный анализ наиболее эффективно можно с помощью понятий симметрии и асимметрии, и весь предыдущий опыт обучения учащихся на первой, второй и третьей ступенях подводит их именно к этому. Симметрия и асимметрия играют важную роль в раскрытии наиболее существенных сторон законов, общих для явлений мира. Эта гармоничная созвучность и адекватность является следствием того, что существует ряд характеристик и признаков, общих для симметрии (асимметрии) и законов явлений природы. К их числу относятся:

А) порядок (регулярность), выражающийся в определенном расположении, пространственном и/или временном чередовании явлений;

Б) однородность, проявляющаяся в одинаковости отношений и структур, существующих в различных явлениях;

В) идентичность (тождественность), существующая в различном и противоположном;

Г) инвариантность, определяющая границы применимости законов по отношению к определенной совокупности изменений, которыми описываются явления.

Все перечисленные признаки законов относятся и к симметрии, однако, следует иметь в виду, что законы явлений

мира в своем содержании, в своих связях друг с другом и с условиями своего действия также обладают теми или иными формами асимметрии. Поэтому, изучение особенностей законов в рамках данной концепции является логическим продолжением процесса обучения.

9.4. Описание нового учебного предмета «Симметрика»

«Симметрика» является составной частью экспериментальной программы обучения, содержание которой было выше изложено. Данная программа предусматривает создание четырехступенчатой системы обучения, охватывающей детей в возрасте от 7-8 до 16-17 лет, что совпадает со временем обучения с 1-2 по 10-11 классы.

В настоящей работе обсуждается лишь первая ступень обучения, программа которой приведена в следующем разделе.

Экспериментальный курс обучения «Симметрика» представляет собой синтетическую дисциплину (учебный предмет), впервые в практике школьного обучения дающую возможность охватить все многообразие объективной и субъективной реальности с единых позиций – с точки зрения единства симметрии и асимметрии. Одной из главных целей обучения по данной программе является формирование способностей и умений пользоваться наиболее эффективным и современным (отвечающим уровню развития современной науки) средством познания – принципом симметрии, адекватным для изучения явлений неживой и живой природы, а также общества, применяемым в естественных, точных, гуманитарных науках и в искусстве. Другой, не менее важной, конечной целью обучения является формирование мировоззрения, отражающего современную научную картину мира во всей ее диалектической сложности, а также формирование способности видеть и выделять глобальные проблемы и находить оптимальные пути их решения.

Основными целями первой ступени обучения симметрии являются:

- сообщение ученикам сведений о пространственной, временной, геометрической и динамической симметрии, проявляющейся в объектах и явлениях живой и неживой природы, общества, в окружающих человека предметах, в результатах творческой деятельности человека;
- обогащение знаний учащихся сведениями о явлениях неживой природы, о мире растений и животных, об архитектуре, живописи, музыке и других видах искусства, существующих на Западе и Востоке;
- раскрытие связей между понятиями симметрия и устойчивость, равновесие, равенство, тождество, изоморфизм, порядок, однородность;
- формирование представления о противоположности симметрии-асимметрии, особенностях ее проявлений и установление взаимосвязи и единства дихотомических понятий симметрия-асимметрия, равенство-неравенство, сходство-различие и т.д.; формирование представлений об антисимметрии;
- формирование умственных действий сравнения, противопоставления, классификации, анализа и обобщения;
- создание основы для формирования общенаучного стиля мышления;
- развитие психических процессов внимания, памяти, мышления и речи.

Специфика преподавания симметрии, в отличие от других предметов, заключается в том, что один и тот же объект изучения, например, конкретный вид симметрии, рассматривается на примерах широкого, насколько это возможно, круга явлений из самых разных областей знания. Поэтому сама познавательная ситуация предполагает решение одновременно двух

задач: 1) изучение видов симметрии и асимметрии и 2) раскрытие качественного различия этих же видов симметрии и асимметрии, в зависимости от богатства используемого материала и знакомства с содержанием этого материала.

Предполагается, что будут рассматриваться некоторые проявления пространственной, временной, геометрической и динамической симметрий. В качестве примера пространственной симметрии рассматривается такое его свойство, как однородность – равнозначность, одинаковость всех точек пространства – и устанавливается связь однородность – симметрия. В зависимости от успешности усвоения этого отношения можно дополнительно ввести изучение и другого вида симметрии пространства: изотропности – равнозначности всех направлений в пространстве, – и установление отношения изотропность – симметрия.

При рассмотрении любого вида симметрии необходимо привлечение всевозможных средств дидактического обучения – предметных, символических, словесных, естественных и искусственных и их сочетаний. Программа построена таким образом, чтобы симметрия воспринималась визуально на схемах, чертежах, рисунках, фотографиях, макетах или на естественных объектах, посредством слухового восприятия, при их словесном описании и при восприятии музыки, а также через кинестетический аппарат, когда необходимо рисовать, лепить или изготавливать из бумаги и других материалов объекты симметрии. Такое построение процесса обучения, вытекающее из специфики самого предмета обучения, не только дает возможность увеличения ассоциативных связей и улучшения памяти, но и учитывает индивидуальные особенности «художественных» и «мыслительных» типов учащихся.

подавляющее большинство инновационных программ, при обращении к историческим фактам и достижениям культуры, пользуются источниками западной цивилизации. Абсолютиза-

ция отношения к Западу приводила к потере необходимости выделения Запада как Запада. Чтобы восстановить познавательную симметрию в этом плане, в программу должны быть включены материалы из истории и культуры восточной цивилизации. И тогда как Запад, так и Восток приобретут свой самостоятельный смысл и эмоциональную окраску. Познавательное пространство приобретает бинарную структуру, создающую дополнительную возможность для проведения сопоставлений, сравнений, противопоставлений, анализа и обобщений, нахождения общих инвариантных (сохраняющихся) сторон явлений и выделения различий в обеих цивилизациях. Такие методические приемы, с одной стороны, приводят к развитию мышления, с другой – формируют представление о многообразии и единстве мира (в данном случае о многообразии и единстве разных человеческих культур).

После введения понятия асимметрии, как специального термина, тенденция к бинарному структурированию увеличивается. Учащиеся начинают усваивать пары дихотомических понятий, являющиеся аналогами, соответственно, симметрии и асимметрии – устойчивость-неустойчивость, равенство-неравенство, сходство-различие и т.д. И благодаря тому, что таких пар множество, у учащихся формируются навыки действия противопоставления и классификации по специфическому основанию «такие – не такие». Это важный момент, так как на этой основе в будущем должны быть сформированы представления о симметрии противоположностей, антиравенстве, единстве и «борьбе» противоположностей.

При изучении отношения равенства, как одной из характеристик симметрии, внимание детей необходимо обратить на то, что равенством можно определить отношения, разные по содержанию. В словесных формулировках это различие прозвучит так: первое отношение – «сумма двух чисел /а/ и /б/ равна третьему числу /с/»; второе отношение – «сумма чисел

$/a+b/$ и $/c/$ равна сумме чисел $/a/$ и $/b+c/$ »; третье отношение – «существует такое число $/o/$, прибавление которого к числу $/a/$ не меняет его». А затем различия в понимании этих отношений переносится на понятие равенства. Необходимо добиться того, чтобы равенство из безликого знака превратилось в многоликую характеристику разного рода отношений. Обобщение должно быть таким: «Есть много разных видов равенств». Это продиктовано следующими обстоятельствами. Во-первых, учение о симметрии есть одновременно учение о разных видах равенств, что непосредственно обнаруживается при математическом описании симметрии (так, например, при введении понятия антисимметрии необходимым становится введение также понятия антиравенства). Во-вторых, сама форма подачи этих равенств такова, что совпадает с аксиомами теории групп – математическим выражением (аппаратом) симметрии. К ним остается добавить лишь последнюю четвертую аксиому о существовании противоположного (взаимобратного) числа, но для этого необходимо введение понятия отрицательного числа. Имея в виду идею аксиом теории групп, преподаватель может, по своему усмотрению, привести аналоги этих равенств на совершенно другом материале, параллельно, еще раз доказывая этим относительный характер равенств.

При прохождении раздела «Композиции симметрии» сохраняется общая тенденция всего курса – сопоставление противоположностей. Однако на этот раз противоположными оказываются не понятия, а действия. Композиции симметричных или асимметричных форм будут осуществляться в основном при помощи двух пар противоположных действий – включения-исключения и объединения-разъединения, приводящие к третьей противоположности – уменьшению-увеличению порядка симметрии.

Включение и исключение касается отношений целого и части, то есть объекта – носителя симметрии и какой-либо час-

ти (детали, элемента), включающегося в данный объект или исключаяющегося из него. При этом необходимо получение всех вариантов – из симметричной формы скомбинировать другие симметричные или асимметричные формы, из асимметричной – другие асимметричные или симметричные формы. Объединение и разъединение касается объединения двух или нескольких объектов симметрии и/или асимметрии и разъединение одного объекта симметрии либо асимметрии на две или несколько частей. Здесь нужно учитывать особенности объединения двух симметричных форм, двух асимметричных форм, варианты объединения симметричных форм с асимметричными, объединения правых и левых форм. При разъединении рассматриваются возможности разъединения симметричного или асимметричного объекта на симметричные, асимметричные, правые и левые формы. Как действия включения-исключения, так и действия объединения-разъединения, заканчиваются анализом изменения порядка симметрии либо в сторону уменьшения, либо в сторону увеличения.

В композициях используются самые различные материалы: цифры, числа, ряды чисел, буквы, слова, предложения, геометрические фигуры, макеты, вырезки из бумаги и картона, мозаика, конструкторы, естественные объекты симметрии. Дети могут делать композиции в рисунках или лепить, используя пластилин. Любое творение рук и мысли учащегося должно быть подвергнуто анализу с точки зрения симметрии и асимметрии. Из всего, что создадут ученики, можно устраивать выставки, создавать альбомы, что и послужит оценкой и стимулом их учебной деятельности.

Если есть возможность проведения внеурочных занятий, то можно показать нетривиальные симметрии в поведении человека в ситуациях, которые могут встречаться в жизни.

Ситуация первая. Высказывание ученика: «Мне все равно, каким карандашом нарисовать солнце – желтым или красным»

– устанавливает равенство между желтым цветом и красным цветом, что символически нужно показать в виде равенства «желтое = красному» или «желтый карандаш = красному карандашу». Следовательно, в данной ситуации устанавливается симметрия отношений ученика к этим цветам или карандашам. Одновременно проявляется единство симметрии и асимметрии (цвета все же явно разные) и относительный характер симметрии и асимметрии (симметричные или асимметричные по одним признакам объекты могут быть асимметричными или симметричными по другим признакам).

Ситуация вторая. Человек стоит на распутье трех дорог, что очень часто встречается в сказках. Крайние дороги противоположны по трудности – опасная и легкая. Человек стоит на распутье и не может выбрать, по какой из них пойти: ни одна из дорог не привлекает его, ко всем трем дорогам он выражает одно и то же отношение. Поэтому, можно сказать, что все три дороги оказались для него симметричными: левая = средней = правой. Поставив вопрос: «А почему так получилось, что он не смог выбрать ни одну из дорог?», эту ситуацию можно превратить в задачу открытого типа. Один из возможных ответов: «Он хотел бы пойти по легкому пути, чтобы сохранить жизнь, он хотел бы пойти и по среднему пути, чтобы испытать свои силы, но он хотел бы пойти и по трудному пути, чтобы прославиться». Вывод: «симметричный» по отношению к принятию решения человек – это неуверенный в себе человек, не понявший еще, чего он хочет от жизни, он хочет пойти по всем трем дорогам одновременно – такой человек не может принимать решений. К чему это приводит – хорошо видно на примере буриданова осла. Для других людей эти дороги могут оказаться неравнозначными, неодинаковыми. Поэтому, можно сказать, что у таких людей устанавливается асимметричное отношение к одной из дорог. И тогда получается, что «асимметричный» человек либо трус, если он выбирает легкую до-

рогу, либо, наоборот, герой, так как он выбрал самую опасную дорогу; либо это человек, желающий испытать себя, попробовать свои силы, потому что он выбрал средний путь. Здесь надо обратить внимание на то, что, во-первых, асимметрии могут быть разные, вплоть до противоположностей (трус-герой); во-вторых, в этих случаях именно асимметрия послужила причиной движения, действия (человек выбирает дорогу и идет по ней); в-третьих, симметрия и асимметрия могут оказаться факторами, определяющими психологические качества человека: одинаковые либо неодинаковые отношения к каким-либо вещам, принятие либо непринятие решений, и связь с чертами характера человека: решительностью, нерешительностью, трусостью, храбростью и т.д. Детям можно предложить, чтобы они сами придумывали аналогичные задачи с последующим самостоятельным анализом.

Симметричные объекты содержат в себе очень широкие возможности для формирования умения классифицировать по самым различным признакам и основаниям. По существу, ученики проводят классификацию уже с первых уроков, когда при введении понятия симметрии им приходится весь окружающий мир предметов, явлений, процессов и отношений разбить на два больших класса – симметричный и асимметричный.

Раздел, посвященный вопросам классификации симметрий, преследует две цели. Во-первых, обобщить ранее полученные знания о симметрии, сгруппировав явления и вещи по сферам распространения симметрий: естественные, искусственные, в неживой природе, в живой природе. Во-вторых, показать основные виды симметрии, добавив к уже рассмотренным видам – геометрическим и пространственным – еще два фундаментальных вида симметрий – динамические и временные. Необходимо показать детям, что в самом понятии классификации заложена идея симметрии, так как классифицировать можно только те объекты или явления, которые обладают одними и

теми же признаками, свойствами, отношениями и т.д. «Одними и теми же» – означает «одинаковыми», поэтому в классификации воплощена идея симметрии – изменение (переход от одного объекта к другому) и сохранение (присутствие в объектах инвариантного свойства, являющегося основанием классификации).

При прохождении этого раздела еще раз подчеркивается основная идея курса, являющаяся также лейтмотивом всей системы обучения: единство симметрии и асимметрии – закономерность природы, источник ее многообразия и причина, объединяющая это многообразие в гармоничное целое.

Последний раздел обучения на первой ступени, «Антисимметрия», посвящен выявлению симметрии противоположностей. При изучении этой темы, подвергаются анализу, с точки зрения антисимметрии, самые разные объекты, вплоть до психологических явлений. При изучении антисимметричных объектов появляется возможность исследования взаимоотношений между такими важными понятиями, как «относительное» и «абсолютное».

После первой ступени обучения симметрии учащиеся должны:

- уметь видеть многообразие окружающей действительности с точки зрения симметрии и осознавать присутствие в этом многообразии одной и той же закономерности – единства симметрии и асимметрии;
- уметь сравнивать, противопоставлять (определять противоположности, классифицировать объекты, предметы, отношения и процессы) по разным признакам и основаниям;
- уметь пользоваться понятиями: симметрия, асимметрия, сходство, тождественность, равенство, тождественное равенство, отношение, однородность, изотропность, изоморфизм, динамическая симметрия, временная сим-

метрия, геометрическая симметрия, симметрия правого и левого, композиции симметрии, нарушение симметрии, антисимметрия, антисимметричные объекты, относительное, абсолютное, многообразие, единство.

9.5. Программа первой ступени обучения и методические указания

Предлагаемая программа предназначена для учащихся начальной школы и рассчитана на трехлетнее обучение. Рекомендуется следующая разбивка тем: первый год с 1-й по 22-ю темы, второй год – с 23-й по 38-ю, третий – с 39-й по 54-ю.

I. Введение в тему.

II. Симметрия вокруг нас.

1. Симметрия окружающих нас предметов
2. Симметрия людей и в мире животных
3. Симметрия в мире растений
4. Симметрия в неживой природе
5. Симметрия геометрических фигур и многогранников
6. Симметрия в числах
7. Симметрия в архитектуре и живописи (Запад – Восток)
8. Симметрия в музыке (Запад – Восток)
9. Симметрия в поэзии (Запад – Восток)
10. Симметрия ковров и орнаментов (Запад – Восток)

III. Проявления симметрии.

11. Симметрия – красота и гармония (Запад – Восток)
12. Симметрия как равновесие
13. Симметрия как равенство
14. Симметрия как сходство
15. Симметрия как порядок
16. Симметрия как однородность

IV. Симметрия и ассиметрия.

17. Ассиметрия – неодинаковость, беспорядок, нарушение симметрии

18. Равновесие – неравновесие, равенство – неравенство
19. Сходство – несходство
20. Правое и левое (в человеке, в природе, в искусстве)
21. Нарушение симметрии в музыке
22. Единство симметрии и асимметрии
- V. Зеркальная симметрия.
23. Отражения в зеркале
24. Отражение симметричных и асимметричных форм
25. Правое и левое в зеркале. Отражение вращения
26. Зеркальная симметрия в природе
27. Зеркальная симметрия в архитектуре и искусстве (Запад-Восток)
28. Функциональное неравенство, асимметрия правого и левого в человеке
- VI. Композиции симметрии.
29. Композиции симметричных групп и рядов чисел. Сравнение с асимметричными совокупностями чисел
30. Симметрия и асимметрия букв. Композиции симметричных букв, слова-перевёртыши, предложения-перевёртыши
31. Композиции симметричных фигур из асимметричных. Обои, орнаменты
32. Увеличение-уменьшение порядка симметрии
33. Изменение порядка симметрии в развитии живой природы
34. Изготовление правильных многогранников
- VII. Классификации симметрии.
35. Естественные и искусственные объекты симметрии
36. Объекты симметрии живой и неживой природы
37. Динамические симметрии
38. Симметрии во времени
- VIII. Антисимметрия.
39. Введение. Какие могут быть противоположности?

40. Симметрия противоположностей – антисимметрия
41. Антисимметрия чисел – положительные и отрицательные числа
42. Антисимметрия слов – антонимы
43. Антисимметрия в движении и вращении
44. Гармония и дисгармония
45. Антисимметрия в человеческих отношениях – добро и зло
46. Антисимметрия в процессах внимания и памяти
47. Антисимметрия в ощущениях
48. Относительность левого и правого, верха и низа, прямого и обратного
49. Относительность движения и покоя
50. Относительность понятий «больше» и «меньше»
51. Относительность ощущений холода и тепла, мягкого и твёрдого, тёмного и светлого и т.д.
52. Относительность понятий «красиво-некрасиво», «хорошо-плохо»
53. Относительность добра и зла
54. Абсолютное и относительное

Изложенные в данном пункте методические заметки приведены с целью дать преподавателю ориентиры для проведения занятий по симметрии. Они ни в коей мере не претендуют на завершенность и полноту, и должны быть дополнены планом каждого урока, его содержанием и соответствующими дидактическими материалами. Это требует большой предварительной работы и, в первую очередь, соответствующей подготовки самого преподавателя, который должен быть знаком со всеми аспектами проявления симметрии и асимметрии, содержание которых раскрывается в многочисленной литературе. От него требуется также творческое переосмысление каждой темы и их преподнесение в виде проблемных задач и ситуаций. В помощь преподавателю, в приложении ранее изданной брошюры,

помещен материал, который показывает один из возможных вариантов ознакомления учащихся с многообразными проявлениями симметрии [Нагдян, 2006].

Первый год обучения

ВВЕДЕНИЕ. Что такое окружающая нас действительность? Природа живая и неживая, общество, человек и мир, сотворенный человеком. Единство мира, поиски общих закономерностей. Симметрия – закономерность природы.

СИММЕТРИЯ ВОКРУГ НАС. Симметрия окружающих нас предметов: посуда – тарелки, стаканы, вазы и кувшины (без ручек или с двумя ручками); мебель – столы, стулья, диваны, кресла; одежда – шапки, брюки, национальные костюмы; транспорт – автомобили, суда, самолеты, ракеты.

Симметрия людей – человек симметричен: если не замечать черты лица, то все люди станут одинаковыми, симметричными.

Симметрия в мире животных: симметрия млекопитающих, рыб, птиц, земноводных, насекомых, пресмыкающихся, медуз.

Симметрия в мире растений: разнообразие симметричных форм деревьев, цветов, симметрия фруктов, ягод, подсолнуха, листьев растений.

Симметрия геометрических фигур: треугольники равносторонние и равнобедренные, прямоугольник, квадрат, пятиугольник, шестиугольник, многоугольники, круг. Многогранники: тетраэдр, куб, платоновы тела. Сфера: тела вращения.

Симметричные совокупности чисел: числа типа – 33333333, 101010101 и т.д., то есть любая совокупность чисел с повторяющимися цифрами. Симметричные числа сопоставить с асимметричными числами.

Особенности проявлений симметрии в архитектуре и живописи Запада и Востока – архитектурные стили, направления в живописи.

Симметрия в музыке – симметрия формы^{*}, симметрия метра-ритма^{**}, сходства и различия музыки Запада и Востока.

Симметрия стихов: структура стихов в поэзии Востока и Запада, разновидности стихосложения.

Симметрия ковров и орнаментов народов Востока и Запада.

ПРОЯВЛЕНИЯ СИММЕТРИИ.

Связь симметрии с понятиями красоты и гармонии в культурах Востока и Запада.

Симметрия как равновесие: весы как симметричный образ процесса уравнивания, состояние равновесия (симметрия) как единственное из множества состояний весов: устойчивость-неустойчивость, игрушка «Ванька – встанька», симметрия судов и самолетов – условие, причина их равновесия и устойчивости; отношение устойчивость – равновесие – симметрия.

Симметрия как равенство: равенство углов, сторон как признаки симметрии геометрических фигур. «Арифметические весы», три вида равенства: I) $1+2=3$; II) $2+3=3+2$; III) $3+0=0+3$; ($3=3$) – тождественное равенство чисел, введение понятия «превращается в самого себя», «равен самому себе», нарушение равенств при выполнении вычитания – нарушение симметрии; отношение: равенство – симметрия.

Симметрия как сходство: близнецы, родители и дети, все люди – нахождение одинаковых признаков – все кошки, все верблюды; нахождение одинаковых признаков – разные слова с одинаковыми буквами: сорт – рост – трос, сон – нос, Милан – налим, стена – сенат, сила – лиса, то же самое в числах: 1234, 4321, 3412, 2314; понятие изоморфизма: изоморфизм – сходство – одинаковость – симметрия.

---

* форма произведений (вариация, рондо, куплетная и т.д.).

** равномерное чередование сильных и слабых долей в метроритме

Симметрия как порядок: колонны и арки в архитектурных сооружениях, порядок расположения семян в подсолнухе, порядок узоров на обоях, орнаментах, коврах; разные способы упорядочивания, закон порядка – расположение кругов или шаров в правильные фигуры: треугольники, квадраты и т.д.; пространственная упорядоченность шаров: разные законы порядка – разные виды симметрии.

Симметрия как однородность: пустыня, гладкая поверхность озера, безоблачное синее небо – в каждой точке этих поверхностей одно и то же; ряд из одной и той же цифры или буквы, долгое звучание одного или нескольких звуков, большая поверхность однотонного цвета – во всех точках этой поверхности один и тот же цвет; однородность – симметрия.

СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ. Асимметрия – неустойчивость, беспорядок, нарушение симметрии; состояние неравновесия есть состояние неустойчивости, нарушение равновесия, асимметрия – причина движения (весы, маятник, игрушка «Ванька – встанька»), количественная асимметрия – неравенство – больше, меньше. Асимметрия развития (роста) растений, животных, людей – как отношение сходства – несходства. Асимметрия правого и левого: руки человека, перчатки, левозакрученные и правозакрученные улитки, невозможность их совмещения. Левое и правое в архитектуре и искусстве Востока и Запада. Нарушение симметрии в музыке – необходимое условие ее развития и разнообразия. Единство симметрии и асимметрии: симметричность тела человека и асимметричность расположения органов, симметрия строения рук человека и асимметрия их функционирования; симметрия и асимметрия дерева, симметрия и асимметрия растущего организма, один и тот же объект может быть симметричным в одних отношениях и асимметричным в других.

Второй год обучения

ЗЕРКАЛЬНАЯ СИММЕТРИЯ. Отражение в воде, отражение в зеркале, прямые и кривые зеркала. Отличие отраженного в зеркале от фотографии – зеркало отражает несколько «не правильно». Отражение симметричных и асимметричных форм: особенности отражения симметричных и асимметричных геометрических фигур, слов и чисел, зеркальные преобразования; получение левых или правых объектов при зеркальных отражениях и их сравнение с «оригиналом»; виды отражения в зеркале вращающихся тел, определение направления вращения при отражении. Зеркальная симметрия и асимметрия в природе: отражения в воде, зеркальная симметрия людей, в мире растений и животных. Функциональная асимметрия правого и левого в человеке: движений рук и ног, зрения, слуха. Зеркальная симметрия в архитектуре и искусстве Запада и Востока. Зеркальная симметрия в музыке, обращение музыки, опыты с магнитофоном.

КОМПОЗИЦИИ СИММЕТРИИ. Композиция симметричных групп и рядов чисел, обладающих определенной симметрией вида: АААА..., АВАВАВАВ..., АВА, АВВА; композиции «правых» и «левых» чисел: АВ и ВА, АВС и СВА, сравнение с числами, не обладающими структурой; выделение симметричных (структурных) и асимметричных (неструктурных) чисел. Выделение из алфавита симметричных и асимметричных букв; составление симметричных слов типа – казак, заказ, Анна; составление зеркально-симметричных слов типа сон – нос; составление обращаемых (зеркально-симметричных) словесных каламбуров типа: кошка ловит мошек – мошки ловят кошку; составление бессмысленных симметричных слов; тождественно-симметричные слова, асимметричные по смыслу – анонимы, симметрично-равные по смыслу слова, асимметричные по их написанию – синонимы. Композиции симметричных форм (фигур) из асимметричных: рисование, лепка, работа с

бумагой, изготовление «моделей» обоев, ковров, орнаментов. Введение понятия «порядок симметрии». Объединение двух симметричных форм (фигур) в одну с последующим анализом уменьшения – увеличения порядка симметрии; исключение из симметричной фигуры некоторых его частей с последующим анализом уменьшения-увеличения порядка симметрии. Изменение порядка симметрии в живой природе: в мире растений и животных. Изготовление из бумаги, пластилина многогранников – призм, пирамид, кубов, платоновых тел и любых других пространственно-симметричных или асимметричных форм, придуманных учениками.

КЛАССИФИКАЦИЯ СИММЕТРИИ. Естественные и искусственные симметрии: объекты симметрии, созданные природой и объекты симметрии, созданные человеком. Разделение естественных объектов симметрии на объекты симметрии неживой и живой природы, разделение искусственных объектов симметрии на объекты симметрии, употребляемые в разных сферах человеческой деятельности. Динамические симметрии: симметрии, связанные с движениями, вращениями – колебания маятника, вращение Луны вокруг Земли, вращение планет вокруг Солнца, постоянство течения рек в одном направлении. Симметрия во времени: постоянная смена дня и ночи, времен года, сезонные явления в природе, временные симметрии в жизни человека.

Третий год обучения

АНТИСИММЕТРИЯ. Противоположности: день и ночь, зима и лето, позитив и негатив фотографии, капля воды в воздухе и пузырек воздуха в воде, белый круг и того же размера черный круг. Если противоположные объекты превращаются друг в друга при замене цвета или качества на противоположный – это и означает, что они являются антисимметричными по отношению друг к другу. Антисимметрия чисел: положи-

тельные числа и отрицательные числа; положительная и отрицательная температура; термометр со шкалой температуры по Цельсию; числовая ось; при сложении любых положительных и отрицательных чисел, симметричных относительно нуля, всегда получается ноль; сумма любых антисимметричных чисел равна нулю. Антисимметрия слов: быстрый-медленный, скучный-интересный, красивый-уродливый; некоторые слова имеют прямо противоположные значения – это антонимы; работа со словарем антонимов; самостоятельный поиск антонимов; отгадывание антонима.

Антисимметрия в движении и вращении: движения в противоположных направлениях; движение трамваев и метро; отражение движения в зеркале; вращение в противоположных направлениях двух одинаковых объектов; «правый» винт и «левый» винт и их значение в технике; отражение вращение в зеркале.

Гармония и дисгармония: порядок и беспорядок (хаос); гармония и дисгармония в музыке, в живописи и других видах искусства; эмоциональное переживание гармонии и дисгармонии.

Антисимметрия в человеческих отношениях: сходство, различие и противоположности – симметрия, асимметрия и антисимметрия в человеческих отношениях; забота и невнимательность; добро и зло; работа со словарем антонимов – поиск антонимов, характеризующих человеческие отношения; отгадывание подобных антонимов; эмоциональное переживание антисимметричных отношений; анализ сказок с позиций добра и зла и других антисимметричных человеческих отношений. Антисимметрия в процессах внимания и памяти: концентрация внимания и рассеянность; запоминание и забывание; значение рассеянности и забывания. Антисимметрия в ощущениях: тепло и холод; свет и темнота; звук и тишина; мягкое и твердое; ощущение и отсутствие ощущения (даже в том случае, когда

воздействие сохраняется, например, часто стук будильника мы не слышим); работа со словарем антонимов – нахождение антонимов, касающихся ощущений; отгадывание подобных антонимов. Относительность левого и правого, верха и низа, прямого и обратного движения и т.д.: зависимость пространственных антисимметрий (противоположностей) от положения наблюдателя; наглядная демонстрация относительности – один из участников демонстрации перекачивает в ладонях карандаш, двое других смотрят на противоположные концы вращающегося карандаша, тогда один видит, что карандаш вращается по часовой стрелке, а для другого противоположный конец карандаша вращается против часовой стрелки; люди на разных полюсах земного шара; в природе нет левого или правого, верха или низа, прямого или обратного движения. Относительность движения и покоя: состояние движения или покоя тела (предмета) зависят от положения наблюдателя относительно движущегося или покоящегося объекта; пример движения двух сцепленных вагонов – при взгляде со стороны оба вагона движутся, но даже при движении они неподвижны друг относительно друга; люди не замечают движение Земли вокруг Солнца и ее вращения вокруг своей оси, но замечают движение других планет; иллюзия движения Солнца, объяснение этой иллюзии на других примерах. Относительность понятий «больше» и «меньше»: главный вопрос – в сравнении с чем?; привести примеры из области чисел; примеры из жизненных ситуаций. Относительность антисимметричных ощущений: при изменении условий восприятия теплое может показаться холодным, твердое – мягким и т.д.; Относительность понятий «красиво-некрасиво», «хорошо-плохо»: разные люди одно и то же могут оценить по-разному и по-разному реагировать, попытки поиска объяснения этого явления (например, давать милостыню для одного человека это хорошо, для другого – плохо, дождь для одного приятное явление, для другого

– неприятное); привести примеры из сказок, жизни; китайская притча об относительности хорошего и плохого. Относительность добра и зла.

Абсолютное и относительное: абсолютное и относительное как противоположности; факты прошлой жизни – это абсолютные факты, переживание этих фактов может быть относительным; абсолютное изменить нельзя, относительное можно.

ВЫВОДЫ К ЧАСТИ III

Обращение в части III к принципам симметрии было обусловлено необходимостью показать, как метафизические (философские) рассуждения об устройстве мира в целом превращаются в общенаучные принципы, которые также можно использовать в психологии, как принципы построения теории и эксперимента. Поэтому эта часть данного исследования (глава б) начинается с краткого анализа метафизических представлений древних греков о симметрии как одном из основных способов или атрибутов существования бытия. Эти идеи получают свое второе рождение в исследованиях философов, естествоиспытателей и ученых XIX и XX веков, усилия которых привели к открытиям симметрий пространства, времени, физических явлений, неживого вещества и живых организмов. Широта распространения симметрии в явлениях природы была настолько внушительной по количеству и многообразию проявлений, что появилась необходимость абстрагировать ее от явлений природы и превратить в *объект научного исследования*. После выявления математических свойств симметрии и новых негеометрических форм ее проявлений, началось интенсивное использование принципов и соображений *симметрии, как метода познания*. Были выявлены новые проявления симметрии во всех областях познания – в природе, науке и искусстве, что способствовало более глубокому проникновению в существо исследуемых явлений. И лишь психология остава-

лась в стороне от этой плодотворной и эвристичной общенаучной методологии. Поэтому в последующих разделах (главы 7 и 8) мы поставили перед собой задачу теоретически и экспериментально изучить проявления свойств симметрии и асимметрии в психических явлениях восприятия и мышления. С этой целью в главе 7 нами были рассмотрены, с точки зрения принципов симметрии, концепция порождающего восприятия А.И. Миракяна (уровень непосредственно-чувственного отражения реальности), исследования функциональных асимметрий человека в школе Б.Г. Ананьева (значение парности отражательных анализаторов в восприятии реальности) и концепция развития интеллекта Ж. Пиаже (особенности отражения реальности на уровне мышления, рассмотренного в контексте его генезиса). Анализ вышеназванных концепций и исследуемых ими явлений позволил сделать следующие выводы:

1. Соображения, идеи, понятия и принципы симметрии играют важную, если не основную, роль в концепциях непосредственно-чувственного отражения А.И. Миракяна и развития интеллекта Ж. Пиаже.
2. В обеих концепциях в качестве основных системообразующих понятий использовались пары симметрично противоположных, то есть антисимметричных, понятий, таких как: дискретное-единое, образование-разрушение, анизотропность-гомогенность, различие-сходство и т.д. (Миракян); организм-среда, организация-адаптация, ассимиляция-аккомодация и т.д. (Пиаже).
3. Кроме антисимметричных понятий (и соответствующих им явлений) в своей концепции Ж. Пиаже использовал идеи повторяемости и равновесия, также относящиеся к принципам симметрии, которые вместе с вышеуказанными антисимметричными понятиями, в имплицитной форме, составляли методологическую основу его концепции.

4. Показано значение парности или бинарности для образования симметрично-двуединных отношений, как исходного элементарного механизма, лежащего в основе процесса отражения, необходимого для выделения объекта из нерасчлененной гомогенности, выявления сходства или различия или установления границ между объектами (Миракян).
5. Этот же принцип симметричной-двуединности находит свое выражение в структурно-процессуальной организации органов восприятия, что и послужило причиной возникновения и исследования проблемы функциональной асимметрии.
6. Анализ динамики процессов, происходящих на бинарных структурах восприятия и мышления, показал, что асимметричность в их функционировании является важным условием порождения психического и интегративным показателем и условием психического развития. Так, порождение восприятия возможно только в анизотропной структуре (А.И. Миракян); чем сложнее познавательная деятельность, тем сильнее функциональная асимметрия органов восприятия (Б.Г. Ананьев и сотрудники); нарушение равенства значений пар-понятий или отождествляемых объектов ведет к более высокому уровню отражения действительности (А. Валлон, Б. Поршнев); нарушение состояния равновесия интеллектуальных структур означает переход к более развитым структурам (Ж. Пиаже). Этот результат говорит в пользу той точки зрения, согласно которой процессы восприятия и мышления не являются отдельными функциями, а представляют собой системное образование, как составные части одного явления (см., например, работу В.Д. Глезера, 1985).

Таким образом, в главе 7. были приведены примеры «спонтанного» и в то же время плодотворного применения психоло-

гами соображений симметрии, обусловленного образом мышления (Пиаже, Миракян) и структурной (симметричной) организацией органов восприятия (Ананьев и его последователи). Поэтому, чтобы показать возможность применения принципов симметрии в психологии, в главе 8 представлены результаты проведенных нами экспериментов, где соображения симметрии изначально составляли основу метода исследования. В качестве предмета исследования были выбраны взаимообратные (антисимметричные) мыслительные процессы, возникающие при решении задач равной логической сложности (то есть симметричных относительно логической сложности), но противоположных по знаку выполняемых действий. Исследование сложения и вычитания отрезков прямых линий, сложения и вычитания чисел, решения прямых и обратных арифметических задач, решения силлогизмов положительных и отрицательных модусов выявило одну и ту же закономерность – «негативные» по знаку действия задачи (вычитание отрезков прямых линий и чисел, обратные арифметические задачи, силлогизмы с отрицательным выводом) решались хуже, то есть с большим количеством ошибок и за более длительное время, чем «позитивные» задачи. Это позволило говорить о выявлении свойства психики человека, названного нами операциональной асимметрией мышления.

Полученные результаты теоретического и экспериментального исследования свидетельствуют о фундаментальности принципов симметрии, как метода исследования, так как их применение оказалось эффективным не только в трансцендентальной области существования возможностей порождения психического, но и в реальности существования феноменов (продуктов) психического отражения.

Таким образом, полученные в этой части работы результаты теоретических и экспериментальных исследований позволяют сделать вывод о том, что общенаучные принципы сим-

метрии и асимметрии являются эффективным средством изучения психических познавательных процессов и могут быть включены в число методологических принципов психологии.

Учитывая фундаментальный и эвристический характер принципов симметрии и их существование во всех модусах (аспектах, областях, сферах, уровнях развития) психического отражения реальности, в том числе метафизической, в главе 9 сделана попытка создания проекта концепции обучения, основанного на принципах симметрии. В проекте концепции описываются четыре ступени обучения: 1) изучение свойств симметрии и асимметрии разнородных явлений природы и мира вещей, сотворенных человеком, 2) изучение свойств и закономерностей самой симметрии, 3) изучение способов применения принципов симметрии, как метода исследования и 4) обучение применению общей теории систем, основанной на понятиях симметрии и асимметрии, для познания материальных и идеальных явлений действительности. В работе приводится программа первой ступени, рассчитанная на три года обучения, вместе с соответствующими методическими указаниями. В программу вошли такие темы, как: «Симметрия вокруг нас», «Проявления симметрии», «Симметрия и асимметрия» (1-й год обучения); «Зеркальная симметрия», «Композиции симметрии», «Классификации симметрии» (2-й год обучения); «Антисимметрия» (3-й год обучения). Эта часть работы отражена в нашей монографии [Нагдян, 2006].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из всего вышеизложенного, настоящее исследование относится к методологии общей психологии. Необходимость его проведения была обусловлена тем, что методологические подходы классической (гносеологическая парадигма) и современной (онтологическая парадигма) психологии восприятия не позволяли решить проблему возникновения психического и выявления универсальных принципов процесса психического отражения. Предложенная А.И. Миракяном трансцендентальная психология восприятия позволила сформулировать гипотетические принципы порождения процесса психического отражения. Однако осталась неосознанной и неотрефлексированной философско-методологическая позиция этой концепции. Выявленная проблема актуальна уже потому, что ее решение не вписывается в рамки существующих в современной психологии методологических подходов. Имеется в виду то, что для осмысления концепции трансцендентальной психологии восприятия не адекватными оказывались и культурно-исторический подход Л.С. Выготского, и деятельностный подход Рубинштейна-Леонтьева, и системный подход Б.Ф. Ломова, потому что они были предназначены для объяснения и описания феноменологической реальности психического. Поэтому при объяснении порождающей реальности, находящейся «по ту сторону» феноменов психики, появилась необходимость в поиске, обнаружении и обосновании того подхода, который и был имплицитно применен А.И. Миракяном при создании своей концепции.

В работе доказывается, что философской основой трансцендентальной психологии является метафизика, понимаемая в аристотелевском смысле, как область знания о «первых» прин-

ципах и началах и обо всем сверхчувственном и сверхопытном. Следовательно, метафизический образ мышления или же метафизический подход позиционируется как средство достижения такого (сверхфизического) знания, что и было объектом настоящего исследования. И именно такой образ мышления был применен А.И. Миракяном для создания своей концепции, который, однако, не был им озвучен. Поэтому мы перед собой поставили цель показать возможность существования и необходимость применения нового методологического подхода, адекватного для решения онтологических проблем психологии, а именно тех проблем, которые по Аристотелю относятся к «бытию в возможности». Подчеркивание в данном случае отношения к «бытию в возможности» необходимо, потому что существующий в современной психологии онтологический подход к исследованию проблем восприятия относится к наличному бытию, то есть к «бытию в действительности». А к этому случаю метафизический подход не применим.

Наша работа не претендует на то, чтобы представить метафизическую теорию психического отражения или точнее – метафизическую теорию порождения психического отражения. Она направлена на обоснование нового методологического подхода для изучения психической реальности, который принципиально отличается от уже существующих. Радикально отличаясь от них по образу мышления и предмету исследования, предлагаемый в настоящей работе методологический подход дополняет уже существующие. Указанная дополнительность обусловлена сложностью содержания психической реальности.

Содержание психической реальности представлено сознанию исследователя в двух взаимосвязанных формах существования: эксплицитно, в форме осознаваемого продукта, результата психического процесса, и имплицитно, в форме неосоз-

наваемого процесса, порождающего эти результаты. Для исследования первой формы психического адекватны все существующие методологические подходы, потому что они основаны на продуктивных единицах анализа (знак, действие, образ и т.д.), и по той же причине их нельзя применять для исследования второй (неосознаваемой) формы существования психического – процесса, порождающего психологические феномены. Предлагаемый подход, предназначенный для изучения второй формы существования психической реальности, наоборот, во-первых, отказывается от применения продуктивных, «объектных» единиц анализа и строит свои концептуальные модели на основе категории «отношение», и, во-вторых, применение метафизического подхода, в данном контексте, начинается с построения такой картины мира, реальности, в которой возможно возникновение или порождение психического. Таким образом, как видим, метафизический подход и другие методологические подходы не пересекаются, но и не отрицают, а взаимодополняют друг друга, так как относятся к «противоположным» сторонам единой психической реальности. Таким образом, еще раз подчеркнем, что обоснование нового методологического подхода (метафизического) не умаляет значения уже существующих вышеназванных подходов.

Для обоснования эффективности применения метафизического подхода, он был успешно применен в настоящей работе для решения ряда важных задач психологии восприятия, что было предметом анализа второй части книги.

Предназначение третьей части работы состоит в том, чтобы показать, как онтологические метафизические понятия в ходе исторического развития познания превращаются в научные, а затем в общенаучные понятия. Это превращение или перемещение линии демаркации между метафизикой и наукой, в сторону расширения «территории» науки, было показано на примере симметрии, чтобы дать представление о том, что мета-

физика и наука не разобщены, а составляют части целостного познавательного процесса в историческом плане. Применение такого подхода к анализу психических явлений позволило выявить методологический характер принципа симметрии, позволяющий рассматривать психические явления и возможности построения психологических теорий с новой точки зрения.

Так как идея о необходимости применения метафизического подхода к исследованию фундаментальных проблем психологии красной нитью проходит через всю книгу, завершим ее словами выдающегося методолога Г.П. Щедровицкого о значении метафизики для современного научного образа мышления: «Онтологии или метафизики в смысле Аристотеля являются основанием всей и всякой мыслительной работы. (...) По сравнению с отсутствием онтологической работы все остальное – мелочи. Если нет онтологической работы, то современного мышления, современной жизни, современной нации быть не может. В этом смысле то, что произошло у нас, есть классический случай разрухи научной работы из-за отсутствия работы онтологической. И это есть поучительный опыт в масштабах истории развития *общечеловеческой*, подчеркиваю, культуры» [Щедровицкий, 1997, с. 536-537]. Как видим, под онтологией Г.П. Щедровицкий понимает «метафизику в смысле Аристотеля», а сказанное им о разрушительных последствиях отсутствия онтологической, в метафизическом смысле, работы, относится, в том числе, и к причинам, порождающим кризисное состояние современной теоретической психологии.

Интересно отметить тот факт, что когда работа над этой темой была завершена (в виде докторской диссертации) и я получал отзывы о ней, многие известные психологи, искренне желая продвижения моих идей, советовали заменить метафизику на что-нибудь более приемлемое для современного общества психологов. Но как можно заменить название централь-

ной части философии? Как можно заменить метафизику на что-либо другое, когда о «необходимости метафизики» (выражение М.К. Мамардашвили), в прямом ее значении, говорили такие корифеи психологической науки как У. Джеймс, В. Вундт, К. Ясперс, П. Флоренский, Г.И. Челпанов, В.П. Зинченко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий.

Стоит прислушаться к мнению наших мудрых учителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. – 580 с.
2. Адамян О.А., Руденко И. Л. Принцип образования отношения в процессах восприятия ахроматического цвета объектов // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992, С.188-196.
3. Акопян И.Д. Симметрия и асимметрия в познании. Изд-во АН Арм.ССР, Ереван, 1978 – 151 с.
4. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993. – 198 с.
5. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., Лабиринт, 2003. – 210 с.
6. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. – 312 с.
7. Амбарцумян В.А. Философские вопросы науки о Вселенной. Изд-во АН Арм.ССР, Ереван, 1978. – 440 с.
8. Ананьев Б.Г. Материалы к психологической теории ощущений. Сб. Проблемы психологии. Изд-во ЛГУ, 1948. С.3-25.
9. Ананьев Б.Г. Пространственное различение. Изд-во ЛГУ, 1955. – 187 с.
10. Ананьев Б.Г. Человек как общая проблема современной науки. Вестник ЛГУ, Л., 1957, 14. С.3-27.
11. Ананьев Б.Г. Билатеральное регулирование как механизм поведения. Вопросы психологии. 1963, 5. С. 5-17.
12. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1958. – 358 с.
13. Ананьев Б.Г., Веккер Л.М., Ломов Б.Ф., Ярмоленко А.В. Осязание в процессах познания и труда. М., 1959. – 289 с.

14. Ананьев Б.Г., Рыбалко Е.Ф. Особенности восприятия пространства у детей. М., 1964. – 278 с.
15. Андреас К., Андреас С. Сердце разума (практическое использование методов НЛП). М., 1997. – 248 с.
16. Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление и воспользуйтесь результатами. М., 1999. – 259 с.
17. Андреев А.Н. Восприятие движения объекта в глубину // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С.104-115.
18. Анцыферова Л.И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974. – 338 с.
19. Аристотель. Соч. в 4 томах. Т.1. – М.: изд-во «Мысль», 1976. – 550 с.
20. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт», 2010. – 580 с.
21. Арутюнян Р.К., Петросян С.Э. Действие шума на полушарную асимметрию головного мозга. Вестник МАНЭБ, СПб, 1999, №3. С. 65-67.
22. Арутюнян С.Ф. Концептуальный анализ феномена идентичности и особенности ее формирования, развития и проявления. Дисс. док. психол. наук. Ереван, 2007.
23. Барабанщиков В.А. Динамика зрительного восприятия. М.: Наука, 1990. – 240 с.
24. Барабанщиков В.А. Перцептивный процесс как форма психического развития // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. М.: Институт психологии РАН, Психологический институт РАО. 1995. С. 5-13.
25. Барабанщиков В.А. Элементарный акт зрительного восприятия. В сб. «Образ в регуляции деятельности». М. 1997. С.113-121.
26. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследовании восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л.

- Рубинштейна / под ред. К.А. Абульхановой. М.: Изд-во "Институт психологии РАН". Т. 2, 2009. С. 81-101.
27. Бахман Ф. Построение геометрии на основе принципа симметрии. М., 1969. – 296 с.
  28. Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура магии. С-Пб, 1996. – 328 с.
  29. Берестецкий В.Б. Динамические симметрии сильно взаимодействующих частиц. Успехи физических наук. т.85, вып.3,1965. С. 79-93.
  30. Беркли Дж. Сочинения. Изд-во «Мысль». М., 1978. – 555 с.
  31. Бехтерев В. Психика и жизнь. С.-Петербург, 1902.с
  32. Бианки В.Л. Эволюция парной функции мозговых полушарий. Л., 1967. – 278 с.
  33. Брагина И.Н., Доброхотова Т. А.Функциональные асимметрии человека. М., 1981. – 397 с.
  34. Бруксон М.Г. К вопросу о взаимодействии монокулярных функций. Уч. зап. ЛГУ, «Психология». 1953, 147. – 84-99.
  35. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван, 1968. – 227 с.
  36. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Бостонские исследования по философии науки). М.: Изд-во «Прогресс», 1978. С. 43-110.
  37. Вахрушев М.М. Понимание и усвоение школьниками 2-го, 4-го, 6-го классов некоторых форм дедуктивных умозаключений. Дисс. канд. психол. наук. Л., 1955.
  38. Вайнштейн Б.К. Симметрия кристаллов. М.,1979. – 389 с.
  39. Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Пг., 1917. – 394 с.
  40. Вейль Г. Симметрия. М., 1968. – 196 с.
  41. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М., 1998. – 528 с.
  42. Величковский Б.М. Микрогенетический аспект восприятия // Психологические исследования. М.: МГУ. Вып. 6. 1976. С. 44-47.
  43. Величковский Б.М, Леонова А.Б. Психология установки и микроструктурный подход // Бессознательное, т.1. Тбилиси: Мецниереба. 1978. С.730-739.
  44. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и его окружения. М.: 1965. – 310 с.

45. Вигнер Э. Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971. – 318 с.
46. Визгин В.П. Раскрытие взаимосвязи принципов инвариантности с законами сохранения в классической физике. М., 1972. – 315 с.
47. Владимиров Ю.С. Метафизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – 568 с.
48. Водолагин А.В. Психопатология и метафизика воли. К 125-летию Карла Яспера. Вопросы философии, 2008, 5. С. 140-148.
49. Волков И.П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып. 3, 1996. С. 6-13.
50. Восканян К.В. Психологические основы обучения математике. Ереван, «Зангак – 97», 2002. – 349 с.
51. Вульф Г.В. Основы кристаллографии. М., 1952. – 326 с.
52. Вундт В. Психология в борьбе за существование. // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. – СПб.: Образование, 1913. – С. 93–131.
53. Вундт В. Метафизика // Философия в системном изложении. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 117-150.
54. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Собрание сочинений, т.1. М., 1982. – 489 с.
55. Вяльцев А.Н. Дискретное пространство-время. М.: Наука, 1965. – 400 с.
56. Галактионов С.Г. Асимметрия биологических молекул. Минск, 1978. – 197 с.
57. Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Л., 1976. – 218 с.
58. Гаузе Г.Ф. Асимметрия протоплазмы. М.-Л., 1940. – 167 с.
59. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: «Мысль», т.1, 1974. – 452 с.
60. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1963. – 286 с.
61. Геккель Э. Мировые загадки. М.: ОГИЗ, 1935. – 533 с.
62. Гелл-Манн Л. Восьмерный формализм: теория симметрий в сильных взаимодействиях. В кн. «Элементарные частицы и компенсирующие поля». М., 1964. С. 18-25.

63. Гербарт И.Ф. Психология. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.
64. Геффдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте. М.: Изд. Либроком, 2010. – 354 с.
65. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. – 410 с.
66. Гильде В. Зеркальный мир. М., 1982. – 185 с.
67. Глезер В.Д. Зрение и мышление. М., 1985. – 159 с.
68. Гостев А.А. Психология вторичного образа: Субъект, феноменология, функции // Дисс. док. психол. наук: СПб, 2001.
69. Готт В.С. Эвристическое значение принципа единства симметрии и асимметрии. В кн. Готт В.С. «Философские вопросы современной физики». М.: Высш. школа, 1972. – 416 с.
70. Готт В.С., Перетурич А.Ф. Симметрия и асимметрия как категории познания. В кн. «Симметрия. Инвариантность. Структура». М.: Наука, 1967. С. 36-43.
71. Грот Н. Что такое метафизика? / Вопросы философии и психологии, кн. 2. М., 1890. С. 107-128.
72. Гроф Ст. За пределами мозга. М., ООО «Издательство АСТ», 2001. – 504 с.
73. Декарт Р. Избранные произведения. М.; Наука, 1950. – 710 с.
74. Депенчук Н.Н. Симметрия и асимметрия в живой природе. Киев, 1963. – 179 с.
75. Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
76. Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н. Методологическое значение принципа симметрии в исследовании функциональной организации человека // Функциональная межполушарная асимметрия / Ред. Н.Н. Боголепов, В.Ф. Фокин. – М.: Научный мир, 2004. – С. 15–47.
77. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.
78. Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. – М.: Смысл, 2003. – 107 с.
79. Дорфман Л.Я. Горизонты современной эмпирической психологии. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5, №3. С. 3-30.

80. Дубров А.П. Симметрия функциональных процессов. М., 1980. – 67 с.
81. Дубровский Д.И. Информация. Сознание. Мозг. М., Высш. школа, 1980. – 286 с.
82. Дмитриева Н.И. Краткая история искусств. М., 1968. – 326 с.
83. Ерицян М.С. Материалы к психологии дедуктивных умозаключений. Известия АПН РСФСР, вып. 120. М., 1962. С. 89-118.
84. Ерицян М.С. Психологические особенности дедуктивно умозаключающего мышления младшего школьника. Ереван, 1975. – 175 с.
85. Ермошин А.Ф. Вещи в теле (психотерапевтический метод работы с ощущениями). М., 1999. – 314 с.
86. Есачн Г.С. Вклад А.И. Миракяна в развитие концепции психического отражения. Дисс. канд. психол, наук. Ер., 2016 (на арм. языке).
87. Есаян Г.С. Проявление продуктного подхода в психотерапии // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива. Ер., Наيري, 2017. С.
88. Забродин Ю.М. Методологические проблемы психологического анализа и синтеза человеческой деятельности. Сб.: Вопросы кибернетики. М., 1982. С. 4-28.
89. Забродин Ю.М., Лебедев В.И. Психофизиология и психофизика. М., 1977. – 231 с.
90. Зальцман А.М. Исследование некоторых особенностей полифункциональности слухового восприятия. Дисс. канд. психол.н. М.: 1980.
91. Зальцман А.М. Роль пространственно-акустической анизотропности в слуховом восприятии // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С.171-187.
92. Захаров В.Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии, 1999, 3. С. 97-111.
93. Зинченко В.П. О микроструктурном методе исследования познавательной деятельности // Эргономика. Труды ВНИИТЭ, N 3. М., 1972.
94. Зинченко В.П. Кризис или катастрофа? Вопросы философии, 1993, №5. С. 3 – 43.

95. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии. Вопросы философии, 1977, 7. С. 109-125.
96. Иванов А.В. Метафизика как сердце философии // Альманах «Метафизика. Век XXI». Вып. 2. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. С. 86-95.
97. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские курсы по метафизике. М.: изд-во МГУ, 2004. – 312 с.
98. Имедадзе И.В. Постулат непосредственности и пути его преодоления // Современные проблемы теоретической и прикладной психологии. Материалы международной научной конференции. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2013. С. 274-276.
99. Кант И. Сочинения в четырех томах, т. 3. М.: «Мысль», 1964. – 450 с.
100. Кант И. Сочинения в шести томах, т. 6. М.: «Мысль», 1966. – 743 с.
101. Карпинская Р.С.Идея сохранения и принципы симметрии в современной биологии. В кн. Принцип симметрии. М., 1978. С. 303-318.
102. Карпов А.В. Метасистемный подход к исследованию системогенетических закономерностей. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности», Ярославль, изд. «Канцлер», 2007. – 312 с.
103. Кауфман В.И. Различение громкости звука. Сб.: Вопросы психофизиологии и клиники чувствительности. Л., 1947. С. 46-57.
104. Кауфман В.И. Определение ведущего глаза по площади поля монокулярного зрения. Уч. Зап. ЛГУ, Психология. 1953, 147. С. 132-139.
105. Кобозев Н.И. Термодинамика информационных процессов и мышления. Л., 1970. – 156 с.
106. Кожевников М.М. Изучение интенсивности мыслительной деятельности. Сб.: Вопросы психологии познавательной деятельности. Нижний Тагил, 1962. С. 67-82.
107. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М., 2005. – 544 с.

108. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007. – 528 с.
109. Козлов В.В. Трансперсональная психология. М.: Эксмо, 2010. – 512 с.
110. Козлов В.И., Подлеснова Н.В. Экспериментальное исследование формопорождения в зрительном восприятии // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С.62-78.
111. Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С.90-150.
112. Колерс П. Некоторые психологические аспекты распознавания образов. – В кн. Распознавание образов. М., 1970. С. 16-87.
113. Компанец А.С. Симметрия в микро и макромире. М., 1978. – 178 с.
114. Копчик В.А. Принцип симметрии в кристаллофизике. В кн. Методологические проблемы кристаллографии. М., 1985. С. 12-29.
115. Корзакова И.Н. Усвоение операций счета детьми дошкольного возраста. Дисс. канд. психол. наук. М., 1951.
116. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 483 с.
117. Кослин С. Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. / Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. М., 2011. С. 97-109.
118. Кочурова Э.И. Принцип сопредставленности и полифункциональности восприятия // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С. 150-170.
119. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия: учебник. М.: ИНФРА, 2004. 519 с.
120. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. – 317 с.
121. Кюри М. Пьер Кюри. М., 1961. – 220 с.
122. Кюри П. О симметрии в физических явлениях. Избранные труды. М.-Л.: Наука, 1966.

123. Ланге Н.Н. Психология. // Истоки науки. Т. V111. М.,1914. – 89 с.
124. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1927. – 289 с.
125. Лейбниц Г.В. Рассуждение о метафизике // Сочинения в четырех томах. Т.1. – М.: Мысль, 1982. С. 125-163.
126. Ленин В.И. Сочинения, т.XIII. Гос. соц. эконом. изд-во. Москва-Ленинград, 1931. – 387 с.
127. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд. АПН РСФСР, 1959. – 450 с.
128. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1979, № 2. С. 3-13.
129. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психол. произведения, т.2. М., Педагогика, 1983. С. 89-110.
130. Линдорф Д. К. Юнг и В. Паули.
<http://castalia.ru/perevody/posledovateli-yunga/1527-devid-lindorf-yung-i-pauli-glava-13-aspektyi-coniunctio-novaya-religiya.html>
131. Ломов Б.Ф. Опыт экспериментального исследования двуручного обстоятельства восприятия // Уч. Зап. ЛГУ, Психология, вып. 185. Л., 1954. С. 32-46.
132. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии. Вопросы психологии, 1975, 3. С. 12-23.
133. Логвиненко А.Д. Чувственные основы восприятия пространства. М.:Изд-во Моск. ун-та, 1985.
134. Лурия А.Р. К патологии счетных операций // Известия АПН РСФСР, вып. 3, 1945. С. 7-18.
135. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, МАПН, 1998. – 359 с.
136. Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль, изд. МАПН, 2007. – 344 с.
137. Мазилев В.А. Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск; ERGO, 2015. – 194 с.
138. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание // Школа «Языки русской культуры». М., 1997. – 144.
139. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя. М.: «Лабиринт», 1996. С. 7-154.
140. Мамытов А.Т. Автореф. дисс. канд. филос. наук, Ташкент, 1980.

141. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. – СПб.: «Евразия», 1997. – 430 с.
142. Матюшкин А.М., Казанская В.Г. Логическое действие и процесс мышления // Сб.: Новые исследования в психологии и возрастной физиологии, т.2. М., 1972. С. 63-71.
143. Мацанова В.А. О монокулярном восприятии глубины // Уч. Зап. ЛГУ, Психология, вып. 147. Л., 1953. С. 120-135.
144. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 302 с.
145. Менегетти А. Образ и бессознательное. Учебное пособие по интерпретации образов и сновидений. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004. – 464 с.
146. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Фрязино: «Век-2», 2005. – 320 с.
147. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино: «Век-2», 2011. – 320 с.
148. Менчинская Н.А. Психология обучения арифметике. М.: Педагогика, 1955. – 275 с.
149. Менчинская Н.А., Моро М.И. Вопросы методики и психологии обучения арифметике. М.: Педагогика, 1955. – 158 с.
150. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. док. психол. наук. М., 1987.
151. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван, 1990. – 206 с.
152. Миракян А.И. Константность и полифункциональность. М.: 1992.
153. Миракян А.И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесса восприятия (коллективная монография), под ред. А.И. Миракяна. М., 1992а. С. 9-46.
154. Миракян А.И. Устройство для кодирования форм объектов // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992б. С. 47-52.
155. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995, № 2. С.77-94.

156. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: ИП РАН, 1999. – 208 с.
157. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: ИП РАН. 2004. – 405 с.
158. Миракян А.И., Артеменков С. Л. Устройство центрации и слежения динамического объекта // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С. 53-61.
159. Миронов В.В. Предметное самоопределение метафизики // Метафизика, 1, 2011. С. 86-95.
160. Морина Н.Л. Изучение некоторых особенностей восприятия упругости. Дисс. канд. психол. наук. М.: 1978.
161. Морина Н.Л. Экспериментальное исследование принципа анизотропности и пространственно-временной дискретизации в осязании // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С.116-136.
162. Морина Н.Л. Историко-философские предпосылки исследований осязания // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. М.: Институт психологии РАН, Психологический институт РАО, 1995. С. 32-44.
163. Морина Н.Л. Анизотропность руки в процессе осязательного восприятия // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. М.: Институт психологии РАН, Психологический институт РАО, 1995. С. 122-134.
164. Морина Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт», 2010. – 580 с.
165. Моро М.И. О решении косвенных задач // Начальная школа, 1, 1958. – 168 с.
166. Нагдян Р.М. О возможности применения в психологии принципов симметрии // Сб.: «Психофизика дискретных и непрерывных задач». М.: Наука, 1985. С. 228-232.
167. Нагдян Р.М. Симметрия и асимметрия процессов решения мыслительных задач разного уровня сложности. Дисс. канд. психол. наук. Ер., 1988.

168. Нагдян Р.М. Образы реальностей // Сборник научных статей. Ер.: ЕГУ, 2003. С. 179-191.
169. Нагдян Р.М. Реальности человеческого бытия и пути их познания // Сб.: Теоретические и прикладные проблемы современной психологии, Ереван, 2005а. С. 204-216.
170. Нагдян Р.М. Принцип симметрии в психологии. Ер.: Зангак-97, 2005б. – 116 с.
171. Нагдян Р.М. Психологический подход к структурированию обучения с позиций принципа симметрии // Вестник МАНЭБ, том 10, №5, вып. 2. Санкт-Петербург, 2005в. С. 252-254.
172. Нагдян Р.М. Принцип симметрии в обучении. Ер.: изд-во «Айастан», 2006. – 96 с.
173. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Ер.: «Сарвард», 2007а. – 74 с.
174. Нагдян Р.М. Современные представления об ощущениях и представлении. Учебно-методическое пособие. Ер.: изд. РАУ, 2007б. – 61 с.
175. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии (издание второе переработанное и дополненное). Ер.: Изд-во «Айастан», 2009а. – 104 с.
176. Нагдян Р.М. От состояния сознания личности к полю этнического сознания // Проблемы развития личности. Международная научная конференция. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2009б. С. 348-351.
177. Нагдян Р.М. Некоторые проблемы современной физики в контексте афизикального подхода А.И. Миракяна // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 368-383.
178. Нагдян Р.М. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия. Вестник ЕГУ, 140.4, Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013а. С. 54-68.
179. Нагдян Р.М. Очерки метафизической психологии. Ер.: НАИРИ, 2013б. – 197 с. (на арм. языке).
180. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Дисс. док. психол. наук, Ереван, 2014а.

181. Нагдян Р.М. Об отношении психологии к метафизике // Вестник СПбГУ. Сер. 12, вып. 3, 2014б. С. 29-40.
182. Нагдян Р.М. За пределами онтологической концепции восприятия. Журнал «Теоретическая и экспериментальная психология», 2015, т. 8, N1. С. 49-61.
183. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика, психология и футурология). М., 2001. – 158 с.
184. Нетер Э. Инвариантные вариационные задачи // Сб.: Вариационные задачи механики. М., 1969. С. 75-82.
185. Нечаев Н.Н. Психология XXI века: прогнозы и пророчества. Круглый стол // Вопросы психологии, 2000, 2. С. 3-9.
186. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
187. Носов Н.А. Виртуальная психология. Изд-во «Аграф». М., 2000. – 432 с.
188. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. М.: Изд-во «Путь», 2001. – 38 с.
189. Ньютон И. Оптика. М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1954. – 365 с.
190. Обухова Л.Ф. Концепция Ж. Пиаже: за и против. М.: Педагогика, 1981. – 245 с.
191. Овчинников Н.Ф. Симметрия как методологический принцип познания закономерностей природы // Методологические проблемы кристаллографии. М., 1985. С. 53-68.
192. Ойзерман М.И. Методологические проблемы науки. М.: Наука, 1980. – 372 с.
193. Оствальд В. Натурфилософия // Философия в системном изложении. М.: изд. Дом «Территория будущего», 2006. – 440 с.
194. Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ. Москва-Воронеж, изд. НПО «МОДЭК», 1999. – 512 с.
195. Павлов И.П. Полное собрание сочинений, т.17, ч.IV. М.: Наука, 1962. – 495 с.
196. Панов В.И. Порождение движения в процессе зрительного восприятия // Принципы порождающего процесса восприятия. М.: 1992. С.79-103.

197. Панов В.И. Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов. М.: Психологический институт РАО, 1993. – 140 с.
198. Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов. Дисс. док. психол. наук. М.: 1996.
199. Панов В.И. От проблемы образа к проблеме формопорождения // Сб.: «Образ в регуляции деятельности». М.: Российское психологическое общество, 1997. С. 101-112.
200. Панов В.И. Круглый стол «Психология XX! века: пророчества и прогнозы» // Вопросы психологии, 2000, 2. С. 9-12.
201. Панов В.И. Восприятие движения и стабильности окружающего мира: гносеологическая и трансцендентальная парадигмы // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 227-252.
202. Панов В.И. Парадоксы изучения психики и возможности их преодоления // Национальный психологический журнал, 2011, 1(5). С. 50-54.
203. Панов В.И. Экопсихология (парадигмальный поиск). М.; СПб.: Психологический институт РАО, НЕСТОР-История, 2014. – 304 с.
204. Пастер Л. Исследование о молекулярной диссимметрии естественных соединений // Избранные труды, т. 1. М.: Наука, 1960. С. 36-54.
205. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия (межкультуральные и междисциплинарные аспекты). М.: 1996. – 430 с.
206. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический Журнал, 2002. Том 23, №3. С. 113-121.
207. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке. // Вопросы философии. 2011, № 6. С. 75-82.
208. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009. – 440 с.

209. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как непосредственное познание // Методология и история психологии. Том 2. № 1, 2007. С. 164-189.
210. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
211. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // Вопросы философии, №12, 1966. С. 4-13.
212. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М. Педагогика, 1969. – 480 с.
213. Пиаже Ж. Генезис восприятия // Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1978, вып. 6. С. 14-87.
214. Пилосян С.М. Психологические характеристики некоторых типов умственных действий. Дисс. канд. психол. наук. М., 1980.
215. Погорельцева Т.С. Осознательное восприятие пространственной протяженности. Дисс. канд. психол. наук. М., 2000.
216. Погосян Р.А. Исследование особенностей психологической реальности мышления от общего к частному (дедукция). Автореферат дисс.. канд. психол. наук. Тбилиси, 1987.
217. Погосян Р.А. К проблеме изучения реальности мышления от общего к частному // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 368-383.
218. Погосян Р.А. К подходу изучения психологии дедуктивно умозаключающего мышления (методологический анализ) // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива. Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири. 2017. С. 261-292.
219. Поплер К. Мир предрасположенностей: два новых взгляда на причинность // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Прогресс, 2000. – 193 с.
220. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966. – 290 с.
221. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. – 450 с.
222. Принцип симметрии. Ред. Б.М. Кедров, Н.Ф. Овчинников. М.: Наука, 1978. – 397 с.

223. Принципы порождающего процесса восприятия (коллективная монография). Под ред. А.И. Миракяна. М., 1992. – 223 с.
224. Рассел Б. История западной философии. – М.: АСТ, 2010. – 831 с.
225. Рок И. Введение в зрительное восприятие. Т. 2. М., 1980. – 51 с.
226. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. – 416 с.
227. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Пттер, 2012. – 288 с.
228. Рубцов В.А., Моргулис В.В., Гуружапов А.В. Культурно-исторический тип школы // Вопросы психологии, №5, 1994. С. 12-29.
229. Руденко З.Я. Нарушение счета при мозговых поражениях. Дисс. канд. психол. наук. М., 1953.
230. Рыбалко Е.Ф. К вопросу о функциональной асимметрии зрения // Сб.: Проблемы общей и индустриальной психологии. Л., 1963. С. 24-39.
231. Сартр Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. – 318 с.
232. Сачков Ю.В. Развитие представлений физики об элементарных объектах в свете идей симметрии // Вопросы философии, №2, 1963. С. 27-43.
233. Слободчиков В.И. Антропологический статус современного психологического знания // Известия Саратовского университета, серия антропология образования. Психология развития, 2014. Т. 3, вып. 3 (11). С. 224-228.
234. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд. Московского университета, 1985. – 230 с.
235. Смит Н. Современные системы психологии. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
236. Советский энциклопедический словарь. М., 1989. – 1059 с.
237. Соловьев В.С. Кризис западной философии // Соч. в 2т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 480 с.
238. Спенсер Г. Основания биологии. С-П., 1901.-469 с.
239. Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента, 2000. – 296 с.
240. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953. – 575 с.

241. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии, 1989, N 10, с. 3-18.
242. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Вопросы философии, 2003, N8. С. 5-17.
243. Столин В.В. Исследование порождения зрительного пространственного образа // Восприятие и деятельность. М.: Изд-во Московского университета. 1976. С.101-209.
244. Суворова В.В. Функциональная асимметрия полушарий как проблема психофизиологии // Вопросы психологии, 5, 1975. С. 78-86.
245. Талбот М. Голографическая вселенная. Киев: ИД «София», 2004. – 360 с.
246. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: изд. МГУ, 1984. – 304 с.
247. Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т. С. Новая физика веры. С-Пб., Крылов, 2007. – 416 с.
248. Трубецкой С.Н. Метафизика в древней Греции. М.: Изд-во «Мысль», 2003, – 589 с.
249. Труды Ярославского методологического семинара. Т.1. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
250. Труды Ярославского методологического семинара. Т.2. Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
251. Тутунджян О.М. Психологическая концепция Анри Валлона. Ер., 1966. – 279 с.
252. Тютин В.С. Актуальные вопросы разработки общей теории систем // Система. Симметрия. Гармония. М.: Мысль, 1988. С. 10-37.
253. Уемов А.И. Метафизика (учебное пособие). Одесса, Астропринт, 2010. – 258 с.
254. Узнадзе Д.Н. Общая психология. Под ред. И.В. Имедадзе. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
255. Уилсон Р.А. Квантовая психология. М.: изд. Дом «СОФИЯ», 2006. – 208 с.
256. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. М.: Мысль, 1974. – 229 с.
257. Урманцев Ю.А. Эволюционика (Общая теория развития систем природы, общества и мышления). Пушино, 1988а. – 105 с.

258. Урманцев Ю.А. Симметрия и асимметрия как категории ОТС // Система. Симметрия. Гармония. М.: Мысль, 1988б. С. 191-199.
259. Федоров Е.С. Симметрия структуры кристаллов. М.: Наука, 1949. – 378 с.
260. Флейвелл Дж. Генетическая психология Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1968. – 460 с.
261. Флоренский П.А. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 346 с.
262. Формальная логика. Учебник. М.: Учпедгиз, 1978. – 296 с.
263. Франк С. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. – 260 с.
264. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., Прогресс, 1990. – 368 с.
265. Фрейд З. Толкование сновидений. Мн.: ПОПУРРИ, 2000. – 576 с.
266. Хайдеггер М. Что такое метафизика. М.: Академический проект, 2007. – 303 с.
267. Хананян А.А. Особенности процесса восприятия при усвоении понятий // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С. 188-212.
268. Хачапуридзе Б.И. Проблемы и закономерности действия фиксированной установки. Тбилиси, 1962. – 294 с.
269. Хисамбеев Ш.Р. Историко-психологический анализ гносеологической и онтологической парадигм в классической немецкой философии: Лейбниц и Кант // Психологические исследования, 2013, т. 6, N31.
270. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. СПб., 2001. – 286 с.
271. Холл М., Боденхеймер Б. Как оказывать влияние на людей. М., АСТ-Астрель, 2006. – 509 с.
272. Цзен Н.В. Некоторые аспекты микрогенеза образа // Психологические исследования. М.: МГУ, 1976. Вып. 6. С.136-138.
273. Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии, кн. 89. М., 1907. С. 309-323.
274. Челпанов Г.И. Марксизм и психология. М., 1924. – 24 с.
275. Черниговская Т.В.. Каково это быть камнем? (Субъективная реальность и мозг). Никитский клуб, выпуск 73, М., 2015. – 72 с.

276. Чуприкова Н.И. Проблема материального субстрата психики в свете развития современной нейрофизиологии и смежных наук // Вопросы психологии, 1977. № 1. С. 43-57.
277. Шарден де, Пьер Т.. Феномен человека. М., Айрис-пресс, 2002. – 352 с.
278. Шафрановский И.И. Симметрия в природе. М., 1985. – 256 с.
279. Шмутцер Э. Симметрия в современной физике. М.: Наука, 1974. – 211 с.
280. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление (дополнение). Мн.: Харвест, 2005. – 992 с.
281. Шубников А.В., Копчик В.А. Симметрия в науке и искусстве. М.: Наука, 1978. – 468 с.
282. Шубников А.В. Учение о симметрии как основной метод естествознания // Труды ноябрьской юбилейной сессии АН СССР. Л., 1933. С. 7-24.
283. Шубников А.В. Симметрия и антисимметрия конечных фигур. М., 1951. – 293 с.
284. Шукова Г.В. Об исследовании порождающего процесса речи // Принципы порождающего процесса восприятия. М., 1992. С. 213-222.
285. Шукова Г.В. К проблеме зрительного восприятия величин // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. М.: Институт психологии РАН, Психологический институт РАО.1995. С. 45-52.
286. Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности. Дисс. канд. психол. наук. М., 2000.
287. Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 269-292.
288. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности. – Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. – 127 с.
289. Шумакова Н.Б. Методическое пособие. Часть 1. М., 1994. – 196 с.

290. Щедровицкий Г.П. Философия. Методология. Наука. М.: Изд-во «Шк. Культ. Политики», 1997. – 640 с.
291. Эрдниев П.Я. Взаимобратные действия в арифметике. М.: Педагогика, 1969. – 286 с.
292. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М. – К., 1997. – 437 с.
293. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., АСТ-ЛСТД., 1998. – 400 с.
294. Юнг К.Г. Таинство воссоединения. Минск: ООО «Харвест», 2003. – 576 с.
295. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии, 1999, N2, с. 3 – 11.
296. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Изд. ИП РАН, 2005. – 312 с.
297. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Изд. «Практика», 1997. – 1056 с.
298. Agassi J. The Nature of Scientific Problems and its Roots in Metaphysics. Critical Approach, 1964, p. 189-211.
299. Armstrong D.M. A. Materialist Theory of Mind, London, 1963.
300. Danto A.C. Representational Properties and Mind-Body Identity. – Review of Metaphysics, 1973, vol. XXXVI, N3.
301. Everett H. Relative state formulation of quantum mechanics, Rev. Mod. Phys. 29, 454, 1957.
302. Erismann Th. Die logisch Schliessen der Kinder im Alter von 3 bis 10 Jahren. – Archiv gesamte Psychologie. Bd. 77, Heft 3-4, 1970.
303. Fechner G.Th. On Life after Death. Chicago and London, 1914.
304. Feigl H. The «Mental» and the «Physica»-In: Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Univ. of Minnesota Press. Minneapolis, 1958, vol. II.
305. Hooker C.A. The Information-processing Approach to the Brain-Mind and its Philosophical Ramifications. – Philosophy and Phenomenological Research, 1975, vol. XXXVI, N1, p.1.
306. Korzybski, Alfred, Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics (5th ed) Lakeville, CN: International Non-Aristotelian Library Publishing Co., 1993/1994.
307. Lippman W.C. 19. Public Opinion. N.Y., 1965.

308. Meyer P. Uber die Fehigkeit der Kinder zum logische schliessen. Archiv f. d. gesamte Psychologie. Bd.77, 1930. Heft 1-2.
309. Nagel T. «What is it Like to Be a Bat?», Philisophical Review 4 LXXXIII: 435-450, 1974.
310. Ormian H. Das schlussfolerende Denken des Kindes. – Vien, 1926.
311. Pink Floyd.The Wall / Written by Roger Waters. – Compact disc., 1994.
312. Place U.T. Is Consciousness A Brain Process? – In: Modern Materialism: Readings on Mind-Body Identity. N.Y., Chicago, 1969.
313. Smart J.C. Sensitions and Brain Processes. – In: Modern Materialism: Readings on Mind-Body Identity. N.Y., Chicago, 1969.
314. Wallon H. et Evart-Chmielniski E. Les mecanismes de la memoire en rapport avec ses objets. – Paris, 1951.
315. Weir R.N. Language in the crlb. Hague, 1962.

Нагдян Рубен Михайлович
r.nagdyan@mail.ru

РУБЕН НАГДЯН

ЗАГАДКА ПСИХИКИ

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА

Тираж 100.
Цена договорная.

Պուշկինի 46
Հեռ.՝ + 374(10) 53 96 47, + 374(55) 78 47 87
e-mail; lusabats@netsys.am
lusabatc@mail.ru